КУРТ
РЮКМАН

Сенсация: убийство!

Kurt Rückmann

SCHLAGZEILE MORD

BERLIN 1964

Курт Рюкман

СЕНСАЦИЯ: УБИЙСТВО!

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

И. М. ШРАЙБЕРА

РЕДАКТОР Н. А. ЗАХАРЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва 1965

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Покушение на премьер-министра Цейлона».

«Канадский дипломат выбросился с крыши отеля».

«Выстрелы в доме начальника швейцарской секретной службы».

«Отравление д-ра Мумие — вождя народа Камеруна».

«Датский сотрудник ООН найден мертвым».

«Убийство Патриса Лумумбы».

«Убит ли профессор Галиндес или только похищен?»

«Бандера умер от цианистого калия».

«Вместе с Дёрингом в автомобиле мчалась смерть».

«Президент Кеннеди убит в Далласе!»

Вот десять сенсационных заголовков из мировой прессы последних лет.

Что скрывается за ними?

Кто стрелял, кто подмешал в вино яд, чью волю выполняли преступники?

Были ли названные преступления случайными актами невменяемых субъектов?

Эта книга рассказывает о десяти сенсационных убийствах и их подоплеке. Но с тем же основанием можно было бы поведать о ста, о тысяче и даже о десяти тысячах подобных случаев. Написать не о Соломоне Бандаранаике, а о принце Луи Рвагасоре, премьере государства Бурунди, не о Патрисе Лумумбе, а о министре иностранных дел Лаоса Киниме Фолсене, не о д-ре Мумие, а о вожде ангольской освободительной армии Перейре, не о профессоре Галиндесе, а о депутате греческого парламента Григориосе Ламбракисе, не о канадском дипломате Эгертоне Герберте Нормане, а об американском враче Соблене, не об украинском предателе Бандере, а о словацком коллаборационисте Матусе Чернаке.

Я сообщаю о десяти отдельных случаях. Но они принадлежат к несчетному количеству преступлений, ежедневно со-

вершаемых в капиталистическом мире во имя прибыли. Там, где дело шло о прибыли или об еще большей прибыли, реакция никогда не отличалась разборчивостью в средствах.

Почти сто лет назад Маркс процитировал в «Капитале» знаменитые слова Даннига: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» *.

Как часто с тех пор истинность этих слов жестоко подтверждалась, как часто капитал прибегал к преступлению во имя чистогана. Если капиталист задет за душу, точнее за бумажник, он ни перед чем не останавливается.

Один из героев «Трехгрошового романа» Бертольта Брехта, бизнесмен Пичэм, говорит: «Уж я-то решительный противник убийства! Какое отвратительное варварство! Но бизнес делает его неизбежным. Совсем отказаться от него невозможно. Правда, за убийство полагаются наказания, но за неубийство тоже грозят кары, и притом куда более страшные!»

Если кто-то сочтет это за литературную гиперболу, пусть ознакомится со следующим заявлением американского мультимиллионера Ф. Мартина: «Мы не политики и не ревнители общественной пользы. Мы богачи, Америка принадлежит нам. Мы держим ее в своих руках — одному лишь богу известно, каким образом,— но мы намерены сохранить ее для себя и мы готовы пустить в дело все наши огромные возможности, наше влияние, наши деньги, наши политические связи, наших продажных сенаторов, наших голодных конгрессменов, наших демагогов против любой законодательной акции, любой политической платформы, любой кандидатуры в президенты, которая угрожает незыблемости нашего господства» **.

«Бизнес делает убийство неизбежным», «пустить в дело все что угодно, только бы удержать свои позиции»,— такова их мораль. Надо, впрочем, заметить, что позиции Ф. Мартина

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 770.

** Цит. по кн.: «Мы обвиняем в геноциде», М., ИЛ, 1952, стр. 199.

и ему подобных действительно находятся под угрозой. Им угрожают те, кого они уже давным-давно угнетают, порабощают, грабят.

Еще пятьдесят лет назад мартины с вожделением разглядывали пеструю карту земного шара. Тогда они господствовали повсеместно. Но с тех пор многое переменилось. Теперь одна четвертая часть суши нашей планеты, где живет одна треть ее населения, окрашена на политической карте мира в красный цвет. В другие части этой карты, некогда обозначавшие колонии, ежегодно вносятся все новые коррективы. Да и само слово «колония» употребляется все реже и реже. Банкиры, промышленные магнаты, владельцы латифундий серьезно обеспокоены судьбой своих банков, заводов и поместий, боятся утратить свои привилегии. Не было и нет такого средства, к которому они ни прибегали бы, пытаясь повернуть историю вспять. Одним из этих средств было и остается убийство. Его применяли и применяют мартины в первую очередь против тех, кто систематически выбивает из-под их трона одну опору за другой, против своего главного врага — рабочего класса. Они не скупились на траты, не жалели чужой крови, не брезговали ни расстрелами без суда и следствия, ни расправами, чинимыми по всей форме продажного буржуазного правосудия, ни единичными преступлениями, ни массовыми злодеяниями. Они использовали государственную власть и направляли армию чиновников, полицейских и солдат против тех, кто намеревался сбросить с себя ярмо гнета. Там, где нельзя было действовать «по закону», они прибегали к услугам наемных убийц или целых организаций преступников. И везде, где сохранилась их власть, они по сей день действуют точно так же.

Безудержная жажда все большей прибыли с давних пор толкает империалистов на самые рискованные авантюры. Но даже для авантюр им нужна поддержка народа, и поэтому они неизменно стремятся уничтожать своих противников. В скандально известном новогоднем письме Вильгельма II канцлеру Бюлову говорится: «Сначала перестрелять, обезглавить и вообще обезвредить социалистов, если понадобится, то и с помощью кровавой бани, а затем — война вовне».

Этот варварский рецепт был применен до и во время первой мировой войны и еще гораздо страшнее — двадцать лет спустя, когда фашисты уничтожили миллионы рабочих.

Непомерно велик долговой счет всяческих мартинов — американских и немецких, французских и английских. Имя их жертвам — легион. Вот лишь несколько имен, за которыми стоят имена тысяч и тысяч других рабочих.

В десятилетие, когда разразилась первая мировая война, по их приказу были убиты вождь французских социалистов Жан Жорес, американский рабочий Джо Хилл и немецкие коммунисты Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

В десятилетие после первой мировой войны по их приказу были казнены на электрическом стуле двое американских рабочих — Сакко и Ванцетти — и средь бела дня прямо на улице застрелен видный итальянский профсоюзный деятель Пьетро Ферреро.

В десятилетие перед второй мировой войной по их приказу застрелили «при попытке к бегству» немецкого коммуниста Иоганна Шера и замучили до смерти болгарских рабочих-активистов Войкова и Лютибродского.

В десятилетие, когда над землей полыхало пламя второй мировой войны, по их приказу были убиты Эрнст Тельман, немецкий социал-демократ Рудольф Брейтшейд и руководитель итальянской рабочей молодежи Эудженио Куриело.

В десятилетие после второй мировой войны по их приказу был застрелен бельгийский коммунист Жюльен Лао и заколот кинжалом лидер японских социалистов Инеиро Асанума.

Наконец, в наше десятилетие по их приказу в темнице был замучен Антонио Алонсо, руководитель рабочих Парагвая, и поставлен к стенке испанский коммунист Хулиан Гримау.

Этот страшный перечень можно еще долго продолжать.

В этой книге рассматриваются шесть случаев убийств буржуазных политиков или тесно связанных с ними лиц. Соломон Бандаранаике, Патрис Лумумба, Эгертон Герберт Норман, Феликс Ролан Мумие, Хесус Мария де Галиндес и, наконец, Джон Кеннеди не были выходцами из рабочего класса, не разделяли его мыслей. Выросшие в буржуазной среде или, во всяком случае, жившие в мире буржуазных идей, они все-таки верили в демократию, в человеческое достоинство. Их убеждения и поступки мешали мартинам, сделавшим ставку на насилие, на авантюризм, на войну.

Ленину принадлежат слова о том, что буржуазная законность «неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело

коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности» *.

Когда поток прибылей оскудевает, мартины впадают в ярость и начинают бить вслепую. Они шагают по трупам, не щадя при этом наиболее дальновидных людей из собственных рядов.

Здесь уместно напомнить об убийстве Маттиаса Эрцбергера в 1921 году. В ноябре 1918 года этот буржуазный политик поставил свою подпись под протоколом о перемирии, чем навлек на себя гнев и ненависть сторонников «войны до победного конца» — магнатов военной промышленности и ничему не научившихся солдафонов.

Приблизительно через год был убит министр иностранных дел Вальтер Ратенау, крупный капиталист, один из трехсот людей, правивших Германией. Трезво мыслящий политик, Ратенау понял, как выгодно его стране предложение Советского Союза об установлении торговых отношений. Он подписал Рапалльский договор — и ему пришлось умереть.

В 1934 году по Европе прокатилась новая волна покушений и убийств.

Первой ее жертвой оказался румынский премьер Дука, политик национально-либерального толка, не желавший сближения Румынии с гитлеровской Германией.

В июне из-за угла был убит австрийский федеральный канцлер Дольфус, резко выступавший против аншлюсса — присоединения Австрии к третьему рейху. Убийство совершили эсэсовцы, подручные Кальтенбруннера и Глобочника.

В том же месяце пал от пули убийцы польский министр внутренних дел Бронислав Пиерацкий, высказавшийся против требований нацистов о передаче Германии польских западных земель.

В октябре было совершено покушение на югославского короля Александра I и французского министра иностранных дел Луи Барту. Оба активно отстаивали идею коллективной безопасности, выдвинутую Советским Союзом и завоевавшую популярность не только в широких массах трудящихся, но и среди множества буржуазных политиков того времени. Это двойное убийство организовал нынешний боннский генерал Ганс Шпейдель.

---

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 11.

Накопленный в 1921, 1922 и 1934 годах опыт устранения неугодных политических деятелей пришелся мартинам по вкусу, и в дальнейшем они усердно продолжали придерживаться этого метода.

После 1945 года начался невиданный подъем национально-освободительной борьбы в странах Азии и Африки. Этот некогда надежный колониальный хинтерланд, гигантский резервуар сырья, источник несметных прибылей и дешевой рабочей силы стал уплывать из рук империалистов. Против восставших народов колонизаторы припасли пушки, а против лидеров национального движения — револьвер и кинжал. Кровавый след тянется от Махатмы Ганди в Индии, Аунг Сана в Бирме, Хан Саиба в Пакистане, Фан Куанг Дана в Южном Вьетнаме к принцу Рвагасору в Бурунди, Соломону Бандаранаике на Цейлоне, Патрису Лумумбе в Конго. Если же взяться за перечисление всех жертв террора колонизаторов, то придется назвать еще сотни имен. Ведь сколько убийств совершено ими лишь за последние годы в Анголе и в Конго, в Алжире и в странах Ближнего Востока!

Мартины стремятся избавиться не только от неудобных им политиков. Они боятся и тех, кто еще вчера был исполнителем их воли, слепым орудием в их руках. Соучастники преступлений знают слишком много и своей болтовней могут причинить заправилам капиталистического мира немалые неприятности. В этой книге описано несколько подобных примеров. Пожалуй, наиболее типичны судьбы Степана Бандеры, который мог бы выступить свидетелем обвинения по делу Оберлендера, и Поуля Банг-Йенсена, хорошо знавшего, что доклад ООН о венгерских событиях — сплошная ложь.

Эти два случая не единичны.

В одно декабрьское утро 1954 года подследственный заключенный Вальтер Кемпе был найден мертвым в камере берлинской тюрьмы Моабит. Выяснилось, что его смерть вызвана отравлением цианистым калием. За несколько недель до того Кемпе убил одного ювелира на Курфюрстендамм. Убийцу задержали и посадили в Моабит. Но он заявил следователю, что если против него будет возбуждено уголовное дело, то на суде ему придется выступить с некоторыми разоблачениями. В прошлом Кемпе был сотрудником пятого, то есть политического отделения западноберлинской полиции и ряда важных секретных служб. Он знал много, даже слишком

много и вдобавок совершил убийство, наделавшее немало шума. Проведение открытого процесса представлялось рискованным — Кемпе, несомненно, наговорил бы лишнего. Цианистый калий заставил его умолкнуть навсегда.

Можно привести сколько угодно примеров такого рода — от великосветской куртизанки Розмари Нитрибитт, заведшей форменную картотеку, в которой она регистрировала все подробности любовных похождений боннских воротил, до бывшего генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, чей самолет был сбит над джунглями Северной Родезии по указанию другого прислужника империалистов — Моиза Чомбе.

Понятно, что сами мартины — джентльмены в безупречно отутюженных костюмах и белых перчатках — никогда не брали в руки ампулу с ядом, топор палача или револьвер убийцы. Это делали за них другие, подкупленные ими, вымуштрованные для них креатуры, зачастую организованные в настоящие гангстерские шайки. Мартины вступали в сговор с профессиональными преступниками, заключали с ними сделки, обращенные против прогресса, против его сторонников и поборников.

В 1959 году чиновники уголовной полиции вытащили из реки Перл в американском штате Луизиана труп двадцатитрехлетнего негра Мака Паркера. Пятнадцать «неизвестных» в длинных белых одеяниях линчевали его и бросили в воду. В июне 1963 года в городе Джексоне (штат Миссисипи) выстрелом в спину был убит Медгар Иверс, один из местных руководителей движения за равноправие негров. Это лишь две из более 4 тысяч жертв ку-клукс-клана. Вот уже около ста лет обитатели юга США с ужасом взирают на объятый пламенем деревянный крест. В ночном мраке возникают зловещие фигуры в белых балахонах и глухих капюшонах с прорезью для глаз. Вооруженные револьверами и дубинками, они наводят страх на всю округу, мучают и убивают негров. Все это смахивает на какой-то жуткий средневековый кошмар. Но этот кошмар — не порождение болезненной фантазии, а вполне реальная кровавая действительность. Полиция, шерифы, губернаторы штатов смотрят сквозь пальцы на злодеяния головорезов в белых одеяниях. Они знают, что все это свои люди, выполняющие приказы богачей. Но ведь именно толстосумы, а никак не те, кого вздергивают на виселицу, решают, оставаться ли шерифам и губернаторам на теплых местечках. Да и кроме того, убийцы в средневековых нарядах хотят того

же, чего хотят сами «блюстители законности»: не допустить человеческого отношения к неграм, помешать им добиться гражданского равноправия. Особенно откровенно высказался на этот счет один высокопоставленный полицейский чиновник из штата Джорджия. Он заявил: «Мы хотим, чтобы негры продолжали жить так, как жили в течение последних ста лет».

Когда после многолетней кровопролитной войны в Алжире представители французского правительства вынуждены были приехать в городок Эвиан на берегу Женевского озера, чтобы сесть за стол мирных переговоров, неожиданно был убит мэр Эвиана Камиль Блан. Его уничтожили оасовцы. Они заявили, что этот террористический акт — предупреждение всем, кто сделает хоть один шаг навстречу алжирцам.

Главное орудие и североамериканских расистов и французских оасовцев — кровавый террор. Линчевание, пуля в спину любому неугодному, будь то американский негр или французский демократ, убийства детей, подбрасывание бомб замедленного действия в заводские цехи, в кафе, в автомобили, в квартиры, в письменные столы — таков их образ действий. Во всем этом нельзя не узнать «почерка» СС и гитлеровской террористической организации «вервольф». Нынешние молодчики хорошо усвоили методы, применявшиеся «экспертами по убийствам» — эсэсовцами и гестаповцами, когда-то превратившими весь нацистский государственный аппарат в одну огромную организацию гангстеров. В свое время эти специалисты по массовым убийствам устраивали «ночи длинных ножей» и «кристальные ночи», уничтожали коммунистов и социал-демократов, евреев и христиан, отравляли газами и сжигали узников концентрационных лагерей, расстреливали жителей районов, временно оккупированных фашистской армией, убивали угнанных в Германию рабочих и военнопленных. После 1945 года кое-кто из главных нацистских бандитов попал на виселицу, но в живых остались тысячи и тысячи тех, кто не стояли на верхней ступеньке иерархической лестницы убийц, хотя и старательно обслуживали механизм, уничтожавший миллионы невинных. На первых порах эти уцелевшие убийцы притаились. Они знали, что их снова позовут, и ждать им пришлось совсем недолго. Земельные бароны и промышленные магнаты, в ужасе наблюдая за успехами социализма в целом ряде стран, за неодолимым ростом освободительного движения народов Азии и Африки, вновь прибегли к услугам своих

наймитов, ошибочно полагая, будто таким способом удастся повернуть колесо истории вспять.

Только этим можно объяснить нынешнюю атмосферу в боннском государстве.

Только поэтому Глобке, один из виновников массового уничтожения евреев, оказался высшим чиновником этого государства и первым советником его канцлера. Только поэтому ему удалось объединить вокруг себя негласный кабинет из статс-секретарей, которым надлежало подтвердить лишь одно: свою активную деятельность в рядах нацистской партии.

Только поэтому, когда Глобке все же пришлось уйти, его преемником смог стать опять-таки один из тех, чей жилет тоже весь в коричневых пятнах. Избранником оказался Людгер Вестрик, в личном деле которого, некогда составленном для доклада самому Гиммлеру, записано: «Этот безусловно преданный человек неоднократно разрабатывал ценные рекомендации для рейхсфюрера СС».

Только поэтому боннская дипломатия оказалась укомплектованной организаторами убийств 1934 года, которые и теперь готовы к подобной деятельности, был бы приказ.

Только поэтому в судейских креслах восседают те, кто в свое время приказывал расстреливать сотни и тысячи людей.

Только поэтому убийце Эрнста Тельмана унтершарфюреру СС Вольфгангу Отто позволено обучать детей Гельдерна. Закоренелого нацистского преступника ныне официально аттестуют как отличного учителя, доброго христианина, не пропускающего ни одного богослужения, великолепного органиста и выдающегося знатока библии...

История вынесла капитализму смертный приговор. Но он руками и ногами цепляется за жизнь и любой ценой готов продлить свое существование. Поднявшийся на преступлениях, разжиревший на грабежах и эксплуатации, он пытается с помощью еще больших злодеяний отстоять свои господствующие позиции в мире.

Тщетно! Мир неуклонно идет вперед, а это значит, что с каждым днем все больше крепнут силы прогресса и социализма. И именно они, а не капитализм, стремящийся их уничтожить, определяют облик нынешнего мира.

• И монахи убивают

Ночная встреча в храме

Безмолвная тишина тропической ночи окутала всю округу. На фоне беззвездного южного неба смутно вырисовывалась громада буддийского храма, озаренная бледным светом луны. В просторной молельне дрожащие язычки пламени бесчисленных масляных лампад выхватывали из мрака позолоченную статую Будды. Над изваянием «всеблагого» метались тени. Из поблескивающих чаш, клубясь, поднимались тонкие струйки дыма, разносившие одуряющий аромат.

На гладком, как зеркало, полу сидели монахи в шафраново-желтых одеяниях и монотонно бормотали молитвы. Настоятель монастыря, верховный жрец Мапитигама Буддаракита Теро, смиренно преклонив колени перед статуей, тихо и напевно взывал к богу. Время от времени кто-то из монахов ударял в большой гонг, и всякий раз, когда своды храма оглашались его глухим, отрывистым звучанием, голоса монахов становились громче. То было хвалебное полуночное песнопение во славу Будды в одном из самых больших и роскошных храмов Цейлона — Келанийском храме, расположенном в каком-нибудь десятке километров от Коломбо.

Массивные бронзовые врата, отделяющие двор храма от молельни, были распахнуты. У самого входа, прислонившись к стене, стоял мужчина, чья европейская одежда совсем не подходила к обстановке. Богослужение явно не интересовало его. Он то и дело нетерпеливо посматривал на свои золотые наручные часы. Затем — в какой уже раз! — переводил на коленопреклоненного настоятеля монастыря взгляд, выражавший крайнее нетерпение и как бы говоривший: «Да кончай

же наконец этот балаган. Сам знаешь, как дорога каждая минута!»

Едва различимый в темноте смуглый цвет лица выдавал в нем цейлонца.

Мягкий теплый ветер слегка шевелил листву старой смоковницы, росшей у входа в храм. В серебристом свете луны и само дерево, и тень от него казались призрачными. По преданию, под таким же деревом лежал Будда, когда на него снизошло озарение.

Человек в европейском костюме обернулся, рассеянно поглядел на священное дерево и затем вновь уставился на светящийся циферблат своих великолепных часов.

Наконец Буддаракита возвестил об окончании молитвы. Он неторопливо встал на ноги и с достоинством зашагал к вратам. Поднялись и монахи. Они отвесили верховному жрецу низкий поклон и один за другим покинули храм. Затем, недолго постояв у ворот, они разбрелись в разные стороны.

Мапитигама Буддаракита Теро был коренастым человеком средних лет, но одутловатое лицо и коротко подстриженные волосы сильно старили его. Поравнявшись с пришельцем, он прошипел:

— Зачем вы встали у входа? Вы ведь помните об условленном месте встречи!

Тот едва заметно поклонился и насмешливо пробормотал:

— Я крайне тороплюсь, досточтимый учитель.

— Следуйте за мной до аркады,— проговорил верховный жрец,— но держитесь на должном расстоянии.

Оказавшись в тени белой мраморной колонны, Буддаракита остановился.

— Покорно прошу больше не делать этого! — раздраженно сказал он.— Среди монахов есть крайне недоверчивые людишки. Объяснить им причину подобных ночных визитов довольно трудно.

— Мне хочется хоть разок поговорить с Сомарамой.

— Вы с ума сошли! — испуганно воскликнул настоятель.— Сомарама не должен видеть вас. Он и так знает больше чем надо, а вам и этого еще мало: хотите, чтобы он лично перезнакомился со всеми людьми нашего круга.

Послышалось шлепанье босых ног. Через дворик шел рослый монах. Луна освещала его изможденное лицо аскета. Костлявыми пальцами он перебирал четки.

Буддаракита вышел из тени.

— Сомарама,— негромко позвал он.

Монах поклонился ему до земли.

— Высокочтимый учитель, вы позвали меня, недостойного?

— Ты все хорошо подготовил, Сомарама?

Человек в европейском костюме, стоявший за колонной, заметил, как перекосилось лицо Сомарамы. «Какой-то безумец»,— подумал он.

— Ты готов? — снова спросил верховный жрец.

— Я готов,— ответил монах.

Буддаракита удовлетворенно кивнул.

— Тогда ступай к себе в келью и молись Будде. Да поможет он свершению твоего замысла.

Сомарама отвесил поясной поклон и безмолвно удалился.

Буддаракита вернулся в тень.

— Ну, что вы скажете о нем? Выполнит он мой приказ или нет? — лицо жреца расплылось в самодовольной улыбке.

Его собеседник ухмыльнулся:

— Великолепно! Но как вам удалось его убедить? Ведь ваша религия запрещает убивать человека.

Буддаракита пожал плечами.

— Опиум,— сказал он после паузы.— Сомарама сделает все по велению того, кто даст ему опиум. Он наркоман, а я регулярно снабжал его этим ядом.

Оба тихо рассмеялись...

У красотки Вималы

Немного спустя тяжелый черный лимузин выехал на шоссе и покатился в сторону столицы. За рулем сидел все тот же мужчина в европейском костюме. Буддаракита разместился на заднем сиденье. Если бы монахи увидели своего учителя теперь, они были бы поражены. Богобоязненный верховный жрец, представавший перед ними только в желтом одеянии священнослужителя, преобразился в элегантного господина с дорогой сигарой в зубах. Свою стриженую голову он прикрыл париком.

— Пожалуйста, поскорее,— обратился он к своему спутнику, сидевшему за рулем.— Я изрядно проголодался и непрочь выпить виски.

— Слуга Будды может принимать пищу только дважды в сутки,— с иронической наставительностью ответил тот.— И притом есть он должен ровно столько, чтобы едва утолить голод. А после полудня он и вовсе не смеет прикасаться к еде. Его ложе — голый пол, его единственное одеяние — желтая тога. Вам это известно?

— Бросьте ребячиться, не мальчик ведь. К тому же мои взгляды вам хорошо известны. Разве может быть жизнь в радость без женщин и мягкой постели, без виски и сочного бифштекса?

— Потому-то я и не стал жрецом.

— И это говорите вы, примерный католик! Если бы так рассуждали все, то в монастырях, и наших и католических, остались бы только фанатичные ревнители религиозных верований, которым вообще не было бы никакого дела до политики. Жрецы утратили бы весьма значительную часть своего влияния. Так-то, мой юный друг.

Слушая верховного жреца, молодой человек, сидевший за рулем лимузина, несколько раз кивнул. Все это он и сам хорошо знал.

Машина свернула на улицу, застроенную виллами и обсаженную вдоль тротуаров красавицами пальмами. Водитель затормозил у ограды одной из вилл, трижды включил и выключил свет фар и заглушил мотор.

— Приехали,— сказал он.

Их уже ожидали: после третьей вспышки фар от ворот виллы отделилось двое. Они распахнули дверцу лимузина, подобострастно поклонились верховному жрецу и повели его через сад, в который не проникал ни один луч света, к высокому особняку с плотно зашторенными окнами. Спутник Буддаракиты следовал за ними на расстоянии нескольких шагов.

Отворилась парадная дверь, и из помещения донесся нестройный приглушенный хор голосов. Прибывшие вошли в большой холл, посредине которого стоял невысокий стол, уставленный изысканными блюдами.

Ослепленный яркой люстрой, Буддаракита ненадолго задержался в дверях. Затем, привыкнув к свету, осмотрелся и одобрительно кивнул.

— Хелло! — бросил он присутствующим и, не дожидаясь ответного приветствия, опустился в кресло с явным намерением сразу же приступить к трапезе.

С жадностью набрасываясь на очередное блюдо, он разглядывал присутствующих, которых не только хорошо знал, но и даже называл своими друзьями. Ему давно уже было ясно, что их объединяет только чувство страха и ненависть. Они смертельно боялись новой жизни на Цейлоне, боялись лишиться своих привилегий, полученных от англичан, которым помогали грабить и угнетать своих же соотечественников. Вполне естественно, что вся их ненависть сосредоточилась на человеке, который, как им казалось, стал живым воплощением новых тенденций. Этим человеком был премьер-министр Соломон Бандаранаике...

Здесь, на фешенебельной вилле, собралось довольно пестрое общество. Худощавого господина, сидевшего напротив настоятеля монастыря, звали Даханаяке. Он занимал пост министра просвещения в кабинете Бандаранаике и сам был непрочь стать премьером. Наглый политический авантюрист, он не останавливался ни перед чем ради усиления своей власти и своего влияния. Говорили даже, что он ухитрился перебывать в каждой из двадцати двух существовавщих на Цейлоне партий.

Рядом с министром просвещения сидел человек, слывший одним из богатейших даже среди богачей острова. Стэнли де Цойса и в самом деле был необыкновенно богат, и это обстоятельство обеспечивало ему в прежние годы немалое политическое влияние. Но об этом некогда всесильном богаче нельзя было сказать, что у него все в прошлом: и теперь он еще оставался достаточно могущественной фигурой. А занимаемый им пост министра финансов в правительстве Бандаранаике не мешал ему доверительно сообщать в интимном кругу друзей, что он помогает англичанам, не забывая, разумеется, и о себе.

Стэнли де Цойса негромко беседовал со своим братом Сиднеем, который незадолго до того по его протекции был назначен заместителем начальника полиции. Сидней был еще молод и очень хорош собой. Газеты Коломбо не раз писали о его любовных похождениях, зачастую приводивших к громким скандалам, о которых подолгу судачили в столице.

Владелец черного лимузина, доставивший сюда Буддаракиту, был третьим из братьев де Цойса. Ричард (а в кругу друзей просто Дикки) не занимал никакого официального поста и называл себя лишь бизнесменом. Правда, его аферы принесли ему более чем сомнительную славу, и представители дело-

вых кругов старались обходить его издалека, заранее зная, что в схватке с Дикки им не сдобровать. Даже американцы и те считали его способным обвести вокруг пальца самого прожженного биржевика с Уолл-стрита.

Довольно странно выглядел в этом обществе широкоплечий мужчина, чем-то напоминавший завсегдатая парижского кафе, облюбованного экзистенциалистами. Его лицо обрамляла курчавая бородка заправского моряка, полурасстегнутая спортивная рубашка приоткрывала волосатую грудь, на шее болталась цепочка с амулетом.

«Хоть бы сюда явился прилично одетым»,— с досадой подумал Буддаракита. Этот тип с поистине бычьей физиономией — его звали Осси Кореа — был опасным преступником, членом крупной шайки контрабандистов, промышлявшей опиумом. Однако официально он числился одним из руководителей религиозной организации «Католическое действие», чья деятельность направлялась и финансировалась мистером Джеймсом Грином и его коллегой Уильямом Флемингом, распорядителями так называемого Азиатского фонда США на Цейлоне. Таким образом, Осси Кореа фигурировал как представитель американских интересов.

Длинный и тощий гость, нервно выкуривавший одну сигарету за другой,— подполковник Джизудэйсон — исполнял обязанности директора английской фирмы «Кэтсон Камбербэтч». Он был одним из командиров «добровольческого корпуса», сформированного английскими офицерами. Кроме того, Джизудэйсон играл видную роль в Союзе защиты британских интересов на Цейлоне — организации, учрежденной сразу же после прихода к власти правительства Бандаранаике и открыто выступавшей против последнего.

Г-жа Вимала Вийевардене, или просто красотка Вимала, как ее обычно называли, выступала в роли хозяйки дома. Правда, с первого же взгляда было видно, что красота ее наполовину отцвела. Но судя по всему, светская львица не слишком страдала от этого. Издавна она научилась весьма искусно пользоваться своими чарами. Любовные связи с богатыми покровителями были вехами на ее пути к успеху. Теперь, когда она добралась почти до самой вершины социальной лестницы, причины ее участия в заговоре против Бандаранаике представлялись не вполне ясными. Поговаривали, будто ей хочется свести с премьером какие-то личные счеты.

Буддаракита пристально посмотрел в плоское, слегка уже расплывшееся лицо этой женщины. Она ответила ему страстным взглядом. Жрец в парике был явно доволен собой: Вимала Вийевардене, министр здравоохранения, по сути первая женщина Цейлона, принадлежала ему, слушалась его во всем: и в политике, и в любви. Но и он был одним из самых влиятельных людей в стране.

Буддизм играет в жизни островитян очень большую роль, определяет мысли и поступки множества людей. А Мапитигама Буддаракита Теро был верховным жрецом самого известного, самого богатого буддийского храма на Цейлоне. И все же его власть зиждилась не на высоком духовном сане, а на огромном личном состоянии.

Некогда он поддерживал Бандаранаике, ибо тот пользовался симпатиями народа. За это премьер был благодарен верховному жрецу, и Буддаракита полагал, что сумеет использовать главу правительства в своих политических и узколичных интересах. Но его постигло сильнейшее разочарование. Набожный буддист, Соломон Бандаранаике решительно настаивал на соблюдении священнослужителями всех религиозных обетов и никоим образом не допускал темных финансовых и политических махинаций под прикрытием желтой тоги. Этого Буддаракита не мог ему простить. Слыханное ли дело, чтобы жрец был только жрецом! А бизнес — крупный и мелкий? А политика?.. После недолгих колебаний он примкнул к заговорщикам, которым без обиняков заявил: «Я сделал его премьером, я же могу позаботиться о том, чтобы его убрали...»

Лишь после того как Буддаракита, наевшись вдоволь, вытер салфеткой лоснившиеся от жира губы и отвалился от стола, министр просвещения Даханаяке решился задать ему вопрос:

— Как идут ваши приготовления?

— Отлично,— не без самоуверенности ответил Буддаракита.— Надеюсь, и вы подготовили все должным образом.

Затем, переведя взгляд на Сиднея де Цойсу, добавил:

— Особенно большие надежды я возлагаю на вас.

Первый ловелас Коломбо небрежно кивнул.

Затем Буддаракита обратился к Даханаяке.

— Господин министр! — Готов ли список членов правительства?

— Да, намечены все посты, вакантной осталась только должность министра экономики. Может, предложить ее Дикки?

Ричард де Цойса скривил губы и отрицательно покачал головой.

— Я не рожден для большой политики. Мои интересы относятся совсем к иной сфере.

Тем временем Сидней де Цойса развернул на столе большую карту Коломбо и начал докладывать...

Все это напоминало совещание в генеральном штабе. Каждый говорил о задаче, которую ему предстояло выполнить, о необходимых приготовлениях...

Первые лучи солнца уже осветили кроны пальм, когда верховный жрец торжественно встал и заявил:

— Леди и джентльмены! Завтра в точно назначенное время начнется акция. Поднимаю бокал за успешный исход нашего дела!

...Гости покинули дом Вималы Вийевардене, остался только Буддаракита.

Он медленно подошел к креслу, в котором сидела Вимала, и поцеловал ее руки. Она привлекла его к себе...

Убийство

Бандаранаике жил на Росмэд Плейс, одной из тихих, зеленых улиц Коломбо.

Утром 25 сентября 1959 года, как всегда, у ворот виллы премьер-министра, который значительную часть государственных дел рассматривал и решал у себя дома, сменился часовой. Охрана его резиденции носила чисто символический характер. Уже три года Бандаранаике возглавлял кабинет Цейлона, и на протяжении всего этого времени любой гражданин мог в установленный час свободно пройти к нему. Вот почему и в этот сентябрьский день часовой видел свою задачу только в том, чтобы укрыться в тени раскидистой пальмы от солнца, нещадно палившего с самого утра.

На прохладной веранде, служившей приемной, терпеливо ожидала своей очереди группа посетителей. Несмотря на ранний час, премьер уже успел принять нескольких граждан. Теперь он беседовал с учителем, по имени Гунератне.

Дверь отворилась. Глава правительства, рослый, статный мужчина с резко очерченным профилем, вежливо проводил

гостя до дверей и приветливо улыбнулся ожидавшим. Тут он обратил внимание на трех, одетых в ярко-желтые одеяния монахов, которые, бормоча молитвы, перебирали четки. Двое стояли вплотную друг к другу, третий держался чуть поодаль. По буддийскому ритуалу премьер-министр сложил ладони и, подойдя к двум ближайшим к нему монахам, почтительно им поклонился. Затем повернулся к третьему, не заметив, что его плечо закрыто тогой. Это было необычно: правое плечо монахов всегда обнажено — символ готовности к лишениям и отказа от земных благ.

В момент, когда Соломон Бандаранаике собирается отвесить поклон и ему, монах срывает с себя ткань. В его руке пистолет, и он стреляет — четыре, пять, шесть раз...

Одна из пуль задевает учителя Гунератне, а премьер Цейлона тяжело ранен.

На мгновение Бандаранаике застывает на месте и в ужасе смотрит на монаха. Затем с перекошенным от боли лицом, шатаясь, бредет в дом. За ним тянется кровавый след.

Покушавшийся пытается спастись бегством, но тщетно. Тишину снова разрывает выстрел. Раненный пулей часового, монах падает.

Все произошло в считанные секунды. Посетители ошеломлены, парализованы. Лишь когда на веранду выбегает помощник премьера и, истерически крича: «Доктора! Скорее доктора!» — бросается к телефону, все начинают понимать, что̀ случилось.

Один из двух монахов, которым поклонился Бандаранаике, подбегает к упавшему убийце и восклицает:

— Что ты натворил, негодяй! Будда запрещает убивать живое существо, а ты стрелял в нашего друга.

В исступленной ярости он принимается топтать стонущего Сомараму.

— Ты не слуга Будды! Ты осквернил бога!..

Меж тем солдаты охраны оцепляют веранду и оттесняют присутствующих в угол. Кто-то с трудом оттаскивает разбушевавшегося монаха от Сомарамы. Два солдата становятся около распростертого на полу убийцы, с ненавистью смотря на него. Начальник охраны премьера обыскивает Сомараму, тщательно завертывает пистолет — орудие убийства.

Внезапно к вилле подкатывают и резко тормозят несколько автомобилей. Из первой машины выскакивает заместитель

генерального директора полиции Сидней де Цойса. Не оглядываясь, он быстро направляется к вилле, взбегает по ступенькам веранды. За ним следуют полицейские в штатском.

Красавец Сидней симулирует величайшую взволнованность. Не дожидаясь рапорта начальника охраны, он резко бросает:

— Надеюсь, вы тут ничего не трогали! Следствием займется полиция.

Сомарама кое-как поднимается на ноги и боязливо косится на де Цойсу. Тот приказывает полицейским:

— Немедленно доставить его в мой служебный кабинет. Без меня к допросу не приступать.

— Где пистолет и поставлен ли он на предохранитель? — спрашивает один из чиновников, оглядывая солдат.

— Вот он,— отвечает начальник охраны и осторожно извлекает оружие из тряпки.

Но заместителя генерального директора полиции оружие сейчас мало интересует, его внимание приковано к посетителям, охраняемым солдатами.

— Что за люди? — спрашивает он.

— Это свидетели, которые все видели своими глазами.

— Свидетели! — иронически повторяет де Цойса.— Что еще за свидетели?

И тут же, обращаясь к рядом стоящему инспектору полиции, отдает распоряжение:

— Позаботьтесь о том, чтобы все они исчезли. Незачем нам выслушивать десять раз одно и то же.

Инспектор, подробно разглядывающий пистолет Сомарамы, недоуменно поднимает глаза. Его начальник нарушает элементарные правила криминалистики! Ведь еще во время стажировки ему без конца твердили, что прямые свидетели в большинстве случаев могут дать важнейшие показания о мотивах преступления, о самом преступнике и что поэтому их следует немедленно допрашивать.

— Но позвольте, ведь это же прямые свидетели, очевидцы случившегося! — невольно вырывается у инспектора.

Де Цойса начинает злиться.

— Они нам ничем не помогут. Состав преступления и без того предельно ясен. Выпроводите их всех.

Инспектор пожимает плечами, отдает распоряжение нижним чинам и снова углубляется в исследование пистолета. Он

вынимает обойму, смотрит на оставшиеся патроны и вдруг многозначительно свистит.

— Разрешите доложить,— обращается он к заместителю генерального директора полиции.— Пистолет американского происхождения. Однако существенно не это. Патроны к нему взяты со склада боеприпасов нашей полиции.

Лидер нации

С быстротой молнии облетела столицу весть о покушении на Бандаранаике. На улицах собирались группы взбудораженных горожан, разгорались жаркие споры. Люди со страхом ждали очередных сообщений о состоянии здоровья премьер-министра. В эти тяжелые часы тысячи и тысячи цейлонцев поняли, что убийца целился не только в лидера нации, что он метил и в «тропу к счастью», как называл Бандаранаике свою политику. Инспираторы убийства видели, что многие, по их мнению даже слишком многие, были готовы следовать за Бандаранаике по этой «тропе».

Разгневанные жители Коломбо, даже не имея пока что никаких доказательств, догадывались, кто направил руку преступника. И не удивительно, что в эту злополучную пятницу все вспоминали жизнь Соломона Бандаранаике. Любой из этих взволнованных прохожих мог бы многое поведать о нем.

Держали ли вы — примерно так начал бы он свой рассказ — когда-нибудь в руках рекламный проспект английского бюро путешествий? Цейлон превозносится в нем как некий «тропический рай», как «жемчужина Индийского океана», как «остров богов». Да, богатые иностранные снобы упивались красотами нашего острова. Они видели только прямые как стрела, обсаженные пальмами роскошные улицы центральной части Коломбо. Они останавливались в отеле «Гол-фэйс» и барахтались в пенистых волнах океана, омывающих золотые пляжи. Бронзовые лица цейлонцев, их белоснежные одежды, пышная зелень смоковниц, ни с чем не сравнимый по аромату и вкусу цейлонский чай — разве все это не экзотика?

О да, наш остров — сущий рай. Но для кого? Взгляните вон туда. Видите большие белые здания? Это так называемый Форт, деловой район Коломбо. Там все еще размещены конторы «Истерн бэнк», «Гриндлейз бэнк», «Кэтсон Камбербэтч», «Шелл компани» и «Стандард вакуум». Для их хозяев

Цейлон все еще оставался раем, потому что они владели всем — городом, страной, морем; им принадлежали кокосовые пальмы, чай.

На Цейлоне выращивается прекраснейший чай. Но выгоду из него — прибыли в миллионы фунтов стерлингов — извлекали только англичане. Они владели, да и теперь еще владеют, самыми крупными, самыми лучшими плантациями. Но известно ли вам, что почти одна треть людей, которые засевают эти плантации и собирают чайный лист, не умеют ни читать, ни писать? Известно ли вам, что англичане намеренно превращали в пустоши отличные земли и заботились только о выращивании чайного листа и каучукового дерева? Проезжая через районы джунглей, вы увидите то тут, то там так называемые «полуджунгли» — заброшенные пахотные земли. Да, англичане превратили нашу родину в свой аграрный придаток, а мы между тем ввозим две трети необходимого нам риса. Или, например, зайдите в рыбную лавку. Знаете, почему там такие высокие цены? Да потому, что морскую рыбу мы покупаем у японцев и англичан, хотя океанские просторы вокруг нашего острова буквально кишат ею...

Вот каким был Цейлон — колония «британской короны», «остров богов», «тропический рай». То был рай для англичан.

Именно против этого боролся Соломон Бандаранаике. Он жаждал независимости для своего народа, хотел освободить родную страну от жестокого гнета чужеземцев. И если 4 февраля 1948 года англичане вынуждены были дать его родине статус доминиона, то это далеко не в последнюю очередь объяснялось его личными усилиями.

Сам Бандаранаике ни разу не пострадал от английского террора, не жил в страхе перед угрозой ареста или экзекуции треххвосткой из кожи бегемота. Его отец, советник губернатора Цейлона, имел дворянский титул, пожалованный ему английским королем. Английская пресса превозносила этого человека как образец некоего синтеза европейского и азиатского образа жизни. Сын должен был пойти по стопам отца. Юношу отправили в Оксфорд для получения «истинно английского» образования. Там он должен был научиться воспринимать мир на английский лад. Пожелай он служить англичанам, ему была бы обеспечена блестящая карьера. Но те, кто послал его в Оксфорд, просчитались. В первый же день своего возвращения на родину Соломон Бандаранаике надел саронг

и баньян — подобие узкой юбки и длинной рубахи, традиционную национальную одежду цейлонцев. Свои европейские костюмы он сжег.

— Я больше не сын своего отца,— это были первые его слова, произнесенные на родной земле.

Чувство огромной национальной гордости и самолюбия жгло сердце молодого Бандаранаике, и вскоре он стал «бунтовщиком». На первых порах колонизаторы не обращали на него внимания, полагая, что имеют дело с одиночкой. Но у этого «сумасброда» с каждым днем появлялись все новые и новые приверженцы, и англичане постепенно осознали, что на карту поставлено их господство, а следовательно, и прибыли. Сначала они попробовали подкупить «молодого смутьяна». Все-таки ведь он воспитан в английском духе, рассуждали они, и поэтому невозможно, чтобы он питал презрение к деньгам. Но когда неподкупность Бандаранаике перестала вызывать сомнения, когда могучая волна освободительных устремлений народа поднялась настолько высоко, что, казалось, вот-вот прорвет плотину колониального господства, они прибегли к иному средству.

В то время Бандаранаике принадлежал к Объединенной национальной партии, которая в момент основания провозгласила лозунг: «Долой иностранный контроль!» Но в руководстве этой партии верх взяли прислужники колонизаторов — «сэр Джон» Котелавала, крупный землевладелец, подобно Бандаранаике старшему, произведенный английской королевой в дворяне, и цейлонский аристократ Дадли Сенанаяке.

«Дружба» с этими господами обходилась англичанам недешево, но они не скупились. После инсценированных выборов 1948 года они посоветовали Дадли Сенанаяке, формировавшему первый «независимый» кабинет, предложить Бандаранаике какой-нибудь министерский портфель. По их мнению, это было вернейшее средство заткнуть рот ставшему опасным для них патриоту.

Образование первого цейлонского правительства не повлекло за собой никаких существенных перемен в жизни острова. Как и прежде, англичане продолжали наживаться на его богатствах. В этом с ними соперничали американцы, тоже пустившие здесь глубокие корни. Как и до 4 февраля 1948 года, тон во всем продолжали задавать иностранцы, простые же цейлонцы по-прежнему голодали.

Неожиданно в западных столицах Цейлон стали называть не только «тропическим раем» и «островом богов», но и «оплотом свободного мира», «связующим звеном» между Арабским Востоком и Юго-Восточной Азией, между Европой и Австралией. Западные обозреватели стали доказывать: поскольку остров расположен неподалеку от Африки и в непосредственном соседстве с Индией, Западу следует его использовать как своеобразный «авианосец», навечно вставший на якорь в Индийском океане, как «азиатский Гибралтар против коммунизма».

Но мы, цейлонцы, не желали быть ни голодными обитателями «острова богов», ни экипажем авианосца. Нам хотелось наконец поесть досыта, взяться за решение своих проблем, не испрашивая на то позволения англичан. И мы знаем, что в странах, где к власти пришли коммунисты, песенка колонизаторов спета, знаем, что эти страны быстро идут вперед.

Тогда, в 1948 году, мы были еще неопытны, понятия не имели о том, на какие избирательные трюки способны англичане. Но мы уже не верили их обещаниям, и когда в 1956 году подошел срок новых выборов, мы хорошо понимали, что ни в коем случае не должны снова отдавать свои голоса кандидатам Объединенной национальной партии.

В 1951 году Бандаранаике основал Цейлонскую партию свободы. В ходе избирательной борьбы она действовала вместе со всеми прогрессивными силами страны. Поддерживали ее и коммунисты. Этот блок выступал за мир, прогресс и нейтралитет. Того же требовал и весь народ, а Бандаранаике доказал нам, что не дает пустых обещаний. Поэтому он и стал главой правительства.

Первым делом он провозгласил нейтралитет Цейлона. Существование же английских военных баз на острове было несовместимо с самой идеей нейтралитета, и в 1956 году английскому правительству пришлось пойти на ликвидацию таких баз в Тринкомалее и Катунаяке. Это положило конец разговорам о «западном авианосце» в Индийском океане.

Бандаранаике объявил о желании установить нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с социалистическими. Это явилось тяжелым ударом по колонизаторам, которые любой ценой стремились и впредь сохранить контроль над экономикой Цейлона, накрепко привязав ее к своей колеснице. Не знаю, обратили ли вы внимание на множество

красно-белых бензоколонок в нашем городе. Это, так сказать, символы могущества британской компании «Ройял датч шелл» и американских концернов «Стандард вакуум» и «Кальтэкс». Поскольку у нас нет ни капли собственной нефти, то по части снабжения бензином и смазочными маслами, не говоря уже о ценах на эти продукты, мы всецело зависели от них. Но что получится, если Цейлон начнет закупать нефть, скажем, в Советском Союзе?..

Окончательно эти господа потеряли голову, когда Бандаранаике обнародовал свой план внутриполитических реформ и сразу же начал претворять его в жизнь. К установлению государственного контроля над всей системой просвещения они отнеслись довольно равнодушно: это не могло уменьшить их прибылей. Но национализация важнейших отраслей промышленности, а вместе с ними чайных и каучуковых плантаций, принадлежащих иностранцам, заставила их зашевелиться. Ведь даже в бытность Бандаранаике премьером им удалось перевести из Цейлона за границу 185 миллионов рупий.

Сами-то они, конечно, не взялись за оружие, о нет! И бомбы собственноручно не закладывали. На то существуют наемники, которым и велено было «доказать народу», будто правительство не способно обеспечить спокойствие и порядок.

Стремясь спровоцировать «брожение», реакция ухватилась за так называемую языковую проблему. На Цейлоне живут две группы населения: около шести миллионов сингалезцев и примерно два миллиона тамилов. У каждой из этих этнических групп свой язык, свои религиозные верования. Сингалезцы привержены буддизму, тамилы почитают индийского бога Шиву. Селения тамилов расположены в гористых районах, где условия существования и труда очень тяжелы. Поэтому многие из них перекочевали в города, где научились говорить по-английски. В ходе избирательной кампании Бандаранаике выступил за отмену английского языка как языка официального, считая подобную меру важным шагом на пути к освобождению от колониального господства. Став премьером, он при поддержке буддистской верхушки заменил английский язык сингалезским. Однако большинство сингалезских служащих не знало родного языка. Бывшие господа сумели натравить националистически настроенных сингалезцев на тамилов. К нашему великому стыду, сингалезцы и тамилы, вместо того чтобы объединиться против колонизаторов, ополчи-

лись друг на друга. Да, именно так и случилось. Возникли беспорядки, даже пролилась кровь. Бандаранаике пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы утихомирить разгоревшиеся страсти. Он сам вскоре понял ошибочность своего шага. Правительство постановило впредь обучать тамилов сингалезскому языку, а сингалезцев — тамильскому.

Волнение в стране улеглось, но реакция не успокоилась и стала замышлять новые заговоры. Вскоре нашелся подходящий повод.

Министр сельского хозяйства Филипп Гунавардене, человек умеренных левых взглядов, внес на рассмотрение парламента законопроект о создании кооперативного банка, призванного облегчать крестьянам покупку земли и помогать им объединяться в сельскохозяйственные товарищества. Речь шла о довольно скромной, но все же прогрессивной мере, ибо до тех пор вся система кредитования находилась в руках английских банков, которые никогда еще не предоставляли цейлонскому крестьянину денежных ссуд. Короче говоря, Гунавардене посягнул на интересы монополистов кредита. Реакционеры ринулись в атаку. Они обвинили правительство в намерении «насаждать коммунизм», все громче и настойчивее требовали отставки Гунавардене. Бандаранаике растерялся. Полагая, что глава правительства должен стоять над партиями, и испытывая давление правых, называвших его «пленником коммунистов», он начал шаг за шагом отступать и, в частности, дал согласие на отставку Гунавардене. Это была еще одна ошибка нашего премьер-министра. Вместо того чтобы искать себе союзников в народе, он пытался умиротворить тех своих противников, которые некогда принадлежали к числу его политических друзей.

В мае 1959 года, выступая в последний раз перед отставкой, Гунавардене заявил: «Я предостерегаю вас. Против вас существует широко разветвленный заговор. Правые элементы готовят государственный переворот. К заговору причастен ваш министр финансов Стэнли де Цойса — человек, которому вы доверяете больше всех. Меня ничуть не трогает, что я выхожу из правительства. Но вас я прошу, будьте осмотрительны, следите за каждым своим шагом».

Эта речь оказалась пророческой. Реакционеров беспокоил не столько законопроект Гунавардене, сколько общий политический курс Бандаранаике. Поскольку наш глава правитель-

ства радел о благе цейлонцев, а не о прибылях англо-американцев и хотел двигаться дальше по «тропе счастья», он был помехой колонизаторам и многим своим богатым соотечественникам.

Так что, как видите, не столь уж трудно догадаться, кто именно подготовил гнусное покушение, совершенное 25 сентября.

Белый цвет — цвет траура

На город опустилась душная тропическая ночь. Но не духота выгнала людей на улицы. В переполненных ресторанах у приемников сгрудились посетители. Другие стояли перед зданиями редакций «Таймс оф Цейлон» и «Ассошиэйтед ньюспэйперс». Все ждали сообщений из больницы.

«...Пациента оперировали опытные хирурги. Они извлекли четыре пули: три из полости живота, одну из правого предплечья. Операция длилась пять часов. Хотя больной перенес ее хорошо, состояние его по-прежнему внушает опасения».

Это сообщение было передано около полуночи. Затаив дыхание, люди тревожно ловили каждое слово, снова и снова проклиная Сомараму. Где бы в этот час ни появлялся какой-нибудь монах, его встречали с неприкрытой ненавистью, грозили кулаками. Атмосфера накалилась до предела.

Рано утром радио Коломбо объявило: «...Есть все основания надеяться, что жизнь Бандаранаике удастся спасти. Премьер-министр не теряет сознания...»

Город облегченно вздохнул, но в наступившей разрядке прошло незамеченным другое важное известие, будто премьер-министр попросил генерал-губернатора сэра Оливера Гунетиллеке позаботиться о спокойствии и порядке, «используя в случае необходимости войска», и будто тяжелораненый Бандаранаике призвал «обойтись милостиво с человеком, который в ослеплении поднял на него руку, и не преследовать его».

Обрадованные вестью о возможном спасении жизни премьер-министра, цейлонцы не придали этому сообщению большого значения.

Когда солнце взошло над Коломбо, на улицах все еще было полно народу. Но выражение тревоги на лицах усилилось. Последние сведения из больницы звучали крайне тревожно.

И наконец, в восемь часов утра по радио раздался скорбно-торжественный голос диктора: «Сегодня, двадцать шестого

сентября, в семь часов сорок пять минут скончался от полученных ранений премьер-министр нашей страны Соломон Бандаранаике...»

Все движение в городе замерло. Дома столицы стихийно превратились в своеобразные мемориальные сооружения. Везде были вывешены портреты Бандаранаике, окаймленные белым траурным крепом. Из окон свисали белые флаги. Такси, автобусы и даже велосипеды украсились белыми вымпелами и флажками. Ворота больницы распахнулись, и горожанам был открыт доступ к телу усопшего. Люди плакали и, благоговейно склоняясь перед гробом, осторожно дотрагивались до рук покойного премьер-министра, целовали их.

Через Форт, а затем и через весь город потянулись шествия. Демонстрантами, поначалу настроенными на спокойно-торжественный лад, постепенно стал овладевать гнев. То тут, то там скандировались слова протеста, над толпой поднимались наспех написанные транспаранты с требованием строго наказать убийцу и тех, кто стоит за его спиной. Все чаще слышалось: «Убийце Бандаранаике — смертную казнь! Восстановить высшую меру наказания!» Многие хорошо понимали: мерзавцы стреляли не просто в премьера, они осмелились открыть огонь по его политике. «Вперед по тропе счастья, указанной Бандаранаике!» — скандировали сотни голосов.

Между тем во всех ключевых пунктах города были расставлены вооруженные до зубов наряды полиции. Об этом распорядился генерал-губернатор сэр Оливер Гунетиллеке, лицемерно заявивший, что он лишь выполняет пожелание «дорогого всем нам усопшего».

К порталу губернаторского дворца подъехал черный роллс-ройс, эскортируемый полицейскими...

Несколько часов спустя радио сообщило: «Сегодня сэр Оливер Гунетиллеке назначил бывшего министра просвещения Вийянанда Даханаяке главой правительства...»

Исчезновение пистолета

В кабинете генерального директора полиции собрались начальники следственных отделов. Их созывали всегда, когда обсуждались особо важные дела. Предстояло заслушать сообщение о ходе следствия по делу об убийстве Бандаранаике. Доклад должен был сделать Сидней де Цойса.

Явно нервничавший де Цойса сидел за длинным столом, постукивая пальцами по зеленому сукну. Время от времени он испытующе поглядывал на присутствующих. Он знал, что здесь у него были не только друзья.

Генеральный директор открыл совещание и попросил де Цойсу приступить к докладу. Заместитель генерального директора медленно поднялся.

— Я буду краток,— сказал он,— ибо при всем трагизме случившегося обстоятельства дела совершенно ясны. Убийца нам известен. Судя по всему, это психически неполноценный субъект. Объясняя мотивы преступления, он ссылается на причины личного порядка. Некоторое время этот Сомарама занимался так называемым колдовским врачеванием и хотел получить от премьер-министра соответствующий патент. Его просьбу не удовлетворили. Поэтому он и взялся за оружие. Мне думается, что, решая судьбу убийцы, мы обязаны исполнить последнее желание нашего дорогого премьера. Как вы знаете, он назвал Сомараму человеком ослепленным. Кое-кто высказывает предположение, будто речь идет о политическом убийстве. На мой взгляд, в свете известных всем нам фактов это исключено. Надо сделать все, чтобы подобные утверждения не распространялись. Нельзя усиливать волнение народа, и без того крайне взбудораженного.

Де Цойса снова сел. Снова забарабанили его пальцы по столу. Снова настороженный взгляд заскользил по лицам чиновников.

Воцарилось неловкое молчание. Все восприняли его слова, как провокацию. Даже самый неопытный, начинающий криминалист, анализируя любое преступление, а тем более такое важное, остановился бы на всех подозрительных моментах, уцепился бы за любую ниточку, которая помогла бы распутать клубок и обнаружить сообщников.

Слова попросил инспектор Намиль, начальник отдела расследования убийств.

— Не могу разделить мнение господина де Цойсы,— решительно начал он.— Дело совсем не так уж ясно. Почему докладчик не отметил, что патроны для пистолета убийцы взяты на полицейском складе боеприпасов? Как вообще попал этот пистолет в руки нищенствующего монаха? Спросили ли вы Сомараму об этом? Нет! Зато я спросил, и у меня отнюдь не сложилось впечатление, что передо мной душевно-

больной. Он сказал, что пистолет и патроны ему дал настоятель монастыря, верховный жрец Буддаракита. Но как они оказались у верховного жреца? Я разговаривал и с ним, но его версия звучит совсем неубедительно. Правильный ответ мы услышали в другом месте... Теперь прежде всего необходимо задержать верховного жреца.— Намиль достал из папки какую-то бумагу и положил ее перед генеральным директором.— Вот ордер на арест. Прошу вас подписать его.

Шеф полиции бегло просмотрел текст, взглянул на своего побледневшего заместителя и подписал ордер. Затем обратился к Намилю:

— Вы говорите, что патроны взяты в полиции. Это точно?

— На капсюлях выбит известный всем вам знак нашего полицейского арсенала,— четко проговорил инспектор.

— Возможно ли, чтобы кто-то из полицейских снабдил убийцу патронами? Как вы считаете?

— Это исключено: полицейские отчитываются за каждый патрон. Нет, тут мог действовать человек, имеющий беспрепятственный доступ к нашему арсеналу и право брать оттуда неограниченное количество боеприпасов.— Чиновник обвел взглядом сидевших за столом.— Не исключено, что им был кто-то из присутствующих.

Намиль пристально посмотрел на де Цойсу.

— А на чем основано ваше утверждение, что речь идет о политическом убийстве? — продолжал шеф.

— Я уже намекнул, что Сомараму кто-то подстрекал. Почему и как — это еще придется выяснить. Возможно, что сыграли на его личной обиде. Но это, пожалуй, не главный довод в пользу моего утверждения.— Он помолчал и посмотрел на своих коллег, полных напряженного ожидания. Затем медленно произнес:

— Сегодня ночью был взломан ящик моего письменного стола. Пистолет Сомарамы похищен.

Поднялся шум, и с минуту ничего нельзя было разобрать. Когда все утихли, Намиль улыбнулся и добавил:

— Но должен вам сказать, господа, что вор или воры опоздали. Дело в том, что я уже распорядился выяснить, кому принадлежит этот пистолет. Мои люди обошли все оружейные лавки. Наконец нам удалось установить, кто владелец оружия. Это — Осси Кореа, старый знакомый полиции и один из главных деятелей «Католического действия».

— Вы уже допросили этого Кореа? — обратился к Намилю генеральный директор и, когда тот утвердительно кивнул, добавил: — Так что же, по-вашему, это он дал пистолет Буддараките?

Инспектор отрицательно покачал головой.

— Нет,— уверенно сказал он,— не он вручил оружие верховному жрецу. Сначала Кореа вообще не хотел давать показаний. Но когда мы заявили ему, что премьер убит из его пистолета и что его подозревают в сообщничестве, он порядком струхнул и сообщил довольно интересные подробности... Кореа передал пистолет уполномоченному нашего министра здравоохранения, госпожи Вималы Вийевардене.

Это заявление Намиля прозвучало как гром среди ясного неба.

Если сведения Намиля были верны — а говорил он очень уверенно,— то версия Сиднея де Цойсы о необдуманном поступке сумасшедшего или озлобленного человека лишалась всякого смысла. Сидней де Цойса ежился под взглядами присутствующих, нехотя прислушивался к их упрекам. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал, что инспектор говорил сущую правду. Поэтому он яростно накинулся на него:

— Так почему же вы все это утаили от меня?

— Разве вы хотели знать мое мнение? Вы ведь игнорировали любое мое предположение,— возразил Намиль.

Генеральный директор с трудом восстановил тишину.

— Господа,— мягко сказал он,— бессмысленно осыпать друг друга упреками. Видимо, были допущены кое-какие ошибки,— он укоризненно посмотрел на де Цойсу,— и надо их исправить. Следствие необходимо продолжить, это ясно.

Затем, повернувшись к Намилю, продолжал:

— Ваши люди должны уточнить, кто именно был заинтересован в получении оружия, каков характер отношений между госпожой министром здравоохранения и Осси Кореа, действительно ли она получила это оружие. Кроме того, проверьте список лиц, имеющих беспрепятственный доступ к нашему арсеналу. А вы,— он кивнул в сторону де Цойсы,— обеспечьте более четкое руководство следствием. Ни на минуту не забывайте, что общественность ждет от нас скорейшего раскрытия всех подробностей преступления. Достаточно посмотреть в окно и прочитать, что написано на транспарантах... Итак, за дело, господа!

Попытки замести следы

На южной окраине Коломбо расположен курорт Маунт Лавиния, известный своим прекрасным пляжем и белоснежными виллами. Виллы принадлежат английским банкирам, плантаторам, цейлонским аристократам, короче, сливкам общества. Сюда почти никогда не заглядывают жители Петта, рабочего района Коломбо. Да и что им тут делать?

Удивительно хороши здесь закаты. Как и везде поблизости от экватора, солнце почти отвесно погружается в море. Сумерек не бывает, и день быстро сменяется ночью.

В один из таких тихих вечеров к вилле Даханаяке, выстроенной в стиле бунгало, через короткие промежутки подъехали несколько роскошных лимузинов английских и американских марок. Красота тропической природы ничуть не интересовала их пассажиров. Захлопнув дверцы, они торопливо проходили по усыпанной гравием дорожке к вилле, у входа в которую их встречал ливрейный лакей.

Новый премьер-министр давал сегодня ужин.

Гостей собралось немного, приглашения получили только самые близкие друзья. Бросалось в глаза, что, за исключением Буддаракиты и прекрасной Вималы, здесь были все, кто накануне покушения наслаждался гостеприимством высокопоставленной красотки.

По выражению лиц присутствующих нетрудно было определить, что собрались они отнюдь не для веселья. Чувствовалась общая подавленность.

— Как же это могло случиться, скажите на милость? — с ожесточением набросился Даханаяке на осунувшегося и помрачневшего де Цойсу.— Почему Сомарама до сих пор жив? Чем объяснить арест обоих наших друзей? Почему газеты без конца дебатируют вопрос о том, откуда взялись пистолет и патроны? Я этого никак понять не могу. Казалось бы, все было так точно рассчитано.

— Как это могло случиться! — огрызнулся де Цойса в тон Даханаяке.— Как, да отчего, да почему! Не слишком ли много вопросов? Могу сказать лишь одно: некоторых факторов мы не учли. В частности, не подумали, как поведет себя этот болван Сомарама. Ему следовало дождаться установленного нами времени, а он, как увидел Бандаранаике, сразу же давай палить!

— А вы? — вмешался подполковник Джизудэйсон.— Разве вы оказались в нужный момент на месте? Ведь и это было согласовано! Нечего же валить все на монаха.

Даханаяке одобрительно кивнул.

— Да, конечно,— сказал он.— Вы должны были явиться туда до первого выстрела и проследить, чтобы ваши подчиненные занялись Сомарамой. Но ни то, ни другое не было сделано. И что всего хуже, следствием занялись не вы, а ваш инспектор, ярый сторонник Бандаранаике.

Сидней де Цойса с ненавистью посмотрел на премьера.

— У вас была лишь одна забота,— резко ответил он,— сесть в машину и поехать к генерал-губернатору, чтобы получить назначение на новый пост. По какому же праву вы осыпаете упреками одного меня?

— Но ведь вы взяли на себя ответственность за все, и притом совершенно добровольно. Конечно, я понимал, что вам предстоит не очередное амурное приключение, а нечто потруднее. Но я не думал, что ваш житейский опыт почти не выходит за рамки любовных похождений.

— Ладно, пусть я ловелас, бабник, но уж, во всяком случае, не такой политический хамелеон, как вы.

Перебранка приобретала все более скандальный характер. Наконец Ричард де Цойса, не вытерпев, постучал ножом по тарелке.

— Довольно, господа, довольно! — попытался он успокоить ссорящихся.— Так мы не сдвинемся с места. Любой из нас сам знает свои слабости, и другим незачем столь громогласно говорить о них. Лучше подумаем, как нам быть дальше. В конце концов, долг каждого помочь исправить положение.

Все одобрительно закивали.

— И прежде всего,— заявил Джизудэйсон, теперь уже в категорическом тоне,— необходимо успокоить общественное мнение. Вам, уважаемый господин премьер-министр, следует начать с цензурных ограничений в области информации. Объявите, что это делается в интересах следствия. Затем заручитесь поддержкой нескольких газетчиков — большинство из них и без того с нами, ибо газеты принадлежат нашим английским и американским друзьям. Итак, вы приглашаете журналистов, принимаете их лично и рассказываете что-нибудь о планах правительства Даханаяке. Об идеях Бандаранаике вы, разумеется, не скажете ничего. Я имею в виду —

ничего «против». Ну и, как вы сами понимаете, ничего «за». Произнесете несколько красивых фраз о демократии и свободе, о Цейлоне как оплоте борьбы против коммунизма, о традиционной дружбе с западными державами и так далее. При этом вы вновь дадите понять, что ваш предшественник пал жертвой акта личной мести. В него стрелял глупец, сумасшедший.

— Но будет ли это принято за чистую монету? — усомнился красавец Сидней.

Шеф фирмы «Камбербэтч» удивленно взглянул на него и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Надо почаще повторять эту версию, и постепенно все в нее поверят.

Потом, вновь обратившись к премьеру, он продолжал:

— Заявите, что коммунисты использовали этот достойный сожаления случай для пропаганды против свободы и демократии. Приведите несколько доказательств — неважно, будут ли они подлинными или нет. Короче, делайте что-нибудь! Ведь все средства в наших руках. Будет очень странно, если вдруг окажется, что мы не в состоянии утихомирить чернь.

От этих золотых слов все присутствующие почувствовали облегчение, и настроение заметно поднялось. Беседа стала общей. Каждый предлагал, как получше затушевать всю эту историю, затянуть следствие, запастись «доказательствами».

— Но что делать с нашими арестованными друзьями? — спросил через некоторое время Даханаяке.— В стране неспокойно, и процесса нам не избежать.

Но министр финансов Стэнли де Цойса уже подумал об этом.

— Сидней,— сказал он,— продолжает руководить следствием. Почему бы ему не распорядиться об освобождении Буддаракиты и госпожи Вийевардене? Их можно выпустить под честное слово. Начнем с этого, а там уже наше дело, устраивать процесс или нет, и решить, кто виновен. Между прочим, господа, как бы вы отнеслись к тому, чтобы затребовать двух детективов из Скотленд-ярда и поручить им ведение следствия? Это произведет хорошее впечатление и позволит нам уверенно контролировать ход дела. Во всяком случае, полицейский розыск необходимо затянуть как можно больше. Дайте срок, и все постепенно забудется.

Большинство в один голос

28 ноября 1959 года в здании парламента царило необычное оживление. В кулуарах шли непрерывные дискуссии. Журналисты то и дело пытались атаковать депутатов вопросами, но на сей раз парламентариям явно было не до интервью.

На трибунах для гостей толпились группы возбужденных людей. Все чего-то ждали. Преобладали сторонники Соломона Бандаранаике. Их можно было узнать по национальным нарядам — саронгам и баньянам. Видимо, поэтому и нагнали сюда столько полицейских.

Председатель парламента несколько раз ударил молотком по столу — знак депутатам занять свои места. Прежде чем наступила тишина, в зал вошли министры и уселись на правительственных скамьях. Несколько мест остались свободными. В кресле премьер-министра восседал Даханаяке, тоже облаченный в национальную одежду. Бледный, с блуждающим взглядом, он словно высматривал, где друг и где враг. В руках у него были какие-то бумаги.

Невольно вспоминал новый глава правительства недавний ужин в своей вилле, сомнения, высказанные Сиднеем де Цойсой. Тогда он и в самом деле верил, что с помощью армии и полиции да еще при поддержке англичан и американцев ему удастся удержать правительственный корабль на плаву. Но, очевидно, в тот вечер и он, и его гости недооценили силы противника. Ход событий оказался совсем иным, хотя новый премьер и его единомышленники использовали решительно все средства, которые, по их мнению, могли помочь правительству укрепить свои позиции как внутри страны, так и на международной арене.

Его министр финансов Стэнли де Цойса отправился в заграничное турне и побывал уже в Австралии, Новой Зеландии и Индонезии. Там он открыто заявлял, что все нападки на правительство Даханаяке в связи с убийством Бандаранаике — составная часть «дьявольского коммунистического плана», рассчитанного на подчинение Цейлона «власти Москвы».

Тем временем его брат Сидней всеми силами старался освободить Буддаракиту и красотку Вималу и устранить некоторых ненужных свидетелей. Однако покушение на жизнь монаха Сомарамы не удалось. А ведь Даханаяке хорошо помнил самоуверенные рассуждения Осси Кореа на сей счет:

если убрать убийцу, то некого будет судить и, естественно, отпадет необходимость в проведении процесса. А не будет процесса — все быльем порастет.

Увы, неудача с Сомарамой была не единственной: не удалось также освободить и обоих арестованных друзей нового премьера. Даже сыщики из Скотленд-ярда не сумели повернуть следствие в нужном направлении.

Вскоре после памятного ужина в загородной резиденции Даханаяке по настоянию американцев заявил на пресс-конференции, что он решительный противник национализации промышленных предприятий и плантаций, равно как и установления государственного контроля над системой образования. Правда, уже тогда он понимал, что в открытую так говорить нельзя, но все же выступил с этим заявлением — слишком уж сильным был нажим американцев. В итоге произошло то, чего не могло не произойти: среди рядовых цейлонцев зародилось чувство недоверия к новому правительству.

Для оказания ему «моральной поддержки» в Коломбо приехал министр иностранных дел Австралии Кэйси, встреченный с превеликой помпой. Гость не скупился на похвалы новому премьеру, называл его своим большим другом и бесстрашным борцом против коммунизма. Но когда Кэйси «выразил пожелание», чтобы Цейлон стал достойным членом пакта СЕАТО, народ его освистал.

Через некоторое время на остров прибыл мистер Льюис Джонс, важный чиновник государственного департамента. Публично о целях своего визита он не распространялся, зато в доверительных беседах не уставал твердить: «Мы поможем, но только если Цейлон присоединится к СЕАТО». И он, Даханаяке, пообещал «присоединиться». Чего он только не наобещал...

Глава правительства напряженно вглядывался в лица депутатов и все время думал о следствии. Хотя официально им руководил Сидней де Цойса, все же следственному отделу довольно быстро удалось найти вора, похитившего пресловутые патроны из арсенала полиции. Его звали Ньютон Перера. Этот полицейский офицер, один из главных сотрудников уголовного розыска, был широко известен как друг и доверенное лицо Сиднея де Цойсы. Припертый к стенке, он поневоле сознался в передаче украденных патронов Ричарду де Цойсе. Переру арестовали. Медленно, но неотвратимо закатывалась

звезда Сиднея. И так как Даханаяке было совершенно ясно, что братья де Цойса и Буддаракита в случае их разоблачения не пощадят никого, то он с полным основанием опасался раскрытия его тайных связей с заговорщиками.

Премьер продолжал вспоминать. Разве не он объявил чрезвычайное положение на острове и запретил газетам публиковать дополнительные сведения об убийстве Бандаранаике или комментировать их? Вначале эти меры действительно внесли некоторое успокоение. Но то было отнюдь не настоящее умиротворение. Недовольство не рассеялось — напротив, подспудно оно с каждым днем усиливалось и грозило поистине вулканическим взрывом. Несмотря на чрезвычайное положение, на улицы все чаще выходили демонстранты, требуя суда над убийцей Бандаранаике, над всеми организаторами этого преступления. Становилось очевидным, что правительство попросту тянет время. Пытаясь ослабить нарастающий протест, Даханаяке решился на шаг, который только осложнил всю ситуацию, лавина народного гнева пришла в движение и теперь грозила раздавить его самого. Премьер официально заявил, что лично позаботится о скорейшем начале судебного процесса.

Заявление это предназначалось лишь для общественности, но друзья премьера, по-видимому, не поняли этого. Они заподозрили его в предательстве и поспешили нанести ответный удар, пустив слух о причастности Даханаяке к заговору. Хаос усилился.

Вот почему дело дошло до разбирательства злополучного для премьера вопроса в парламенте. В этот час Даханаяке поневоле признался себе в полном провале тактики посул «и нашим и вашим». Он знал, что предстоит решающая схватка, знал, что будет главной мишенью, что его не пожалеют ни друзья, ни враги. Со своей стороны он намеревался лавировать, топить одних руками других, словом, действовать в обычной своей манере. Ничто иное не приходило ему на ум. Но он все же понимал, что только какое-то редкостное везение поможет ему выйти сухим из воды.

Погруженный в свои безрадостные размышления, глава правительства даже не услышал начала вступительной речи председателя парламента и очнулся лишь, когда тот объявил, что группа депутатов хочет обратиться к правительству с рядом вопросов в связи с убийством Бандаранаике.

«Началось»,— мелькнуло у него в голове.

Первым взял слово депутат Уильям де Сильва, представитель умеренной левой группировки.

— Что скажет господин премьер-министр по поводу слухов, будто он участвовал в заговоре против оплакиваемого всеми нами покойного главы правительства?

С трибуны для гостей донесся одобрительный гул.

— Прошу соблюдать тишину,— вмешался председатель,— иначе придется очистить трибуну.

Затем, обращаясь к депутатам, спросил:

— Есть ли еще вопросы?

С места поднялся Питер Кейнеман, председатель коммунистической фракции парламента.

— Сколько вам дали за ваше высказывание против национализации и против контроля над образованием? Кто вас уполномочил выступить с таким заявлением?

Трибуна снова загудела, и председатель повторил свою угрозу.

— Не занимайтесь пропагандой в пользу Москвы! — крикнул Кейнеману кто-то из правых депутатов.

В любой иной обстановке подобная реплика встретила бы шумную поддержку правых. Но сегодня этого не случилось. Всеобщее внимание было приковано к Даханаяке. Премьер поднялся и не спеша направился к трибуне. Начало его выступления было неуверенным и бессвязным. Дрожащим голосом он несколько раз промямлил что-то о «глубоком сожалении» по поводу убийства и причастности к заговору члена правительства, два или три раза заверил присутствующих, что примет меры к немедленному проведению процесса. Затем заявил, что больше ничего сказать не может и что если депутаты не доверяют ему, то пусть назначат специальную комиссию, чьим решениям он готов беспрекословно подчиниться.

Но этот продиктованный отчаянием тактический ход не произвел никакого впечатления на депутатов.

Отовсюду послышались возбужденные возгласы:

— Вас спросили, замешаны ли вы в этом деле!

— Может, и вы спали с госпожой Вийевардене?

— Верно ли, что Буддаракита и Ричард де Цойса частенько бывали у вас в гостях?

Буря негодования усиливалась с каждой репликой. Шумели не только трибуны для гостей, но и депутатские скамьи. Пред-

седатель в отчаянии стучал молотком по столу. Даханаяке безуспешно пытался продолжить свое выступление.

Все стихло лишь после того, как лидер партии «Ланка сама самайя» Уильям Перера бурно замахал руками и таким образом привлек к себе внимание.

— Я спрашиваю вас,— крикнул он Даханаяке,— верно ли то, о чем сейчас шушукаются все, а именно что накануне покушения у вас уже был готовый список будущего кабинета?

На секунду воцарилась гробовая тишина, но уже в следующее мгновение шум возобновился с новой силой.

Даханаяке окончательно растерялся. Значит, и это стало известно? Но от кого же? Или Перера провоцирует его?.. Он хотел что-то сказать, но его голос потонул в невообразимом гвалте, и в этот момент он понял, что проиграл сражение.

Словно во сне, он заметил, как все вокруг вновь утихло, а затем один из депутатов предложил выразить правительству вотум недоверия и образовать комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых против премьера. К его немалому удивлению, предложение было отклонено 76 голосами против 75. Кто же голосовал за него?

Потом он узнал, что его фракция, подчиняясь партийной дисциплине, решила поддержать своего ставленника.

«Большинство в один голос,— подумал он.— Сколько же мне еще суждено продержаться?.. Большинство в один голос...»

Борьба продолжается

Невеселые мысли лезли в голову Даханаяке в первые дни после его «победы» в парламенте.

Но когда он оправился от потрясения, когда исчезло чувство подавленности, все его мрачные думы вдруг показались ему наивными. Разве он не располагает всеми средствами, чтобы удержаться у власти? Разве нельзя пойти на какие-то уступки плебсу? Почему бы и в самом деле не провести процесс? Ведь в конце концов успех подобного спектакля зависит от мастерства режиссера.

И Даханаяке начал действовать.

8 декабря 1959 года парламент был распущен. Хотя и друзья, и противники непрестанно твердили премьеру, что новое

правительство — худшее из всех, «какие когда-либо имел Цейлон», хотя его даже исключили из рядов своей же партии, он продолжал править страной.

Стремясь укрыться от перекрестного огня всенародной критики, он распорядился 14 декабря начать процесс по всем правилам американской рекламной техники.

В этот день столица Цейлона походила на военный лагерь. Улицы, ведущие к зданию суда, были надежно перекрыты. Три тюремных фургона с семью обвиняемыми проехали по городу в сопровождении вооруженного до зубов конвоя.

Входы в зал заседаний, куда впускали только по особым пропускам, охранялись самым бдительным образом. Во всем ощущалась рука опытного режиссера. Суд вызвал девятьсот свидетелей. Это означало, что процесс затянется на многие месяцы и со временем сам собой выдохнется. Задолго до его начала газета «Таймс оф Цейлон» развернула кампанию в защиту обвиняемых, поддержанную и другими органами реакционной прессы. Особенно рьяно продажные борзописцы старались выгородить Буддаракиту, с умилением сообщая читателям, что он вновь вернулся к предписываемой Буддой «аскетической жизни, чистой, как морская раковина», и всячески превознося данный им обет никогда больше не покидать «благородную тропу восьми добродетелей».

В зале суда было тихо, семь обвиняемых занимали места в клетке, окружавшей скамью подсудимых.

Буддаракита, одетый в желтую тогу, сидел, благоговейно сложив ладони. Красотка Вимала казалась крайне утомленной. Под ее глазами залегли темно-синие тени. Убийца Сомарама беспрестанно перебирал четки. Остальные обвиняемые тихо переговаривались. Глядя на них, нельзя было избавиться от впечатления, что судебное разбирательство их мало волнует.

В зале заседания собралось множество местных и иностранных журналистов.

Служитель объявил: «Суд идет!»

Все встали, и в зал вошли несколько мужчин, по английской традиции одетых в черные мантии. Процесс начался...

Даханаяке и впрямь старался вовсю. Но ему удалось лишь ненадолго отсрочить свой конец. Уже через девять месяцев

премьером стала Сиримаво Бандаранаике, супруга убитого главы правительства. Она не повторила ошибки своего мужа, пытавшегося подняться «над партиями» и победу на выборах одержала благодаря объединению с коммунистической партией и другими прогрессивными силами.

Новое правительство снова повело страну по «тропе счастья».

Создание государственной нефтяной компании, взявшей в свои руки управление имуществом концернов «Шелл», «Стандард вакуум» и «Кальтэкс», решение воспользоваться помощью социалистических стран для развития собственной национальной промышленности, закон о национализации банков, отмена монополии англичан и американцев в области печати — все эти меры встретили общенародное одобрение. Озверевшая реакция не ограничилась угрозами. Англичане свернули производство на своих плантациях. Американцы наводнили дешевым соевым маслом рынки традиционного цейлонского сбыта. Они же потребовали баснословного возмещения за национализацию принадлежавших им нефтеперегонных заводов и бензоколонок.

Не довольствуясь экономическим саботажем, отечественная и зарубежная реакция замышляла новые заговоры, готовила путчи.

6 июля 1962 года, через тридцать четыре месяца после убийства Соломона Бандаранаике, Сомараму вывели на тюремный двор и повесили. За сутки до казни он принял католическую веру. Но это не спасло убийцу. И хотя друзья Осси Кореа отпустили бедному монаху все его грехи, это едва ли послужило ему утешением в смертный час.

Примерно к этому же времени у Буддаракиты и красотки Вималы неожиданно появились соседи по заключению. В момент подготовки нового заговора были арестованы братья де Цойса, подполковник Джизудэйсон и несколько их сообщников.

●

• Затравленный дипломат

Прыжок с крыши отеля «Панорама Нила»

Он стоял на краю длинной, плоской крыши. «Девять этажей,— подумал он,—это недолго!» Далеко внизу бурлил большой город — нескончаемые вереницы автомобилей, потоки пешеходов. Все словно игрушечное...

«Сегодня,— вдруг мелькнуло у него в голове,— я хотел быть в театре. А теперь Ирэн придется пойти одной. Впрочем, ерунда. Не пойдет она в театр, если меня не будет в живых».

Не будет в живых?

Мысли снова перепутались. Неужели все сразу кончится? Неужели нет пути назад?

Люди, столпившиеся на тротуаре, возбужденно показывали на него. Но он этого не замечал. Вдруг сильно закружилась голова. Только не думать, не размышлять, ведь так еще хуже, твердил внутренний голос.

Он сделал над собой усилие, шагнул вперед и рухнул в пропасть. Внизу раздался чей-то истерический крик.

На листке календаря значилось: четверг, 4 апреля 1957 года. В полицейской сводке лаконично сообщалось: «Канадский посол в Египте Эгертон Герберт Норман покончил жизнь самоубийством, выбросившись с крыши каирского отеля «Панорама Нила»...»

В кармане пиджака Нормана обнаружили два поспешно написанных письма. Одно предназначалось его жене Ирэн, второе — другу, шведскому послу в Каире Бринольфу Энгу. Оба письма были проникнуты беспредельным отчаянием.

«Я давно хотел сказать тебе о намерении покончить с собой,— говорилось в письме к жене,— но не хватало духу. Что мне теперь делать? У меня не осталось ни надежд, ни будущего.

Прости меня! Прощай, любимая...»

И во втором письме:

«Мне так хотелось провести еще несколько часов моей жизни с вами, рассказать вам, что меня гнетет. Но даже на бумаге я не могу назвать истинную причину, толкнувшую меня на самоубийство...»

Что же вынудило Эгертона Герберта Нормана наложить на себя руки? Кто заставил этого человека броситься с крыши отеля, не оставив ему иного выбора?

«Кто-то должен сказать правду»

Над Токио повисло нещадно палящее солнце. Всякий, кому в этот знойный воскресный день 1950 года не было нужды выходить на улицу, оставался в прохладной квартире, поудобнее устраивался перед вентилятором и потягивал кока-колу.

— Летом этим напитком не следует пренебрегать,— пробормотал Эгертон Герберт Норман, глава дипломатической миссии Канады в Японии. Вылив в стакан остаток красновато-коричневой жидкости, он обратился к своей секретарше:

— Бесси, что я продиктовал вам в конце? Пожалуйста, повторите.

Молодая женщина отыскала нужное место в блокноте и прочитала:

— «Вот почему я считаю необходимым обратить внимание канадского правительства на эту опасность. На карту поставлен престиж западных держав».

— Все в порядке,— сказал Норман, стройный, худощавый мужчина с узким и бледным лицом ученого.— Перепечатайте текст. Завтра прибудет дипкурьер из Оттавы.

Он откинулся в кресле, снял очки в толстой оправе, протер глаза и спросил секретаршу:

— А как вы смотрите на это донесение?

Бесси медленно закрыла блокнот, затем, тоже не торопясь, собрала карандаши, явно избегая встретиться взглядом со своим шефом.

— Что же вы молчите? — снова спросил он.

— Не знаю, сэр,— неуверенно проговорила она.— Вы посол и должны знать, можно ли писать такие вещи. Я не знаю... Воспользуются ли вашим донесением в Оттаве? Если да, то как отнесется Вашингтон к столь резкой критике американской дальневосточной политики? Ведь в Соединенных Штатах Макартура считают героем... Право, не знаю, что вам сказать...

— Но разве я написал неправду, Бесси? Есть ли в моем донесении хоть слово неправды?

— Нет, в вашем донесении все точно. Каждое слово... К сожалению... Но неужели вы думаете, что президент Трумэн станет именно сейчас прислушиваться к критическим замечаниям нашего правительства, что именно сейчас он начнет сдерживать Макартура? Что-то не верится. И уж если говорить начистоту, то, по-моему, вы только навлечете на себя недовольство.

— Что ж, иной раз правда бывает горькой,— твердо ответил ей дипломат.— Мы союзники США и окажем плохую услугу и себе и им, если будем молчать перед лицом очевидной несправедливости. Кто-то должен сказать правду...

Секретарша давно уже покинула кабинет, а Норман все еще сидел за своим письменным столом, подперев голову обеими руками, и не сводил глаз с висевшей на противоположной стене гравюры работы какого-то японского художника.

Посол думал о словах Бесси. Он ценил в ней ясный ум и четкость суждений. Тем более его встревожило, что она не поняла того, какую цель он преследовал своим донесением об оккупационной политике американцев в Японии.

Он знал этот народ и эту страну, пожалуй, лучше, чем любой другой иностранный дипломат в Токио, умел улавливать настроения и чувства японцев. Он говорил по-японски почти так же свободно, как на родном языке. Когда-то его отец был здесь миссионером, и Эгертон Герберт вырос среди японских детей. В студенческие годы он твердо решил посвятить себя углубленному изучению языка и культуры Страны восходящего солнца. И он по-настоящему полюбил японцев, их язык и древнюю культуру, знал, что этот народ, как и народ Канады, жаждет жить в мире. Но он также знал, что не раз простые японцы бывали обмануты и по указке своих лидеров шли войной на другие народы, шли беспрекословно, ибо так при-

казывал их император, «божественный Тенно», действовавший по наущению дзайбацу — всесильных военных концернов.

Свою дипломатическую службу в Токио Эгертон Герберт Норман начал в 1940 году. Здесь он пережил нападение на Пирл Харбор, явившееся началом войны в Юго-Восточной Азии. Попав в лагерь для интернированных, он сполна испил горькую чашу одиночества и лишений. Не прошел для него бесследно и неслыханный ужас хиросимского преступления.

Сразу после окончания войны Норман снова прибыл в Токио, на сей раз в качестве сотрудника Союзнического верховного командования. Им владело одно страстное желание — помочь этому сбитому с толку народу выйти на путь демократии. Тогда ему казалось, что время для этого пришло.

И сегодня, пять лет спустя, он, сидя в своем кабинете, старательно припоминал события, сопоставлял факты.

«Быть может, я и вправду ожидал слишком многого от окончания войны, неверно оценил ее итоги»,— невесело подумал он. Атлантическая хартия посулила всем народам подлинную демократию, подлинное самоопределение, свободу от нужды и страха, а главное — свободу от страха перед войной. Но, как видно, господа из Вашингтона не намерены считаться с тем, что сами же подписали. Генерал Макартур не только любит, чтобы его называли «белым Тенно», но и поступает, словно монарх. Как в былое время японский император, генерал ведет двойную политику. Одной рукой он подписывает новую японскую конституцию, в которой, между прочим, говорится: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны».

Но в то же время другая рука Макартура весьма энергично управляет процессом воссоздания японской армии.

Посол встал, не спеша подошел к книжной полке и снял с нее брошюру с текстом Потсдамской декларации. В разделе, посвященном Японии, он прочитал:

«Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии. Все

военные преступники... должны понести суровое наказание. Японское правительство должно будет устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа».

Этот документ тоже был подписан правительством США.

Норман хорошо помнил, как сразу после войны Макартур утвердил приговоры военным преступникам. Однако прошло немного времени, и он распорядился выпустить их на волю. Официально генерал объявил, что он полон решимости раз и навсегда покончить с властью японских военных концернов, но в действительности сделал все для ее восстановления. И три крупнейших дзайбацу («Мицубиси», «Мицуи» и «Сумитомо»), сказочно нажившиеся на войне и явившиеся главными виновниками гибели двух миллионов японцев, стали с помощью Макартура более могущественными, чем когда-либо.

Норман хорошо понимал, почему Макартур поступает именно так: он нуждался в поддержке властителей японской экономики. Незадолго до этого была провозглашена Китайская Народная Республика. Огромная часть Азии ушла из-под контроля Запада. В Вашингтоне понимали: если китайский пример окажется заразительным (а все указывало именно на это — во Вьетнаме, на Филиппинах, в Малайе и Бирме шла ожесточенная борьба), то Азию, этот неисчерпаемый источник сырья и поистине уникальный рынок сбыта, придется «списать» по графе убытков. Надо что-то предпринимать и чем скорее, тем лучше, рассуждали на Уолл-стрите. Почему, например, нужно отказываться от войны? Она сулит двойной выигрыш: не только завоевание азиатского континента, не только уничтожение народно-демократического строя в ряде стран Дальнего Востока, но и преодоление экономических трудностей, возникших в самих США в 1948 году и понемногу переросших в настоящий кризис...

Пентагон начал готовиться к решающему удару. Его предстояло нанести с территории, уже завоеванной и находившейся в непосредственной близости к противнику. Такой территорией была Южная Корея. Уже на протяжении длительного времени США регулярно завозили туда оружие и другие военные материалы. Американские офицеры муштровали южнокорейскую армию, готовя ее к маршу на север. В качестве стратегического тыла для этой операции была выбрана Япония, где началась небывалая по своей истеричности анти-

коммунистическая кампания. Под предлогом необходимости защиты от «красной опасности» японские острова были превращены в гигантский учебный плац для подготовки войск. Газеты состязались в яростных выпадах против «красных». Внезапно, словно по команде, пресса начала превозносить не только военные концерны, но и старых милитаристов, некогда воевавших на материке и совершивших там военные преступления. Каждого из них рекламировали, точно кинозвезду первой величины.

Атмосфера накалялась, и в первые дни июня 1950 года это чувствовалось все более явственно. В штабе Макартура шли бесконечные совещания. Будущий государственный секретарь США Джон Фостер Даллес инспектировал войска на 38-й параллели — демаркационной линии между Южной и Северной Кореей. По всему было видно — на пороге война.

В душе Нормана накипало. Неужели Япония снова будет вовлечена в военную авантюру? И как же в свете всего этого выглядела «великая миссия», якобы выполняемая здесь Америкой? Янки вели себя, как супермены, с японцами обращались, как с рабами. Что ни ночь, на улицах, облюбованных американскими солдатами, и в публичных домах разыгрывались омерзительные сцены, плохо вязавшиеся с болтовней о «перевоспитании» японского народа.

Посол взглянул на часы. Было уже поздно.

Контрудар

Штаб-квартира генерала Макартура напоминала развороченный муравейник. У главного портала стояло несколько десятков поблескивающих хромом приземистых лимузинов. По коридорам и лестницам огромного здания сновали вольнонаемные служащие, курьеры, высокопоставленные военные. Все куда-то торопились. Началась война в Корее, и тревожные сообщения поступали одно за другим.

Только в роскошном кабинете главнокомандующего царила полная тишина. Макартур сидел за огромным письменным столом, на фоне которого выглядел маленьким и незначительным. С неподвижным лицом он довольно долго читал оперативные сводки и донесения. Потом нажал на кнопку интерфона.

— Вызовите ко мне генерала Уиллоуби,— приказал он.

Вскоре в кабинет вошел полный господин, небрежно поприветствовал шефа и кряхтя грузно опустился в одно из кожаных кресел, стоявших перед столом.

— Добрый день, Мак!

— Привет, Чарльз! Как дела?

— Преотвратительно! — Генерал Уиллоуби вздохнул.— То есть просто никуда! У нас ничего не получается, одни потери. Например, из двадцати людей, сброшенных на прошлой неделе в тыл коммунистов, ни один до сих пор не подает признаков жизни. В такой войне даже шпионаж, и тот не доставляет удовольствия...

— В данный момент меня это не интересует,— оборвал его Макартур.— О шпионаже поговорим попозже. Куда больше я сейчас обеспокоен вот этими бумажками.— Он показал Уиллоуби несколько страниц с машинописным текстом.— Знаешь, что это такое? Донесение о нашей политике в Японии, полученное госдепартаментом от канадского правительства. Должен тебе сказать, дорогой мой, что этот возмутительный документ содержит весьма серьезные обвинения по нашему адресу, и будет крайне неприятно, если он дойдет до общественности. А уж красные обрадуются — дальше некуда. Такого же мнения придерживаются и в госдепартаменте. Канадцы не называют своего информатора. Значит, мы должны выяснить, кто он, и заняться им. Такова твоя задача, Чарльз.

Генерал Уиллоуби самодовольно ухмыльнулся и, закурив сигарету, сделал глубокую затяжку.

— Ты будешь удивлен,— сказал он,— но я уже знаком с этим донесением, знаком и с его автором. Им является Норман. Что ты на это скажешь?

— Норман, канадский посол? Он написал донесение? Этот безобидный дурак, которого, кроме японских гравюр, вообще ничего не интересует? Я его тоже знаю. В 1945 году он служил у нас. Ты серьезно утверждаешь, что это его работа?

— Вполне серьезно. Он действительно интересуется японскими гравюрами и абсолютно не выносит нашей, как он выражается, «жесткой политики». Очень чувствительный мужчина. Стоит нам хоть немного отступить от буквы какой-нибудь бумажки, и в нем тут же, как говорится, пробуждается совесть. Он из тех людей, для которых все должно быть тютелька в тютельку, даже если их собственный мир вот-вот полетит к чертям.

— Норман? — Сузив глаза и плотно сжав губы, Макартур задумчиво глядел на толстяка. Уиллоуби было знакомо это выражение лица его мстительного шефа. Поэтому он ничуть не удивился, когда Макартур медленно и отчетливо произнес:

— Значит, этот истый джентльмен и почитатель японской культуры вздумал поучать нас. А что, если мы сами преподадим ему хороший урок? Как ты считаешь?

Уиллоуби одобрительно улыбнулся.

— Можешь положиться на меня, Мак,— сказал он.— На такие случаи у нас есть особые методы, в точности рассчитанные на характер мистера Нормана. Мы неопровержимо докажем, что когда-то и где-то он был коммунистом или по крайней мере симпатизировал красным. А если начнет отпираться, раздобудем живых свидетелей. Я знаю одного коллегу этого образцового дипломата. Тот в свое время якшался с красными, а теперь стал чем-то вроде присяжного свидетеля по всем обвинениям, выдвигаемым Маккарти. Значит, он должен знать и Нормана. В крайнем случае ему придется слегка напрячь свою память. А уж если имя Нормана попадет на страницы нашей прессы, то можешь не сомневаться, что в Канаде никто ему руки не подаст.

В тот же день руководитель ФБР Джон Эдгар Гувер, начальник разведки армии США генерал Боллинг и канадский министр иностранных дел получили секретную шифровку из Токио. В Вашингтоне один из чиновников ФБР внес в список «друзей коммунистов» еще одно имя, а министр иностранных дел Канады Пирсон распорядился отправить в столицу Японии экстренную депешу...

В Оттаве

Эгертон Герберт Норман последним вышел из рейсового самолета компании «Панамерикэн эйруэйз». Солнце било в глаза, и он хмуро щурился. Его встретил сотрудник протокольного отдела. Затем они прямо с аэродрома кратчайшим путем направились в министерство иностранных дел.

При появлении Нормана министр Пирсон, с виду энергичный и здоровый мужчина, встал и пошел ему навстречу.

— С приездом на родину! — сказал он.— Рад, что снова могу пожать вашу руку.

— Мне кажется, мой визит не дает никакого повода для радости,— угрюмо проговорил Норман.

— Полноте, дорогой мой! — Пирсон расплылся в дружелюбной улыбке.— Все это не так уж трагично. Мы с вами побеседуем, и завтра же все забудется.

Посол взволнованно посмотрел на своего шефа.

— Завтра все забудется, говорите вы. Но как обстоит дело сегодня? Чего, собственно, от меня хотят? Я высказал правду, она кое-кому не по душе, и в этом все дело. Не так ли?

— Вы ожесточены, мой друг,— ответил Пирсон.— И при таком состоянии духа вам все представляется в несколько мрачном свете.

— Может быть, я и ожесточен. Но никто не может мне запретить называть клеветников клеветниками, а доносчиков доносчиками. Я прошу проверить выдвинутое против меня обвинение. Но я твердо заявляю — и готов повторить это перед любой комиссией,— что подвергать кого бы то ни было подобной дискриминации просто бесчестно. И эти люди еще смеют разглагольствовать о свободе и демократии! Какое фарисейство! Что бы вы сказали, если бы кто-то вдруг заявил, будто свидетель вашего бракосочетания, состоявшегося в тысяча девятьсот тридцать пятом году, питал симпатии к коммунистам? Или что однажды, пятнадцать лет назад, вы о чем-то дискутировали со студентами, придерживающимися коммунистических взглядов... И из подобных фактов делается вывод, будто я коммунист. Это же абсурд!

— Не надо так волноваться,— попытался успокоить его Пирсон.— И если это может вас утешить, честно скажу вам: мы считаем вас безупречным работником и выдающимся дипломатом. Мы не можем и не желаем отказываться от вашего сотрудничества. Я твердо убежден, что весь этот достойный сожаления инцидент вызван каким-то недоразумением. Я уже заявил Вашингтону протест по поводу злополучной шифровки.

— И что же дальше? — спросил Норман.

Пирсон снова уселся за письменный стол.

— Вы сами предложили начать против вас расследование,— ответил он уже деловым тоном.— Пусть будет так. Но пока оно не закончится, вам, естественно, придется — и вы это сами понимаете — отказаться от своего поста. Разумеется, временно.

Норман резко поднялся со своего кресла.

— Я действительно начинаю понимать! — гневно сказал он.— Весь спектакль инсценирован с целью убрать меня из Токио. Мои донесения не понравились Макартуру. Вот где собака зарыта! Вот из-за чего клевета!

— Но позвольте, Норман...— начал было Пирсон, однако посол, возбужденно шагавший по кабинету, не дал себя остановить.

— Кто я, в конце концов, американец или канадец? Перед кем я отчитываюсь за свою жизнь, за свои мысли и поступки, перед вами или перед главой государственного департамента? Кто вправе мне приказывать, вы или Макартур? По какому праву какой-то американец может допрашивать меня относительно моих взглядов? Я спрашиваю вас — по какому праву?

— Вы задаете вопросы, точно школьник,— сказал Пирсон.— По какому праву!!! Неужели я должен именно вам разъяснять суть наших взаимоотношений с Вашингтоном?

Пирсон был, несомненно, прав. Норман отлично знал, каковы эти взаимоотношения. Он не мог припомнить времени, когда Канада не была бы должником США. Янки хозяйничали в важнейших отраслях экономики этой страны, распоряжались в нефтяной, горнорудной, металлургической, химической и автомобильной промышленности. Он знал о намерении правительства приступить к разведке нефтяных и газовых месторождений в Западной Канаде. Но для этого был нужен американский капитал. В Британской Колумбии намечалось строительство крупного алюминиевого комбината. И тут потребовались доллары. В Новом Квебеке предстояло открыть железный рудник. Снова без американцев ни шагу. Наиболее дальновидные отечественные политики и экономисты неоднократно подчеркивали, что именно в этом главная угроза национальной экономике Канады. Всякий раз, когда начинал назревать экономический кризис, американцы мгновенно запрещали ввоз канадских товаров в США. К тому же они все упорнее вытесняли своего младшего партнера с мирового рынка, а за предоставляемые кредиты недвусмысленно требовали от него безоговорочной поддержки своей политики. В США подобные взаимоотношения назывались «политикой доброго соседа». Канадцам же перед лицом политического и экономического превосходства США не оставалось другого выбора,

кроме как делать хорошую мину при плохой игре. Соединенные Штаты охотно называли Канаду своим другом, союзником и добрым соседом, поскольку она не предпринимала ничего, что шло бы вразрез с политикой и интересами Уолл-стрита. Нет, Пирсону в самом деле не к чему было просвещать Нормана относительно «добрососедской политики дяди Сэма». Поэтому министр только сказал:

— Поймите, мы не можем не считаться с их желаниями.

Норман беспомощно развел руками.

— Даже если они требуют, чтобы мы принимали всякое вранье за достоверные факты? Почему мы позволяем им обращаться с нами, как с неграми, разрешаем им превращать Канаду в подобие Техаса? Ведь это ни на что не похоже!

— Сейчас такими рассуждениями делу не поможешь,— сказал Пирсон в заключение.— Пусть пройдет время, а там посмотрим. Посылать вас обратно в Токио не имеет смысла. Макартур доведет дело до публичного скандала, а этого мы не можем допустить. Предлагаю вам до выяснения всех обстоятельств взять на себя руководство дальневосточным отделом министерства.

Травля продолжается

Прошло несколько месяцев. Казалось, предсказания Пирсона сбываются — дело бывшего посла в Токио забылось...

И вот канадское правительство объявило о назначении Эгертона Герберта Нормана главой канадской делегации на шестую сессию Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Это было очевидное повышение одаренного дипломата, свидетельство доверия к нему. Но не являлось ли это вместе с тем и вызовом, брошенным вашингтонским охотникам за ведьмами?

...Ранним августовским утром 1951 года, когда над Нью-Йорком еще не рассеялся туман и верхушки небоскребов таяли в тусклой дымке, Норман быстрым шагом вошел в стеклянный дворец на берегу Ист-Ривер — штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. В просторном холле были разложены утренние газеты. Норман на ходу машинально пробегал глазами заголовки. И вдруг его взгляд застыл в изумлении.

«Кто такой мистер Норман?» — гласила огромная, в полстраницы шапка. И под ней шрифтом помельче: «Главный ка-

надский делегат в ООН разоблачен как коммунист». Норман взял газету. Это был отчет о заседании подкомиссии сената США по делам внутренней безопасности.

Норман прочитал:

«...7 августа 1951 года перед сенатской подкомиссией по делам внутренней безопасности выступил с показаниями профессор д-р Карл Август Витфогель. Допрос вел Роберт Моррис, юрисконсульт подкомиссии. Вот несколько выдержек из протокола:

Д-р Витфогель: Я профессор Вашингтонского университета, где читаю лекции по китайской истории. Одновременно возглавляю Институт истории Китая, совместно патронируемый нашим и Колумбийским университетом. В 1920 году я вступил в Коммунистическую партию Германии и оставался ее членом до зимы 1932 года или до начала 1933 года, когда Гитлер пришел к власти. Я не был согласен с политикой этой партии.

Мистер Моррис: Д-р Витфогель, продолжали ли вы придерживаться коммунистических взглядов и после выхода из партии?

Д-р Витфогель: Если вы имеете в виду идеологическую сторону вопроса, то да, продолжал.

Мистер Моррис: Иными словами, хотя вы формально и не состояли в этой партии, ее члены считали вас своим человеком, относились к вам доброжелательно, не так ли?

Д-р Витфогель: Да, совершенно верно.

Мистер Моррис: Скажите, не знаком ли вам некто Финкельштейн? И если да, то известно ли вам, что летом 1939 года он руководил студенческим семинаром на мысе Код в штате Массачусетс?

Д-р Витфогель: Не в то лето, а годом раньше. Он был весьма активным сотрудником ряда широко известных академических организаций, к которым примыкают многие выдающиеся деятели. Это был очень дельный человек. Иногда он собирал студентов у себя дома.

Мистер Моррис: Он был коммунистом?

Д-р Витфогель: Да.

Мистер Моррис: Он говорил вам, что он коммунист?

Д-р Витфогель: Конечно, говорил.

Мистер Моррис: Была ли учебная группа, которой он руководил на мысе Код, коммунистической учебной группой?

Д-р Витфогель: Так прямо сказать нельзя. Это была группа его друзей, людей, несомненно разделявших его политические взгляды.

Мистер Моррис: Вы знали студентов этой группы?

Д-р Витфогель: Среди них был талантливый и приятный молодой человек, учившийся на японском отделении Колумбийского университета. Его звали Эгертон Герберт Норман.

Мистер Моррис: Он был членом этой учебной группы?

Д-р Витфогель: Да.

Мистер Моррис: Отдавал ли он себе отчет, что это — коммунистическая учебная группа?

Д-р Витфогель: Да, бесспорно.

Мистер Моррис: Бесспорно для вас?

Д-р Витфогель: Думается, это было ясно всем участникам.

Мистер Моррис: Следовательно, Норман был коммунистом?

Д-р Витфогель: Да».

Норман растерянно опустил газету. Он ничего не понимал. Как мог этот Витфогель говорить так о человеке, которого вообще не знал? Как могла официальная комиссия опубликовать подобные «показания очевидца», не дав себе труда заслушать обвиняемого? Разве свобода печати простирается так далеко, что предположения можно выдавать за факты?

«Главный канадский делегат в ООН разоблачен как коммунист».

Норман криво усмехнулся. Правда, имя Витфогеля было ему знакомо по нескольким книгам об Азии, но никогда в жизни он не встречался с этим господином лично. Верно, что в течение нескольких семестров он учился в Колумбийском университете, участвовал в работе дискуссионных кружков. Но кто из студентов не участвовал в них? Он никогда не ездил на мыс Код. Никогда не был коммунистом, хотя, полемизируя с коммунистическими оппонентами, порой восхищался их стойкостью и принципиальностью. Так что же, черт возьми, могло заставить этого Витфогеля распространять о нем заведомую ложь? Чьих это рук дело? Не продолжается ли прошлогодняя история?

Норман все еще стоял в холле. Он не сразу заметил, как удивленно смотрят на него проходящие. Обычно в столь ранний час здесь никто не читал газет.

Наконец, словно очнувшись, Норман с газетой в руке побрел дальше. Кто-то поглядел ему вслед и покачал головой.

Запершись в своем кабинете, канадский дипломат присел к письменному столу и снова уставился в газету.

«Главный канадский делегат в ООН разоблачен как коммунист».

Что же ему делать? Надо как-то защищаться, это ясно. Надо потребовать очной ставки с этим Витфогелем, настаивать на официальном опровержении в печати. Но этого недостаточно. Норман слишком хорошо знал повадки американских журналистов. Уж если никак нельзя обойтись без опровержения, то оно появляется где-нибудь на двадцатой полосе, где его никто и не увидит.

10 августа 1951 года канадские газеты опубликовали официальное заявление министра иностранных дел Пирсона. В нем говорилось: «Министерством получены сообщения, ставящие под сомнение лояльность мистера Нормана. В них утверждается, будто прежде он поддерживал связь с коммунистической партией. Правительственные органы безопасности самым тщательным образом проверили эти сообщения. Проверка выявила вполне безукоризненный облик г-на Нормана. Он был и остается ценным и заслуживающим доверия сотрудником министерства...»

Часть американской прессы перепечатала это заявление. Казалось, горизонт окончательно прояснился. Но прошло пять недель, и сенатская подкомиссия нанесла новый удар по Норману.

Второй протокол

Речь шла опять-таки всего лишь о выдержке из протокола, и хотя газеты напечатали ее без комментариев, каждое слово официального текста говорило само за себя:

«14 сентября 1951 года сенатская подкомиссия по делам внутренней безопасности заслушала показания, которые

идентифицирует мистера Нормана как сотрудника штабквартиры Союзнического верховного главнокомандования (СКАП) в Токио в 1945 году;

свидетельствуют об участии мистера Нормана в 1945 году в одной акции, в которой были замешаны японские коммунисты.

В качестве свидетеля был заслушан бывший чиновник госдепартамента США, ныне ушедший на пенсию Юджин Г. Думэн, который в 1945 году занимал должность председателя дальневосточной подкомиссии государственного комитета по координации деятельности армии и флота.

Членам подкомиссии была зачитана выдержка из книги «18 лет в заточении». Автор книги, выпущенной издательством Коммунистической партии Японии,— Иосио Сига. В упомянутой выдержке описывается освобождение группы японских коммунистов после войны. В книге Иосио Сига говорится, что заключенных коммунистов посетили мистер Норман и американский дипломат Джон К. Эммерсон, тогдашние сотрудники штаб-квартиры СКАП. Мистера Думэна попросили сообщить все, что ему известно об этом эпизоде.

Мистер Думэн: Гарольд Айзекс (корреспондент «Ньюсуик») и один французский корреспондент, известный как коммунист, посетили тюрьму Фучу. Несколько дней спустя, придя в штаб-квартиру СКАП, они рассказали о своих впечатлениях Эммерсону и, как мне кажется, Эгертону Г. Норману.

Мистер Моррис: Кем был Норман?

Мистер Думэн: Норман был сотрудником министерства иностранных дел Канады. Еще до войны он бывал в Токио и по поручению своего правительства занимался репатриацией канадских граждан из Японии. По завершении этой работы его откомандировали в аппарат СКАП. Итак, Эммерсон и Норман отправились в тюрьму Фучу и потребовали свидания с Токудой, Сигой и другими коммунистами.

Далее в книге сообщается, что 10 октября эти заключенные были выпущены из тюрьмы на основании распоряжения генерала Макартура об освобождении политических заключенных. В то время по всему Токио шли разговоры, будто Эммерсон и Норман отвезли Токуду и Сигу на служебной машине домой.

Сенатор Пат Маккарэн (Демократическая партия, председатель подкомисссии): Кто были Сига и Токуда?

Мистер Думэн: Сига был одним из виднейших руководителей компартии Японии.

Мистер Моррис: Какую реакцию вызвало освобождение этих двух людей?

Мистер Думэн: Как сказал мне один японец, в компартию Японии вступило 100 000 новых членов».

Норман негодовал. Опять ложь, опять гнусная практика публикации непроверенных сведений, опять люди, готовые затравить его до смерти, прибегают к запрещенным приемам. А ведь как легко было бы развеять в прах все бредовые измышления этого Думэна. Нечего сказать, свидетель! После войны Думэн вообще не был в Токио и о происходивших там событиях мог знать только с чьих-то слов или из печати.

Норман очень хорошо помнил октябрьские дни 1945 года. Его друг Джон Эммерсон, тогда один из адъютантов Макартура, пришел к нему и сказал, что поскольку оба они говорят по-японски, то им приказано посетить тюрьму Фучу и побеседовать с несколькими коммунистами, все еще находящимися в заключении. В тот же день вышел подписанный Макартуром приказ об освобождении всех политических заключенных. Эммерсон и Норман поехали в тюрьму, переговорили с узниками и доложили об этом американской контрразведке. Ее руководители решили допросить заключенных. Эммерсону и Норману предложили доставить японских коммунистов в штаб-квартиру. Они выполнили это распоряжение, а когда допрос окончился, отвезли японцев обратно в Фучу. Таким образом, вся «предосудительная акция» свелась лишь к точному выполнению приказаний Макартура.

Норман недоумевал. «Как могло случиться,— спрашивал он себя,— что Моррис, юрист по профессии, пренебрег самыми элементарными процессуальными правилами, почему он не заслушал меня? Или просто не хотел? Или тут какой-то заговор? Со мной решили разделаться? И кто же стоит за всем этим? Я должен добиться ясности! Полтора месяца назад, когда я попросил Роберта Морриса свести меня с Витфогелем, меня вообще не удостоили ответом, и пришлось удовлетвориться лишь заявлением Пирсона. Однако теперь этого уже недостаточно. Маккарэн и Моррис явно намерены продолжать травлю. Значит, я обязан с еще большей настойчивостью повторить свое прежнее требование».

Норман тут же написал новое письмо в сенатскую подкомиссию по делам внутренней безопасности. Но и оно осталось без ответа. Вместо ожидаемых разъяснений Норман через несколько дней получил телеграмму из Оттавы, в которой лаконично сообщалось, что он отстраняется от выполнения обязанностей главного делегата Канады при Организации Объединенных Наций.

Из Веллингтона в Каир

Канадское правительство вновь отвергло беспочвенные обвинения, выдвинутые против Нормана. Однако министр иностранных дел Пирсон сознавал, что, пока Норман остается на одном из главных участков международной политики, его не перестанут преследовать. Поэтому он решил вывести его из-под огня охотников за ведьмами: Нормана назначали послом Канады в Новой Зеландии. Этот пост считался незначительным и сулил ему покой, в котором он уже давно нуждался.

В душе Норман благодарил министра.

В Веллингтоне, столице Новой Зеландии, этой «страны длинного белого облака», измученный дипломат в самом деле обрел покой, даже в избытке. При населении в сто с небольшим тысяч человек, не знающих ни сутолоки, ни бешеного ритма многомиллионных столиц, Веллингтон производил впечатление провинциального города средней руки. Норману казалось, будто здесь вообще неведомы волнения, будто «большая политика» проходит где-то стороной, далеко-далеко от этого «периферийного» государства.

Даже обычная дипломатическая рутина оказалась здесь настолько упрощенной, что вскоре он начал уделять значительную часть своего времени изучению особенностей этой незнакомой ему страны.

Он прочитал легенду о Купе, вожде полинезийского племени, который, охотясь за десятируким морским чудищем, попал на какой-то неизвестный остров с высокими горами, сплошь окутанными туманом. «Длинное белое облако» — так назвал Купе остров...

Вскоре Норман понял, что история Новой Зеландии далеко не так романтична, как эта легенда. Многие ее перипетии напоминали летопись североамериканского континента. И здесь тоже была написана одна из самых страшных страниц в истории колониализма. В 1769 году в Новой Зеландии высадился английский завоеватель Джеймс Кук и объявил ее собственностью британской короны. За ним потянулись английские войска и купцы. С помощью оружия и «огненной воды» они начали покорять и оттеснять в глубинные районы коренных местных жителей — маори. Три десятилетия сражались маори против чужеземцев, но в ходе этой неравной борьбы были почти полностью истреблены. Немногих уцелевших завоева-

тели загнали в пустынные районы. Ныне, подобно американским индейцам, маори ведут полуголодное существование в резервациях, и, так же как индейцев в США, их показывают туристам как диковинку.

Канадскому послу стало ясно, что безмятежный с виду облик Веллингтона обманчив. Под покровом мнимого спокойствия здесь велась ожесточенная конкурентная борьба между Англией и США за использование Новой Зеландии в качестве рынка сбыта и поставщика сырья. На протяжении столетий Великобритания намеренно мешала развитию этого доминиона, превратив его в экономически немощный и отсталый колониальный придаток. В стране, например, было очень развито овцеводство: поголовье овец исчислялось здесь в сорок с лишним миллионов голов. Но в магазинах Веллингтона и других городов продавались шерстяные изделия только английского или американского происхождения. Обе великие державы непрерывно грызлись из-за этого выгодного рынка сбыта. Однако расплачивалось за их грызню местное население: то и дело повышались цены, возрастали налоги.

Норман подробно изучил все это и даже принялся было писать книгу о своих новозеландских впечатлениях. Годы, прожитые в Веллингтоне, постепенно принесли ему успокоение, восстановили веру в себя. Он надеялся, что люди, причинившие ему столько зла в 1950 и 1951 годах, рано или поздно сойдут со сцены, что звезда их закатится. И такая надежда казалась вполне обоснованной: сенатор Маккарти исчез с политической арены, общественное мнение все резче осуждало полицейский контроль над мыслями.

Пирсон, тоже пришедший к такому же мнению, решил, что настало время вновь доверить одному из лучших своих дипломатов более ответственный пост. Нормана назначили послом Канады в Египте и Ливане.

Он приехал в Каир в тот самый день, когда президент Насер, выступая на массовом митинге в Александрии, высказался за национализацию компании Суэцкого канала.

«Из года в год,— говорил Насер,— компания Суэцкого канала обкрадывала нас, наполняя свои сейфы многими миллионами египетских фунтов, принадлежащих нам. Кроме того, канал строился руками самих египтян, и сто двадцать тысяч из них погибли при этом. Доход от канала мы используем для сооружения Асуанской плотины. Она поднимется на костях

наших ста двадцати тысяч соотечественников. Мы уповаем на собственные силы, на собственные мускулы и деньги».

Стотысячный митинг с энтузиазмом встретил слова президента.

Норман не одобрял этого шага Насера, хотя и сознавал, чем он вызван. Идея же строительства Асуанской плотины по-настоящему захватила его: он понимал, что осуществление проекта сулило египтянам много добра. Огромная часть территории страны — пустыня, где невозможно жить. Население скучилось в плодородной дельте Нила и вдоль берегов великой реки. Но если на юге, там, где река извивается в зажатой скалами долине шириной в пять километров, перегородить ее течение, то это позволит решить сразу две задачи. Электростанция даст молодой национальной промышленности необходимую энергию, а возникшее благодаря плотине искусственное море позволит обводнить почти миллион гектаров ныне бесплодных земель.

Стоимость плотины была определена в 1,3 миллиарда долларов. 900 миллионов ассигновала египетская казна, остальное намечалось покрыть за счет иностранных кредитов. Англия и США изъявили готовность предоставить заем в 400 миллионов, но взамен потребовали «гарантий»: присоединения Египта к Багдадскому пакту, прекращения продажи хлопка социалистическим странам, отказа от признания Китайской Народной Республики. Насер решительно отверг этот ультиматум. 19 июля 1956 года государственный секретарь Даллес пригласил к себе египетского посла в Вашингтоне и заявил ему, что США снимают свое предложение о финансировании Асуанской плотины, поскольку Египет отказывается дать требуемые «гарантии».

Речь Насера в Александрии как раз и явилась ответом на шантаж американцев...

После нескольких спокойных лет, проведенных в Веллингтоне, Норман с головой ушел в активную дипломатическую деятельность. Канадское правительство решило выступить посредником в вопросе об Асуане, и он занялся подготовкой соответствующего предложения. Начались почти круглосуточные совещания, бурные дискуссии.

Потом было совершено нападение на Египет, ошеломившее Нормана. До последней минуты он твердо верил, что вооруженный конфликт удастся предотвратить. А теперь Англия

и Франция, вопреки всем, в том числе и его предостережениям, прибегли к жестокой, грубой силе, все еще полагая, будто они в состоянии вернуть себе Суэц и вновь поставить под свой контроль всю страну. Конечно, Норман был прекрасно знаком с политической практикой западных держав на Ближнем Востоке, но когда он увидел разрушенный бомбами Порт-Саид, сердце его сжалось.

В своих донесениях и беседах он выражался прямо, без обиняков. Как всегда, он и теперь считал необходимым открыто говорить о тяжелых последствиях, которые неминуемо повлекли за собой ошибочные политические шаги. Он упрекал американцев, подчеркивая, что, отказавшись предоставить кредиты для Асуанской плотины, правительство США само вызвало контрмеры египетского руководства. Всему миру известно, заявил посол, что для англо-франко-израильской агрессии было использовано почти исключительно американское оружие, что вся американская пресса как по команде встала на сторону агрессоров и что поэтому Соединенным Штатам никак не пристало разыгрывать оскорбленную невинность или пытаться выступить в роли посредника. Подобная тактика ни к чему не приведет. Политика Запада на Ближнем Востоке должна быть ясной и определенной: надо безоговорочно признать равноправие арабских государств и соответственно относиться к ним. Западным столицам следует раз и навсегда понять, что политика канонерок и угроз безвозвратно ушла в прошлое.

В Вашингтоне опять стало известно о донесениях Нормана, и тут обнаружилось, что, хотя Маккарти и Маккарэн уже числились покойниками, их дух был так же жив, как и в самые страшные дни их зловещей деятельности.

Шантаж

В этот холодный мартовский день 1957 года в палате представителей конгресса США царило необычное оживление. Различные комиссии и подкомиссии заседали в украшенных мраморными колоннами просторных залах, холодная пышность которых повергала в смятение всякого, кто попадал сюда впервые.

У входа в зал № 226 стояли два здоровенных полицейских. Сдвинув на затылок темные фуражки, они со скучающим ви-

дом ощупывали кобуры своих револьверов, изредка прерывая это занятие, чтобы проверить пропуск у входящих в зал.

А здесь, в упомянутом зале № 226, собралась сенатская подкомиссия по делам внутренней безопасности. Любое ее заседание само по себе уже считалось маленькой сенсацией. Но сегодня, когда она собралась в почти полном своем составе — от председателя Джеймса Истленда, ярого негрофоба, до юрисконсульта Роберта Морриса,— все ждали чего-то особенного. В таком составе подкомиссия, о которой было известно, что в свое время она действовала теми же методами, что и Маккарти, давно уже не собиралась. Злые языки утверждали, что цель сегодняшнего ее заседания — привлечь к себе внимание прессы, оживить несколько ослабевший интерес американцев к этому органу и его руководящим деятелям.

В самом зале заседаний не было никаких украшений, если не считать звездно-полосатого флага. Посредине помещения стоял большой овальный стол, за которым восседали сенаторы Истленд, Уоткинс и Дженнер, юрист Роберт Моррис и их многочисленные помощники и советники.

Адвокат Моррис, стройный брюнет с несколько расплывшимся лицом и колючими черными глазками, встал и объявил:

— Сенатская подкомиссия по делам внутренней безопасности вызвала сегодня гражданина Соединенных Штатов Америки Джона Эммерсона. Мистер Эммерсон — заместитель начальника миссии и советник посольства США в Ливане.

В зал вошел высокий мужчина лет сорока. Глаза, беспокойно бегающие за стеклами очков без оправы, и губы, искаженные резко выделяющимися челюстями, придавали его лицу выражение испуга. Он заметно нервничал. Его смущало это множество людей, с напряженным ожиданием смотревших на него. Осторожно скользя взглядом, он оглядел всех сидевших за овальным столом.

Моррис предложил ему сесть, взглянул на Истленда и, когда тот кивнул, начал задавать Эммерсону обычные вопросы, касающиеся семейного положения, образования, карьеры, последней должности. И вдруг без всякого перехода, словно допрос был в самом разгаре, Моррис назвал имя Эгертона Герберта Нормана. Пошла игра в вопросы и ответы, представление о которой дает следующий кусок стенограммы:

«*М-р Моррис:* Известно ли вам, что-нибудь о том, что мистер Норман коммунист?

Мистер Эммерсон: Нет, об этом мне ничего не известно.

Мистер Моррис: У нас есть сведения, что мистер Норман, который, как и вы, работал в аппарате СКАП в Токио, в студенческие годы был членом коммунистической группы. Вы не знали, что он коммунист?

Мистер Эммерсон: У меня никогда не было оснований считать его коммунистом, ни тогда, ни теперь.

Мистер Моррис: В нашем распоряжении имеются секретные донесения. Все они без исключения подтверждают, что Норман коммунист.

Мистер Эммерсон: Но, насколько мне известно, в 1951 году канадское правительство опубликовало заявление, в котором все упреки по адресу Нормана отвергались как беспочвенные.

Сенатор Уоткинс (республиканец, штат Юта): Вы друзья с Норманом?

Мистер Эммерсон: Я знаком с ним примерно с 1940 года.

Сенатор Уоткинс: Переписываетесь?

Мистер Эммерсон: Нет, не переписываемся.

Мистер Моррис: Вам следует понять, мистер Эммерсон, что этот вопрос очень интересует нас, и вы должны помочь нам внести в него полную ясность.

Напомню вам, что в нашем распоряжении есть свидетельские показания выдающегося китаиста профессора Витфогеля о том, что Норман был членом коммунистической студенческой группы. Затем у нас имеется донесение разведки, из которого явствует, что мистер Норман был отозван из Японии именно тогда, когда правительство Канады узнало о некоторых его связях с коммунистами. В том же донесении говорится, что один из свидетелей его бракосочетания, некто Холмс, был... ну, скажем, был весьма близок к коммунистам. И наконец, мы располагаем показаниями мистера Думэна о том, какую роль сыграл Норман в ходе освобождения японских коммунистов в 1945 году.

Вы легко поймете, мистер Эммерсон, что при таком положении вещей нам желательно узнать все подробности о ваших взаимоотношениях с Норманом. Подкомиссию особенно интересуют причины той активности, которую проявил Норман в истории с японскими заключенными. Нам представляется, что вы могли бы весьма многое сообщить об этом.

Мистер Эммерсон: Могу лишь повторить, что мои отношения с Норманом в довоенные годы носили чисто дружеский характер. Мы оба интересовались Японией, ее культурой, историей и литературой. Затем, уже после войны, мы опять встретились в Токио, на сей раз как сотрудники СКАП. Что же касается освобождения заключенных из тюрьмы Фучу, то здесь нет ничего загадочного или таинственного. В данном случае мы просто выполняли распоряжения верховного главнокомандующего, и мистер Думэн должен об этом знать.

Мистер Моррис: Когда вы видели Нормана в последний раз?

Мистер Эммерсон: В последний раз я видел его 27 октября 1956 года в Бейруте.

Сенатор Дженнер (республиканец, штат Индиана): Тогда, когда он вручал там свои верительные грамоты? И вы провели с ним много времени?

Мистер Эммерсон: Нет, наша встреча была короткой, ибо в тот же день я вылетел в Штаты.

Мистер Моррис: Сколько же времени вы были вместе? Пожалуйста, уточните.

Мистер Эммерсон: Около двух часов, он и его жена навестили нас.

Сенатор Дженнер: Как он узнал, что вы в Бейруте?

Мистер Эммерсон: Думаю, от друзей. У нас с ним множество общих друзей. Кроме того,— и это я хочу снова подчеркнуть — у меня не было оснований считать его коммунистом.

Сенатор Уоткинс: Я задаю свои вопросы, чтобы установить, симпатизировал ли Норман в прошлом и продолжает ли симпатизировать в настоящем коммунистической философии, или России, или коммунизму вообще. Ваш долг — раскрыть перед нами все, что вам известно в этой связи. Хочу подчеркнуть со всей определенностью: такая информация нужна не нам, а нашему правительству и также правительству Нормана.

Может показаться подозрительным, что вы и Норман — люди, которым несколько лет назад предъявлялись одинаковые обвинения,— вдруг встречаетесь в Бейруте. Вы утверждаете, что недолго беседовали с ним. Но кто может это подтвердить? Да и что, в сущности, значит «непродолжительная беседа»? Ведь все дело в том, о чем люди говорят при встрече.

Мистер Эммерсон: Я уверен, что вел себя бдительно и осторожно.

Сенатор Уоткинс: Вы не припоминаете ничего такого, что позволило бы сделать заключение о нелояльности Нормана по отношению к своей стране и к другим свободным странам?

Мистер Эммерсон: Припоминаю один разговор в Токио, который почему-то сохранился в моей памяти. Мы брали интервью у одного японца, его имя я забыл. Кажется, это был член социалистической партии Японии, не коммунист. Хотя, по-моему, вообще нельзя говорить с уверенностью, что кто-то коммунист или некоммунист.

В ходе разговора мистер Норман одобрил один из тезисов, выдвинутых японцем. Я обратил на это внимание потому, что, когда сам беседую с членами той или иной политической партии, никогда не присоединяюсь к точке зрения, высказываемой моим собеседником. Однако даже это замечание Нормана нельзя было истолковать как принадлежащее коммунисту или члену коммунистической партии. Мистер Норман показался мне тогда скорее человеком либеральных взглядов. Он просто интересовался левым движением в Японии...».

Последний акт трагедии

За окнами стемнело. Окончился напряженный рабочий день. Посол Норман надел легкое пальто и собрался отправиться к себе на квартиру. Вечерние поездки домой всегда радовали его. Североафриканский климат действовал на него благотворно. Он любил медленно ехать по ярко освещенным улицам Каира, смотреть на потоки машин и пестрый людской водоворот, полной грудью вдыхать прохладный воздух.

После трудных дней англо-французской агрессии столица Египта точно возродилась к новой жизни...

Норман направился было к двери, как вдруг резко зазвонил телефон. Международная телефонная станция сообщила, что через минуту на проводе будет Бейрут. «Бейрут? — удивился он.— Оттуда меня может вызвать только Эммерсон. Вероятно, хочет приехать на несколько дней в Каир».

Снова частые короткие звонки. Это был в самом деле Джон Эммерсон. Но едва Норман успел поздороваться со своим старым приятелем, как тот возбужденно заговорил.

И чем дальше говорил голос из далекого Бейрута, тем бледнее становился Норман. Что говорит Эммерсон? В сознании застревали какие-то обрывки фраз... Подкомиссия снова разбирала вопрос о нем... Бессмысленная клевета... Опять вытащили на поверхность показания Думэна и Витфогеля... Перекрестный допрос... Выжали, как лимон... Протокол будет опубликован...

Когда Норман все понял, он крикнул в трубку:

— Джон, но ведь это чистейшее безумие. Что я сделал этим людям? Как они смеют утверждать то, что не могут доказать? Чего им в конце концов надо?

— Ты говоришь о доказательствах? — снова донесся хриплый голос Эммерсона.— Они им ни к чему...

Послышался щелчок, разговор оборвался. Норман быстро застучал по вилке аппарата. Но станция связь не восстановила. С трудом овладев собой, Норман медленно повесил трубку.

Он застыл около письменного стола, не в силах сосредоточиться.

«Что же все это значит? Кто и во имя чего ведет против меня подкоп? Почему меня везде преследуют? Почему я нигде не могу спастись?.. Значит, ложь действительно сильнее правды? Разве слова моего правительства, разве мои собственные слова уже совсем ничего не значат?

Неужели снова начинается та же травля? Снова расследования, торжественные заявления, докладные записки, плохо прикрытое недоверие, сочувствие, насмешки и, наконец, какая-то крохотная газетная заметка, опровергающая обвинения, о которых пресса долго и упорно трезвонила на весь мир... Пережить такое еще раз?»

Нет, этого он не мог, не хотел. Он снял трубку и набрал свой домашний номер:

— Ирэн, дорогая, не сердись, что я не еду домой, но у меня работы невпроворот. Вероятно, придется просидеть до утра. Завтра все расскажу.

Норман снял пальто, затем сел за письменный стол, положил правую руку на левую и безжизненным взглядом уставился на матовый абажур. Так, почти не шевелясь, он просидел несколько часов. Лишь когда забрезжил рассвет, он встал, подошел, к окну, отдернул гардину и дождался восхода солнца. Решение созрело.

Он вернулся к столу и начал писать, сначала медленно, потом все торопливее. Исписанные листки он сложил с той тщательностью, которая отличала его всегда. Потом аккуратно заклеил конверты и надписал адреса. Одно письмо предназначалось жене, второе — Бринольфу Энгу, его другу.

В последний раз он окинул взглядом привычную обстановку кабинета, затем уверенным шагом пересек его и прикрыл за собой дверь.

Через несколько часов мир облетела весть: «Канадский посол в Египте Эгертон Герберт Норман покончил с собой, выбросившись с крыши каирского отеля «Панорама Нила»...»

Когда причины этого вынужденного самоубийства стали известны, на Джеймса Истленда, Роберта Морриса и их подручных посыпался град едких упреков. Даже те газеты, которые при жизни Нормана кричали о его «принадлежности к коммунистам», теперь обратили свой гнев против сенатской подкомиссии.

Сколько тут было пафоса и благородного негодования!

Комментатор «Нью-Йорк пост» Макс Лорнер писал:

«Есть много способов убить человека. Его можно умертвить непосредственно, например в бою или напав на него из-за угла. Но человека можно убить и косвенно, погубив его имя и карьеру, доведя его до последней грани отчаяния, когда он уже не может надеяться ни на что. Будь я членом сенатской подкомиссии, воспоминание о смерти мистера Нормана до гроба лежало бы тяжелым камнем на моей совести».

Было много выпадов против подкомиссии, сказано много сочувственных слов по адресу покойного Нормана.

Даже сам Джон Фостер Даллес, и тот, казалось, расстроился. Через посла США в Оттаве он передал Пирсону свое «глубоко прочувствованное соболезнование».

Тут Джеймс Истленд не выдержал. Ему надоело играть роль козла отпущения, и он сделал официальное заявление, в котором, в частности, говорилось: «...Разрешение на опубликование протокола было дано государственным департаментом. Меня известили, что его можно передать в печать. Со всей категоричностью заявляю, что я получил такое указание...»

●

• Человек, который покончил с собой на чердаке

Вынужденная посадка

Установка искусственного климата подавала в салон самолета слегка охлажденный воздух, и дышалось легко. Стюардесса, стройная смуглая девушка с большими черными глазами, медленно шла по проходу и осведомлялась о желаниях пассажиров, которые, удобно откинувшись в креслах, курили и разговаривали. Она посмотрела на часы. Еще пятьдесят минут, и «Дуглас» приземлится на тунисском аэродроме. Тогда можно будет отдохнуть. А завтра — обратный рейс в Рабат.

На стабилизаторе машины ярко выделялись опознавательные знаки Марокко: по фюзеляжу протянулась надпись «Эр Атлас» — название марокканской авиакомпании. Самолет совершал регулярные рейсы на линии Рабат — Тунис. Трасса, пролегавшая вдоль североафриканского побережья, считалась спокойной, и этот день, 23 октября 1956 года, тоже, казалось, не предвещал никаких осложнений.

Ахмед Бен Белла сидел справа у иллюминатора, прямо за кромкой крыла. Ему был хорошо виден знакомый берег. Родина! Как хотелось быть снова там, на любимой земле, благословить каждый ее холм, каждый камень. Прошло уже два с лишним года, как он по заданию Революционного комитета единства и действия покинул Алжир.

Подошла стюардесса. Склонившись над Бен Беллой и указав рукой на побережье, она промолвила:

— Оран.

Горизонт пестрел зелеными, белыми и серыми тонами. Оран!

В Оране он прожил немало времени, хорошо помнил узкие, извилистые улочки арабских кварталов. Здесь он служил в рядах французской армии, которую возглавлял генерал де Голль. В чине сержанта сражался с фашистами и за храбрость был четырежды отмечен в приказах командования.

И он и его товарищи верили, что с окончанием войны придет конец также французскому гнету. Но уже 8 мая 1945 года им пришлось убедиться в обратном. В самый разгар торжеств в честь победы колониальная полиция спровоцировала кровавые столкновения. Сорок тысяч алжирцев были убиты. Лишь немногим патриотам удалось уйти в горы. Там они создали первые национальные партизанские отряды.

«Банк де л'Юньон паризьенн», «Банк Ротшильд фрер», концерн «Пеньярройя», монополистическая группа Оттингера, концерн «Де Вандель», компания «Креди эндюстриэль э коммерсиаль», фирма «Лафарг», семейство Боржо, крупные французские землевладельцы (так называемые колонисты), торговцы и чиновники — никто из них и не помышлял о добровольном уходе из страны, в которой с 1830 года они постепенно прибрали к рукам залежи фосфатов, железных, свинцовых, цинковых, медных и марганцевых руд, завладели торговлей, финансами, сельским хозяйством. Их никогда не трогали нечеловеческие страдания алжирских рабочих и крестьян, вечно голодных и изможденных, почти сплошь неграмотных. Но настал день, когда могучее народное движение вынудило колонизаторов переменить тактику. Они «даровали» алжирцам некоторые незначительные полномочия административного характера.

Ахмед Бен Белла стал советником оранской общины. В полную меру возможного использовал он свое новое положение для организации движения Сопротивления. И когда в 1948 году руководители мелкобуржуазного «Движения за торжество демократических свобод» решили создать подпольную боевую организацию, двадцатидевятилетний Бен Белла возглавил ее. Готовясь к вооруженному восстанию, эта организация собирала оружие и устанавливала связь с партизанами. Ее первым значительным выступлением, задуманным как сигнал к всеобщему восстанию, был штурм здания оранского почтамта в 1950 году. Но сигнал этот оказался преждевременным. Малочисленные, плохо вооруженные и слабо организо-

ванные, повстанцы потерпели неудачу и были схвачены французскими колониальными властями.

Палачи хотели заставить их развязать языки. В ход было пущено все — от торжественных обещаний и всяческих посулов до средневековых тисков для выкручивания пальцев и вполне современной пытки электрическим током. Но смельчаки молчали. Они пережили страшные дни, полные ни с чем не сравнимых мук, размышлений о собственной жизни и смерти, о будущем Алжира. Потом, закаленные в горниле страданий, начали осторожно и тщательно готовиться к побегу. Вскоре им удалось наладить контакт с внешним миром, и утром 16 марта 1952 года французские охранники каторжной тюрьмы Блида обнаружили несколько пустых камер. Бегство из этого узилища, обнесенного двойными и даже тройными стенами, казалось каким-то чудом.

Вспомнив побег из Блиды, Бен Белла невольно улыбнулся. Он живо представил себе, как бесновались в тот день тюремщики, какие изрыгали проклятия. А в последующие годы эти проклятия становились все более яростными, ибо из группы беглецов выковалась плеяда бесстрашных руководителей Фронта национального освобождения.

Нелегок был их путь. Бен Белле и его друзьям пришлось преодолеть неимоверные трудности, прежде чем 1 ноября 1954 года в лесах и в горах, в «касбах» (арабских кварталах) крупных городов разразилась наконец буря. Безнаказанному произволу шестидесятитысячной колониальной армии пришел конец, везде ее подстерегали неприятности. Ее базы снабжения и коммуникации стали излюбленными объектами нападения муджахидов — солдат партизанских подразделений. Алжирцы больше не желали быть рабами, людьми второго сорта, они твердо решили использовать для собственного блага сокровища своей родины — угольные залежи Колон-Бешара, нефть, высококачественную железную и марганцевую руду, медь Сахары. И еще они не желали, чтобы Алжир оставался военной базой НАТО.

С того памятного дня Бен Белла лихорадочно работал над претворением в жизнь написанного им программного воззвания Фронта национального освобождения. Алжирцы сформировали свою Национально-освободительную армию, и она начала одерживать победу за победой. Колонизаторы усилили террор. С декабря 1954 года, когда повстанцы провели пер-

вую успешную операцию в горах Орес, до февраля 1955 года были арестованы и подвергнуты пыткам 80 000 алжирцев. Личный состав колониальных войск возрос до 400 000 человек. Они создавали «зоны смерти», устраивали карательные экспедиции — массовые убийства женщин и детей. Хорошо обученная, оснащенная по последнему слову военной техники и обладавшая большим численным превосходством французская армия никак не могла справиться с разутыми, плохо вооруженными муджахидами.

За три месяца до этих кровопролитных боев, в дни 126-й годовщины оккупации Алжира французскими войсками, страна пережила беспримерную в ее истории всеобщую забастовку. Несколько раньше бойцы военной организации Алжирской коммунистической партии влились в ряды Фронта национального освобождения.

Народ единодушно поддерживал родную армию-освободительницу.

В этих условиях в долине Суммам собрался первый съезд революции. А два месяца назад, 20 августа 1956 года, в той же долине был учрежден Национальный совет алжирской революции, избравший Комитет координации и действия, который, в сущности, стал алжирским военным кабинетом.

И вот теперь несколько его членов следовали на самолете в Тунис.

Бен Белла смотрел вниз, на воду. Какое-то грузовое судно шло курсом на запад. Оно напоминало игрушечный кораблик в ванне. Белый след за кормой походил на хлопья мыльной пены. Бен Белла очень любил море. В Оране он частенько бывал в порту, жадно вдыхал просмоленный воздух, часами вслушивался в шум прибоя. Страстно мечтал он о поре, когда Оран станет главными морскими воротами свободного Алжира...

Вдруг он насторожился. Резкий свист, становившийся с каждой секундой все пронзительнее, заглушил рокот моторов «Дугласа». Этот свист был ему знаком. Его могли издавать только двигатели реактивных самолетов. Через мгновение он увидел три истребителя, пристроившихся к воздушному лайнеру. Сине-бело-красные круги на фюзеляжах и стабилизаторах выдавали их принадлежность к французским ВВС.

Бен Белла посмотрел на своих четырех товарищей, с тревогой глядевших в иллюминаторы. С другого борта тоже появились истребители.

Дверь пилотской рубки открылась. В салон вошла бледная стюардесса.

— Дамы и господа! — произнесла она.— Французские военные самолеты потребовали, чтобы мы приземлились в Алжире. Это противоречит международному праву, и мы не станем выполнять их требования.

Бен Белла внимательно следил за истребителями. Когда головная машина выбросила по курсу «Дугласа» световую ракету, он понял, что ссылки на международное право вряд ли остановят французских летчиков. Внезапно в голове мелькнула догадка, сперва показавшаяся неправдоподобной: «Неужели им известно, что в этом самолете летим мы? Ведь о нашей поездке знают считанные и вполне надежные люди. Впрочем, чем черт не шутит — вдруг кто-то где-то невзначай обронил неосторожное слово».

Мгновенно приняв решение, Бен Белла распорядился:

— Немедленно уничтожить все документы! Нас несомненно заставят приземлиться. Будет обыск. Но французы ничего не найдут.

Он произнес это шепотом.

— Ты думаешь, они осмелятся? — спросил один из его спутников.

За бортом застрекотал пулемет. Мимо иллюминаторов пронеслась очередь трассирующих пуль.

— Вот тебе и ответ,— сухо заметил Бен Белла.

— Как они могли узнать?

— Этого я пока не знаю. Но раздумывать некогда. Сейчас же передай остальным — ни один документ не должен попасть в руки французов. Проследи, чтобы все бумаги были уничтожены...

Снова открылась дверь рубки. На сей раз из-за спины взволнованной стюардессы показался командир корабля. Девушка начала что-то говорить, запнулась и умолкла. Тогда первый пилот, выйдя вперед, объявил:

— Должен вам сообщить, это эти шесть истребителей,— он указал большим пальцем назад,— пригрозили мне открыть огонь, если я не сяду в Алжире. Вы, конечно, понимаете, что я вынужден подчиниться силе.

Затем, не дожидаясь вопросов или возражений, он круто повернулся и скрылся в рубке.

«Дуглас» медленно подруливал к аэровокзалу. Еще издали Бен Белла увидел несколько групп людей. Вскоре он обнаружил, что это автоматчики парашютно-десантных войск. Около солдат стояло несколько человек в штатском.

Моторы заглохли.

К лайнеру подкатил трап. Едва стюардесса открыла дверь, как по ступенькам стремительно взбежали два парашютиста и один штатский.

Кто-то из пассажиров попытался загородить дверь, воскликнув при этом:

— Я протестую!

— Протестуйте сколько угодно! — грубо ответил штатский. В руке он держал пистолет.

Парашютисты оттолкнули пассажира.

— О, месье Бен Белла! — Штатский поклонился, не скрывая насмешливой улыбки.— С каким нетерпением мы ждали вас! — Он оглядел алжирцев, сопровождавших Бен Беллу.— Уж мы постараемся, чтобы вы себя чувствовали у нас хорошо! Не сочтите за труд поднять лапки кверху...

Щелкнули наручники.

«Кто же предатель? — спрашивал себя Бен Белла.— Как они узнали о нашем полете?»

И, обратившись к штатскому, громко сказал:

— Не думал, что французы способны на такие пиратские трюки.

Атташе

Эффектная наружность Рене Дюбуа бросалась всем в глаза. Статная фигура, виски, слегка тронутые сединой, холеная бородка. Сотрудницы бернского Бундесхауза, резиденции швейцарского правительства, были без ума от этого искушенного, темпераментного сердцееда и, когда он пружинящей походкой спускался по лестнице, нередко провожали его томными взглядами.

Были у него почитатели и среди мужчин. Но те, что числились его друзьями, ценили в нем, разумеется, отнюдь не засеребрившиеся виски и очень мало интересовались его явным

успехом у женщин. Все они добивались милостей Дюбуа и льстили ему по той единственной причине, что он занимал один из важнейших ключевых постов в правительственном аппарате Швейцарии. Дюбуа был федеральным прокурором, то есть высшим обвинителем и первым следователем страны, а вдобавок еще и начальником тайной полиции. Видимо, последней из этих трех функций и объяснялось, несомненно, обманчивое впечатление, будто у него так много друзей, в особенности в Бундесхаузе.

В это октябрьское утро 1956 года Дюбуа, как обычно, попросил секретаршу принести свежие газеты. С нескрываемой радостью он прочитал сообщение о захвате Бен Беллы, напечатанное под броским, жирным заголовком.

Несколько газет, назвавших этот инцидент примером воздушного пиратства, он небрежно отодвинул в сторону.

«Чистая работа,— удовлетворенно подумал он,— даже очень чистая... А ведь все я!»

Секретарша доложила о прибытии господина Мерсье.

— Просите,— бросил Дюбуа.

В комнату быстрым шагом вошел широкоплечий мужчина среднего роста. Его полное лицо сияло.

— Здравствуйте, господин Дюбуа,— громко приветствовал он федерального прокурора и, взглянув на письменный стол, добавил:

— Вижу, вы уже информированы о последних событиях. Позвольте поздравить вас, а заодно, естественно, я хочу поздравить и себя.

— Как же, как же! Прежде всего себя! — улыбнулся Дюбуа и жестом пригласил Мерсье сесть.

— Нет времени, дорогой мой,— сказал тот.— Предстоит важное совещание. Приехал один человек из Парижа, понимаете?

— Вы и вправду намерены сразу же уйти? — разочарованно спросил Дюбуа, которому так хотелось поболтать об удавшейся операции.

— Да, сразу же! Хотел только пригласить вас на небольшое торжество в посольстве,— ответил француз.— Завтра вечером. Будут только свои. Так сказать, встреча в честь победы. Без вас никак не обойтись. И кроме того, надо же нам выпить за успех главного удара.

— Разве уже настала пора? — изумленно спросил Дюбуа.

— Да, скоро мы ударим. И ударим крепко. От Насера останется пшик! — торжествующе заявил Мерсье. И, уже взявшись за ручку двери, добавил:

— Завтра все узнаете. Прощайте!

Он направился к двери, но вдруг остановился, снова повернулся к Дюбуа и негромко сказал:

— Чуть не забыл. Есть для вас еще одно приглашение: мое начальство просит вас приехать на две недели в Париж.

Мерсье многозначительно подмигнул прокурору и удалился.

Оставшись наедине, федеральный прокурор почувствовал раздражение, несмотря на два столь лестных приглашения. Ему так хотелось поговорить с этим французом, которого он считал своим другом, об алжирском эпизоде. Но француз ушел...

Официально Марсель Мерсье считался торговым атташе французского посольства в Берне, хотя на деле не имел никакого отношения ни к торговле, ни к дипломатии. Дюбуа хорошо запомнилось, с какой откровенностью полковник Мерсье на одном приеме во французском посольстве представился ему как руководящий сотрудник Второго бюро — разведывательного отдела французского генерального штаба. Это было всего через несколько дней после их знакомства.

Прошло немного времени, и Мерсье дал понять Дюбуа, что имеет задание собрать подробные сведения о деятельности алжирских агентов в Швейцарии. Он не сомневался, что именно через эту страну организуется снабжение Фронта национального освобождения оружием. Затем намеки вылились в конкретную просьбу: не согласится ли господин генеральный прокурор помочь в этом деле? Разумеется, услуга за услугу. Любую важную информацию, которой располагает его бюро, он сможет незамедлительно передать швейцарской тайной полиции. К тому же он, Мерсье, поддерживает самый тесный контакт с генералом Геленом и с английской «Сикрет сервис».

Дюбуа опешил. На своем веку он повидал немало самых различных торговцев информацией, но такой лобовой атаке еще не подвергался. Времени на размышления не было. Немного поколебавшись, он решил принять предложение француза. В конце концов такие взаимные услуги в их деле сулят и личную выгоду — ведь тут всегда пахнет деньгами; следовательно, можно урвать кругленькую сумму и для себя, а фран-

ки, как известно, на улице не валяются... Но федеральный прокурор не знал, что полковник Мерсье предварительно собрал самые детальные данные о политическом прошлом своего коллеги. Сделать это ему было тем легче, что карьера Дюбуа протекала на виду у всех.

Еще в 1934—1935 годах, наблюдая по поручению Лиги Наций за проведением плебисцита в Саарской области, сей «нейтральный» деятель афишировал свои явные симпатии к Гитлеру. И в последующие годы Дюбуа никогда не успускал возможности во всеуслышание говорить о своей непримиримой ненависти к коммунизму. После второй мировой войны к этой ненависти прибавилась «озабоченность судьбой белой расы». Дюбуа стал разглагольствовать о своем «величайшем беспокойстве» по поводу событий в Азии и в Африке. А когда началась война в Алжире, он публично заявил: «В Северной Африке решается судьба не только Франции, но и всей Европы, быть может даже судьба всей белой расы».

Мерсье видел в Дюбуа своего человека и был уверен, что тот может сослужить ему хорошую службу, конечно за определенную мзду.

Французский разведчик оказался совсем не мелочным. Он передал Дюбуа ряд материалов о Советском Союзе и странах народной демократии. Но вскоре и сам предъявил счет: французское посольство попросило швейцарские власти принять меры против алжирцев, якобы готовивших налеты на филиалы французских фирм в Цюрихе.

Дюбуа очень неохотно вспоминал об этом неприятном деле. В июле он поставил на ноги значительную часть своего полицейского аппарата, но операция не дала ровным счетом ничего.

Многочисленные обыски квартир алжирцев, живших тогда в Швейцарии, практически остались безрезультатными. Несмотря на это, Дюбуа все-таки распорядился выслать большинство из них из страны. В прессе поднялся шум. Одна из самых влиятельных швейцарских газет, цюрихская «Ди тат», писала, что полиция искусственно раздула всю эту историю с алжирцами и что поневоле создается впечатление, будто кто-то решил оказать услугу некоей иностранной державе. Как могло случиться, спрашивала «Ди тат», что парижские газеты оповестили о предстоящей высылке алжирцев раньше, чем в Берне официально сообщили о ней?

Задавались и другие, не менее неприятные вопросы. Не зная, как выпутаться, Дюбуа попросту отказался от каких бы то ни было официальных заявлений на эту тему.

— По соображениям государственной безопасности,— лаконично ответил он газетчикам, спросившим его о причине столь непонятного молчания.

Постепенно история эта быльем поросла, но сотрудничество федерального прокурора с Мерсье не прекратилось.

В августе, когда во всем мире только и было разговору, что о событиях в зоне Суэцкого канала, француз явился к Дюбуа с совершенно неожиданным предложением.

Дюбуа запомнил все подробности этой беседы.

— Мы задумали нанести решительный удар по мохаммедам,— заявил Мерсье.— Мы докажем месье Насеру, что он не может безнаказанно посягать на нашу собственность. Вы, конечно, поможете нам!

— Если сумею,— неуверенно проговорил Дюбуа.

— Сумеете! — Это прозвучало как приказ. Затем Мерсье добавил:

— Мы, например, знаем, что вам дано право подслушивать телефонные разговоры, если того требуют интересы безопасности Швейцарии. При особых обстоятельствах вы вправе распространять подобную телефонную цензуру и на дипломатические миссии.— Мерсье ухмыльнулся.— Если я ошибаюсь, пожалуйста, поправьте меня.

Полковник говорил правду, и Дюбуа догадывался, к чему он клонит.

— Нам и, разумеется, вам тоже,— невозмутимо продолжал Мерсье,— известно, что люди Насера значительную часть своих экономических и политических сделок совершают здесь, в Швейцарии, очевидно при посредстве египетской миссии в Берне. Вы, конечно, понимаете, что нам было бы крайне интересно...

— То есть вы хотите сказать, чтобы я... гм... подключился к телефонам египетской миссии и информировал вас о содержании разговоров?

— Очень рад, что мы снова так великолепно поняли друг друга,— сказал Мерсье и дружелюбно кивнул своему собеседнику.

— Но это далеко не просто.— Дюбуа встал, подошел к книжному шкафу и снял с полки пухлый том Свода законов.—

Это противоречит нашим законам и никак несовместимо с нейтралитетом Швейцарии.

— А разве в нашей профессии что-нибудь просто?

— Видите ли, у нас подслушивание телефонных разговоров допускается только на основании постановления суда. Ну, это еще можно было бы устроить. Ведь в конце концов именно я — верховный следователь. Но когда речь идет об иностранных миссиях, необходима санкция бундесрата *. А бундесрат подобную санкцию может дать только при наличии доказанной, несомненной угрозы безопасности страны. Но попробуйте-ка доказать, что такая угроза существует!

— Я полагаю, что начальнику хорошо поставленной секретной службы было бы не так уж трудно представить необходимые в данном случае доказательства.

Дюбуа почувствовал себя польщенным, но, желая набить цену, не сразу отказался от своей тактики.

— Господин Мерсье,— заявил федеральный прокурор,— согласно нашим законам, сведения о подобных телефонных разговорах я могу использовать только в своих служебных целях.

— Но ведь никто не может вам запретить думать вслух. А если я приду к вам в такой момент, то это будет чистой случайностью.— Мерсье лукаво улыбнулся.— Упаси меня бог просить у вас записи подслушанных разговоров.

Они перешли к финансовой стороне вопроса. Дюбуа добился своего.

Он с самого начала был готов помочь французскому агенту. Разве допустимо, чтобы какие-то там арабы подкапывались под устои, освященные многовековой традицией и, несомненно, угодные богу? Как ни говори, но французы и швейцарцы сидят в одной лодке. А с Насером стесняться нечего. Это было не только его мнение. Точно так же рассуждали и в весьма влиятельных швейцарских кругах. И не без оснований: компания Суэцкого канала и связанные с ней банки, как, например, «Банк де Пари», банковское объединение «Лазар», Ротшильды, английский банк «Бэринг», были весьма солидными контрагентами швейцарских банков. Правда, всегда могут найтись любители трескучих фраз о необходимости рев-

* Бундесрат, или Федеральный совет — правительство Швейцарии.— **Прим. ред.**

ниво оберегать престиж швейцарского нейтралитета. Увы, нейтралитет этот никогда не был таким уж идеальным. Тем более теперь. Кому-кому, а федеральному прокурору и начальнику тайной полиции это было достаточно хорошо известно. Возложенная на него миссия «отражать подрывные действия коммунистов» подразумевала не только преследование Партии труда...

Прежде чем расстаться с Мерсье после достопамятной встречи, Дюбуа на прощание обменялся с ним крепким рукопожатием, дружески похлопал его по плечу. Затем вызвал к себе инспектора федеральной полиции Макса Ульриха. Этот коренастый человек с жидкими волосами считался самым опытным «подслушивателем». Дюбуа приказал ему подключиться не только к египетской, но и ко всем остальным североафриканским миссиям в Берне и регулярно представлять записи разговоров. Максу Ульриху не в диковинку были самые необычные приказания. И на сей раз, услышав, что от него требуется, он лишь молча кивнул. Дюбуа ценил его за необычайно тщательную работу и умение держать язык за зубами — большие достоинства сотрудника тайной полиции.

Очень скоро Мерсье в соответствии с договоренностью стал получать важную информацию.

Так, среди прочего швейцарские «друзья» сообщили ему о судах, шедших из Египта с грузом оружия для алжирской Национально-освободительной армии. Мерсье немедленно дал шифровку в Париж, и через несколько часов французские военные корабли задержали эти транспорты в открытом море.

Затем Ульрих выведал, когда Бен Белла полетит в Тунис. Мерсье потирал руки.

— Если все получится, как задумано,— не скрывал он своей большой радости,— то это, возможно, положит конец войне. Понимаете? В наших руках будет их голова, их мозг! А если муджахиды лишатся головы, то долго им не протянуть...

И вот все получилось!

Рене Дюбуа снова посмотрел на газеты с броскими заголовками.

«Хорошо! — подумал он.— Очень хорошо!»

Ловушка захлопнулась

В узких улицах Берна завывал порывистый ледяной ветер. В первые дни марта 1957 года здесь вновь установилась зимняя погода. Над городом висели густые снежные облака. Обновили свой белый наряд обступившие город альпийские вершины Эйгер, Шрекгорн, Финстергорн, Юнгфрауйох и другие. Весной и не пахло.

Заложив руки в карманы плотного зимнего пальто, Макс Ульрих медленно брел по улицам. Из-за холодной погоды он старался не сворачивать с крытых улиц-аркад, которыми славится Берн. Время от времени он останавливался перед витринами магазинов, с интересом разглядывал выставленные в них разнообразные товары, словно хотел что-то купить и не знал, на чем остановить выбор. Когда он подошел к знаменитой башне с курантами, пробило два часа пополудни. Он опять остановился и уставился на огромный циферблат. Из распахнувшейся дверцы вылез горделивый петух, потом появились медведи и неуклюже затопали в танце. Их сменил добродушный паяц. А затем закованный в латы рыцарь стал бить тяжелым молотом в колокол.

Казалось, Ульрих никуда не спешит. В действительности инспектор тайной полиции очень торопился и вовсе не собирался заниматься покупками. На душе у него было неспокойно: в последние дни он убедился, что за ним наблюдают. Вот и сегодня за ним неотступно следуют какие-то двое, судя по всему еще неопытные ребята. Стоит ему подойти к какой-нибудь витрине, и они тотчас же останавливаются невдалеке и весьма заметно бросают на него «незаметные» взгляды. «Птенцы желторотые, а туда же лезут»,— подумал Ульрих и усмехнулся, хотя ему было совсем невесело.

Вначале он не заметил, что за ним следят. Да и как мог он подумать, что за ним, агентом тайной полиции, незаменимым мастером своего дела, вдруг станут шпионить? Но постепенно ему пришлось убедиться, что эти парни установили около его дома круглосуточное дежурство, и куда бы он ни шел, они неизменно увязывались за ним.

Ульрих терялся в догадках. Кто мог дать им такое поручение? Может быть, какая-то разведка ищет знакомства с ним? Но почему же таким странным способом?

Инспектор знал, что в Швейцарии процветает поставленная

на широкую ногу торговля «информацией», или, проще говоря, шпионскими сведениями. В этой торговле были заинтересованы все — и секретная служба генерала Гелена, и французский «Сервис де докюмантасьон экстерьер э де контр-эспионаж», и английский «Сикрет сервис», и американское «Сентрэл интеллидженс эйджэнси». К тому же для многих стран Швейцария — это своего рода «перевалочный пункт» не только для промышленных изделий, но и для «высокополитического товара». При некоторой энергии любой опытный агент, несомненно, может здесь кое-что разнюхать. Так было еще во время первой мировой войны, и с тех пор в этом смысле принципиально ничего не изменилось, напротив, с каждым годом возникали все новые возможности.

Кто-кто, а Макс Ульрих насмотрелся на этих агентов вдоволь. Они приходили к нему или к кому-нибудь из его коллег и предлагали очередную сделку: за хороший «материал» хорошие деньги. В первые годы службы он с возмущением отвергал подобные предложения, но потом понял, что этак ему не добиться успеха ни по службе, ни в личной жизни. Сотруднику тайной полиции не приходится брезговать никакими источниками информации. Усвоив эту истину, Макс Ульрих отбросил всякую щепетильность и не зевал, если представлялся случай заполучить интересные данные.

Вот почему мысль о желании какой-то разведки «подружиться» с ним казалась вполне допустимой. Смущал, правда, несколько необычный метод. Хотя, в сущности говоря, разве что-нибудь в его профессии было обычным?

Но в последние несколько часов такой ход рассуждений стал казаться Ульриху все более сомнительным. Просматривая утренние газеты, он обратил внимание на странную заметку в «Трибюн де Женев». Там говорилось, что с некоторых пор базельский уголовный розыск наблюдает за одним инспектором федеральной полиции, подозреваемым в злоупотреблении служебным положением в интересах иностранной державы. Установлено, сообщала газета, что этот агент часто посещает французское посольство. Больше ничего — ни имени, ни разъяснений.

Не о нем ли шла речь? Если да, то, значит, юнцы, стоящие перед витриной в пятидесяти метрах от него, и есть те самые базельские шпики!

Инспектор федеральной полиции... Посещения французского посольства... Конечно же, речь идет о нем!

Но непонятно, кому он обязан этой подлостью. Кто-то хочет его погубить? Или он сам сделал неосторожный шаг?

Ульрих чувствовал полную растерянность...

История с Мерсье, на которую намекнула «Трибюн де Женев», не особенно волновала его. Он выполнял строго официальное задание, полученное от самого федерального прокурора. Правда, он сообщил французу несколько больше, чем следовало.

Но ведь от этого Мерсье было не так просто отделаться. Кроме того, в подобных случаях без побочных сделок не обойтись, да и знали о них только полковник и он, Ульрих. Больше никто. Значит, не поэтому по его следу пустили вот этих двух мальчишек-детективов.

Вдруг ему припомнился один эпизод двухлетней давности. Это случилось вскоре после избрания Дюбуа. Новый федеральный прокурор показался инспектору не особенно симпатичным. Была ли то обычная предвзятость к любому человеку, впервые пришедшему в тайную полицию? Или он невзлюбил в нем типичного «красавца-мужчину», покорителя сердец? Ульрих так и не мог понять, в чем тут было дело. Он заметил лишь, что антипатия эта взаимна. Кто-то из коллег сказал ему, что новый федеральный прокурор пренебрежительно отозвался о нем, даже будто бы сказал, что при случае Ульриху придется «сыграть в ящик». Тогда Ульрих не обратил на это внимания. Прослужив в швейцарской разведке более десяти лет, досконально изучив всевозможные методы и приемы различных секретных служб, он не мог сомневаться в своей профессиональной ценности. Такими, как он, не бросаются, что бы там ни говорил сам шеф тайной полиции, которого он мог бы еще многому научить... И Ульрих не ошибся: впоследствии Дюбуа не раз поручал ему сложные дела.

«Но почему я именно сейчас вспомнил об этом? — подумал Ульрих.— Или Дюбуа и в самом деле захотелось, чтобы я «сыграл в ящик»?»

Все эти вопросы возникли неожиданно, и так же быстро инспектор нашел на них ответ.

Нет, это абсурд, сказал он себе. Дюбуа — главный участник сделки с Мерсье. Он сам велел мне подключиться к теле-

фонам и точно указал, что можно говорить полковнику и чего нельзя.

Может, этот великосветский хлыщ случайно пронюхал о моих личных делишках с французом? Но это тоже не беда. Ему должно быть ясно, что если меня схватят за горло, то я кое-что выложу, не постесняюсь. А он этого не допустит. Ни за что не допустит!

Итак, заключил инспектор, дело тут не в федеральном прокуроре. Наверняка не в нем! Но тогда в ком же?

На этот вопрос Ульрих сам не мог ответить.

«Обязательно надо поговорить с Мерсье,— мелькнуло у него в голове.— Только так можно добиться ясности».

В последующие минуты, уже не на шутку взволнованный, он предпринял несколько отвлекающих маневров с целью улизнуть от своих преследователей. И, только сев в такси и убедившись, что за машиной нет погони, он немного успокоился.

Войдя в небольшое кафе на Корнгассе, он на мгновение задержался в дверях и быстро оглядел полупустой зал. За одним из столиков в одиночестве сидел Мерсье. Инспектор незаметно кивнул французу и уже было направился к нему, как вдруг сзади на его плечо легла чья-то рука и послышался незнакомый голос.

— Господин Ульрих?

— Да,— растерянно ответил тайный агент.

— Нам поручено задержать вас,— сказал один из сотрудников базельского уголовного розыска и достал из кармана ордер на арест. Базельские детективы уже поджидали его неподалеку, у ближайшего дома напротив, и вошли в кафе почти вслед за ним.

— Видимо, вы ошибаетесь, господа,— возбужденно ответил Ульрих.— Я инспектор федеральной полиции.

— Это нам известно! Именно вас мы и должны арестовать по подозрению в шпионаже в интересах другой страны.

В лабиринте

До этого мартовского дня 1957 года Рене Дюбуа пришлось пережить трудные недели.

В начале января его вызвали к Маркусу Фельдману. Фельдман был один из семи членов швейцарского Федерального

совета, то есть входил в состав правительства, где ведал департаментом юстиции и полиции.

Федеральный прокурор тут же позвонил своему прямому начальнику. Тот ответил уклончиво:

— Речь идет о неотложном деле, которое потребует от вас полного напряжения всех сил и высочайшей служебной ответственности.

В кабинете Фельдмана его ждал сюрприз.

Член Федерального совета протянул ему официальное письмо египетской миссии.

— Читайте! — сказал он.

Это была жалоба. Египетский посланник сообщал об имеющихся у него доказательствах систематического, длящегося уже несколько месяцев подслушивания дипломатических телефонных разговоров миссии. Содержание этих разговоров, говорилось далее, передается представителям третьих держав. «С некоторых пор миссия располагает неопровержимыми данными, подтверждающими указанные факты, и выражает уверенность, что их расследование будет проведено в духе справедливости и нейтралитета».

— Неуемная фантазия автора этих строк делает его смешным,— презрительно заметил Дюбуа и небрежно положил бумагу на стол.

Глава департамента юстиции и полиции усмехнулся, но ничего не сказал. Сидя за своим письменным столом, он чем-то напоминал маститого учителя гимназии, ушедшего на пенсию. У него были короткие седые волосы, подстриженные ежиком, и худое лицо в глубоких морщинах. Сквозь стекла очков смотрели неподвижные строгие глаза. Фельдману было под пятьдесят, и он принадлежал к архиреакционной «Партии крестьян, ремесленников и бюргеров».

Дюбуа терпеть не мог эту породу сухих педантов. Он обращался к Фельдману только в случае крайней необходимости.

Помолчав с минуту, член Федерального совета поднял глаза и посмотрел на Дюбуа поверх очков.

— «Неуемная фантазия»? — буркнул он. А в следующее мгновение уже ясным, отчетливым голосом продолжал: — Нет, это не фантазия. Это жалоба дипломатического представительства государства, поддерживающего с нами нормальные отношения. Надеюсь, вы понимаете, что мы обязаны

самым тщательным образом проверить поступившее заявление.

«Зачем он валяет дурака,— раздраженно подумал Дюбуа.— Ведь отлично знает, что мои люди подслушивают такие разговоры. А уж как там используется подслушанное — это только мое дело».

Но вслух произнес:

— Разумеется, мы его проверим.

— Не думайте, что это так легко сделать,— заметил Фельдман.— Расследование придется вести внутри вашего аппарата, ибо только ваши подчиненные могли допустить эту бестактность.

Дюбуа молча кивнул. Он вдруг понял, сколь опасным противником может оказаться Фельдман. «От такого бюрократа можно ждать всего,— подумал прокурор.— Он постарается использовать эту историю в своих интересах, начнет болтать о неприкосновенности нашего нейтралитета или о чести чиновника швейцарской конфедерации. Хотя в действительности что ему до швейцарского нейтралитета? Он его и в грош не ставит. Как и я, впрочем. Но почему бы не предстать перед общественным мнением в роли борца за справедливость!». Случаи такого рода подвертываются не каждый день.

— Беритесь за дело с максимальной энергией,— менторским тоном продолжал член Федерального совета.— Пусть все, кого это касается, поймут, что́ значит служить в полиции нейтрального государства. Вам должно быть известно, что по нашим законам шпионаж в пользу иностранного государства карается так же сурово, как и шпионаж против Швейцарии.

Дюбуа угрюмо посмотрел на начальника и снова кивнул. Он с трудом сдерживался. Наставительная болтовня Фельдмана выводила его из себя. «Ладно,— подумал он,— пусть не беспокоится. Уж я-то сумею затянуть расследование, да так, что в один прекрасный день все перестанут спрашивать о его результатах».

— Не жалейте сил,— продолжал шеф.— После провала суэцкой операции нам крайне важно при любой возможности подчеркивать свой нейтралитет.

«После провала суэцкой операции»,— машинально пробормотал Дюбуа, выходя из кабинета начальника. По дороге к себе в полицию он припоминал подробности вечера, про-

веденного во французском посольстве, и поездку в Париж в конце октября.

Мерсье был полон оптимизма. Уверенный в победе, он не сомневался в близком крахе режима Насера. «Еще день-другой — и конец!» — пророчествовал он.

Поначалу действительно все складывалось совсем неплохо.

Когда Дюбуа и полковник сидели в гостях у месье Жорж-Пико, генерального секретаря Всеобщей компании Суэцкого мореходного канала, радио сообщило о первых успехах англо-франко-израильских войск. Тучный Жорж-Пико не мог скрыть своей радости, то и дело понимающе переглядывался с не менее довольным Мерсье. И когда первые подразделения авиадесантных войск приземлились в разбомбленном Порт-Саиде, все согласились, что операция развивается планомерно.

Правда, египтяне не признали себя побежденными и, вопреки предсказаниям Мерсье, не подняли восстания против Насера. Но стоило ли беспокоиться об этом? Ведь прошло всего несколько часов, как англо-французские части обосновались у канала. Все эти мохаммеды наверняка поймут, что значит посягать на собственность английских и французских господ, первых клиентов швейцарского банка «Креди Сюис». Никому не удастся помешать союзникам оккупировать Суэц, Мерсье, Дюбуа и Жорж-Пико были в этом твердо уверены.

Они провели веселую и бурную ночь. Не на Монмартре, нет, туда ходят непосвященные туристы. Есть места поинтереснее.

— Сегодня мы развлечемся в «Балѐ роз»,— объявил Мерсье и прищелкнул языком.— Один из моих коллег поможет нам проникнуть туда. «Балѐ роз» — это только для знатоков. Даже мужчины с самыми необычными вкусами и фантазиями никогда не уходят оттуда разочарованными.

И они развлеклись на славу...

Утром Дюбуа проснулся с тяжелой головой, но, вспомнив «Балѐ роз», весело рассмеялся.

Но уже за завтраком начались неприятности. Одно тревожное сообщение следовало за другим. Демонстрации в Лондоне, в столицах всех арабских государств, в Москве, Белграде, Пекине, Вене, даже в Берне. Толпы разгневанных, протестующих людей осаждали посольства Англии, Франции и Израиля. Услышав гул, доносившийся снаружи, Дюбуа ки-

нулся к окну. Улица была запружена демонстрантами. «Положить конец суэцкой авантюре!» — гласил огромный транспарант...

События нарастали. Москва решительно потребовала прекратить огонь. Даже ООН высказалась за немедленное перемирие.

И то, что казалось ему начисто исключенным, произошло: первым дрогнул Лондон, затем французское правительство заявило о своем согласии прекратить огонь. Рене Дюбуа перестал что-либо понимать. Что же, в самом деле, творится на этой земле! Еще несколько лет назад англичанам было достаточно одного крейсера, чтобы покорить целую страну, а теперь три вполне современные армии капитулируют перед плохо вооруженным противником. Где же право сильного? Куда оно девалось? Кто так внезапно аннулировал его? Ведь столетиями миром правили сильные!

Он хотел обсудить все это с Мерсье, но тот был так взбудоражен, что даже не дослушал его:

— Ради бога, перестаньте философствовать! — сказал он.— Вы работник секретной службы, и должны помнить: иногда возможны временные поражения, и на них надо учиться. А вы сразу запаниковали, точно настал конец мира.

— Но что же все-таки будет? Победа Насера — ведь это же сигнал для других!

— Кто вам сказал, что победителем будет Насер? Пока что у канала стоим мы, а не он. И не так-то просто сдвинуть нас оттуда. Вас беспокоит прекращение огня? Ничего страшного. Когда есть хорошая исходная позиция, небольшая передышка не может помешать.

— Но разве мыслимо возобновление военных действий в Египте? — спросил Дюбуа.— Мировая общественность...

Мерсье смерил его взглядом, полным сожаления.

— Мировая общественность! — сказал он и презрительно скривил губы.— Она всегда на стороне победителя, и ей наплевать, каким способом он добыл победу. Вот почему сейчас мы не должны прекращать работу. Ни в коем случае! Понимаете? Поэтому я настоятельно прошу вас и впредь не отказывать мне в ваших любезных услугах.

Это было равносильно приказу.

Вскоре Дюбуа снова поверил, что предсказания Мерсье в конце концов сбудутся.

Английские и французские солдаты не ушли ни из Порт-Саида, ни из зоны канала. В порту зверски расстреляли группу арабов, потребовавших немедленной эвакуации войск интервентов. На другой день исчез какой-то английский лейтенант. Тогда агрессоры арестовали и объявили заложниками несколько тысяч египтян. Стихийно вспыхнула демонстрация протеста. Против демонстрантов были двинуты танки, устроившие кровавую баню: тридцать человек было убито и несколько сот ранено.

Многократно интервенты пытались продвинуться и в глубь египетской территории. Эти попытки не прекратились даже тогда, когда войска ООН получили приказ занять позиции вдоль канала.

— Уж мы как-нибудь сумеем позаботиться, чтобы туда попали желательные для нас контингенты войск ООН,— хвастливо заявил Мерсье.

Слова француза и события в Порт-Саиде и вокруг него вернули Дюбуа бодрость духа. Его шпионский аппарат заработал вовсю.

Но это оптимистическое настроение царило недолго.

Насер обратился к мировой общественности с призывом о помощи. И везде — в Советском Союзе, во всех остальных социалистических и во многих нейтральных странах — этот призыв был услышан, нашлись тысячи добровольцев, готовых отправиться в Египет. Советское правительство направило западным державам совершенно недвусмысленное послание.

Дюбуа пережил тяжелое нервное потрясение, когда окончательно понял, что из-за Суэцкого канала Лондон и Париж не пойдут на конфликт с Советским Союзом, всем социалистическим лагерем, а вдобавок еще и с нейтральными странами.

Наконец, из обеих столиц последовал приказ эвакуировать зону канала.

Дюбуа поневоле пришлось признаться себе в том, что вся эта затея с самого начала была обречена на провал. В конце концов он сам был очевидцем мощной демонстрации в Париже. Дальнейшие события свидетельствовали о нарастающем беспокойстве населения западных стран.

Эта война, еще не успевшая по-настоящему разгореться, эхом отозвалась и в Швейцарии.

Броские воззвания, подписанные «Комитетом военно-экономической предусмотрительности», предлагали жителям конфедерации запасаться лапшой и сушеным горохом.

Но швейцарцы не стали покупать лапшу и горох, а начали таскать в свои жилища целые корзины со шпигом, мясными консервами, сахаром и растительным маслом. Страну охватила паника, в которой потонули все призывы к благоразумию.

Но были вещи и похуже этого массового штурма продовольственных магазинов. У заправочных станций появились плакаты: «Экономьте бензин!» И чтобы этот призыв не остался пустой рекомендацией, персоналу бензоколонок дали указание не отпускать более десяти литров на машину. В отелях стало холодно. «Нет мазута для отопления»,— объясняли приезжим. Богатые бездельники, вечно колесящие по земному шару, и менее состоятельные иностранные туристы стали срочно упаковывать чемоданы. Швейцария без туристов! Страна стояла перед угрозой экономической катастрофы.

Блокированный затопленными судами Суэцкий канал, взорванные ближневосточные магистрали нефтепроводов — все это сразу сказалось. Стоило перекрыть огромный нефтяной кран, и экономика ряда стран замерла. Вместо прибылей — убытки, вместо процветания — разорение. Директора отелей и банкиры метали громы и молнии. Редакторы крупных газет, еще совсем недавно превозносившие «отважный шаг» англичан и французов, впали в меланхолию. «Кто возместит убытки?» — мрачно вопрошали они. Денежный мешок оказался в опасности. Спасение сулила только эвакуация всех англо-французских войск из зоны канала.

Фиаско западных держав и провал Мерсье означали полный крах и для Дюбуа.

Дюбуа вошел в свой кабинет. «Теперь я хорошо понимаю поведение Фельдмана,— подумал он.— Но что будет со мной?»

Через несколько дней после разговора в кабинете главы департамента юстиции и полиции Дюбуа встретился с Мерсье.

— Уж не думаете ли вы, что борьба окончена? — глухо проговорил француз.— Она продолжается, только другими средствами.

Но теперь у Дюбуа, который явственно осознал, что очутился между молотом и наковальней, была лишь одна забота: поскорее выпутаться из всей этой истории. Он трезво оценивал всю сложность своего положения.

Мерсье настаивал на дальнейшем сотрудничестве, и Дюбуа, конечно, не мог попросту отвернуться от полковника, которому ничего не стоило погубить его.

Между тем Фельдман ежедневно справлялся о ходе расследования.

После долгих раздумий Дюбуа решил принести в жертву кого-нибудь из своих подчиненных. Такою жертвой мог быть только Ульрих. Ну а что, если он проболтается? Дюбуа быстро отбросил это опасение. В конце концов — кто федеральный прокурор? Кому поверят — ему, Рене Дюбуа, или какому-то инспектору? И чтобы остаться вне подозрений, он вызвал к себе сотрудников базельской кантональной полиции и, сообщив им, кого он подозревает, приказал действовать.

Базельские полицейские чиновники очень скоро установили, что Макс Ульрих часто встречается с представителем французского посольства и всякий раз что-то передает ему. Когда они доложили об этом Дюбуа, тот немедленно позаботился о публикации соответствующего сообщения, выбрав для этой цели газету «Трибюн де Женев», выходящую на французском языке. Именно эту заметку и прочитал Ульрих в день своего ареста.

Непроглоченный клочок бумаги

— Обо мне не беспокойся, меня арестовали по недоразумению,— сказал Макс Ульрих своему четырнадцатилетнему сыну, сидевшему по другую сторону стола.

Сзади, под зарешеченным окном, стоял надзиратель и скучающе наблюдал за ними. Разговоры подобного рода ему приходилось слышать почти ежедневно, и он с нетерпением ожидал конца пятнадцатиминутного свидания.

— Это наверняка недоразумение,— повторил Ульрих усталым и неуверенным голосом.— Пойди к дяде Марселю и скажи, что мне необходима его помощь.

Мальчик кивнул. Его лицо выражало растерянность. Он не мог понять, что происходит. Почему отец вдруг оказался в тюрьме? Ведь он служит в полиции, и там его все уважают. В чем он, собственно, провинился? «Но раз он говорит мне, что здесь какое-то недоразумение, значит, так оно и есть»,— старался он себя утешить.

— Время свидания истекло,— раздался голос надзирателя.

Ульрих не спеша поднялся, медленно обошел вокруг стола, и, остановившись перед сыном, подал ему на прощание руку. Мальчик почувствовал в своей ладони маленький бумажный комок.

Затем они расстались. Надзиратель проводил мальчика к выходу. Бумажка жгла ладонь подростка. Он чувствовал, что в ней скрыта какая-то тайна. Ведь этот дядя Марсель француз, и отец часто бывал у него в гостях. Вероятно, арест отца связан именно с этим знакомством.

Он дошел до тюремных ворот и сдал дежурному пропуск. Вдруг к нему подошли двое мужчин в штатском.

— Все, кто выходят отсюда, подвергаются личному обыску,— сказал один из них.

И прежде, чем мальчик успел опомниться, его начали ощупывать быстрые, ловкие руки. Чем ближе они подбирались к его сжатому кулаку, тем сильнее он волновался. «Они не должны увидеть эту записку»,— твердо решил он. Где-то он прочитал, что такую улику лучше всего проглотить. Он рывком поднял кулак и сунул комок в рот.

Но сыщики оказались проворнее. Грубо схватив его за подбородок, они разомкнули ему зубы и выхватили уже слегка намокшую бумажку.

Записка была адресована Марселю Мерсье. То был крик о помощи. В конце было названо имя Рене Дюбуа. Сыщики молча переглянулись.

Нападение на улице

В кабинете федерального прокурора было уже темно. Небольшая лампа освещала лишь письменный стол, за которым, подперев голову руками, сидел взволнованный и бледный Рене Дюбуа.

По субботам ему редко когда доводилось засиживаться здесь допоздна. Но эта суббота 23 марта 1957 года не походила на остальные. Утром его вызвали в Бундесхауз. Фельдман спросил, может ли он представить точные и неопровержимые результаты следствия. Дюбуа ответил отрицательно. Тогда Фельдман показал ему протокол допроса, подписанный Ульрихом.

— Прочитайте-ка повнимательнее,— сказал глава департамента.

Едва Дюбуа пробежал глазами несколько строк, как ему сразу же стало ясно, что за документ в его руках: это было развернутое признание, в котором подробно, без утайки излагалось все...

Федеральному прокурору с трудом удалось сохранить внешнее спокойствие. Закончив чтение протокола, он небрежно бросил:

— Старый прием, преступник всегда пытается свалить все на других. И какие основания считать образ действий Ульриха исключением?

Но Фельдман недвусмысленно дал ему понять, что на столь серьезные обвинения следовало бы реагировать иначе, и заявил, что эта неприглядная история будет обсуждена на заседании Федерального совета.

Затем Фельдман пододвинул Дюбуа вырезку из «Трибюн де Женев» с известной ему заметкой и текст сообщения на ту же тему, переданного агентством Ассошиэйтед Пресс. С немалым удивлением Дюбуа прочитал информацию американского корреспондента:

«Одного инспектора швейцарской федеральной полиции подозревают в сотрудничестве с некоей иностранной державой. Он передавал ей сведения, добытые благодаря слежке за одним дипломатическим представительством в Берне».

— Вы понимаете, что это значит? — спросил Фельдман.— Если этой историей занялось Ассошиэйтед Пресс, то о ней узнает весь мир. И если мы сейчас не выступим с правдоподобным заявлением на сей счет, то все попросту перестанут верить в наш нейтралитет. А это может повлечь за собой весьма тяжелые политические и экономические последствия.

Далее Фельдман заметил, что поскольку, к великому сожалению, показания Ульриха пятнают имя Дюбуа, то генеральному прокурору самому необходимо по всем правилам и предельно аргументированно доказать их несостоятельность. Поэтому он, Фельдман, просит его возможно скорее представить письменное объяснение.

Бледный и расстроенный, Дюбуа вернулся к себе. Он понимал, что на него надвигается страшная буря. Можно, конечно, разыграть «негодование», заявить протест и тому подобное. Но стоит ли? Сегодня утром в беседе с шефом этот

маневр не возымел никакого действия. Нет, таким способом не оправдаешься.

Он проклинал Ульриха и Фельдмана, египтян и Мерсье. Ульрих спасает собственную шкуру, подумал он. От него помощи не жди. Фельдман хочет остаться «чистым и непорочным» и ради этого без колебаний отступится от него. Про египтян и говорить нечего. А Мерсье? Тот холодно посмотрит, усмехнется и скажет:

— А знаете, что самое плохое в нашем деле? Это когда агент попадается.

Оставался один путь. Свалить все на Ульриха, причем на мертвого Ульриха. Именно на мертвого! Тогда многие подробности так и останутся неизвестными. Если инспектор умрет незадолго до процесса, то и процесса никакого не будет. Значит, дело только за тем, чтобы все продумать и организовать.

Приняв это решение, Дюбуа почувствовал себя бодрее и отправился домой, на Шлоссхальденштрассе. От машины отказался: захотелось пройтись пешком, подышать вечерним воздухом.

На улице было темно и холодно. Не прошел он и полукилометра, как внезапно сзади послышался шорох автомобильных шин. Яркие лучи фар осветили его, и он невольно подался в сторону.

Машина затормозила около него. Дюбуа заметил на радиаторе трехлучевую звезду мерседеса. Из него выскочили двое мужчин в пальто и темных широкополых шляпах. Он даже не успел вскрикнуть — незнакомцы мгновенно втолкнули его в машину и захлопнули дверцу. Автомобиль резко рванул с места и помчался.

Дюбуа оцепенел. Животный страх сдавил ему горло.

— Добрый вечер, господин федеральный прокурор,— раздался насмешливый голос Мерсье.

Все стало ясно.

— Что за... гангстерские... приемы! — с трудом вымолвил Дюбуа.

Мерсье тихо рассмеялся.

— О, простите, пожалуйста! — продолжал он в тоне издевки.— Мы действительно несколько нарушили дипломатический протокол. Но я почувствовал неодолимую потребность побеседовать с вами без свидетелей.

— И вы полагаете, что таким способом можно добиться дельного разговора? — со злостью выдавил из себя Дюбуа.

— Вы продали Ульриха и тем самым оказали нам да и самому себе очень плохую услугу. А вам не пришло в голову, какой разразится скандал, если вас и Ульриха будут допрашивать публично? Кстати, вы слышали что-нибудь о «Красной руке»?

Дюбуа промолчал. Конечно, он слышал о ней. Втайне он уже давно восхищался этими людьми, которые своим беспощадным террором наводили ужас на Тунис, Марокко и Алжир.

— Вижу, что «Красная рука» знакома вам лишь понаслышке,— продолжал Мерсье.— Наша эмблема — красный цвет, цвет крови. Да, я не оговорился: именно наша эмблема. Мы — члены «Красной руки».

Тихим, дрожащим голосом Дюбуа спросил:

— Но что вам, собственно, нужно от меня? Не понимаю, к чему весь этот спектакль.

— Я вам расскажу одну историю,— невозмутимо ответил Мерсье.— В Касабланке к нашей организации принадлежал один молодой и способный офицер полиции. Назовем его Форестье. И вдруг, представьте, он вздумал порвать с нами, решил рассказать о нас всему миру. И рассказал. Только лучше бы ему не делать этого. Через несколько недель после своих громких разоблачений он погиб. Знаете, как? Его сшиб автомобиль... Умер человек! Понимаете? Умер, и все тут! И все его разоблачения не принесли ему никакой пользы.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросил федеральный прокурор, как бы и впрямь ничего не понимая.

Мерсье пропустил этот вопрос мимо ушей и продолжал:

— А имя Лемегр-Дюбрей ничего не говорит вам? Это был миллионер, которому внезапно взбрело в голову встать на защиту независимости Марокко. И знаете, как он умер? Он умер не очень-то красивой смертью. Вечером вышел из своего дома. У подъезда напротив стоял лимузин. Едва миллионер сделал несколько шагов по тротуару, машина тоже тронулась, и из нее вдруг раздались выстрелы. Миллионер упал. Мертвый, разумеется. Теперь он лишен возможности тратить свои миллионы. Нравится вам эта история?

— Так вы что же, для того только и схватили меня на улице, чтобы рассказывать мне всякие страшные сказки? — попытался возмутиться Дюбуа.

— Это не сказки, месье федеральный прокурор,— сказал француз, в голосе которого вдруг появились жесткие нотки.— Это факты. Именно так мы расправляемся со всякой тряпкой, со всяким предателем. Понятно? А теперь до свидания. Мы уже на Шлоссхальденштрассе. Ваш дом напротив.

В воскресенье 24 марта 1957 года во втором часу пополудни иностранных журналистов, аккредитованных в Берне, пригласили в Бундесхауз.

Это было беспрецедентно. В воскресенье да еще днем...

Пресс-конференция была короткой, но зато сенсационной. Представитель департамента юстиции и полиции огласил следующее заявление: «Федеральная полиция энергично вела следствие по уже неоднократно упоминавшемуся делу одного из своих инспекторов. Последние и заслуживающие внимания сведения позволяют предположить, что в деле замешан и федеральный прокурор, лично и притом противозаконно передававший некоей иностранной инстанции информацию, которая, однако, не касалась Швейцарии. В воскресенье в департамент юстиции поступило сообщение о том, что федеральный прокурор Дюбуа добровольно ушел из жизни».

Атакованный журналистами, чиновник неохотно добавил, что Дюбуа застрелился на чердаке своего дома. Но он решительно отказался отвечать на какие-либо вопросы.

Через два месяца в прессе появились два почти никем не замеченных информационных сообщения.

В первом говорилось, что Марсель Мерсье, бывший торговый атташе французского посольства, объявлен швейцарскими властями «персоной нон грата» и выслан за пределы страны.

Из другого явствовало, что полковник Марсель Мерсье, специалист по борьбе против коммунизма, назначен личным советником коменданта французского сектора в Западном Берлине.

●

• Яд, подмешанный „Красной рукой“

Вторая рюмка перно

Сквозь цветные стекла кованого светильника ручной работы лился слабый свет. За окном вечерело, и уже были едва видны приземистые, жавшиеся друг к другу дома старого района Женевы.

В этот октябрьский день 1960 года Гастон — так звали официанта — стоял у буфетной стойки и позевывал. Делать было нечего: за грубо сколоченными темно-коричневыми дубовыми столиками сидели считанные посетители.

Двое мужчин заняли места у самой двери. Один — стройный и изысканно одетый — был совсем седой. На заостренном морщинистом лице поблескивали очки с фиолетовыми стеклами. Его сосед по столику, рослый молодой африканец с холеными усиками, с невеселым видом потягивал перно.

Старик в фиолетовых очках бывал здесь часто. Гастон слышал, что это иностранный корреспондент, аккредитованный при каких-то инстанциях ООН в Женеве. Африканца официант видел впервые.

В Женеве, этом традиционном месте международных встреч, можно было сплошь и рядом увидеть за одним столиком людей разного цвета кожи. Весь облик старинного города с его двухсоттысячным населением в значительной мере определялся великим множеством дипломатов, экспертов всяческих комитетов ООН, журналистов, представителей десятков организаций и экономических объединений всего мира. Узкие улицы города были забиты бесчисленными лимузинами самых различных марок.

И если два иностранца присаживались за столик, чтобы распить бутылку вина, на это никто не обращал внимания, даже если один из них был африканец, а другой европеец. Каждый житель Женевы хорошо знал, что такие встречи нередко позволяют обсудить важный политический вопрос или подготовить выгодную коммерческую сделку. Гастон и его коллеги по профессии так много слышали и еще больше видели на своем веку, что давно уже научились молчать, особенно если молчание щедро вознаграждалось чаевыми.

— Гастон! — позвал старик и, когда официант подошел к столику, попросил:

— Принесите мне еще одну рюмку перно.

Затем он вопросительно посмотрел на своего визави. Немного поколебавшись, африканец кивнул:

— Мне тоже.

Когда официант, разлив вино по рюмкам, шел с подносом в руке к столику, он услышал голос старого журналиста:

— Послушайте моего совета, уезжайте...

Завидев Гастона, старик осекся и знаком показал собеседнику, чтобы тот молчал.

Но африканец, видимо, не заметил этого жеста и на безукоризненном французском языке ответил:

— Решение этого вопроса предоставьте, пожалуйста, мне. Конечно, я уеду, но не сейчас, не сегодня. Я улечу отсюда только после того, как мир узнает правду.

Гастон поставил на столик рюмки и деликатно удалился. Какое ему дело до чужих разговоров.

Он не услышал, как человек в фиолетовых очках медленно и отчетливо произнес:

— Я просто умоляю вас уехать. Если вам дорога жизнь, откажитесь от своего намерения! Очень прошу вас! Помните, «Красная рука» не любит шутить.

Не услышал официант и спокойного ответа африканца:

— Вот уже несколько дней, как мне звонят по телефону и примерно в том же духе предостерегают меня. Но я не дам сбить себя с толку и доведу свое дело до конца. Никто не сможет мне помешать.

Если бы Гастон, вернувшийся уже к стойке, услышал слова «Красная рука», он, несомненно, уделил бы этим посетителям больше внимания. Быть может, ему бы вспомнилась история Марселя Леопольда, которая года три назад всполошила

всю Женеву. Леопольд был коммерсантом и посредничал при поставках оружия для алжирской освободительной армии. Однажды утром его нашли мертвым. Его сразила отравленная стрела, выпущенная из какого-то особенного ружья. Ни для кого не было секретом, что это убийство, как и многие другие, совершила «Красная рука».

Но Гастон не слышал последних слов, произнесенных седовласым журналистом.

В погребок вошел какой-то новый посетитель. Официант устремился к нему, чтобы помочь снять пальто, и поэтому не заметил, как африканец встал и вышел из помещения. Не заметил он и того, как старик быстро поднес руку к рюмке своего собеседника...

Вскоре африканец вернулся.

— К сожалению, я должен откланяться,— заявил он.

Старик кивнул и сказал:

— Что ж, выпьем на прощание. За скорую встречу!

Официант увидел, как оба выпили.

Подавая африканцу пальто, он не подозревал, что через несколько дней будет рассказывать об этом эпизоде как свидетель...

16 октября 1960 года, через три дня после описанного разговора в винном погребке, у подъезда кантональной больницы Женевы остановилось такси. Из него выскочил рослый темнокожий человек. Быстрым шагом он вошел в приемный покой и обратился к дежурной сестре:

— Немедленно позовите врача!

Видя, что сестра, застигнутая врасплох этим неожиданным визитом, слегка замешкалась, он тем же решительным тоном добавил:

— Поторопитесь, иначе будет поздно!

Вскоре пришел врач и спросил у нетерпеливого пациента, на что он жалуется.

— Меня отравили,— быстро проговорил тот.— По всем признакам это таллий.

— Откуда вы знаете? — спросил врач.— Разве вы медик?

— Да, я врач и разбираюсь в ядах. Это скорее всего таллий. Три дня назад во время одной встречи я пил перно. Последняя рюмка имела необычный для перно горький привкус.

Через несколько часов врач убедился в правильности предположения пациента. Он знал, что жизнь пострадавшего можно лишь несколько продлить, но не спасти. Больной явно угасал.

Врач позвонил в тайную полицию. Двум прибывшим оттуда агентам он вручил паспорт на имя доктора Феликса Ролана Мумие и билет на самолет, вылетавший 16 октября 1960 года из Женевы в столицу Гвинеи Конакри.

— Вашего пациента можно допросить? — спросил один из агентов.

Врач отрицательно покачал головой.

— Но, быть может, я буду вам полезен. Он мне кое-что рассказал.

— С кем виделся доктор Мумие в последний раз? Он что-нибудь говорил об этом? Высказал какие-нибудь подозрения?

— Да, он твердо убежден, что оказался жертвой «Красной руки».

Слова врача не произвели на агентов никакого впечатления. Один из них равнодушно записывал его показания.

— Человека, с которым у пациента был последний разговор, зовут Вильям Бештель. Он аккредитован при женевских органах ООН в качестве корреспондента одного французского агентства печати.

— Считаете ли вы, что доктор Мумие еще встанет на ноги?

Врач пожал плечами.

— Думаю, что нет,— ответил он.— Доза таллия слишком велика. Это очень сильный яд. Его действие смертельно, но не мгновенно. Конец наступает через несколько дней, и здесь мы, к сожалению, бессильны.

Человек спасается бегством

Вдоль набережной на большой скорости мчался рено. Он пронесся мимо знаменитого фонтана Женевского озера. Струи воды взметались на сто метров вверх и в лучах прожекторов казались каким-то огромным сооружением из хрусталя. Но человек за рулем не видел ничего, кроме длинной гирлянды огней, убегавшей вдаль.

Еще несколько часов назад Вильяму Бештелю казалось, что он блестяще выполнил задание. Но теперь он знал, что если не поторопится, то едва ли унесет ноги.

Прошло три месяца с тех пор, как он по указанию свыше выехал в Конакри, чтобы завязать знакомство с доктором Мумие и его друзьями.

Мумие был самым талантливым организатором борьбы против колониального господства во французском Камеруне, которое продолжалось и после 1 января 1960 года, когда была официально провозглашена независимость страны. Возглавляемая Мумие партия «Юньон де попюласьон дю Камерун» (ЮПК) — «Союз народов Камеруна» — была запрещена, но хозяева Бештеля отлично знали, что она пользуется огромным влиянием среди населения. Чтобы как-то совладать с этим движением, полагали они, нужно обезглавить его, то есть уничтожить Феликса Ролана Мумие. Но руководящий центр партии ЮПК переехал из Камеруна в Гвинею, правительство которой предоставило ему политическое убежище. Естественно, применение силы в этих условиях — по крайней мере на первых порах — исключалось, и Бештелю поручили отправиться в Конакри, чтобы лично познакомиться с доктором Мумие и постараться завоевать его доверие.

Задача оказалась не из легких. Бештелю пришлось разыгрывать из себя искреннего сторонника независимости Камеруна. Он взялся писать для европейских газет статьи в поддержку ЮПК. Понятно, что соратники Мумие поначалу отнеслись к Бештелю с большим недоверием. Он был француз и к тому же не имел сколько-нибудь громкого журналистского имени...

Начался дождь, но Бештель вел машину с прежней уверенностью: дорога была ему хорошо знакома. За высокими кипарисами, окаймлявшими левую обочину шоссе, вверх по склону поднимались виноградники. Вскоре вдали показались первые дома Лозанны. Значит, самая большая опасность миновала. Беглец облегченно вздохнул. Мысленно он снова вернулся к своей поездке в Конакри.

Да, эти африканцы заставили его попрыгать. Чего он только ни делал, чтобы рассеять их недоверие. С большим трудом он добивался редких встреч с руководителями ЮПК. Но к главе организации Феликсу Ролану Мумие его все еще не подпускали. Ему оставалось только одно: при всяком удобном случае похваляться своей осведомленностью о положении в Камеруне, подтверждать свое желание и готовность «бороться пером за правое дело». Кроме того, при каждой

встрече с лидерами ЮПК он незаметно фотографировал своих собеседников. Собирание такой фотоколлекции тоже входило в его задачу.

Но однажды утром — совсем неожиданно для себя самого — он вдруг приблизился к заветной цели. Мумие устроил пресс-конференцию и объявил, что намерен поехать в Женеву, чтобы там привлечь внимание мировой общественности к Камеруну. Бештель сразу понял, как это выгодно для него. «Мумие едет в Женеву,— подумал он,— где меня знают как журналиста. Возможен ли более удачный повод обратить на себя внимание Мумие, представиться ему и завязать с ним для начала хотя бы поверхностное знакомство?»

Вильям Бештель давно усвоил, что его почтенная наружность обычно внушает людям доверие. Особенно красила его пресловутая «благородная седина». Теперь ему было уже за шестьдесят. Никто в Конакри не заподозрил бы в этом холеном пожилом господине бывшего офицера французского иностранного легиона и нынешнего специального агента «Красной руки»...

Машина въехала в Лозанну, и Бештель сбавил газ. Улицы, залитые ярким светом фонарей, были полны прохожих. Все куда-то спешили. Бештель то и дело поглядывал на фасады домов. Неожиданно к нему вернулся прежний страх. Освещенные окна казались какими-то желтыми, голубыми, зелеными глазами, преследующими его. Он невольно нажал на акселератор. Рено мчался по узким, извилистым улочкам. Резкие повороты, крутые спуски и подъемы, туннели и мосты... Наконец он снова вырвался на шоссе. В свете фар вспыхнул указатель: «На Монтрё...»

Да, когда-то Бештель был офицером иностранного легиона и немало повоевал. Искусству убивать он научился еще задолго до событий во Вьетнаме и в Алжире. Руководство разведки, на которую он работал, особенно ценило в нем (об этом ему даже как-то сказали) умение убивать людей различными средствами и способами: кинжалом, пистолетом, а главное — такими видами оружия, которые не оставляют никаких или почти никаких следов. Химик по профессии, Бештель специализировался на ядах. Обширные познания в этой области сделали его буквально незаменимым. Поручение «Красной руки» убрать Мумие он расценивал как особую честь. Бештель знал нескольких агентов этой организации, но ставил себя не-

сравненно выше их. Был там, например, известный ему под именем Педро профессиональный преступник с лицом, изрезанным шрамами. В прошлом году, проезжая в автомобиле мимо тунисского посольства в Бонне, Педро на ходу застрелил стоявшего перед зданием алжирца Аита Ахсене. Еще большее отвращение внушал ему уродливый коренастый тип с взъерошенными волосами. Его звали Жан Виари. Этот убийца, который некогда служил полицейским инспектором, участвовал в покушении на западногерманского торговца оружием Георга Пухерта. Бештелю говорили, что Виари разыскивает также марокканская полиция: он совершил несколько убийств и в Марокко, когда там велась освободительная борьба. Седовласый «журналист» презирал агентов подобного рода, считая их слишком уж примитивными. Автоматическое скорострельное оружие или взрывчатка — вот все, что они знали. И потом они были свиньями-кутилами: в промежутках между очередными «заданиями» только и знали что напиваться до чертиков. Он же, Бештель, принадлежал к числу тех немногих, которые умели убивать бесшумно, «интеллигентно», чьи жертвы умирали именно тогда, когда это было нужно — тотчас или назавтра, через два дня или через неделю. Поэтому-то ему и поручили умертвить Мумие так, чтобы не осталось никаких следов, никаких улик, никаких намеков на убийцу и его организацию...

Дождь хлестал по ветровому стеклу. Напрягая зрение, Бештель всматривался вдаль. Промелькнул плакат: «Вы у Лазурного берега Швейцарии». Знакомые места. Он любил дорогу из Веве в Монтрё, тянувшуюся вдоль Женевского озера. Особенно хорошо здесь бывало в яркие солнечные дни. Отнюдь не сентиментальный по натуре, Бештель всегда восторгался синевой здешней воды, пальмами у шоссе, виноградниками. Но сегодня им владело только одно желание — поскорее добраться до Монтрё, где он хоть ненадолго окажется в безопасности. Впрочем, в безопасности ли?

Бештель твердо знал, что ему не миновать неприятного разговора. Его спросят, почему покушение не удалось. Ведь операция готовилась так долго и тщательно. Да он и сам задавал себе этот вопрос. Потом его мысли переключились на другое. А что, если сейчас, в эту самую минуту, сыщики женевской тайной полиции роются в его комнате и вот-вот найдут или, чего доброго, уже нашли изобличающие его улики?..

После того как стало известно о намерении Мумие отправиться в Женеву, Бештель начал все чаще появляться около него. Было важно, чтобы Мумие запомнил его лицо. А когда они оба оказались в Женеве, он попросил руководителя ЮПК встретиться с ним 13 октября 1960 года в уже знакомом нам винном погребке. Тот согласился, и Бештель возликовал...

План отравителя был предельно прост: Мумие собирается вылететь в Конакри 16 октября 1960 года. Если дать ему медленно действующий яд, он умрет уже по прибытии в столицу Гвинеи. Это выгодно вдвойне: во-первых,— и это главное — Мумие перестает существовать. Во-вторых, через печать можно пустить слух, будто он пал жертвой раздоров между соперничающими группировками общеафриканского освободительного движения. Некоторые газеты могли бы даже заявить, что в убийстве замешаны гвинейцы. В общем, запутать вопрос не так уж сложно. А к этому как раз и стремится «Красная рука». Лишь бы ей остаться вне подозрений...

Однако удалась только первая часть плана. Убийца подмешал в рюмку Мумие точно рассчитанную дозу таллия. Но африканец почувствовал отравление раньше, чем мог предположить Бештель. Правда, он знал о профессии Мумие, но не думал, что этот «черный врач» сумеет так быстро и безошибочно определить симптомы столь специфического отравления.

После встречи в винном погребке француз неотступно следил за доктором Мумие и к исходу третьего дня увидел, как тот устремился в больницу. Он был уверен в неминуемой смерти африканца, но вместе с тем понимал, что тот еще успеет сказать, кто его отравил.

Перепугавшись не на шутку, Бештель сел в свою машину и уехал из Женевы. Это была его вторая ошибка: дома он оставил компрометирующие документы и вещественные доказательства. Полиции оставалось только воспользоваться ими. Такого с ним не случалось никогда. Даже новичок, и тот повел бы себя осторожнее.

Многомесячная работа пошла насмарку. «Что же со мной творится? — недоумевал Бештель.— Куда девался весь мой опыт? Или я уже стар для всего этого? Нетрудно предвидеть, что произойдет дальше. Швейцарская полиция займется розыском. Значит, надо на время притаиться, а затем бежать из

Швейцарии... Но как я посмотрю в глаза начальству, как объясню необъяснимое?..»

Рено въехал в Монтрё и затормозил у ворот небольшой виллы, расположенной на самом берегу озера. Она принадлежала «Красной руке» и служила тайным прибежищем для агентов, которые на чем-то сорвались и разыскивались полицией. Дверца машины захлопнулась, и этот звук отдался в ушах Бештеля пистолетным выстрелом.

Умирающий рассказывает

В больничной палате было светло. На стене играли солнечные блики.

У единственной кровати сидела молодая черноволосая медсестра. Она не сводила глаз с осунувшегося лица больного, которое, несмотря на темный цвет кожи, казалось серым. Доктор Феликс Ролан Мумие пролежал двое суток без сознания.

Девушка знала, что пациент безнадежен, и все-таки вновь и вновь пыталась придумать какое-нибудь средство для его спасения. Увы, врач сказал ей: «Мы с вами делаем все, что можем, но яд уже слишком долго действует на организм».

Впервые она чувствовала себя такой беспомощной. В больнице самое современное оборудование, отличные медикаменты. Здесь добросовестно работают опытные врачи, умелые сестры. И все же вот этой жизни суждено угаснуть.

Отчаянные попытки спасти его не были вызваны лишь обычной заботой о благе больного. В те немногие часы, когда к доктору Мумие возвращалось сознание, перед медсестрой представал человек в высшей степени незаурядный, и она прониклась к нему огромным уважением.

Сколько людей умерло на ее глазах! Были среди них отчаявшиеся, стонущие, кричащие от страха, взывающие к богу, молящиеся и рыдающие, готовые отдать все, лишь бы продлить свою жизнь. Этот человек был совсем другим. Он знал, что умирает, испытывал невыносимую боль, но держался с поистине удивительным достоинством.

Чтобы отвлечь его, она попросила:

— Расскажите что-нибудь о себе, о вашей родине. Мне кажется, в Камеруне должно быть очень красиво — море, пальмы, солнце...

Этот вопрос она задала ему во время первого дежурства, движимая не любопытством, а скорее профессиональным долгом. Пусть больной поговорит, тогда он почувствует себя менее одиноким. А она послушает его вежливо и равнодушно, как слушала уже многих, а сама будет думать о чем-то своем.

Больной начал говорить, и сестра, не слишком внимательная вначале, постепенно заинтересовалась его рассказом.

— Да, моя родина прекрасна,— сказал он и улыбнулся.— Но прекрасны не только пальмы и море. Столь же прекрасны тропические леса на побережье, их огромные деревья с густой, непроницаемой для света листвой. Прекрасен наш север, прекрасна покрытая снегом гора Камерун, прекрасно величественное огромное озеро Чад.

Он попросил ее принести географический атлас.

— Мне нельзя оставлять вас одного.

— Ничего со мной не случится,— слабо усмехнулся он.— Я крепкий малый.

Сестра нерешительно поднялась и вскоре вернулась с атласом. Полистав его, больной показал ей карту Африки.

— Вот, посмотрите! Видите этот маленький треугольник на западном, так называемом Гвинейском побережье? Это и есть Камерун.

— Какой маленький! — невольно вырвалось у нее.

— Маленький? Площадь Камеруна — четыреста тридцать две тысячи квадратных километров. Это все-таки в десять раз больше Швейцарии и чуть поменьше Франции. Однако Камерун не только велик по размерам, но и сказочно богат.

Опасаясь обнаружить свое невежество, сестра не решилась спросить, чем именно богата родина больного.

Мумие словно угадал ее мысль.

— Вы этого не изучали, и стыдиться тут нечего. Даже среди людей, прикарманивающих наши богатства, кое-кто не знает, где этот самый Камерун.

Говорить ему было очень трудно. Сначала она не все разбирала, но, постепенно привыкнув к тихому голосу больного, стала с напряженным вниманием ловить каждое его слово.

— В нашей стране есть не только какао, кофе и хлопок,— продолжал доктор Мумие.— В тропических лесах, раскинувшихся вдоль устья Санаги, растут ценнейшие породы деревьев — красное, эбеновое, тиковое. Роскошную мебель,

которую можно купить и в Женеве, изготовляют из нашего дерева. Камерун — одна из богатейших стран Африки. В его недрах есть золото, олово, нефть, уран, вольфрам, марганец, свинец, молибден... Но несмотря на все эти богатства, народ живет в нищете, ютится в жалких соломенных хижинах. Такую жизнь навязали ему иноземные плантаторы. Наши женщины рожают детей прямо в джунглях. Дети, едва став на ноги, идут не в школы, а на плантации, где за нищенское вознаграждение надрываются от изнурительной работы. Никто и не думает обучать их хотя бы грамоте, и вся их жизнь проходит в страшных лишениях и непосильном труде.

Богатства Камеруна принадлежат иностранцам, которые владеют всем и все решают за нас. Даже название нашей страны, и то придумано ими. Когда в конце пятнадцатого века корабли португальца Фернандо По вошли в устье Санаги, самой большой нашей реки, офицеры удивились несметному количеству черных крабов, которыми кишат ее воды. Они назвали реку Рио дес Камароэс, то есть Крабовой рекой. Отсюда впоследствии и пошло название Камерун.

И вот со времен Фернандо По чужеземцы, как пиявки, вцепились в нас и уже не давали покоя. Все было как обычно: сперва виски и стеклянные бусы, на которые у простодушных туземцев выменивалось все, что у них было мало-мальски ценного. Потом началась безжалостная охота на людей. Значительную часть населения вывезли в Америку...

В восьмидесятых годах прошлого века к нам пожаловали немцы. И если до сих пор захватчики, боясь сопротивления моих соотечественников, не шли на риск крупных вооруженных столкновений на чужой, незнакомой им земле, полной змей, хищников и малярийных комаров, то немцы не останавливались ни перед чем.

Туго пришлось у нас немецким завоевателям. Наши старики еще хорошо помнят все восстания, вспыхивавшие на протяжении тридцатилетия господства бошей. В 1884 году, чтобы расправиться с «бунтовщиками», колонизаторам понадобилось ввести в дельту Санаги военные корабли. Но уже в 1893 году вспыхнуло новое крупное восстание. Германский генерал-губернатор фон Лейст распорядился привлекать к принудительным работам не только мужчин, но и женщин. Те отказались подчиниться. Начались кровавые экзекуции. Женщин истязали бичами из крокодиловой кожи. Разгневанные камерунцы на-

пали на подразделения кайзеровских войск и захватили немало оружия. Мои предки не были обучены военному делу. И все же эти одетые в лохмотья, разутые, истерзанные люди, кипевшие от негодования, поставили германскую военщину на грань полного поражения. Лишь подтянув значительные подкрепления, чужеземцы сумели «восстановить порядок». Их месть была свирепой. Они били, пытали, расстреливали и вешали тысячи наших людей, бесчисленное множество отправили на каторжные работы и выслали за пределы родины. Зверствами, которым, казалось, не было предела, они хотели запугать всех. Их жертвами оказывались старики и дети, мужчины и женщины — все, кто только попадался под руку. В 1906 году разгорелось новое восстание, на сей раз против режима жесточайшей эксплуатации, введенного генерал-губернатором фон Путкамером. Подавление этого восстания обошлось немцам, по их же признанию, в несколько сотен миллионов марок.

Борьба в Камеруне не утихала. Ничто не помогало колонизаторам — ни резервы свежих войск, ни кровавый террор, ни приказ канцлера фон Гогенлоэ избивать плетью за любой проступок.

Все это стоило камерунцам большой крови, но они не хотели быть рабами.

Убедились в этом также англичане и французы. Во время первой мировой войны они вторглись в Камерун, чтобы изгнать оттуда немцев. В феврале 1916 года это им удалось. Но те, кто рассчитывал на какие-то перемены, жестоко разочаровались. Все свелось лишь к замене одного флага двумя другими. Черно-бело-красный флаг германских империалистов был спущен, а вместо него взвилось французское трехцветное знамя и английский «юнион джек». В остальном все осталось, как было. Нас по-прежнему грабили, нас били за малейшее проявление протеста.

Здесь, в Женеве, во дворце Лиги Наций, Франция и Англия получили мандаты на управление Камеруном.

Управление! До чего же можно исказить смысл и значение этого слова! Бич из крокодиловой кожи был передан из одних рук в другие. К тому же наши новые хозяева никак не могли «справедливо» поделить между собой добычу и начали грызться из-за нее. Камерун разделили на «английскую» и «французскую» части.

И опять потянулись годы, полные горечи и мук. Снова и снова мы с винтовкой в руках пытались добиться свободы. Но наши действия были разобщенными, нам не хватало оружия, не хватало опытного военного командования.

Потом началась вторая мировая война.

Нам обещали свободу и независимость. Тысячи камерунцев поверили в это и сражались в рядах французской армии против гитлеровской Германии. Надо сказать, что воевали они неплохо, недаром многие из них награждены боевыми орденами. Но, вернувшись на родину, они убедились, что в стране не произошло никаких перемен, что европейцы, засевшие в Камеруне, держатся за старое. Изменилась лишь одна деталь: мандат Лиги Наций был преобразован в опеку ООН.

Итак, снова произведена лишь смена флагов. В остальном же все осталось по-старому. Такова была воля колониальных господ.

Однако мы приняли всерьез их обещание предоставить нам независимость после войны. А поскольку колонизаторы, увы, явно забыли о нем, нам пришлось освежить их память. Вскоре после окончания войны начались массовые манифестации за свободу и независимость. Погасить пожар, охвативший всю страну, уже было нельзя: он грозно бушевал и во французском Камеруне, и в английском. Тогда-то и возникла моя партия — «Союз народов Камеруна». Прошел небольшой срок, и она стала подлинным политическим и военным руководителем нашего народа. Мы действовали прежде всего в наиболее обширном, французском секторе страны, но не забывали и об английском. Мы решительно и прямо заявили: «Дайте нам независимость! Положите конец разделу!» И поскольку мы не только говорили, но и подкрепляли свои слова делами, то очень скоро население стало поддерживать нас. Партию ЮПК запретили, против нее начались репрессии. Но несмотря на это, наши силы росли день ото дня, и мы хорошо научились обращаться с оружием.

Короче, демонстрации, о которых я говорил, постепенно переросли в вооруженную борьбу против угнетателей. О масштабах этой борьбы немало писали крупнейшие парижские газеты. В 1958 году французская пресса называла Камерун «вторым Алжиром». Колонизаторы направили в нашу страну шестьдесят тысяч солдат. Они не жалели средств. Еще бы, Камерун приносил французским монополиям ежегодный до-

ход в четыре миллиарда долларов. Именно они, эти четыре миллиарда, и были поставлены на карту.

Французы поняли, что силой им ничего не добиться, и прибегли к трюку. Чтобы лишить освободительное движение руководства, они предложили Организации Объединенных Наций ликвидировать опеку.

Рассуждали они примерно так: «Союз народов Камеруна» — самая влиятельная сила в стране, но эта партия запрещена и, следовательно, не сможет участвовать ни в выборах, ни в образовании совета министров. Мы уж позаботимся о том, чтобы в состав будущего правительства Камеруна вошли только такие люди, которые обеспечат нам сохранение прежних порядков. Тогда уж наверняка прекратится весь шум по поводу независимости.

Первого января 1960 года французский парламент провозгласил независимость Камеруна. Новому государству был даже присвоен собственный флаг. Но премьер-министром стал Амаду Ахиджо, человек, душой и телом преданный монополистам. Значит, опять произошла лишь смена флагов. В какой уже раз!

Вот почему мы вынуждены продолжать борьбу и в самом Камеруне, и вне его. Наши партизаны контролируют большие районы страны. Ахиджо уже не хозяин положения, хотя при поддержке французов жестоко преследует нас. Мы считаем своим долгом привлечь внимание всего мира к положению в Камеруне. Поэтому я и приехал в Женеву, поэтому за меня взялась «Красная рука», поэтому меня отравили...

Необычный альбом для марок

Следователь Динишер, сидевший в своем кабинете за письменным столом и рывшийся к кипе бумаг, выглядел еще совсем молодым, хотя с некоторых пор начал уже полнеть. Его несколько расплывшееся лицо выдавало натуру в высшей степени добродушную. Но этот с виду добродушный человек считался одним из самых упорных и энергичных криминалистов Женевы.

На сей раз он был не один. Перед ним в креслах расположились офицер женевской кантональной полиции, одетый в голубовато-серый мундир, и двое штатских.

Следователь откашлялся и сказал:

— Господа, я пригласил вас, чтобы сообща подвести итоги следствия по делу об убийстве Мумие. Прежде всего позвольте узнать, что дал обыск квартиры Бештеля? Не угодно ли начать вам, господин доктор?

Эти слова были обращены к человеку в штатском, то и дело беспокойно поправлявшему очки. Доктор Фрай Зульцер возглавлял цюрихскую лабораторию судебно-технической экспертизы, лучшую в Швейцарии.

— Буду краток,— сказал он и смущенно откашлялся.— Мне прислали несколько предметов одежды. Их исследование не дало ничего особенного, хотя в одном пиджаке обнаружены следы таллия. Кажется, этим ядом и был отравлен доктор Мумие, не так ли?

Динищер утвердительно кивнул.

— Да, именно этим ядом. Итак, мы уже располагаем одним доказательством. А что скажете вы, господа?

Слово попросил офицер в полицейской форме.

— Мы тоже кое-что нашли, причем довольно странные вещи.— Он достал из портфеля несколько плоских пакетов, осторожно развернул один из них и положил на стол следователя альбом.— Вот коллекция почтовых марок. Хорошенько присмотритесь к этим маркам, в особенности к их обратной стороне.

— Марки? — Динишер удивленно покачал головой и раскрыл альбом.

Внимательно осмотрев несколько марок с лицевой и оборотной сторон, он почти неслышно проговорил:

— Любопытно!

Затем, не удержавшись, громко добавил:

— Ведь сзади на марках наклеены фотографии, причем все они помечены цифрами. А вот и снимок доктора Мумие.

— Мы выяснили, что за люди изображены на этих фотографиях,— продолжал докладывать офицер.— Все это африканские политические деятели, главным образом алжирцы, живущие в Швейцарии. Цифры — зашифрованные даты. Это мы проверили на примере Мумие. Предположение подтвердилось.

— Значит, перед нами как бы иллюстрированный список кандидатов в мертвецы,— заключил Динишер.

— Похоже, что так,— ответил офицер.

— Есть еще что-нибудь? — спросил следователь.— Ведь у вас несколько пакетов.

Офицер развернул еще один пакет и безмолвно подал Динишеру несколько фотографий. Тот рассмотрел их, но ничего особенного не заметил.

— Что это? — спросил он с легким оттенком нетерпения.— Я вижу несколько горных коттеджей. Их снимал Бештель?

— Да, снимки сделаны им. Но этот странный журналист сфотографировал не просто какие-то горные шале. На пленке запечатлены все наши таможенные посты, расположенные вдоль франко-швейцарской границы. Взгляните, пожалуйста, на обратную сторону, где записаны точные данные о размерах и назначении этих строений. Заодно указана численность личного состава в каждом из них.

— Итак, шпионаж,— сказал следователь.— Я еще могу понять, зачем Бештелю понадобился этот альбом, но на что ему домики пограничников? Ведь ничего секретного в них нет, все они известны.

Офицер пожал плечами.

— В практике разведчиков бывает все,— заметил он.— С чем мы только не сталкивались! Может быть, фотографии предназначались для контрабандистов. Во всяком случае, Бештель очень любит деньги, уж это точно.— Он положил перед Динишером пачку каких-то документов.— Вот платежные распоряжения. Отправители — французские торговые фирмы, хотя в торговых регистрах их названий нет. Полагаю, что фактический отправитель денег — «Красная рука».

— Предположения — не доказательства,— нахмурившись, буркнул Динишер.— Впрочем, какой агент станет хранить при себе бумаги своей организации. Такого олуха стоило бы крепко наказать. Хотя бы за глупость... Впрочем, я с вами не спорю, возможно, вы правы. И все-таки платежные распоряжения — не доказательства. Другое дело альбом. Его, пожалуй, можно считать уликой, изобличающей Бештеля в сотрудничестве с «Красной рукой». А как вы полагаете, господа?

— Я уверен, что он агент «Красной руки»,— отозвался один из штатских — худощавый, пожилой господин болезненного вида. Это был руководитель следственной части тайной полиции. Он страдал язвой желудка, и этот, видимо, уже давний недуг явственно отражался на его лице, худобу которого еще больше подчеркивала толстая роговая оправа очков.

— На чем вы основываете свое утверждение? — спросил его Динишер.

— Нам поручили узнать, есть ли у нас или в архивах международной полиции что-нибудь о прошлом Бештеля. Мы установили довольно любопытные подробности.

Он болезненно поморщился и, сделав паузу, продолжал:

— Несколько месяцев назад Бештель был допрошен бернской кантональной полицией. Какой-то столичный адвокат сообщил в полицию, что Бештель ходит за ним по пятам и что поскольку он, этот адвокат, защищает интересы алжирских политических деятелей, то француз, видимо, замышляет против него что-то недоброе. И действительно, Бештель часто и подолгу вертелся у конторы адвоката. На допросе он попытался объяснить свое поведение тем, что некоторое время назад, находясь в Германии, якобы познакомился там с какой-то дамой, по его сведениям секретаршей одного из бернских адвокатов, и теперь ищет ее, желая встретиться. Ему, конечно, не поверили — все-таки человеку за шестьдесят, и в этом возрасте никто не бегает по адвокатским конторам ради какого-то случайного знакомства. Но поскольку в поведении Бештеля в общем ничего предосудительного не было, его отпустили, и, между прочим, совершенно напрасно: выяснилось, что в связи с одним мокрым дельцем его разыскивает и марокканская полиция. Итак, убийство доктора Мумие, убийство в Марокко, альбом для марок, преследование бернского адвоката — какие еще нужны доказательства? Бештель, несомненно, агент «Красной руки», причем агент, пользующийся особым доверием своего начальства.

Динишер встал.

— Что ж, придется снова объявить международный розыск. Улики против Бештеля достаточно убедительны. А если будем медлить, то начнутся серьезные неприятности на дипломатической арене. Представители африканских государств потребуют расследования убийства.

— Я опасаюсь другого,— сказал офицер.— Пока мы раскачаемся, Бештель не только успеет скрыться, но и раздобудет себе новые документы.

«Генерал»

Темноволосая медсестра женевской кантональной больницы снова дежурила у постели доктора Мумие, впавшего в глубокое забытье. Она прощупывала пульс больного, внима-

тельно вглядывалась в его лицо. На лбу умирающего поминутно выступали капли пота, которые она заботливо вытирала.

Со вчерашнего дня волнение молодой женщины за судьбу своего пациента еще больше усилилось. Втайне она надеялась на чудо, даже молилась, хотя и понимала всю безнадежность положения.

Сестра и сама не знала, почему так мучительно хотела спасти его. Политикой она никогда не интересовалась и ничего в ней не понимала. До того дня, когда этот смертельно больной человек рассказал ей о трагической участи своей родины, она даже не представляла себе, что происходит в Африке.

Свой вчерашний рассказ доктор Мумие заключил словами:

— Высокоцивилизованные европейцы вели себя, как варвары. Они рубили головы. Они связывали африканцев, а потом допрашивали их и пытали. Они сжигали целые деревни, истребляли племена, даже целые народности. И все это во имя цивилизации.

Эти слова запали ей в душу. Ведь она тоже была европейкой! И все-таки, хоть и не сразу, ей пришлось согласиться с доктором Мумие во всем. В самом деле: кто дал французам или англичанам право угнетать другие народы, похищать их богатства, обрекать их на голод и вымирание? До сих пор ей казалось, что европейцы должны помогать Африке в преодолении вековой отсталости. Но молодой врач из Камеруна говорил совсем о другом — о стремлении многих европейцев по-прежнему выжимать из африканцев все, что только можно.

Кое-что в рассказе больного казалось ей неправдоподобным.

— Но разве все было так уж страшно? — спросила она у Мумие.— Не преувеличиваете ли вы? Разве могут европейцы вести себя так чудовищно? А если могут, как же вам удалось стать врачом?

— Поверьте,— ответил он,— все было так, как я вам рассказал, и то, что я врач, совсем не противоречит этому.

Он посвятил ее в некоторые подробности своей жизни.

Сын бедного крестьянина из засушливого северо-западного района Камеруна, Феликс оказался в числе немногих, кому разрешили посещать начальную миссионерскую школу. Мальчик захотел учиться дальше, но французский чиновник, к

которому он обратился, лишь презрительно покачал головой: ему не нужны были «слишком образованные туземцы».

Мумие удалось пробраться в Браззавиль, столицу французского Конго. Здесь, работая грузчиком в порту, терпя жестокую нужду, он на собственные скудные гроши окончил среднюю школу. Затем отправился в Дакар, чтобы поступить на медицинский факультет. Блестяще сдав экзамены, он вышел на восьмое место среди двухсот кандидатов. Но стипендии не было, и все студенческие годы приходилось тяжелым трудом зарабатывать себе на жизнь...

Он отказался от предложенного ему места в дакарской больнице. Хотелось вернуться в Камерун, помочь своим соотечественникам.

В Яунде, столице французского Камеруна, Мумие встретили с распростертыми объятиями. Врачи здесь были нарасхват. Правда, деревня нуждалась в них еще острее, и Мумие хотел поехать в сельскую местность, но колониальные власти на первых порах туда его не пустили.

Вскоре стало очевидно, что доктор Мумие не просто врач.

Колониальным инстанциям доложили: везде, где он начинает борьбу с сонной болезнью или малярией, он одновременно разъясняет больным истинные причины их нищеты и призывает к борьбе.

Колонизаторы пытались изолировать его, посылали в самые отдаленные районы. Так молодой доктор побывал в Южном Криби, в восточном Бетаре-Оя, наконец, на севере, в Мора, где господствует прямо-таки убийственный климат. Здесь умерла его трехлетняя дочь.

Но прошло немного времени, и французы поняли, что эти меры бесполезны. Куда бы ни попадал Мумие, везде он оставлял глубокий след: повсюду появлялись местные организации ЮПК и начинались столкновения с колонизаторами.

«Неудобному» врачу начинают делать заманчивые предложения: в обмен на отказ от политической деятельности сулят высокий пост в системе здравоохранения, приглашают занять теплое местечко в колониальной администрации. Мумие отказывается.

Все попытки подкупить его терпят крах. Тогда колонизаторы мобилизуют против него гангстеров. То тут, то там его подстерегают опытные наемные убийцы. Но партия «Союз народов Камеруна» бдительно охраняет своего руководителя.

В сентябре 1958 года жертвой террористического акта пал его лучший друг — Рубен Ум Ниобе. Этого лидера ЮПК застрелили в момент, когда вся страна бурлила. Французское правительство направило в Камерун тысячи парашютистов и солдат иностранного легиона. Свыше 200 000 людей томились в заключении. По ночам арестованных увозили из тюрем и лагерей, доставляли в глухие места и там расстреливали или топили. Еще немного, и весь Камерун превратился бы в один сплошной концлагерь. Колонизаторы хотели раз и навсегда покончить с освободительной борьбой «туземцев».

Часть руководителей ЮПК бежала в английскую зону страны. Они надеялись, что здесь смогут организовать все заново. Но им пришлось убедиться, что английские солдаты ничуть не лучше французских легионеров.

Поэтому центральный орган ЮПК постановил перебазироваться в Конакри. И тогда на Мумие натравили убийц из «Красной руки». В ноябре 1959 года, когда молодой врач находился в Лондоне, кто-то пригрозил ему по телефону, что он будет убит, если не перестанет заниматься агитацией...

Вот что рассказал Феликс Мумие медицинской сестре, отвечая на ее вопрос о поведении европейцев в Африке.

— Какой ужас! — еле слышно вымолвила она.— И убийцы все-таки добились своего.

Умирающий в ответ покачал головой.

— Нет! — сказал он.— Своего они не добились. Правда, они убили еще одного из нас, и мне, конечно, очень жаль, что я никогда не увижу свободного Камеруна. Да и кому охота умирать?.. В народе меня почему-то прозвали Генералом. Так знайте: на место убитого Генерала встанут десять, а то и все сто новых.

Бар «Ежик»

Было около девяти вечера. Ночной бар «Ежик» еще не заполнился посетителями. На танцевальном кругу, освещенном мягким рассеянным светом, кружились три-четыре пары. К полуночи бар обычно бывал переполнен. В этом заведении на Фюрстенштрассе собирались главным образом крупные боннские дельцы, депутаты бундестага и чиновники министерств. За маленькими столиками нередко обсуждались довольно большие дела.

Для Вильяма Бештеля, потягивавшего свой коктейль, этот бар имел особое значение. Здесь была одна из явок его организации.

Бештель прибыл в Бонн утром. Около двенадцати дня его вызвал Марсель Мерсье, остановившийся в отеле «Кёнигсхоф» под именем Жана Валлека. Когда Бештель явился к шефу, тот обедал. Словно не заметив прихода старика, он не только не прервал трапезы, но даже не предложил своему подчиненному сесть.

Допив мокко и тщательно вытерев губы салфеткой, Мерсье неожиданно заорал:

— Кто же так работает! О чем вы только думали, когда так действовали? Не за эти глупости мы вам платим деньги! Теперь извольте сами расхлебывать кашу, которую заварили.

Бештель хотел было возразить, что и сам Мерсье не раз «влипал», в частности несколько лет назад в той же Швейцарии. Но страх сковал его, и он не посмел раскрыть рта: коварство и мстительность Мерсье были слишком хорошо известны.

Вдруг шеф спросил:

— Вы знакомы с историей Веймарской республики? Вам что-нибудь говорят слова «организация Консул»?

— Да, знаком,— с трудом выговорил старый агент.

— Так вот, месье Бештель,— добавил Мерсье.— Эти немцы всегда следовали золотому правилу — судить предателей тайным судом! Правило это действовало и в тех случаях, когда человек становился предателем поневоле, то есть из-за собственной же топорной работы.

Бештель побелел. Сколько лет он работал только на Мерсье, и вот один срыв, и на нем уже ставят крест. С каким бы наслаждением он ударил кулаком прямо в это сытое, наглое лицо. Но страх перед Мерсье был сильнее.

— Что я должен теперь делать? — робко спросил он.

— Пока ничего. Будете жить под фальшивым именем. Не вздумайте только называть себя Бештелем! Нигде! Наши немецкие друзья не примут участия в розыске, объявленном международной полицией. Скоро получите дополнительные указания.

Полный самых мрачных предчувствий, Бештель вышел из гостиницы.

И вот теперь он сидел в баре и предавался меланхолии.

Он пришел в «Ежик», надеясь встретить кого-нибудь из знакомых, кому можно было бы излить душу. Агенты «Красной руки» захаживали сюда.

К одному из соседних столиков подсел молодой человек. Седой сразу вспомнил, что этот бледнолицый тип связан с их организацией и за свою короткую жизнь совершил по ее заданиям немало пакостей. Кристиан Дюрье — именно под этим именем знал его Бештель — был уроженцем Корсики и воображал, что похож на Наполеона. Он стремился подражать своему великому соотечественнику во всем — в жестах, в мимике, в манере говорить. Даже волосы причесывал «а ля Бонапарт». Бештелю рассказывали, что за этим «Наполеоном» охотится полиция нескольких европейских стран. Его обвиняли в растлении малолетних, в противозаконном сводничестве, воровстве и даже соучастии в убийстве. Еще несколько недель назад этот проходимец счел бы за великую честь побыть в обществе Бештеля. Но сегодня уже сам старик был рад, что Дюрье подсел к нему.

Вдруг он испугался. «Что, если они напустили на меня этого «микронаполеона»? — мелькнула тревожная мысль.— Ведь Мерсье неспроста намекнул на тайные судилища».

Бештель решил не рассказывать Дюрье о своих злоключениях. Панический страх, испытанный днем в отеле у Мерсье, снова овладел им. Виски не помогало.

Старик взглянул на Дюрье. Тот оценивающим взглядом смотрел вслед какой-то женщине, прошедшей мимо столика. «Что происходит в мозгу этого человекоподобного существа?» — с неприязнью подумал Бештель.

Он помнил веселые кутежи в «Ежике», устраиваемые в честь очередных «побед» — удачно выполненных заданий. Именно здесь он познакомился с Педро, с «микронаполеоном» и с Жаном Виари, за которым прочно закрепилось прозвище «Потрошитель». Как лихо пировали они после того, как торговцы оружием Шлютер и Пухерт вознеслись на небеса с помощью доброго заряда взрывчатки! В другой раз пьянствовали по поводу удачного покушения на Аита Ахсене.

И вот он снова в том же кабачке, но уже не празднует чью-то смерть, а дрожит за собственную жизнь, которой угрожают те, кто еще совсем недавно восхищались его умением «изящно работать» и подобострастно провозглашали за него тосты... Неужто этому Дюрье и в самом деле поручили при-

кончить его? Запросто, без шума... В конце концов он и сам не раз выполнял такие поручения, придерживаясь мнения, что погоревшему агенту лучше всего отправиться на тот свет.

«А может, я просто сам себе внушаю всякие страхи,— попытался он утешить себя.— Нервы расшалились, вот все и рисуется в черном свете. Мерсье говорил только о «Консуле», а не о тайном трибунале «Красной руки». Надо спокойно разобраться во всем».

Раньше Бештель никогда не задумывался над смыслом бытия. Да и к чему, собственно? Всегда он только и делал, что убивал кого-то. А тут он вдруг спросил себя, ради чего прожил свой век?

Человек, подделывавшийся под Наполеона, прервал его размышления.

— Что с вами? — спросил он.— Морализируете? Нашему брату это не положено.

Бештель вздрогнул.

— Ничего особенного! Просто выпил лишнее и теперь мне, пожалуй, надо отдохнуть.

Он с трудом поднялся. Прощаясь с Дюрье, боязливо посмотрел на него, судорожно ухватился за спинку стула, потом повернулся и зашаркал к широкой стеклянной двери. Очутившись на улице, прошел несколько шагов и беспомощно прислонился к стене...

О чем же он только что думал?.. Ах да, о смысле жизни...

Он немало поколесил по свету. Был в Азии, в Африке, почти во всех странах Европы. Везде чувствовал себя господином, властелином, распоряжавшимся жизнью и смертью людей. Всегда он выбирал смерть — чужую, разумеется. Он убивал по приказу, а еще чаще ради денег. Но что-то мало было проку от всего этого. Отовсюду ему и его дружкам приходилось бежать сломя голову. Из Вьетнама, из Марокко, из Туниса... В Алжире будет, видимо, то же. Смысл жизни! Он криво усмехнулся.

«Сам себе испоганил жизнь,— беззвучно зашевелил он губами.— Подохнешь, и никто слезинки не уронит, даже Мерсье. Я ему больше не нужен. Моя смерть будет отмечена только в каком-нибудь полицейском участке. Достанут из уголовного фотоархива мою фотографию и скажут: «С этим покончено...»

Пламя разгорается

На улицах портового города Дуала, крупнейшего центра Камеруна, глухо и монотонно били барабаны. Казалось, от этих звуков дрожит раскаленный воздух. Медленно текла по улицам широкая людская река. Слышалось пение — гневные басы мужчин и высокие голоса плакальщиц.

«Доктор Мумие убит! Враги убили нашего Генерала!» — грохотали барабаны, стенали девушки в белых одеждах. С каждой минутой нарастала сила этого грозного пения, постепенно перешедшего в хорал, сочиненный еще в двадцатых годах и до сих пор исполнявшийся только в церквах.

Зачем нам клясть свою судьбу?
Немцы ушли, явились французы,
Но настанет час — уйдут и они.
Пусть приходят британцы, пусть янки придут,
Всем судьба им одна — убираться отсюда.
Доживем до великого, светлого дня,
До желанной свободы мы доживем.
...Так радуйся ж, не скорби, не горюй!
Всему вопреки — пой аллилуйя!

Толпа текла из кварталов бедноты, оттуда, где сгрудились соломенные хижины и халупы из ржавой жести, оттуда, где нет улиц.

Демонстранты шли мимо роскошных зданий, чьи хозяева предусмотрительно опустили жалюзи, мимо «стеклянного ящика», как называли жители Дуалы фешенебельный «Отель де кокотье», где останавливались иностранные дельцы — французы, американцы, а в последнее время все чаще и западные немцы. Эти немцы приезжали в Камерун не только ради того, чтобы покупать или продавать. Представители фирмы Круппа проявляли особый интерес к богатейшему месторождению бокситов, недавно открытому в Камеруне. Бокситы — это алюминий. Алюминий — это боевые самолеты и всякое военное снаряжение. Были тут также посланцы Немецкого банка и банкирского дома Шахта. Они привозили с собой журналистов. У одного из них хватило духу написать: «В бывших германских колониальных районах... мы встретили немало туземцев, с удовольствием вспоминающих о прошлом». В народе говорили, что западногерманские визитеры усиленно добивались от Ахиджо и его французских хозяев

концессии на право эксплуатировать природные богатства Камеруна в течение девяноста девяти лет!

Обитатели стеклянного отеля стояли у окон своих номеров и с нескрываемым испугом смотрели на нескончаемое шествие.

«Пусть Генерал мертв, но он навсегда останется в наших рядах!»

Вот людской поток поравнялся с женским лицеем, ослепительно белым строением с множеством балконов. Эту школу черные девушки не посещали. Здесь учились только дочери французских плантаторов и высокопоставленных колониальных чиновников. Белое здание лицея казалось вымершим, никто из учениц или наставников не отважился выглянуть в окно или выйти на балкон.

Перед зданием правительства с новой силой загремели барабаны. Опять заголосили плакальщицы, и мужчины еще раз поклялись отомстить за своего Генерала...

И вдруг сотни полицейских, до этой минуты пассивно наблюдавшие за демонстрантами, двинулись на них. Посыпались удары дубинок. Вскоре началась стрельба.

В этот день в Дуале пролилась кровь, много крови.

На следующее утро правительство Ахиджо объявило осадное положение в одиннадцати провинциях страны.

Весь Камерун заклокотал...

Через несколько дней министр иностранных дел Окала выступил на заседании парламента с торжественным заявлением: «Доктор Мумие — истинный гражданин Камеруна. Я воздаю ему дань уважения, которого заслуживает большой человек. Его имя надлежит выгравировать на мемориальной доске почета нашей нации...»

Министр думал, что этим демагогическим ходом ему удастся успокоить умы. Но ни горожане, ни сельские жители не дали себя обмануть. Над всей страной звучала величественная мелодия хорала, давно уже ставшего боевой песнью:

...Немцы ушли, явились французы,
Но настанет час — уйдут и они.
Пусть приходят британцы, пусть янки придут,
Всем судьба им одна — убираться отсюда.
Доживем до великого, светлого дня,
До желанной свободы мы доживем...

• Обманутый обманщик

В парке Элли-Понд

Ранним утром 26 ноября 1959 года, когда, как обычно в Нью-Йорке в это время года, свет наступающего дня по-черепашьи медленно, словно нехотя пробивал густую пелену въедливого тумана, по главной аллее парка Элли-Понд неторопливо шагали двое полисменов.

— Еще полчаса, и конец дежурству,— позевывая сказал один из них.— Слава богу, ночь прошла спокойно.

— Вот придешь домой, ляжешь в постель — тогда и благодари бога за спокойную ночь,— отозвался второй.

В парке было неуютно. Временами полисменам приходилось брести по скользкой, доходившей до щиколоток листве. Кругом сырость: и над головой, и под ногами. Нелегко в таких условиях нести службу, особенно патрулировать по ночам, тем более что в парках всегда что-нибудь да случается. Эти ночные обходы стоили жизни не одному нью-йоркскому полисмену, и в результате было дано указание наряжать в них только парные патрули.

Полисмены подошли к пересечению главной аллеи с дорожкой для верховой езды. Оба привычно посмотрели направо и налево. Вдруг один патрульный схватил товарища за рукав.

— Глянь-ка! — сказал он, показывая на боковую дорожку.— Там кто-то лежит.

В самом деле, невдалеке от них, у живой изгороди, окаймлявшей дорожку для верховой езды, на опавшей листве лежал мужчина. Ветер распахнул полу его пиджака, и сквозь голый кустарник белела рубашка. Подойдя поближе, полисмены увидели пистолет, зажатый в правой руке лежавшего.

— Он мертв,— сказал один из них.— Тут уже ничем не поможешь. Видишь, прострелен правый висок. Похоже на самоубийство.

— Только этого нам нехватало,— проговорил второй и выругался.— Пока составим акт, пройдет добрых два-три часа.

— Видать, из высшего общества,— заметил первый, не отрывая глаз от трупа.— Взгляни только на костюм.

— Радости мало. От этого все равно раньше домой не попадем,— угрюмо продолжал твердить свое второй.— А убийство это или самоубийство — не наша забота. Пусть другие ломают себе голову. Лучше давай поторопимся, надо известить следственный отдел.

Через час место, где патруль нашел труп, было плотно оцеплено. Сотрудники нью-йоркской уголовной полиции уже закончили свою работу. Они сфотографировали каждую деталь, обнаружили все следы. Успели написать свое донесение и оба полисмена. Но никто из криминалистов не покидал места происшествия.

Неподалеку околачивалось несколько молодых репортеров. Время от времени они пытались подозвать кого-нибудь из чиновников. Газетчики злились. Им была нужна информация для репортажа, но руководитель следственной группы делал вид, будто ничего не замечает. Усевшись за раскладным столиком, он рассеянно перебирал документы покойного. И только когда к перекрестку подъехала длинная просторная машина, он медленно поднялся и пошел навстречу прибывшим в ней штатским.

Они долго шептались на виду у репортеров, которые не спускали с них глаз.

— Держу пари, это из ФБР,— сказал кто-то из журналистов.

Надежда представителей прессы доставить в свои редакции не обычную заметку для раздела уголовной хроники, а нечто сенсационное, под жирную шапку, не сбылась. Руководитель группы криминалистов подошел к репортерам и заявил, что речь идет о самом заурядном самоубийстве, каких в Нью-Йорке каждый день хоть отбавляй. Ничего особенного, экстраординарного.

Репортеры иронически ухмыльнулись. Уж их-то не проведешь: они знали цену подобного рода «успокоительным» заявлениям и нисколько не сомневались, что здесь что-то не

так. В самом деле, зачем сюда пожаловали сотрудники ФБР? Ведь они появляются только тогда, когда дело носит явно политический характер или когда совершено одно из тех ста восьмидесяти преступлений, расследование которых относится к компетенции их ведомства: убийство, похищение детей, шантаж, но не самоубийство.

— Мы сегодня же передадим вам информацию об этом случае,— пообещал чиновник.

Два или три репортера недовольно хмыкнули. Им, конечно, очень хотелось бы дать на первую полосу какой-нибудь «жуткий» репортаж. Но из практики они знали, что бывают дела, распространяться о которых не дозволено. Видимо, на сей раз речь шла именно о таком деле.

На следующее утро в газетах появилось краткое сообщение о том, что мистер Поуль Банг-Йенсен, бывший сотрудник Секретариата ООН, «добровольно ушел из жизни» и что ввиду полной несомненности указанного факта Федеральный уголовный розыск не видит оснований заниматься его расследованием.

Немногие газеты, которые выступили с комментариями по этому поводу, указали на принадлежность Банг-Йенсена к так называемому Специальному комитету по Венгрии при ООН, сообщили кое-что о его семье и любимых занятиях. Один из репортеров написал, что самоубийца воспользовался пистолетом с перламутровой рукояткой, что это оружие, приобретенное Банг-Йенсеном в 1943 году, якобы уже было применено кем-то другим для самоубийства, а затем перешло в собственность некоего взломщика, погибшего при перестрелке с полицией.

Через несколько дней Секретариат ООН устроил помпезную гражданскую панихиду по Поулю Банг-Йенсену. В приличествующих случаю пространных речах ораторы не скупились на похвалы по адресу «глубокоуважаемого усопшего» и удостоили его многих лестных эпитетов. Говорили, что покойный заслужил «вечно зеленый лавровый венок», что он относился к тем немногим, кто еще умеет быть верным своему слову, отличался «тонким, блестящим умом и ярко выраженным чувством справедливости», был «пламенным идеалистом». Кто-то назвал его даже «воплощением мировой совести».

Люди, близко знавшие Поуля Банг-Йенсена, никак не могли взять в толк смысл поведения Федерального уголовного розыска, прессы и ораторов, «пускавших слезу» на панихиде в здании ООН.

Почему, например, уголовная полиция отказалась от расследования этого дела, если среди бумаг покойного нашли письмо, где говорилось: «Как бы ни сложились обстоятельства, я никогда не пойду на самоубийство. Это противоречит моему характеру, моим религиозным убеждениям...»?

Почему панихиду организовал Секретариат ООН, когда все знали, что еще за год до своей смерти Бан-Йенсен был уволен из этого органа при весьма порочащих его обстоятельствах?

Почему его превозносили в этих посмертных славословиях? Ведь в конце 1957 года сам генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд назвал его алкоголиком и психопатом, взбалмошным честолюбцем, даже душевнобольным человеком, решительно не способным нести бремя ответственности, возлагаемое на чиновников ООН.

Шестой член комитета

В ясный, морозный январский день 1957 года у одной из многочисленных вилл в Лейк-Саксесе — районе Нью-Йорка, где живут крупные бизнесмены, кинозвезды, высокопоставленные чиновники ООН и другие дипломаты,— остановился роскошный лимузин. Из него вышли два пожилых господина — штатский и военный. Люди, которым доводилось бывать в штаб-квартире ООН, легко узнали бы первого: рослый и широкоплечий Кэбот Лодж был тогда главным представителем США в Организации Объединенных Наций. Второй, одетый в генеральскую форму, напротив, никогда не показывался в здании ООН. Но и его имя было знакомо почти каждому американцу. Генерал Уильям Донован занимал во время второй мировой войны пост начальника Управления стратегических служб, то есть военной разведки США.

Гостей встретил хозяин виллы — высокого роста мужчина с правильными чертами лица, испещренного красными прожилками. Такие лица бывают у алкоголиков. Кроме него, на вилле никого не было. Он сам открыл гостям парадную дверь, на которой красовалась латунная табличка с надписью: «Мистер Поуль Банг-Йенсен».

Что же обсуждала эта троица в течение нескольких часов? Официально об их беседе ничего не было сообщено, ибо разговор носил строго доверительный характер. Однако наблюдателям, искушенным в политике, не требовалось талантов Шерлока Холмса, чтобы безошибочно определить единственно возможную тему загадочных переговоров. Речь, вне всякого сомнения, шла о недавних событиях в Венгрии, к которым все трое были непосредственно причастны.

Еще в июне 1950 года мистер Кэбот Лодж представил на рассмотрение американского конгресса законопроект о создании в составе армии США особых воинских подразделений из десяти тысяч иностранцев, главным образом уроженцев стран Восточной Европы. Предложение Лоджа было одобрено конгрессом и получило силу закона. Новые подразделения особого назначения, состоявшие преимущественно из бывших иностранных военнослужащих войск СС, служак венгерско-фашистской армии Хорти и банд предателя Власова, предназначались для замышлявшегося «освобождения Востока». Во время венгерских событий осени 1956 года они были разгромлены, и теперь мистеру Лоджу не терпелось с трибуны ООН выдвинуть обвинения против Советского Союза. За то, что первое в мире социалистическое государство пришло на помощь Венгрии, когда фашистские «особые формирования» пытались потопить эту страну в море народной крови, главный делегат США в ООН вздумал инкриминировать Стране Советов «посягательство на свободу и права человека». Уильям Донован, которого за беспутный образ жизни даже друзья называли «диким Биллом», после создания Центрального разведывательного управления, главного ведомства американского шпионажа, вошел в состав так называемого Национального комитета за свободную Европу. Этот комитет объединял антикоммунистические группы и координировал их подрывную деятельность в социалистических странах. Незадолго до начала контрреволюционного путча в Венгрии матерый шпион перебазировался в Вену, где вместе со своим штабом занял большое здание отеля «Регина». Отсюда он руководил последними приготовлениями своих наемников. Как только в Будапеште раздались первые выстрелы, он тотчас же поехал туда и долго совещался с главарем путчистов Белой Кирай, самочинно провозгласившим себя комендантом венгерской столицы. По приказу Донована гангстерские шайки, сколочен-

ные им самим и по инициативе мистера Лоджа, напали с австрийской территории на Венгрию. Тем же путем в страну двинулись транспорты с оружием и боеприпасами, радиостанциями и продовольствием. Однако все старания «дикого Билла» ни к чему не привели — путч провалился.

Тем не менее ни лоджи, ни донованы не отказались от своих намерений. 10 января 1957 года США удалось навязать Генеральной Ассамблее ООН решение о создании Специального комитета по Венгрии. Тогда янки еще могли по своему усмотрению управлять пресловутой машиной голосования.

Правда, в самой Венгрии обследовать было нечего. Промышленность уже давным-давно возобновила свою работу. Страна залечивала раны, нанесенные ей фашистским мятежом. Но американским королям электроники и химии, угля и стали нужна была холодная война, а так называемый «венгерский вопрос» помогал усиливать ее. В Специальный комитет входили и представители нейтральных стран: цейлонец Гуневардене, тунисец Слим и сеньор Фабрегат из Уругвая. Эти трое были как бы вывеской. Куда менее «нейтрально» вели себя датчанин Андерсен и австралиец сэр Шэнн. Но не эта пятерка контролировала работу комитета, где всем верховодил шестой его член и секретарь, датский сотрудник аппарата ООН Поуль Банг-Йенсен, назначенный в этот орган по личному указанию Дага Хаммаршельда. О Банг-Йенсене никогда ничего хорошего не говорили. Он любил деньги и слыл горьким пьяницей. Кроме того, в стеклянном дворце ООН на берегу Ист-Ривер ходили слухи, что он шпик Центрального разведывательного управления...

Когда оба посетителя собрались уходить, секретарь Специального комитета отвесил им низкий поклон. Уже в дверях генерал секретной службы Донован сказал:

— Итак, мистер Банг-Йенсен, покажите, на что вы способны. У вас все полномочия, в вашем распоряжении все средства...

И Банг-Йенсен отправился в путь. В последующие недели его видели в Женеве, Риме, Вене, Лондоне, снова в Женеве. Везде он объявлял, что желает беседовать с венгерскими беженцами.

Впрочем, он не особенно торопился. Личные дела волновали его, несомненно, больше, чем судьба венгров. Во всех западноевропейских столицах он усердно посещал ночные

бары. Посещал он и лагеря для беженцев, но значительно реже. Его постоянно сопровождала молодая хорошенькая венгерка, которую он везде представлял как «личного секретаря». На вопрос, как ее зовут, она уклончиво отвечала, что родилась в городке Гедервей.

Банг-Йенсен должен был информировать начальство о своей деятельности, отчитываться в своих расходах. Его донесения походили на фантастические рассказы, что, однако, не мешало западной прессе широко воспроизводить их.

Банг-Йенсен писал, что допрашивать беженцев ему очень трудно, так как за ним везде следят «коммунистические осведомители». Он сообщал, что встречается со своими собеседниками, как правило, только в отелях или на случайных квартирах, а в нескольких случаях мог поговорить с нужными людьми только лишь во время поездок в такси. Приходится, сетовал он далее, всячески изворачиваться: для одних под фиктивными именами снимать номера в отелях, к другим намеренно не являться на условленные встречи, чтобы сбить с толку «преследователей» и избавиться от них. Все это стоит очень больших денег. Кроме того, Банг-Йенсен обращал внимание своих шефов на неудовлетворительность мер по обеспечению его личной безопасности. Почти во всех городах какие-то неизвестные роются в его багаже. Дважды у него похищали портфель. Однако, слава богу, список свидетелей хранится в его бумажнике. Ночью он на всякий случай прячет этот список и протоколы допросов под матрац. Все эти предосторожности, безусловно, необходимы, ибо за ним следят всегда и везде. А на днях даже в самолет, на котором он должен был лететь, кто-то подложил бомбу. К счастью, ее своевременно обнаружили...

Таков был характер всех донесений Банг-Йенсена. Во дворце ООН их читали охотно, хотя и не без иронии. Главное их достоинство состояло в том, что они в точности совпадали с точкой зрения определенных лиц.

Свидетель Йожеф Надь

— Господин Надь, не угодно ли пройти со мной в управление лагеря?

Человек, которому адресовались эти слова, с безучастным видом лежал на тюфяке, набитом соломой. Убедившись, что

обращаются к нему, он удивленно взглянул на вошедшего. Перед ним стоял щегольски одетый молодой человек с нарукавной повязкой Красного Креста. Брезгливо морщась, этот франт оглядывал бывший школьный класс, в котором когда-то стояли парты, а теперь вся «меблировка» состояла из двух или трех десятков соломенных тюфяков.

«Кто меня здесь знает? Кому из моих знакомых известно, что я попал сюда?» — с удивлением подумал «господин Надь».

— А не ошиблись ли вы? — спросил он.— В Венгрии людей с фамилией Надь не меньше, чем песчинок на берегу морском.

— Нет, я наверняка не ошибся,— уверенно возразил молодой человек.— Вы — столяр Йожеф Надь и жили в Будапеште на улице Лошонци. Это верно?

— Верно...— еще больше изумился венгр.

— Ну вот, значит, именно вы мне и нужны.

Йожеф Надь поднялся со своего ложа, смахнул с помятого костюма соломинки и, соблюдая дистанцию, последовал за молодым человеком. Проходя по коридорам большого школьного здания, он силился найти какое-то объяснение столь неожиданному вызову. В управление беженцев вызывали очень редко и, как правило, по какому-нибудь неприятному поводу.

В последнее время Надь пережил немало тревожных дней. Все началось в ночь с 23 на 24 октября 1956 года.

На улицах Будапешта вспыхнули первые вооруженные столкновения. Неожиданно кто-то забарабанил в окно столярной мастерской Надя на улице Лошонци. Когда испуганный хозяин отпер дверь, в мастерскую ворвались несколько вооруженных парней с красно-бело-зелеными повязками на рукавах.

Старший группы заявил Надю:

— Нам известно, что коммунистов вы не жалуете. И если уж браться за их изгнание, то и вам придется внести свой вклад. Предоставьте в наше распоряжение свою мастерскую.

Хозяин хотел было запротестовать, но, напуганный воинственным видом молодых громил, промолчал.

Столяр Надь был великолепным ремесленником, но отнюдь не героем. Разве что время от времени поругивал правительство. И вдруг совершенно неожиданно, среди ночи ему предложили принять «политическое решение». Надь спасо-

вал перед «борцами за свободу». Их слова о «свободе и демократии» произвели на него впечатление. Сильные ребята, подумал он.

Многое из того, что творили эти головорезы, казалось ему отвратительным. Особенно коробили хвастливые рассказы о расправах над коммунистами и ограблениях магазинов. Но он помалкивал и вслух своего неодобрения не высказывал.

Между тем коммунисты, которых постояльцы Надя объявили окончательно уничтоженными, продолжали жить и действовать, собирая силы для решающей схватки с реакционным отребьем. И вот 4 ноября 1956 года на контрреволюционеров один за другим обрушились удары такой силы, что бандиты, засевшие у Надя, пустились наутек. В считанные часы от «непобедимых борцов за свободу» осталось лишь неприятное воспоминание.

Надь не на шутку струсил: все-таки он ведь оказывал содействие путчистам, приютив у себя группу головорезов. Убежденный, что коммунисты непременно станут мстить ему за это, он второпях собрал самое необходимое и под покровом темноты и тумана бежал из города.

С большим трудом Йожефу Надю удалось перейти австрийскую границу. Его и остальных встретили с цветами, им бурно рукоплескали, называли «героями свободы» и «защитниками человеческого достоинства». Цветов и красивых речей хватало на всех, их припасли и для простых людей вроде него, и для фашистов, и для уголовников, которых мятежники выпустили из тюрем, и для шестнадцатилетних птенцов, покинувших родину в поисках приключений. Многих беженцев временно устроили в Вене. Столяр Надь и несколько десятков его соотечественников попали в здание школы на Вальнерштрассе, 6а. Там они целыми днями праздно валялись на соломенных тюфяках. Никто ими не интересовался.

Вот почему Йожеф Надь так удивился, когда его вызвали в управление лагеря.

Молодой франт распахнул дверь и жестом предложил Надю пройти вперед. За длинным столом сидели семь человек. Трех из них Надь знал. Увидев Анну Кетли, везде выдававшую себя за социал-демократку, он подумал: «Странно, на портретах она всегда так мило улыбается, а в действительности у нее злое и хмурое лицо». Рядом с Кетли сидел тол-

стый и напыщенный Бела Кирай. Столяр помнил его фотографии в газетах. Он знал, какую роль играл этот хортистский офицер в Будапеште, знал, что теперь он возглавляет так называемый «Венгерский революционный совет» в Страсбурге. Речи, которые он произносил ежедневно, регулярно печатались в эмигрантских листках. Третьего — это был сухопарый тип лет сорока — звали Пастор. Надь видел его несколько раз в лагере, где он занимал какую-то руководящую должность.

— Присядьте, господин Надь,— сказал Пастор.

Затем он пояснил, что сидящие за столом — члены одной из специальных комиссий ООН. Столяр робко глядел на незнакомых ему людей, тихо переговаривавшихся с Белой Кирай.

Наконец Пастор приступил к делу.

— Господин Надь,— заявил он,— мы позвали вас сюда потому, что ценим вас как убежденного антикоммуниста и хотим вам помочь поскорее избавиться от неприятной жизни в лагере. Разумеется, вам в свою очередь тоже придется сделать кое-что для нас.

— Охотно, если это будет в моих скромных силах,— негромко ответил Надь.

Пастор дружелюбно улыбнулся.

— То, чего мы от вас требуем, совсем не трудно и, безусловно, в ваших силах. Я уже сказал, что присутствующие здесь господа — сотрудники Специального комитета ООН по венгерскому вопросу. Их задача — собирать свидетельские показания о недавних событиях в Венгрии. Вот вы и будете одним из этих свидетелей.

— Какой же из меня свидетель? — озабоченно проговорил Надь.— За все это время я почти не выходил из дому. Даже не представляю себе, какие показания я мог бы дать.

— Говорить ничего не надо, вы все изложете в письменной форме,— наставительно заметил Пастор и украдкой взглянул на Кирай, чтобы проверить, не возражает ли шеф против такого ведения разговора.— Вы напишете обо всем, что видели. А если вы ничего не видели, то напишете о том, что слышали. Укажете, что состояли в рядах повстанцев, что венгерские рабочие боролись против советских войск, что советские войска вывозили венгерских юношей в Сибирь.

— Но как же я могу писать такие вещи? Ведь ничего подобного не было. А если я буду писать с чьих-то слов, то ка-

кие же это тогда свидетельские показания? Свидетель должен сообщать только о том, что он сам видел.— Надь покачал головой.— Нет, такого заявления я сделать не могу.

— Нужны обвинения против коммунистов, господин Надь! — раздраженно произнес Пастор.— В те дни произошло так много событий, что никому не удастся проверить, пишете ли вы о пережитом или об услышанном. Не скрою от вас, что если вы представите нам такие показания, то с сегодняшего же дня будете ежедневно получать двести двадцать шиллингов и уже завтра сможете покинуть это здание. Господа из Организации Объединенных Наций не мелочные люди. А генералу Кирай, о котором вы, несомненно, слышали, необходим энергичный заместитель в страсбургском совете. Ваша кандидатура представляется нам вполне подходящей.

Вскоре после приведенного разговора столяр из Будапешта не только написал свидетельские показания, но и был назначен заместителем Кирай в так называемом Венгерском революционном совете. Чувствовал он себя неважно, хотя Кирай заверил его, что все это делается исключительно ради блага венгерского народа, и разрешил не подписывать показаний. «Зато выберетесь из лагеря,— утешал он Надя,— поедете в Париж и в Страсбург».

Впоследствии в Страсбурге Надь пользовался полным доверием начальства. От него не было никаких секретов. Как-то Кирай сказал ему:

— Нас не интересует, что думают беженцы. Существенно лишь то, что они пишут. Именно письменные свидетельства — вот что нужно комиссии. А уж как мы их заполучим — до этого сотрудникам ООН никакого дела нет. Эти господа сказали нам прямо: «Используйте трудности, переживаемые беженцами! Сыпьте им побольше соли на раны и сразу усаживайте за письменный стол. За это вам и платят!»

Тогда ни Кирай, ни Пастор, ни Банг-Йенсен, ни Донован не подозревали, что Йожефу Надю давно уже опротивела вся эта грязная возня и он втайне готовился к возвращению на родину. Не знали они и о его намерении выступить перед представителями мировой печати с сообщением о своей жизни в Вене и в Страсбурге.

Доклад

В начале сентября 1957 года в «здании с шестью тысячами окон» на берегу Ист-Ривер ожидали крупной сенсации: предстояло оглашение доклада Специального комитета по Венгрии. Все говорили о необычайном объеме этого документа: 150 000 слов, 17 глав, 785 разделов. К докладу были приложены топографические карты и план Будапешта. В общем, бумаги не пожалели.

Докладу действительно суждено было стать сенсацией, хотя и не такой, какую имели в виду его заказчики и авторы.

Сначала по дворцу ООН пополз упорный слух, будто главные положения доклада были предварительно согласованы между Кэботом Лоджем и кардиналом Миндсенти, который со времени краха мятежа укрывался в стенах американского посольства в Будапеште.

Наконец появился и самый текст этого столь широко разрекламированного документа. В нем говорилось, что комитет заслушал 111 свидетелей — 111 представителей всех социальных слоев венгерского народа и всех районов страны. 111 свидетельских показаний, сведенных в единый доклад, предназначенный для самой авторитетной международной организации! Можно ли было усомниться в абсолютной достоверности собранного материала? Но уже первое беглое ознакомление с объемистым томом вызывало полное недоумение. Показания принадлежали безымянным свидетелям! Были названы лишь три имени: Анна Кетли, Бела Кирай и Йожеф Коваго — бывший фашистский бургомистр Будапешта. Имена остальных 108 свидетелей предусмотрительно не упоминались.

Авторы доклада, конечно, понимали, что, как правило, безымянных свидетелей никто не принимает всерьез, что их показания не внушают никакого доверия. Поэтому они заявили, что анонимная публикация показаний продиктована желанием «оградить от преследований оставшихся в Венгрии друзей и родных».

Однако при внимательном чтении 150 000 слов доклада бросалось в глаза, что ни этот аргумент, ни сами анонимные показания не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Так, например, один из «свидетелей» писал: «Многие советские солдаты считали, что их привезли в Египет для борьбы

с англо-французскими империалистами. Дунай они принимали за Суэцкий канал». По этому поводу один из представителей Египта в ООН насмешливо заметил: «Вероятно, все без исключения венгры, боровшиеся против советских солдат, говорили по-арабски».

Другой «свидетель» сообщал: «Вооруженное сопротивление в Восточной Венгрии не было столь продолжительным, как в Пече, Дунапентеле и Веспреме». В противовес этому кто-то третий заявил, что 4 ноября в городах Печ и Дунапентеле «до вооруженного сопротивления дело почти не дошло», а в Веспреме вообще не было боев.

Целая глава доклада была посвящена «высылкам в Советский Союз». В качестве свидетелей обвинения выступили восемь — опять-таки не названных — лиц, якобы подвергшихся высылке. Свои показания «депортированные» сочинили в Нью-Йорке, Париже и Вене. Все невольно задавались вопросом: как можно очутиться на Западе, будучи сосланным на Восток?!

Предвидя возможность того, что будет внесено предложение заслушать представителей Венгрии и Советского Союза, авторы доклада предусмотрительно оговорились: «Комитет считает, что материал, который могли бы представить Советский Союз и венгерское правительство, не изменит главных выводов о том, что действительно произошло в Венгрии».

14 сентября 1957 года доклад обсуждался на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Выступившие делегаты выразили серьезнейшие сомнения в его достоверности.

Для принятия «венгерской резолюции» потребовалось все красноречие Кэбота Лоджа и, разумеется, механическое большинство, тогда еще послушное Соединенным Штатам. И все-таки генеральному секретарю ООН пришлось заверить Ассамблею, что он тщательно проверит содержание представленного доклада, и в особенности «свидетельские показания».

Фарс, разыгранный на крыше

Однажды в холодное и ветреное февральское утро 1958 года на крыше дворца ООН произошло довольно странное событие. Несколько озябших мужчин — детективы ООН и группа журналистов — собрались у небольшой железной

корзины, какими пользуются сторожа американских парков для сжигания опавшей листвы или бумажных отбросов. Все с нетерпением дожидались мистера Эндрю Кордье, пригласившего представителей прессы на эту необычную встречу. Об этом Кордье — американце, подвизавшемся в качестве личного помощника генерального секретаря,— поговаривали, что именно он держит в руках все нити аппарата Организации Объединенных Наций.

Наконец собравшиеся услышали шум скоростного лифта. Раздвинулись дверки кабины, и из нее вышел тучный Эндрю Кордье в сопровождении высокого стройного человека средних лет. Спутник Кордье недоверчиво оглядел присутствующих и закурил сигарету.

— Итак, мистер Банг-Йенсен,— сказал Кордье, обращаясь к своему спутнику и кивком показав на железную корзинку,— будьте добры, собственноручно сожгите венгерский документ номер пятьсот сорок восемь дробь семьсот восемьдесят четыре. Я имею в виду этот необычный список.

Датчанин молча извлек из бокового кармана запечатанный конверт, достал коробок со спичками и, заметно нервничая, принялся за дело. Но ему не везло: едва он зажигал спичку, резкий ветер мгновенно задувал слабое пламя. Так повторилось несколько раз. Тогда на помощь ему пришел один из детективов, предложивший свою зажигалку с ветрозащитной сеткой, и в следующее мгновение злополучный конверт наконец-то запылал. Покончив с одним конвертом, Банг-Йенсен дрожащей рукой вытащил из кармана другой.

— Вы же говорили, что список только один? — с деланным удивлением спросил Кордье.— Оказывается, есть еще один!

Банг-Йенсен неестественно улыбнулся.

— В этом конверте нет второго списка. Я всегда имел при себе четыре конверта. В одном хранился список, в остальных была чистая бумага. Напади на меня коммунистические агенты, у них был бы только один шанс против трех. Скорее всего в их руки попал бы конверт с пустой бумагой.

Присутствующие улыбнулись.

— Выходит, что вашей жизни непрерывно угрожала большая опасность? — насмешливо спросил кто-то из репортеров.

Банг-Йенсен не ответил. Прикусив нижнюю губу, он поджигал один конверт за другим. Ветер подхватывал пепел и уносил его.

Читатель недоуменно спросит: почему это маленькое аутодафе производилось на крыше? Почему нельзя было сжечь несколько конвертов в одном из бесчисленных помещений огромного здания? Зачем вообще понадобилось их сжигать? Чего ради пригласили газетчиков? Короче, с какой целью была устроена вся эта церемония?

Как уже говорилось, генеральный секретарь ООН еще в сентябре 1957 года обещал проверить подлинность свидетельских показаний, использованных для «венгерского доклада». В последующие месяцы у мистера Хаммаршельда состоялось множество заседаний, потребовавших большого нервного напряжения от всех их участников.

Наконец, 4 декабря 1957 года было опубликовано короткое, почти никем не замеченное коммюнике, которое, казалось, вообще не имело никакого отношения к «венгерскому докладу». В нем сообщалось, что политический советник Секретариата ООН мистер Поуль Банг-Йенсен уволен со своего поста ввиду «несоблюдения субординации». Далее говорилось о создании дисциплинарного комитета, которому поручено выявить в полном объеме все прегрешения Банг-Йенсена и представить генеральному секретарю соответствующий доклад. В состав комитета вошли заместитель Хаммаршельда Филипп де Сейнс, его юридический советник Константин Ставропулос и мистер Эрнест Гросс, бывший заместитель главы американской делегации в ООН, а впоследствии один из ведущих сотрудников Секретариата.

Еще несколько месяцев назад Хаммаршельд не скрывал своего благожелательного отношения к Банг-Йенсену, и вдруг дисциплинарный комитет ошарашил всех документом, предельно компрометирующим датчанина, инкриминирующим ему самые невероятные проступки. Нарушение субординации, небрежность в работе, неумение хранить служебную тайну — все это были достаточно серьезные, но еще далеко не главные обвинения. В докладе генеральному секретарю Банг-Йенсен характеризовался как человек необузданного нрава, пьяница и даже психопат, страдающий манией преследования. Таким, как он, безусловно, доверять нельзя.

Затем описывалось его поведение в связи с венгерскими делами. Отмечалось, что он отказался представить Генеральной Ассамблее список свидетелей, допрошенных «венгерским

комитетом». Обосновать и оправдать этот отказ невозможно, ибо некоторые имена он все же разгласил в частных беседах, чего не сделали его коллеги, тоже проводившие допросы свидетелей. Во время своих поездок Банг-Йенсен легкомысленно относился к документам, не заботился о их надежном хранении. Поэтому непонятно, почему он отклонил предложение генерального секретаря сдать спорные документы в его личный архив, к которому никто не имеет доступа.

Наконец, в докладе дисциплинарного комитета указывалось: «Безответственное отношение г-на Банг-Йенсена к документам скомпрометировало последние, поставило под сомнение их достоверность. К этим бумагам невозможно отнестись с доверием как в отношении их полноты, так и аутентичности... Следовательно, содержащаяся в них информация не заслуживает доверия». Далее следовала довольно странная рекомендация «проинструктировать г-на Банг-Йенсена в том смысле, чтобы он незамедлительно сжег эти бумаги в запечатанном виде в присутствии сотрудников отдела безопасности Организации Объединенных Наций. Кроме того, от него надлежит потребовать заверение в том, что он не снимал копий с этих бумаг и что, насколько ему известно, подобных копий не существует».

Вот почему на крыше «стеклянного дворца» произошла описанная сцена...

Когда все конверты превратились в пепел, один из детективов объявил:

— Мистер Банг-Йенсен, мне и моему коллеге,— он указал на другого сыщика,— поручили проводить вас до выхода из здания ООН. Пальто, шляпу и портфель вам доставят на дом. В свой кабинет вы больше войти не сможете. Ни при каких обстоятельствах.

Банг-Йенсен повернулся к Эндрю Кордье, безучастно глядевшему вдаль.

— Что все это значит? — гневно спросил он.— Ведь это противоречит нашей договоренности.

Словно не расслышав его слов, Кордье молча зашагал к лифту.

— Пожалуйста, идемте с нами и ведите себя спокойно,— сказал детектив.

Увольнение

Второй этаж «стеклянного ящика» на берегу Ист-Ривер в значительной своей части предназначен для журналистов. Здесь находится пресс-центр с современными рабочими помещениями, телетайпами и телефонами. Почти необозримы огромные столы, на которых вечно громоздятся кипы печатных материалов — краткие отчеты о заседаниях многочисленных комитетов и комиссий, сборники документов, памятные записки и информационные сообщения различных отделов аппарата ООН, заявления правительств, предложения и резолюции. Даже опытному журналисту нелегко разобраться в этом море бумаг. Но дав себе труд внимательно изучить систему их раскладки, он намного облегчит свою работу. Если ему не удалось посетить какое-нибудь важное заседание, через несколько часов он найдет здесь краткий отчет о нем.

Обычно здесь всегда царит оживление. И лишь в летние месяцы, когда в работе ООН наступает перерыв, второй этаж стеклянной громадины на Ист-Ривер тоже по обыкновению свертывает свою деятельность: редеют ряды журналистов, гораздо меньше появляется на столах свежих информационных материалов.

Не было исключением из правила и лето 1958 года. Но 3 июля немногочисленным журналистам, остававшимся в это время в Нью-Йорке и по-прежнему регулярно навещавшим второй этаж здания ООН, повезло: роясь в кипе бумаг уже более или менее значительной давности, они обнаружили нечто свежее и небезынтересное. Это была только что поступившая официальная информация. Из нее явствовало, что Даг Хаммаршельд направил в этот день Поулю Банг-Йенсену письмо, в котором среди прочего говорилось:

«Вы не выполнили распоряжения, отданного вам в устной форме 9 октября 1957 года (распоряжения о немедленной сдаче списка свидетелей), а также последовавшего вслед за ним письменного распоряжения генерального секретаря о передаче Секретариату для надежного хранения всех имеющихся у вас показаний свидетелей, которых заслушал Специальный комитет по венгерскому вопросу. Ваше поведение... свидетельствует о таком неумении оценивать обстановку и о такой полной неспособности нести ответственность, возлагаемую на чиновника ООН, что ваше дальнейшее пребывание

в аппарате ООН несовместимо с поддержанием высокого уровня его работы».

Письмо привлекло внимание журналистов. Но они наверняка еще больше заинтересовались бы им, если бы знали, о чем будут говорить вскоре после этого Поуль Банг-Йенсен и Эндрю Кордье.

А разговор между ними был вот какой:

«*Банг-Йенсен:* Я протестую против моего увольнения. Оно незаконно.

Кордье: Вам известно, что дисциплинарный комитет...

Банг-Йенсен: Бросьте говорить об этом комитете. Его действия противоречат правилам процедуры ООН.

Кордье: Не угодно ли вам высказаться более точно?

Банг-Йенсен: С удовольствием! Председатель комитета не мог быть беспристрастным. За свою работу в комитете мистер Гросс получил вознаграждение в двадцать тысяч долларов. В известной мере его можно считать подкупленным.

Кордье: Названная вами сумма существует только в вашем воображении. Это ваш единственный аргумент?

Банг-Йенсен: Конечно, нет! Я даю отвод и двум другим членам комитета. Оба они сотрудники Секретариата, и все, что они вправе делать,— это ставить печати на бумагах.

Кордье: Рекомендую вам быть поосторожнее в оценках. Какие у вас еще аргументы?

Банг-Йенсен: Есть и другие! Мне не разрешили ознакомиться с документами, использованными для доклада дисциплинарного комитета.

Кордье: Я знаю кое-кого, кто тоже не разрешил своим начальникам ознакомиться с определенными документами.

Банг-Йенсен: Но ведь это ложь! И вы это отлично знаете! Если мое увольнение не будет аннулировано, то я разоблачу перед судом некоторые приемы, практикуемые в Секретариате ООН.

Кордье: Как вы думаете, мистер Банг-Йенсен, кому поверят больше: нам или человеку, изобличенному в обмане?»

Общественности приведенный диалог стал известен гораздо позже, да и то лишь потому, что сами Кордье и Банг-Йенсен сообщили о нем публично: Кордье — для характеристики умственного состояния датчанина, а последний — с целью разоблачения махинаций тогдашнего генерального секретаря ООН.

Бывший секретарь Специального комитета по венгерскому вопросу продолжал бороться. Он не хотел прослыть обманщиком, не выполнившим поручения Хаммаршельда. Банг-Йенсен встретился с корреспондентом агентства Рейтер и заявил, что все показания против него, заслушанные дисциплинарным комитетом, не соответствуют действительности. «Я буду требовать открытого рассмотрения моего дела административным судом ООН,— сказал он,— и, когда станет известна его подоплека, меня оправдают и восстановят в должности. Это несомненно! Я крайне удивлен действиями генерального секретаря. Мне даже не дали возможности ответить на обвинения». Кроме того, Банг-Йенсен сообщил корреспонденту, что на суде его будет представлять Роберт Моррис, юрисконсульт сенатского подкомитета по делам внутренней безопасности США. «Для оплаты услуг этого дорогого адвоката,— добавил датчанин,— мое правительство дало мне пять тысяч долларов».

Но судебное разбирательство все не начиналось, и шумиха вокруг Банг-Йенсена постепенно улеглась. Журналисты, уже было забывшие об этом эпизоде, вспомнили о нем, когда однажды среди официальных бумаг ООН обнаружили небольшую информацию, в которой сообщалось, что вопрос об увольнени бывшего сотрудника ООН Поуля Банг-Йенсена рассмотрен вновь, причем оставлено в силе первое решение. Отмечалось также, что генеральный секретарь в точности придерживался рекомендаций учрежденного им дисциплинарного комитета. «Дисциплинарный комитет и лично генеральный секретарь неоднократно предоставляли г-ну Банг-Йенсену возможность ответить на все выдвинутые против него обвинения, однако он этой возможностью не воспользовался и даже не подал апелляции в административный суд».

Две пресс-конференции

Один раз в месяц генеральный секретарь Организации Объединенных Наций выступает в пресс-центре перед журналистами и отвечает на их вопросы. В такие дни многочисленные представители печати еще с утра приходят в огромный 39-этажный небоскреб, снуют по коридорам и залам, стараются поговорить с видными сотрудниками аппарата, чтобы

разузнать побольше новостей, а потом уточнить их на пресс-конференции. В погоне за сенсацией они забывают обо всем, не замечают ни ярких стенных росписей, ни причудливых очертаний «горного кряжа», образуемого силуэтами нью-йоркских небоскребов. Даже чайки, с криком вьющиеся над грандиозным зданием или ныряющие в Ист-Ривер в поисках лакомого кусочка, и те не привлекают внимания газетчиков.

Так было и в это мартовское утро 1959 года.

Лишь за несколько минут до начала пресс-конференции журналисты собрались в помещении пресс-центра. Одни торопливо листали газеты, другие что-то записывали.

При появлении генерального секретаря, сопровождаемого Эндрю Кордье, все встали. Воцарилась полная тишина, и Хаммаршельд жестом пригласил всех вновь занять места.

Как обычно, пресс-конференция началась в спокойной обстановке. Задавались традиционные вопросы, касавшиеся прежде всего подготовки и повестки дня следующей сессии Генеральной Ассамблеи. Хаммаршельд отвечал со свойственной ему ловкостью опытного дипломата, порой искусно уклоняясь от ответа по существу.

Внезапно весь зал оживился: один из корреспондентов встал и спросил, что думает генеральный секретарь о деле Банг-Йенсена. Корреспондент хотел узнать, насколько верно распространенное мнение, будто Банг-Йенсену приходится играть роль козла отпущения.

Призвав присутствующих к спокойствию, Хаммаршельд коротко ответил:

— Мистер Банг-Йенсен нарушил свой служебный долг, и поэтому его уволили.

Слова попросил швейцарский журналист Нерин Гун, которого Банг-Йенсен в свое время регулярно информировал о работе ООН.

— Но ведь он все-таки прослужил в ООН девять лет,— сказал журналист.— Вы лично рекомендовали его в состав Специального комитета по венгерскому вопросу. Как же вы теперь утверждаете, будто он небрежно относился к своим обязанностям, страдал алкоголизмом и манией преследования? Разве раньше вы не знали об этом?

На лице Хаммаршельда не дрогнул ни один мускул.

— В здании ООН работают четыре тысячи человек,— ответил он.— Вы не можете требовать от меня, чтобы я знал

личные качества каждого сотрудника. Мне приходится доверять суждениям начальников отделов. Что же касается Банг-Йенсена, то надо сказать, что он нанес престижу ООН большой ущерб. Да и как могла бы функционировать эта организация, если бы ее работники не повиновались своим начальникам. Я был вынужден уволить его. Иначе все сочли бы, что я одобряю собранные им лживые свидетельские показания.

— Какое значение имели таинственные списки свидетелей, которые Банг-Йенсен отказался представить? — спросил другой журналист.

На сей раз ответил Эндрю Кордье:

— Банг-Йенсен таскал списки свидетелей, словно использованные трамвайные билеты, в кармане брюк. Любой мог бы отнять их у него. Мы до сих пор так и не знаем, в какой мере эти списки были аутентичными, и поэтому не можем рассматривать их как официальные документы ООН. Нет, этот человек положительно нуждается в помощи психиатра.

— У меня два вопроса,— попросил слова румынский журналист.— Во-первых, верно ли, что некоторые члены венгерского комитета не знали о методах допроса свидетелей? Во-вторых, почему свидетельские показания, которые Секретариат ООН признал лживыми и недействительными, по-прежнему фигурируют как доказательства в официальном документе ООН?

Все напряженно ждали, что скажет Хаммаршельд. Каждый понимал, насколько эти вопросы существенны. Но генеральный секретарь не дал на них вразумительного ответа.

— Тут я вам ничего сказать не могу,— заявил он.— Это не входит в мою компетенцию.

И, взглянув на часы, добавил:

— Кроме того, мое время крайне ограниченно. Надеюсь, господа, вы меня извините...

Некоторое время спустя на вилле Банг-Йенсена в Лейк-Саксесе тоже состоялась пресс-конференция. Собралась группа корреспондентов, в том числе несколько репортеров бульварных газет, падких на скандальные сенсации. Хаммаршельд против Банг-Йенсена! Это было вполне в их вкусе, и они надеялись выведать какие-нибудь дополнительные, по возможности «пикантные» подробности.

Банг-Йенсен выглядел ужасно. Изрытое глубокими морщинами лицо, мешки под глазами, тусклый взгляд — все это производило удручающее впечатление на присутствующих. Движения его были неуверенны, и даже говорил он с трудом.

Один из репортеров спросил, считает ли он себя жертвой «заговора красных». Устало махнув рукой, датчанин ответил примерно следующее:

— Я жертва Дага Хаммаршельда, а не каких-то таинственных врагов. Хаммаршельд не только знал о моей миссии, но и подробно инструктировал меня. А теперь он говорит, что я, видите ли, нерадивый чиновник, официально отрекается от меня. А до 14 сентября 1957 года он не раз похвально отзывался о моей работе. Кроме того, мне обещали довольно солидные отступные, если я беспрекословно подчинюсь решению дисциплинарного комитета. И что самое горькое — даже мои лучшие друзья отвернулись от меня.

— Вы собирались подать жалобу в административный суд ООН,— обратился еще кто-то из журналистов.— Почему вы до сих пор не сделали этого, если считаете себя правым?

— Это не дало бы мне ничего,— устало сказал Банг-Йенсен.— Даже если бы я и выиграл процесс, я не смог бы остаться в ООН. Они превратили бы мою жизнь в ад. Мистер Хаммаршельд не терпит сотрудников, которые знают о нем слишком много.

Самоубийство или убийство!

Банг-Йенсен запросил датское правительство, сможет ли он вернуться на дипломатическую службу. Он мечтал о должности датского генерального консула в США. Министр иностранных дел Краг — тот самый человек, который несколько месяцев спустя говорил у гроба Банг-Йенсена о «пламенном идеализме покойного»,— ответил ему, что после позорного увольнения из аппарата ООН возвращение на дипломатическое поприще немыслимо.

Банг-Йенсен предлагал свои услуги различным промышленным и коммерческим предприятиям. Отовсюду приходил стереотипный ответ: «В связи с постыдным для вас увольнением из аппарата ООН мы считаем целесообразным в настоящее время воздержаться от сотрудничества с вами».

Наконец так называемая Американская благотворитель-

ная организация по оказанию помощи населению иностранных государств («КАРЕ») по ходатайству Уильяма Донована приняла Банг-Йенсена на работу с полугодичным испытательным сроком.

Это было в апреле 1959 года.

Как-то уже знакомый нам швейцарский журналист Нерин Гун снова пришел на квартиру датчанина в надежде узнать новости о его деле.

— Ни слова больше об этой истории! — с отчаянием воскликнул хозяин дома.— Ни одной статьи, ни одной строчки!

— Как это понимать? — спросил Нерин Гун.

— Пожалуйста, перестаньте писать обо мне,— в голосе Банг-Йенсена звучала мольба,— иначе я лишусь своего места в «КАРЕ». Еще раз прошу: ничего не пишите обо мне! И, ради бога, оставьте меня в покое!

Днем 25 ноября 1959 года в один из полицейских участков в Лейк-Саксесе явилась элегантно одетая женщина. Войдя в кабинет дежурного, она взволнованно проговорила:

— Два дня назад бесследно исчез мой муж. Я очень беспокоюсь.

— Кто вы? Как зовут пропавшего? — невозмутимо спросил дежурный и потянулся за бланком протокола.

Около получаса Элен Банг-Йенсен отвечала на стандартные вопросы чиновника.

— Куда же он мог направиться? — спросил дежурный.— Какие у вас предположения? Не поехал ли он в служебную командировку? Вам ничего не бросилось в глаза?

— Нет, пожалуй, ничего,— ответила г-жа Банг-Йенсен.— Правда, в последнее время он стал каким-то безвольным, растерянным. Это началось довольно давно — со времени его конфликта с Секретариатом ООН. Но сегодня я узнала, что организация «КАРЕ» тоже намерена уволить его. Вот почему я так встревожена. Боюсь, не сделал ли он чего-нибудь с собой.

— Кто видел вашего супруга последним?

— Мистер Ласки, наш сосед. Он подвез его на своей машине до ближайшей автобусной остановки. Я видела из окна, как муж сел в автомобиль мистера Ласки. Но на работу он не явился.

— Отчего же вы не пришли к нам раньше?

— Сначала я подумала, что муж поехал к одним нашим знакомым в Вашингтон. Однако и там его не оказалось.

— Что ж, это не так уж страшно,— успокоил ее полицейский.— Знали бы вы, сколько к нам поступает заявлений о пропавших без вести! А потом выясняется — какая-нибудь любовная интрижка или человек попросту напился и на несколько часов забыл, где его дом.

Но дежурный хорошо знал, что в Нью-Йорке, этом восьмимиллионном муравейнике, ежегодно бесследно исчезают тысячи людей. Они покидают свои жилища, садятся в автобус, заходят в кино, и вдруг оказывается, что их нигде нет. Поиски бывают успешными лишь в одном случае из ста. Вероятность обнаружения Поуля Банг-Йенсена представлялась дежурному ничтожной.

Он попросил посетительницу подписать протокол. Затем, отложив его в сторону, сказал:

— Полиция, разумеется, сделает все возможное, чтобы найти вашего мужа. Как только нам что-то станет известно, мы немедленно известим вас.

Но уже назавтра заявление Элен Банг-Йенсен потеряло свой смысл. Два полицейских обнаружили ее супруга мертвым в парке Элли-Понд. Но на этом дело бывшего сотрудника ООН отнюдь не окончилось ни для полиции, ни для общественности.

Сразу же возникло множество неприятных вопросов.

Почему Федеральный уголовный розыск поспешил объявить, будто речь идет о бесспорном самоубийстве и поэтому нет оснований начинать следствие?

Почему организация «КАРЕ» расторгла контракт с Банг-Йенсеном непосредственно перед его исчезновением?

Почему было произнесено столько хвалебных речей над гробом покойного, которого еще совсем недавно называли психопатом и алкоголиком, которого с позором изгнали из дворца ООН и который не сумел удержаться даже на посту мелкого служащего организации «КАРЕ»?

Все ждали ответа, и он был дан, но весьма странным образом.

Сразу после похорон несколько газет завели разговор о «виновности коммунистов». Еще вчера они писали о несомненном самоубийстве, а сегодня уже пустили в ход совсем иную версию: на Банг-Йенсена «напали большевики», утащили его куда-то и, одурманив наркотиком, заставили написать прощальное письмо; затем застрелили его из его же собствен-

ного пистолета и доставили труп в парк Элли-Понд, чтобы инсценировать самоубийство.

Солидные органы печати отнеслись к этой страшной сказке иронически. «Кто этому поверит?» — резонно спрашивали они.

Несколько газет напечатали интервью с вдовой Банг-Йенсена.

— Не сомневаюсь, что мой муж сам лишил себя жизни,— заявила она.— Но истинные виновники его смерти — ответственные руководители ООН.

В этом интервью, густо приправленном рассуждениями о злодействе и чести, об убежденности и борьбе за свободу, содержалось одно маленькое придаточное предложение, из которого явствовало, что за несколько дней до исчезновения Банг-Йенсена его посетил личный уполномоченный начальника Центрального разведывательного управления Аллена Уэлша Даллеса. Не в этом ли крылась разгадка всей истории?

Вызывала недоумение и дата самоубийства. На пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ожидалась новая дискуссия по «венгерскому вопросу». Ее инициатором выступила делегация Соединенных Штатов. Дебаты намечалось развернуть вокруг доклада «венгерского комитета», написанного на основе собранных Банг-Йенсеном показаний анонимных свидетелей. Но американцы опасались, что представители Советского Союза и Венгрии потребуют вызова на заседание самого Банг-Йенсена. Чего только ни наговорил бы этот окончательно запутавшийся человек, которого уже два года называли обманщиком, психопатом, пьяницей! Не потому ли он исчез, чтобы больше не мешать своим хозяевам? Не потому ли газеты так упорно твердили, что Банг-Йенсен — самоубийца или же, наоборот, «жертва коммунистов»?

Так окончилась жизнь обманщика, которого перехитрили обманщики более крупного пошиба. Некоторые вопросы, связанные с этим эпизодом, остались открытыми, но все поняли, что одна из самых крупных дипломатических афер наших дней — фабрикация насквозь лживого доклада о венгерских событиях — потерпела позорное фиаско.

●

• Преступление против Африки

40 000 долларов за голову человека

17 января 1961 года.

От командной вышки Элизабетвильского аэропорта вдаль убегает раскаленная слепящим тропическим солнцем взлетно-посадочная полоса. Другим своим концом она упирается прямо в джунгли, над которыми мерцает зыбкое марево. Немилосердный зной испарил последнюю влагу, оставшуюся от дождей.

На небольшом балконе вышки стоят три человека — два белых и один африканец с толстой шеей. Все трое одеты по последней европейской моде. Внимательно наблюдают они за самолетом, пошедшим на посадку.

Толстому не терпится, когда же наконец машина приземлится. Он угрожающе потрясает кулаком.

— На этот раз не уйдешь от меня! — тихо произносит он.— Я покажу тебе, собака...

Человека с толстой шеей зовут Годфруа Мунонго, и числится он министром внутренних дел правительства Катанги.

Стоящие рядом с ним бельгийские советники одобрительно кивают и чему-то улыбаются.

У Мунонго скверная репутация, и не только в провинции Катанга. Он внук деспотического Мсири, вождя племени, чья власть покоилась только на бельгийских штыках. Мунонго гордится своим «княжеским» происхождением и ненавидит всех, кто посягает на его привилегии. Особенно ненавидит он тех своих соотечественников, которые борются против бельгийцев, а значит, и против него. Их он презрительно называет «потомками рабов» и расправляется с ними беспощадно.

«Пруссак из Катанги» — так прозвали Мунонго его европейские друзья в Элизабетвиле, и это прозвище льстит ему.

На балконе слышатся последние инструкции на посадку, которые диспетчер дает пилоту. Самолет прибыл рейсом из Леопольдвиля. На борту драгоценный груз. За него заплачено сорок тысяч долларов.

Внезапно взвывает сирена. Это сигнал подразделению африканских жандармов-автоматчиков, посаженных на грузовики. Жандармами командуют белые офицеры. Сигнал сирены означает, что через несколько секунд начнется «операция».

Мунонго принял все меры предосторожности: перекрыта дорога из аэропорта в город, любое движение по ней запрещено, вдоль шоссе и вокруг аэропорта расставлены жандармские посты.

Не слишком ли много «предохранительных мер» для одного-единственного самолета?

До сих пор для охраны прибывающих самолетов и их пассажиров вполне хватало небольшой группы «голубых касок» из Швеции, расквартированных в аэропорту. Но сегодня шведские солдаты из войск ООН не подают никаких признаков жизни.

Они хорошо знают, что здесь должно произойти, но вмешиваться не станут. Им дано примерно следующее указание: «То, что произойдет семнадцатого января, является внутренним делом конголезцев и к нам отношения не имеет...»

Едва машина касается колесами бетона, как навстречу ей уже мчатся грузовики. Скрежет тормозов. Жандармы соскакивают, окружают самолет. Трапа не подают. Распахивается дверца, и в ее овальном вырезе показывается высокий мужчина. Он связан. Веревка плотной, тугой спиралью обвилась вокруг тела. Несколько здоровенных парней, подтащив пленника к выходу, не выпускают его. Вдруг они начинают осыпать его ударами — бьют в спину, в затылок, потом резко толкают вперед. Он опрокидывается и летит вниз. У самой земли жандармы подхватывают его и удерживают на руках.

Мунонго все еще стоит на вышке. Он складывает рупором ладони и зычным голосом пытается заглушить поднявшийся шум.

— Не дайте ему осквернить землю Катанги! — орет он.— Не допустите, чтобы его нога коснулась нашей земли!

Эти слова относятся к человеку, связанному по рукам и

ногам. Мунонго и его друзья боятся безоружного пленника, как чумы. Даже сейчас, беспомощный и беззащитный, он продолжает внушать им страх. 40 000 долларов заплатили они, чтобы заполучить его. 40 000 долларов и несколько подразделений жандармов понадобились для того, чтобы поймать и доставить сюда одного-единственного человека — Патриса Лумумбу!

Жандармы волокут Лумумбу к грузовику и буквально швыряют в кузов. Здесь его снова осыпают градом ударов, бьют прикладами и кулаками, пинают ногами. Двух соратников Лумумбы, как и он, связанных и безжалостно избиваемых, бросают в тот же грузовик...

Бельгийский экипаж самолета, наблюдающий эту сцену, с деланным ужасом отворачивается. Пилоты, радист и бортмеханник выступают в роли Понтия Пилата — они умывают руки.

Безучастно смотрят на происходящее и шведы, никто не вмешивается.

Затем грузовики уезжают. За ними следуют две легковые автомашины, в которых восседают Мунонго и его спутники. Пленники лежат в кузове первого грузовика. Пьяные жандармы, рассевшись на них, словно на брезентовых тюках, орут и хохочут.

У выезда из аэропорта красуется огромное полотнище с четкой надписью: «Добро пожаловать в свободную и независимую Катангу!»

Транспарант адресован явно не пленникам...

Еще текут дивиденды

23 мая 1960 года.

Ароматный табачный дым клубится под высоким потолком. Сквозь дымовую завесу с трудом пробивается свет большой люстры, увешанной множеством каплевидных хрусталиков. Длинный резной стол для заседаний, кресла и стулья, обитые красным плюшем, придают залу сугубо официальный и старомодный вид. На стенах в тяжелых золоченых рамах висят портреты бельгийских королей.

Господа, сидящие вокруг стола, уже немолоды: большинству из них далеко за пятьдесят. Почти все упитаны, лысы, носят очки и одеты в темные костюмы. Чем-то они, пожалуй,

напоминают почтенных бухгалтеров, собравшихся для обсуждения очередного отчета.

Но нет, это не бухгалтеры. Напротив, сотни бухгалтеров почтительно склоняются перед ними. Господа, заседающие в салоне административного здания концерна «Юньон миньер дю О Катанга», что на улице Монтань-дю-Парк в Брюсселе, владеют одной из самых больших сокровищниц Центральной Африки — конголезской провинцией Катангой с ее несметными запасами меди, урана, кобальта и многих других редких металлов.

Войти в салон, где заседает наблюдательный совет, может далеко не всякий. Его двери открыты только для главных хозяев концерна. Сегодня здесь проводится общее годичное собрание. Это самый важный и волнующий день года, ибо это день, когда оглашается баланс прибылей и убытков, определяется размер дивидендов.

Акционерам предстоит заслушать доклад президента «Юньон миньер» Поля Жилле. Он не бог весть какой оратор, но все слушают его с большим напряжением, и это понятно, ибо данные, сообщаемые Жилле, заслуживают самого пристального внимания.

— Господа, 1959 год был в высшей степени благоприятным годом,— звучит монотонный голос президента.— Он принес нам большие прибыли.

Затем на собравшихся обрушивается шквал цифр. По словам Жилле, в отчетном году на предприятиях «Юньон миньер» получено 280 300 тонн меди (на 45 000 тонн больше, чем в предшествующем году), 8 430 тонн кобальта (75 процентов годовой добычи во всем мире), 2 900 тонн высокопроцентного уранового концентрата, 110 000 килограммов серебра, золота, германия, радия и кадмия.

За вычетом всех расходов и налогов, продолжает Жилле, остается чистая прибыль в размере около 6 миллиардов франков. Это означает, что в сравнении с первоначальными инвестициями порядка 300 миллионов франков доходы составляют почти 2 000 процентов. Поэтому акционерам будут выплачены самые высокие по сравнению со всеми предшествующими годами дивиденды.

На лицах акционеров написано глубочайшее удовлетворение. Поездка в далекий Брюссель, несомненно, оправдана.

Все еще слышен бесстрастный голос докладчика. Он гово-

рит и незаметно поверх очков разглядывает своих слушателей. Каждое заседание наблюдательного совета, на котором он выступает с информацией о деловых итогах года,— большое событие в его жизни, особенно когда итоги поистине окрыляющи. Жилле не терпится удостовериться, что и его коллеги испытывают ту же высокую радость.

Рядом с его заместителем, Эдгаром Вандерстретеном, который одновременно является представителем бельгийского электроконцерна «Софина», сидит граф Гобер д'Аспремон-Линден, один из руководителей финансовой группы «Сосьетэ женераль де Бельжик», тоже весьма влиятельной в Конго. Капиталы этого общества оцениваются в 170 миллиардов бельгийских франков, и оно играет заметную роль во всех делах концерна «Юньон миньер». Граф, который не в пример остальным худ как щепка, присутствует здесь и в качестве доверенного лица бельгийского королевского дома. Он маршал двора и представляет интересы короля Бодуэна, который владеет немалым количеством акций концерна.

По соседству с графом уселся тучный англичанин Чарльз Уотерхауз, президент английского концерна «Танганьика консешнз лимитед», владеющего центральноафриканским «медным поясом», проходящим и через Катангу. ТАНКС — таково сокращенное название этого концерна — контролирует 14,5 процента акций «Юньон миньер». Значит, и мистер Уотерхауз немаловажная персона в этом кругу.

Нагловатого вида господин, сидящий около Уотерхауза,— один из директоров «Юньон миньер». Швед по национальности, он выступает от имени крупных скандинавских монополий и шведской королевской семьи. Удачный брак не только породнил его с бельгийской короной, но и принес в виде приданого несколько пакетов акций «Юньон миньер». Этого человека зовут Хаммаршельд. Он брат генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

По другую сторону стола сидят Жюльен Кузен, генеральный директор предприятий «Юньон миньер» в Катанге, и его заместитель ван Вайенберг. Оба — некоронованные короли провинции, являющейся жемчужиной Бельгийского Конго. От них зависит все, что происходит в этом обширном, богатейшем крае. Правда, они подчинены Брюсселю и Лондону, но тем не менее их могуществу могли бы позавидовать многие главы государств.

Жилле подходит к концу своего доклада, который, как он замечает, очень понравился членам наблюдательного совета. Он говорит о «свободном мире», об «атлантическом сообществе» и о «гуманной миссии Европы в слаборазвитых странах».

Наконец президент садится. Слушатели сдержанно аплодируют. Первым просит слова граф д'Аспремон-Линден.

— Я считаю,— начинает он и откашливается,— что мы должны поблагодарить нашего дорогого Поля Жилле за его великолепный доклад и за всю его отличную работу. И в этом году он сумел не только сделать «Юньон миньер» богаче, но и уберечь ее от некоторых влияний.— Граф снова откашливается.— Думаю, нет необходимости специально говорить о руднике Шинколобве.

Все согласно кивают. Замечание графа относительно «некоторых влияний» вызвало особое одобрение. Члены наблюдательного совета знают, что речь идет об американских конкурентах, которые уже много лет пытаются пустить корни в Катанге. Но до сих пор им никак не удается прорвать фронт англо-бельгийских и связанных с ними французских обществ. Во время второй мировой войны эмигрантское правительство Бельгии, зависевшее от США, подписало под нажимом американцев договор, по которому вся урановая руда, добываемая в Катанге, подлежала вывозу в Соединенные Штаты. Однако прямое участие последних в деятельности «Юньон миньер» бельгийцы категорически отвергли. Катангская урановая руда послужила сырьем для атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Хозяева «Юньон миньер» ни минуты не сокрушались по поводу этих поставок. Да и почему, собственно, не торговать с правительством США, коль скоро оно расплачивается полновесными долларами? Но допускать янки прямо к кормушке — нет, об этом не может быть и речи.

Рудник Шинколобве, упомянутый графом, был тем самым строго охраняемым объектом, где добывалась урановая руда...

Слово берет директор Хаммаршельд.

— Хотелось бы знать, как пойдут дела после тридцатого июня,— обращается он к присутствующим.— Прошу вас, господа, подумать о результатах выборов. Они не очень-то благоприятны.

Все удивленно смотрят на Хаммаршельда. При чем тут выборы? Стоит ли говорить о таких пустяках?

Заметив недоумение присутствующих, швед быстро добавляет:

— После выборов курс акций «Юньон миньер» упал до 1 600 франков. Такой низкой котировки мы еще не знали.

Жюльен Кузен, «человек из Катанги», не вставая с места, чуть подается вперед.

— Между прочим, вы не так уж неправы,— отвечает он Хаммаршельду.— Для всех нас был бы желателен иной исход выборов, и Лумумба, бесспорно, причинит нам еще немало неприятностей. Но, разумеется, мы вовсе не намерены капитулировать перед этим африканцем и уже приняли некоторые меры.

— Совершенно верно,— добавляет толстяк ван Вайенберг.— С нашей и божьей помощью на провинциальных выборах в Катанге большинство получили преданные нам люди.

Он насмешливо улыбается. Ему и генеральному директору Кузену пришлось положить немало трудов, чтобы спасти от провала партию Моиза Чомбе «Конакат». На выборах в катангский парламент Чомбе получил большинство всего лишь в два голоса.

Слово опять берет маршал двора:

— Позвольте дать кое-какие разъяснения по этому вопросу. Прежде всего мне хотелось бы остановиться на мерах, которые...

Он говорит очень долго, и каждая его фраза приятной музыкой звучит в ушах господ в темных костюмах.

— ...В конечном итоге нам пришлось сесть с черными за один стол.— Граф откашливается.— Но мы кое-что выговорили себе у этих людей. В частности, мы и впредь будем контролировать армию. Все военные опорные пункты сохраняются за нами. Наши советники по-прежнему остаются на всех важнейших постах, на всех главных предприятиях. Мы не давали черным образования, и, должен сказать, эта политика вполне оправдала себя. Разве они в состоянии самостоятельно управлять государством? Разве могут африканцы без помощи наших офицеров командовать армией? Нет, все это им не по плечу. Без специалистов в таких делах не обойтись. Но специалисты есть только у нас, и если сторонникам Лумумбы взбредет в голову посягнуть на собственность «Юньон миньер», то мы отзовем своих экспертов, и все сразу же рухнет. Как видите, ничего тут сложного нет.

— Но даже если эта мера окажется недостаточной,— добавляет ван Вайенберг,— то у нас есть про запас и нечто другое. Как известно, наша Катанга является богатейшей провинцией Конго. Поэтому общеконголезский государственный бюджет в сильнейшей степени зависит от поступлений из Катанги. Если правительство Лумумбы лишится налоговых и валютных доходов, приносимых государству катангской рудой, то долго ему не продержаться. А мы, естественно, можем в любую минуту перекрыть кран, регулирующий приток доходов в казну центрального правительства.

Хаммаршельд поднимает глаза.

— Все правильно, спору нет, но дело не только в этом,— говорит он.— Взгляните на Кубу. Американцы ведут там примерно такую же политику. А результаты?.. Они хорошо известны всем. Из кубинского опыта американцев можно сделать лишь один вывод: внутри Конго мы должны опираться на сильные африканские группы, которые и впредь будут действовать так, как это нужно нам.

— Что ж, такие люди у нас есть,— заявляет Жюльен Кузен.— Не скрою, правда, что было бы благоразумнее выдвинуть их на передний план несколько раньше. Не могу удержаться от упрека по адресу бельгийского правительства: ему не следовало так долго затягивать провозглашение независимости Конго. Именно поэтому и вступили в игру такие силы, которые не позволяют нам бесшумно достигнуть наших целей. Но в конце концов мы их достигнем, в этом я не сомневаюсь. Если мы будем действовать осмотрительно, то до национализации дело не дойдет. Ведь в Конго живет множество племен с весьма различными интересами. Одно племя побольше, другое поменьше. Одно непрочь завладеть землями другого. И мы этим пользовались, сеяли рознь между племенами, протежируя одним и проявляя немилость к другим. Возьмем, к примеру, наших общих друзей Чомбе и Мунонго. Чомбе — выходец из африканского племени лунда, Мунонго — представитель племени байеке. Их вожди спокон веку мечтали покорить более крупные племена — балуба и базанга. Мы им в этом помогли. Мы сделали их богатыми, а они проводили нужную нам политику. Отец Чомбе владел несколькими плантациями, состояние его оценивалось в пять миллионов франков. Но его сын растранжирил все, несколько раз объявлял себя банкротом, даже представал перед судом

за подлог. Однако мы снова поставили Чомбе на ноги, и он так же, как его отец, будет выполнять наши приказы.

Все молчат. Все понимают, насколько запутаны проблемы, которые в ближайшие месяцы придется решать директорам «Юньон миньер». Но на этих людей можно положиться.

И как бы выражая чувства всех собравшихся, Поль Жилле говорит в заключение:

— Итак, господа, мы можем оптимистически смотреть в будущее.

День независимости

30 июня 1960 года.

Казалось, все жители столицы — и стар, и млад — вышли из домов.

Улицы Леопольдвиля были переполнены толпами радостно возбужденных людей. Никогда прежде не бывало, чтобы в европейском квартале, на широком бульваре, носящем имя бельгийского короля Альберта, демонстрировали празднично разодетые африканцы.

Сегодня люди танцевали под бой барабанов. Сегодня пели и ликовали тысячи голосов. Везде звучало волшебное слово — «ухуру». «Ухуру» значит «свобода». Свобода! Еще вчера ее требовали, за нее страдали, боролись, проливали кровь и умирали. И вот она пришла!

Тут и там ярко пестрели праздничные украшения из перьев, костей, цветных лент и шкур. На красочных ситцевых платьях женщин и белых одеяних мужчин были нашиты портреты их первого премьер-министра Патриса Лумумбы.

Толпы демонстрантов двигались к Дворцу нации — зданию парламента. Здесь, на ступеньках главного портала, в присутстви бельгийского короля Бодуэна премьер-министр Патрис Лумумба и президент Жозеф Касавубу должны были торжественно провозгласить независимость Конго.

Каждому хотелось стать свидетелем исторической минуты.

Над площадью перед Дворцом нации колыхалось море голов. Взоры тысяч людей были прикованы к трибуне, установленной под специальным навесом у входа в здание парламента. Среди многочисленных гостей на трибуне находился также молодой король Бельгии в военном мундире. Узкогрудый и бледный, в роговых очках, рядом с высоким Лумум-

бой и полнотелым Касавубу он казался каким-то робким старшеклассником.

Премьер Конго подошел к микрофону, и площадь замерла в безмолвии.

Патрис Лумумба начал говорить. Его голос, поначалу глуховатый, с каждой минутой звучал все более взволнованно и страстно. Гибкие и смуглые пальцы сжались в кулаки. Напряженно и тревожно вслушивались король Бодуэн и его свита в речь Лумумбы. Каждая ее фраза хлестала, как удар бича.

— С утра до вечера,— разносилось над площадью,— мы терпели надругательства, презрение и побои только потому, что у нас темный цвет кожи. Никто из нас не забудет, что к черному всегда обращались на «ты», но отнюдь не из дружеских чувств к нему! Вежливое обращение на «вы» предназначалось только для белого...

«Надругательства, презрение, побои»... Все собравшиеся на этой площади могли подтвердить истинность слов Лумумбы. Да, они испытывали это изо дня в день. На 13 миллионов жителей Бельгийского Конго приходилось 100 000 европейцев. Но эти 100 000 клали себе в карман столько, сколько все конголезцы, вместе взятые. Европейский служащий зарабатывал в среднем в 63 раза больше, нежели африканский. Европейцы разъезжали в шикарных американских автомобилях. Одна такая машина стоила приблизительно 250 000 бельгийских франков, и конголезцу, чтобы сколотить подобную сумму, пришлось бы работать 50—60 лет, отказывая себе при этом даже в самой скудной пище. Африканец радовался, если мог поужинать куском вяленой рыбы.

А чудовищные истязания! Сколько тысяч спин, плеч, лиц были исхлестаны в кровь толстыми плетьми из слоновой кожи!

С горечью и ожесточением обвинял мучителей своего народа человек, стоявший перед микрофоном:

— Мы помним, что в городах роскошные дома возводились только для белых. Черным приходилось ютиться в полуразвалившихся хижинах. Черные не имели права войти в кинотеатр, ресторан или магазин, предназначенный для европейцев...

Никто не мог усомниться в достоверности этих слов! Здесь, в Леопольдвиле, африканцу на каждом шагу напоминали, что

он африканец. В европейском районе было все — от первоклассных магазинов, где продавались лимузины и новейшие парижские модели платьев, до помпезных вилл с теннисными кортами и плавательными бассейнами. По другую же сторону железнодорожной насыпи, разделявшей город на две части, начиналось царство нищеты. Там не было вилл. Там стояли только глиняные хибары, крытые соломой, покосившиеся халупы из сгнившего дерева и мятой жести. В этой части города не было ни асфальтированных улиц, ни электричества, ни водопровода. В затхлых хижинах царил полумрак. Их обитатели готовили себе пищу на примитивных очагах, устроенных прямо под открытым небом.

Бельгийцы завозили для себя из соседней Анголы масло, приготовленное из молока диких коз. Они пили дорогие французские вина и лакомились устрицами, доставляемыми из холодильников Антверпена на самолетах. Конголезцы же питались маниокой. Еще их предки размалывали корни этого растения и пекли лепешки из горькой муки.

— Мы знаем, что такое рабский труд,— гремел над площадью голос Патриса Лумумбы.— Он был нашим уделом в течение долгих восьмидесяти лет. Никогда мы не забудем эти времена колониального господства.

У многих стариков, слушавших премьера, навернулись слезы на глаза.

С приходом бельгийцев в страну для конголезцев началось поистине кошмарное существование. На первых порах завоеватели требовали от «аборигенов» собирать сок каучукового дерева и сдавать его комиссарам фортов. А если приказ не выполнялся? Чтобы ответить на этот вопрос, Лумумбе было бы достаточно процитировать любое из многочисленных сообщений очевидцев той поры, например такое: «Каждое селение округа обязано по воскресным дням сдавать в штаб комиссара определенное количество сока... Солдаты загоняют людей в джунгли; если кто-то отказывается идти в заросли, его тут же пристреливают, отрубают левую руку и приносят ее комиссару в качестве трофея».

Бельгийская солдатня отрубала руки не только у мертвых, но и у живых. Палачи не считались ни с возрастом, ни с полом своих жертв, беспощадно уничтожали мужчин, женщин, детей, стариков. Сегодня на площади перед парламентом было немало африканцев, которые в знак страшного обвинения

колонизаторов могли бы воздеть к небу свои культяпки. Безудержное стремление европейцев к наживе стоило сотням тысяч конголезцев не только рук. Свыше половины населения подверглось уничтожению. Людей расстреливали, сжигали. Для подтверждения этого премьер Лумумба мог бы призвать в свидетели какого-нибудь старца из племени балуба или же привести слова, которые некогда в порыве откровенности написал Генри Стэнли, деятельно помогавший бельгийской династии завоевать Конго:

«Каждый маленький кусочек слоновой кости, попадающий в руки прожженного коммерсанта, обагрен потоками человеческой крови. Каждый фунт слоновой кости стоил жизни мужчинам, женщинам и детям. За каждые пять фунтов предавались огню жилища, уничтожались целые деревни и племена. За каждые двадцать фунтов стирались с лица земли целые районы со всем населением, деревнями и возделанными участками земли».

Другой очевидец сообщал: «В 1893 году в Иребо насчитывалось около двух тысяч жителей, в Икоко — не менее четырех тысяч. В 1903 году там жило только шестьсот человек».

Вслед за каучуком и слоновой костью завоеватели взялись за добычу ценнейших ископаемых: меди, олова, алмазов, золота, серебра, вольфрама, марганца, кобальта, урана. Приказ Леопольда II отрубать конголезцам левую руку за несдачу каучука или слоновой кости был отменен, хотя отнюдь не во имя гуманности. Просто подобная ампутация конечностей оказалась нерентабельной. Колониальная администрация начала понуждать африканцев к рабскому труду с помощью кнута. Но истязуемым людям не давали воспользоваться даже самой малой толикой богатств, которые они своими руками добывали из недр родной земли. В деревнях, разбросанных по джунглям, не было ни одного африканского врача, между тем как триста пятьдесят тысяч конголезцев болели проказой. Около половины местного населения страдало туберкулезом, малярией, сонной болезнью; почти у всех были глисты. Младенцев кормили прелыми корнями маниоки, которая в сыром виде содержит значительные дозы синильной кислоты. В «стране великой реки», в стране несметных богатств не было ни единого африканского учителя, который мог бы обучить грамоте и таблице умножения несчастных малышей, не умерших в младенческом возрасте.

Голос Лумумбы дрожал от возбуждения:

— Кто может забыть казни наших соотечественников, тюрьмы, куда безжалостно бросали всех, кто не хотел подчиняться режиму бесправия, порабощения, грабежей? Братья мои, безмерно велико пережитое нами горе!

Стоявшие поближе заметили, что после этих слов Лумумба повернулся к бельгийскому королю.

Прибыв в Леопольдвиль, Бодуэн заявил, что независимость Конго — это «подарок» Бельгии.

Подарок?!

— Ни один конголезец,— продолжал премьер,— никогда не забудет, что независимость завоевана нами в борьбе, в борьбе повседневной, упорной, трудной, в борьбе, где нас не останавливали ни лишения, ни страдания, ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашим народом. Мы гордимся нашей борьбой, ибо вели ее во имя справедливого и благородного дела. Мы боролись за освобождение от позорного рабства.

Тысячеголосым ликованием встретила толпа эту отповедь жалкому и напыщенному отпрыску королевского дома.

Да, никто не подарил Конго независимость.

Все знали, что полтора года назад неподалеку от этой площади по приказу короля Бельгии была учинена зверская расправа над африканцами. Под огнем королевских солдат пали сто шестьдесят леопольдвильцев. В них стреляли только потому, что многие из них, потрясая кулаками, решительно требовали: «Конго — конголезцам! Немедленно предоставьте независимость!» До этого дня колонизаторы превозносили Бельгийское Конго как образец «плодотворного и мирного сотрудничества с метрополией», как «царство спокойствия», свободное от «нездоровых политических влияний». И вдруг в этом «царстве спокойствия» повторилось то же самое, что несколькими годами раньше принесло независимость Гане, Гвинее, Египту и другим африканским странам.

30 октября 1959 года была учинена еще одна расправа над конголезцами — на сей раз в Стэнливиле, где происходил массовый митинг. Колониальная полиция атаковала собравшихся, пустив в ход танки и пулеметы. Около восьмидесяти человек были убиты, свыше двухсот ранены. Лумумбу, который должен был выступить с речью, арестовали.

Так выглядели «подарки» короля Бодуэна.

Колонизаторы судорожно цеплялись за все, что еще кое-как могли удержать. Ни за что не желая расстаться с Конго, этой поистине золотоносной жилой, они перешли к тактике умиротворения местных жителей, пообещав им демократию, выборы, лучшие условия жизни, даже независимость. Впрочем, они не связали себя определенными сроками. Но конголезцы, эти «несовершеннолетние дети», эти «услужливые черномазые», уже не желали довольствоваться пустыми обещаниями. Они вышли на улицы. Их боевой клич «Ухуру!» пронесся над джунглями и был услышан далеко за пределами колонии. Бельгийскому правительству пришлось пойти на переговоры с ведущими конголезскими политическими деятелями.

Встреча состоялась 20 января 1960 года. Однако Лумумба сидел не за столом переговоров, а все еще в тюрьме. Конголезская делегация отказалась вступить в переговоры без лидера самой сильной партии страны — «Конголезское национальное движение», и бельгийцам не осталось ничего иного, как выпустить Лумумбу из тюрьмы. Он немедленно вылетел в Брюссель, где предстал перед колонизаторами с забинтованными запястьями: наручники натерли их до крови.

Бельгийское правительство намеревалось ограничиться беспредметными, «чисто информационными» переговорами. Но африканцы стремились к другому. Они вновь потребовали независимости. Дискуссии продолжались целый месяц. Все выступления Лумумбы отличались строгой логичностью и последовательностью.

Сын крестьянина из племени балуба решительно потребовал от бельгийцев, чтобы они, перестав наконец болтать о свободе, действительно предоставили эту долгожданную свободу его родине. Он настаивал на этом от имени тысяч своих соотечественников, которым некогда отсекали руки, от имени тех семидесяти трех плохо вооруженных конголезцев, которые предприняли попытку прогнать бельгийцев и в 1943 году были приговорены к смертной казни. Он говорил от имени убитых на улицах Леопольдвиля и Стэнливиля, от имени жертв кровавой резни, устроенной колонизаторами в 1944 году в провинции Касаи, когда там вспыхнуло восстание, от имени тех, кого изо дня в день оплевывали, унижали, били. Он знал, что отстаивает справедливое дело, что его требования встречают поддержку всей мировой общественности, в том числе и

бельгийской. Он знал, что король Бодуэн и его «министр по африканским делам» де Схрайвер уже не могут выступать открыто против политической независимости Конго.

Наконец, стороны договорились о провозглашении независимой Республики Конго 30 июня 1960 года. Этому должны были предшествовать выборы — первые выборы в истории Конго.

Бельгийцы решили взять выборы под свой контроль и значительно усилили леопольдвильский гарнизон. Войска колонизаторов арестовывали и расстреливали людей, к избирательным участкам были подтянуты танки. Как грибы после дождя, вырастали новые, угодные захватчикам политические партии. Но ни солдаты, ни предатели-коллаборационисты не сумели помешать победе КНД на выборах, а человек, который еще в январе носил бельгийские наручники, чьи раны еще не успели зажить, стал первым конголезским премьер-министром...

И вот теперь над площадью звучал его страстный голос:

— Мы помним, что белый и черный никогда не были равны перед законом, снисходительным к первому, жестоким и бесчеловечным ко второму... Но мы, представители народа, избранные им для руководства страной, натерпевшейся столько горя от колониальных господ, заявляем вам, что со всем этим будет покончено раз и навсегда.

Затем Лумумба торжественно провозгласил независимость Республики Конго.

Толпа ответила громовыми овациями. Снова зазвучали барабаны. Над площадью могучей волной перекатывалось «Ухуру!» Люди танцевали. Несколько минут все слова тонули в гуле общего ликования. Бельгийский король смущенно улыбался и махал рукой, но на него не обращали внимания. Поэтому никто не заметил инцидента, разыгравшегося на трибуне.

Спутники бельгийского короля подошли к Лумумбе и заявили, что его речь оскорбляет монарха. Лумумба твердо посмотрел Бодуэну в глаза и сказал:

— Я повторяю: с тех пор как бельгийцы появились в Конго, африканец не считался человеком. С этим теперь покончено! Это больше никогда не повторится, ваше величество!

Бодуэн еще сильнее побледнел. Его глаза за стеклами очков горели ненавистью. Он резко отвернулся.

Провокация в Кэмп Харди

6 июля 1960 года.

Чуть сгорбившись, генерал Эмиль Жансенс медленно шел к одному из длинных бараков военного лагеря Кэмп Харди. На некотором отдалении за ним следовали комендант лагеря и несколько младших офицеров.

Генерал этот был главнокомандующим «форс пюблик» — конголезских вооруженных сил. С виду похожий на добродушного отставного чиновника, он был известен как человек редкой жестокости, чей «авторитет» зиждился только на пистолете и кнуте. И бельгийское правительство не случайно предложило именно его кандидатуру, когда понадобился новый главнокомандующий для «туземной армии».

Никто толком не знал, зачем в такой невыносимо жаркий день генералу вдруг вздумалось инспектировать Кэмп Харди. Этот крупный военный лагерь находился вблизи городка Тисвиля, примерно в ста километрах от столицы. Здесь были расквартированы несколько тысяч солдат — значительная часть личного состава «форс пюблик». Солдаты подготовились к визиту высокого начальства, привели в образцовый порядок территорию лагеря, выкрасили белой краской двери и окна серых бараков.

Дежурный офицер распахнул перед генералом дверь, и Жансенс уверенной походкой вошел в барак.

— Разрешите попросить вас проследовать направо,— обратился к нему комендант лагеря.

— Я тут и сам хорошо ориентируюсь,— отрезал генерал.

Перед ним открылась другая дверь, ведущая в большое помещение, где шли занятия.

— Встать! Смирно! — скомандовал солдатам молодой бельгийский лейтенант и отрапортовал генералу.

— Продолжать занятие,— приказал Жансенс.

Остановившись у порога, он принялся разглядывать солдат.

По знаку лейтенанта с места поднялся молодой солдат. Он стал громко говорить о том, что соединения «форс пюблик» являются армией Республики Конго и призваны выполнять ответственные задачи по обеспечению ее независимости. Подняв руку, генерал прервал африканца.

— Есть у вас кусок мела? — спросил он лейтенанта.

Офицер утвердительно кивнул и быстро подал Жансенсу небольшой огрызок мела. Генерал направился к доске. Дойдя до нее, он сказал солдату:

— Прочитаешь вслух то, что я сейчас напишу. Только внятно и отчетливо!

Все уставились на доску.

Эмиль Жансенс тщательно выводил одно слово за другим. Своей массивной фигурой он загораживал написанное. Затем, окончив, отошел в сторону и приказал:

— Теперь читай!

Солдат раскрыл было рот, но, вдруг словно оцепенев, так ничего и не произнес. Лишь беспомощно обвел глазами товарищей. Слова на доске казались ему чудовищными.

— Да читай же наконец! — раздраженно повторил генерал и недобро усмехнулся.

На черном фоне ярко выделялась фраза:

«До независимости = после независимости».

Юный солдат смотрел на эту странную формулу, из которой явствовало, что все остается и останется по-прежнему, что «форс пюблик», как и прежде, будет наемным войском бельгийцев. В душе солдата боролись чувства отвращения и страха. Взглядом он искал поддержки у своих товарищей.

— Долго ли я еще буду ждать? — рявкнул Жансенс.

Солдат вздрогнул.

— Этого я вслух читать не стану! — решительно заявил он.— Нет, не буду читать!

Генерал от неожиданности опешил и растерянным взглядом окинул присутствующих. Испугались и офицеры. Но уже в следующее мгновенье Жансенс вновь стал прежним Жансенсом. Как-никак инспектируемое им подразделение было сформировано и обучено на бельгийские деньги. Следовательно, инцидент подобного рода надлежало нейтрализовать обычным способом: набить нахалу морду и посадить его на несколько суток в карцер. Иначе того и гляди, другие тоже начнут бунтовать. Побагровев, генерал шагнул к солдату и замахнулся на него кулаком.

Но внезапно, точно по команде, все солдаты повскакивали с мест, рванулись вперед и оттеснили генерала. Окруженные африканцами в военной форме, Жансенс и его офицеры почувствовали себя бессильными.

Когда шум немного улегся, до слуха генерала донеслись слова капрала. Он был постарше остальных и с трудом сдерживал волнение:

— Господин генерал, вы принесли присягу на верность конституции Республики Конго. Поэтому теперь вы подчиняетесь приказам нашего премьер-министра, а не бельгийского короля. Нам непонятно, зачем вы написали эти слова.

Потеряв самообладание, генерал не сразу нашелся, что ответить.

Наконец, задыхаясь, с трудом произнес:

— Да ведь это... это... мятеж!

— Мы не мятежники,— спокойно возразил капрал.— Это вы поднимаете мятеж против Республики Конго и нашего правительства.

— Сволочи! — заорал Жансенс.— Ни один вонючий африканец не смеет мне указывать! И ваш Лумумба не смеет!..

Истерическая ругань старика продолжалась недолго. Почти сразу же сжалось кольцо, образовавшееся вокруг кучки офицеров. Солдаты дрожали от негодования. Бельгийцы явно струхнули. Сгрудившись вокруг своего генерала, они начали пробираться к двери и уже через несколько минут умчались из лагеря на своих автомобилях.

Но с их отъездом спокойствие в Кэмп Харди не восстановилось.

Весть об инциденте на занятиях мгновенно облетела все бараки. Группы солдат возбужденно обсуждали это чрезвычайное происшествие. Офицеры боялись сунуть нос в помещения нижних чинов.

Вечером к офицерским коттеджам подошел вооруженный наряд и арестовал бельгийцев.

Вскоре начался знаменитый марш на Леопольдвиль. Солдаты лагеря Кэмп Харди избрали делегацию, поручив ей предъявить премьер-министру следующие требования:

1) уволить из армии всех иностранных офицеров;

2) отменить порядки, при которых африканских солдат не производят в офицеры;

3) ввести в практику повышение в званиях по заслугам; увеличить жалованье.

Сведения о событиях в Тисвиле быстро разнеслись по всем соседним гарнизонам. Солдаты военных лагерей Ренсдорф и Леопольд, расположенных у окраин столицы, тоже аресто-

вали бельгийских офицеров, покинули казармы и двинулись в город, к зданию парламента.

8 июля 1960 года правительство опубликовало решение об увольнении генерала Жансенса, о замене всех белых офицеров конголезцами и о сохранении за бельгийцами только функций технических советников.

После этого события стали стремительно нарастать. 9 июля 1960 года бельгийские офицеры совершили покушение на Лумумбу, которое не удалось лишь благодаря бдительности личной охраны премьер-министра.

Эмиль Жансенс, сопровождаемый вооруженным до зубов эскортом, подъехал к статуе Леопольда II, установленной на берегу реки Конго, и театрально воскликнул: «Ваше величество, у вас украли Конго!»

Бельгийские газеты запестрели сообщениями о «зверствах» африканских солдат. Монополистическая пресса стран НАТО преподносила всю эту дезинформацию под сенсационными заголовками: «Ночь ужасов!», «Анархия на берегах Конго!», «Страна, очутившаяся во власти хаоса!»

Колонизаторы не жалели усилий, стараясь довести хаос до предела и доказать всему миру неспособность конголезцев к самоуправлению.

Каждый день закрывались все новые фабрики, административные учреждения, торговые предприятия. Специалисты и их семьи устремлялись в Европу. Но они улетали туда не налегке, а прихватив все, что только удавалось: деньги, вещи, драгоценные камни. Так, например, «спасшийся бегством» управляющий Центральной сберегательной кассой бельгиец Фьев под шумок прикарманил три миллиона франков, принадлежавших вкладчикам.

В обратном направлении, из Европы в Конго, шли транспортные самолеты с авиадесантными войсками. Часть машин стартовала с западногерманских аэродромов. Генрих фон Брентано, тогдашний боннский министр иностранных дел, выступая в голландской столице на совещании представителей стран Европейского экономического сообщества, выразил Бельгии свою «полную симпатию в вопросе о Конго». В заключительном коммюнике этого совещания отмечалось, что Бельгия может рассчитывать на «всемерную поддержку стран ЕЭС»...

Но Лумумба не покорился, и его правительство не пало.

9 июля 1960 года, через три дня после провокации генерала Жансенса в Кэмп Харди, лондонская «Таймс» напечатала следующее сообщение: «Сегодня представитель министерства иностранных дел заявил, что консулы Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Франции и Италии в Элизабетвиле, столице конголезской провинции Катанга, обратились к бельгийским властям с просьбой оказать помощь имеющимися там контингентами войск. По данным, полученным министерством иностранных дел от его консула В. Дж. Ивэнса, бельгийские инстанции откликнулись на эту просьбу положительно. Бельгийские войска будут использованы для поддержания закона и порядка, для защиты жизни и собственности».

На другой день над Элизабетвилем появились самолеты с бельгийскими опознавательными знаками. Внезапно прямо над центром города в небе раскрылись сотни белых куполов. Прохожие испуганно смотрели вверх. На землю спускались вооруженные до зубов парашютисты. Едва приземлившись, они открыли беспорядочную стрельбу из автоматов по всем горожанам, попадавшим в поле их зрения. Более ста застигнутых врасплох безоружных людей погибли при этом беспримерном по своей жестокости налете.

Тем не менее наемникам удалось овладеть городом лишь спустя двое суток.

Вечером 11 июля 1960 года глава правительства Катанги Моиз Чомбе, которого в народе за мошеннические финансовые махинации прозвали «месье кассовый аппарат», заявил, что Катанга отделилась от Республики Конго и стала «независимым государством».

В другой телеграмме из Элизабетвиля говорилось, что граф Гарольд д'Аспремон-Линден назначен советником Моиза Чомбе. Лишь немногие знали, что дядя этого графа — гофмаршал короля Бодуэна и член наблюдательного совета концернов «Сосьетэ женераль де Бельжик» и «Юньон миньер дю О Катанга».

12 июля 1960 года на брюссельской бирже акции «Юньон миньер» подскочили с 1600 до 2088 франков.

Колонизаторы приступили к осуществлению пресловутой «операции Катанга». Лумумба и его сторонники приняли бой.

Протест международной общественности против самоуправства бельгийцев и заявление Советского Союза о своей готовности оказать Республике Конго военную помощь вы-

нудили Совет Безопасности ООН принять 14 июля 1960 года резолюцию, в которой среди прочего говорилось: «Совет Безопасности... призывает правительство Бельгии вывести свои войска с территории Республики Конго... и уполномочивает генерального секретаря принять необходимые меры в консультации с правительством Республики Конго для предоставления ему такой военной помощи, какая может оказаться необходимой...»

Прием у премьер-министра

26 августа 1960 года.

В этот день в леопольдвильском Дворце нации открылась конференция представителей африканских государств. Вечером глава конголезского правительства устроил прием, на который, помимо участников конференции, прибыли члены дипломатического корпуса и множество других иностранных гостей.

Прием проходил в чудесном саду, прилегающем к Дворцу нации. Прямо за оградой плескались воды реки Конго. Освещенные прожекторами пальмы и огневые деревья в ярко-красных цветах отбрасывали причудливые тени. В глубине сада играл военный оркестр.

Послы и другие представители африканских стран явились на прием в пестротканых национальных одеждах, европейцы — во фраках или смокингах из темно-синего муара. Господа из Парижа и Лондона вели себя чрезвычайно сдержанно, стараясь не разговаривать с африканцами, а когда этого уж никак нельзя было избежать, произносили общие фразы и натянуто улыбались.

Премьер-министр Лумумба, только что беседовавший с делегатом Гвинеи, молодым мужчиной в белоснежной одежде и головном уборе, напоминающем феску, поднялся на небольшую площадку, сооруженную в середине сада. И без того высокий, он казался теперь настоящим великаном. На его лице отражалось огромное напряжение последних дней, даже какое-то ожесточение.

Речь премьера была короткой. Он сказал, что рад возможности приветствовать посланцев столь многих стран.

— Именно в этой ситуации,— обратился он к гостям из африканских государств,— ваше присутствие — большая поддержка для моего правительства и всех конголезцев. Ваше

присутствие — это живое выражение нынешней африканской действительности, которую враги пытаются отрицать. Да, Африка живет и набирается сил. Но как раз этого и не желают наши противники. Они не хотят отказываться от своих привилегий...

Несколько господ во фраках и муаровых смокингах тихо переговаривались между собой. На их лицах можно было прочесть и явное смущение, и какое-то вежливое невнимание к словам премьера, и враждебное, ледяное равнодушие.

— Все мы знаем,— продолжал Лумумба,— весь мир знает, что Алжир — не французский Алжир, что Ангола — не португальская Ангола, что Кения — не английская Кения, что Руанда-Урунди — не бельгийская Руанда-Урунди...

Дипломаты стран НАТО сгрудились еще теснее. Казалось, они советуются, уйти ли им или остаться.

В заключение Патрис Лумумба сказал:

— И все-таки мы готовы сотрудничать со всеми. Мы протягиваем руку всем, кто желает такого сотрудничества,— американцам и советским гражданам, французам и англичанам, даже бельгийцам, если они готовы прекратить интервенцию.— Он поднял свой бокал. Гости отпили по глотку.

Затем образовались небольшие группы, завязались оживленные дискуссии. К Лумумбе подошел американский посол. Пышащий здоровьем, статный и гибкий, мистер Тимберлейк слыл поистине беспредельным честолюбцем, одержимым потребностью быть всегда в центре всеобщего внимания. Накануне вручения им своих верительных грамот президенту Конго работники посольства США несколько дней подряд украшали улицы, по которым их шеф должен был во главе кортежа автомашин проследовать к резиденции главы государства. Они позаботились и о том, чтобы вдоль всего маршрута на тротуарах стояли «радостные толпы».

Американский посол поклонился Лумумбе. Затем, приветливо улыбнувшись, сказал, что от души приветствует стремление к сотрудничеству, о котором только что говорил премьер. Посол повторил недавно высказанную им мысль о «горячем желании его правительства оказывать молодому конголезскому государству бескорыстную экономическую помощь». Произнося эти слова, Тимберлейк приложил правую руку к сердцу...

Заиграла музыка. Официанты быстро и бесшумно сновали

меж столиков, разнося угощенья. Голубоватым пламенем горел ром, вылитый на мороженое.

Внезапно к Лумумбе подбежал офицер связи, что-то шепнул на ухо и тут же исчез. Вскоре пришел другой офицер. Так повторилось несколько раз. После каждого появления офицера премьер подзывал к себе молодого худощавого мужчину в больших темных очках — начальника штаба конголезской армии полковника Жозефа Дезире Мобуту. Тот с угрюмым видом слушал главу правительства.

Гости догадывались, о чем Лумумба говорил с офицерами. Все знали, что на Катангу движутся крупные силы правительственных войск с целью помешать самовольному отделению этой провинции от Конго. И вот поступили сообщения, что правительственные войска подошли к границам Катанги и заняли исходные позиции для наступления на вотчину Чомбе.

Мобуту был назначен руководителем этой операции, которую он, как вскоре выяснилось, подготовил весьма своеобразно...

В пышном тропическом саду чувствовалось напряжение, настоящего, непринужденного веселья не было, хотя оркестр непрерывно играл и слуги обносили гостей изысканными блюдами и напитками. После короткой речи Лумумбы немногословные и чопорные дипломаты западных стран стали и вовсе односложными. Многие из них покинули банкет. Но и самим хозяевам было не до приема, и они рассеянно отвечали на вопросы гостей.

К Лумумбе снова подошел офицер. Он был явно взволнован. Видимо, случилось что-то особенно важное. Присутствующие насторожились. Премьер заметил это и вновь поднялся на возвышение посредине сада.

— Дамы и господа! — сказал он твердым голосом.— Мне неприятно нарушать наш маленький праздник. Но не могу скрыть от вас, что нескольким бельгийцам, которых мы знаем как офицеров королевской армии, разрешили приземлиться в аэропорту Леопольдвиля. Поскольку в нашей стране контроль над аэродромами осуществляется войсками ООН, мы просили их командование не пускать этих офицеров в Леопольдвиль и отправить ближайшим самолетом обратно в Брюссель. Нашу просьбу отклонили. Тогда я приказал задержать этих бельгийцев, если они попытаются покинуть территорию аэропорта.

Все сразу поняли смысл этого сообщения.

19 июля 1960 года по просьбе правительства Лумумбы в Республику Конго прибыли первые подразделения войск ООН. Конголезцы возлагали большие надежды на эти международные войска, которые, как они надеялись, совместно с отечественными соединениями изгонят бельгийцев из страны и образумят Чомбе.

Однако генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд и шведский командующий войсками ООН генерал фон Горн и не подумали выполнить решение Совета Безопасности, в котором ясно говорилось: «Совет Безопасности... уполномочивает генерального секретаря принять необходимые меры в консультации с правительством Республики Конго для предоставления ему такой военной помощи, какая может оказаться необходимой».

Вместо этого оба шведа взяли на себя роль, которую до них играли король Бодуэн и генерал Жансенс. Под предлогом «нейтрализации» борющихся сторон войска ООН заняли все аэродромы и таким образом парализовали важнейший вид транспортной связи между центральным правительством и провинциями.

Эта мера была самым недвусмысленным образом направлена против Лумумбы. Его правительство не имело в своем распоряжении ни самолетов, ни аэродромов, тогда как в Катанге Чомбе чувствовал себя полновластным хозяином. Патрис Лумумба все настойчивее требовал, чтобы в Катангу были наконец направлены части ООН. Однако представитель Хаммаршельда д-р Ральф Банч заявил, что вообще не видит никаких оснований для вмешательства в дела этой провинции, хотя прекрасно знал, что оттуда не был эвакуирован ни один бельгийский солдат.

Тем временем в мире все сильнее нарастал протест общественности против такой странной интерпретации решения Совета Безопасности. Поэтому Хаммаршельд объявил о своем намерении лично посетить Конго и направить туда войска ООН, специально предназначенные для дислокации в Катанге.

И действительно, вскоре в Катангу были переброшены две роты шведских солдат. Но пребывание Дага Хаммаршельда в Леопольдвиле длилось всего лишь одну ночь. Генеральный секретарь даже не удосужился нанести визит вежливости премьер-министру Лумумбе. Утром он сел в самолет и выле-

тел в Элизабетвиль. Для встречи с Чомбе время у него нашлось. Почтительно отвесив поклон встретившему его «месье кассовому аппарату», он затем проследовал с ним в лимузине по улицам Элизабетвиля.

Здесь, в столице Катанги, Хаммаршельд удостоился чести остановиться в одной из вилл концерна «Юньон миньер». Спальню высокого гостя отделали голубыми обоями — под цвет флага Организации Объединенных Наций. При каждой из пяти комнат виллы имелась отдельная ванная, что, как утверждали тогда шутники, было весьма и весьма кстати: ведь в противном случае «мистер Хам» не смог бы смыть с себя всю грязь своих дневных дел.

Генеральный секретарь ООН разъяснил директорам «Юньон миньер», в том числе и своему брату, что слишком затянувшееся пребывание бельгийских войск в Катанге производит неблагоприятное впечатление. Лучше бы заменить их подразделениями ООН, что, несомненно, даст двойную выгоду: во-первых, будет исключена возможность действий войск Лумумбы (а если они все-таки пойдут в наступление, то тогда нарушителем международного мира окажется не Чомбе, а Лумумба). С другой стороны, присутствие частей ООН в Катанге обеспечит неприкосновенность господствующих там имущественных отношений.

В специальном письме на имя Дага Хаммаршельда Патрис Лумумба заявил протест против введения в Катангу одних только шведских войск.

«Известно, — писал Лумумба, — что между шведской и бельгийской королевскими семьями существуют тесные родственные связи, и мы считаем себя вправе настаивать на том, чтобы в эту провинцию были направлены также африканские войска». Кроме того, поскольку, продолжал премьер, его доверие к Хаммаршельду подорвано, он вынужден просить Совет Безопасности послать в Конго группу наблюдателей с задачей проследить за немедленным и точным выполнением решения Совета. В состав такой группы, по его мнению, можно было бы включить представителей Марокко, Туниса, Эфиопии, Ганы, Гвинеи, ОАР, Судана, Цейлона, Либерии, Мали, Бирмы, Афганистана и Ливана.

Даг Хаммаршельд отклонил это предложение, и в результате премьер Лумумба вынужден был потребовать немедленной эвакуации войск ООН из Республики Конго.

— Республика не желает оставаться под оккупацией чужеземных войск,— категорически заявил он и отдал приказ о наступлении на Катангу.

Вот какие события предшествовали приему, устроенному главой правительства Республики Конго в тот душный, летний вечер 26 августа 1960 года.

Присутствовавшие на приеме делегаты конференции африканских государств один за другим с подчеркнутой сердечностью пожимали руку хозяина. Каждый из них отлично понимал, что конголезцам теперь не до празднеств.

Вопреки конституции

7 сентября 1960 года.

На улицах Леопольдвиля десятки усиленных нарядов войск ООН и конголезской армии. Здание парламента оцеплено со всех сторон.

В девять часов здесь ожидалось начало заседания парламента. Все входящие сюда подвергались тщательному обыску. Жандармы внимательно осматривали портфели, папки, даже бумажники. Не делалось исключения и для депутатов, их тоже обыскивали. Парадное крыльцо и окна ощетинились стволами пулеметов, рядом лежали ленты с патронами.

В одном из коридоров журналисты обступили известного своей находчивостью в разговоре Мориса Мполо, министра по делам молодежи и спорта в правительстве Лумумбы. Среди корреспондентов были представители всех крупнейших газет и телеграфных агентств мира — от московской «Правды» до лондонской «Таймс», от пражского агентства ЧТК до нью-йоркского Ассошиэйтед Пресс.

Один из газетчиков спросил министра, выступит ли на заседании президент Касавубу, который накануне заявил по радио о своем решении сместить Патриса Лумумбу с поста премьер-министра.

— Едва ли он предстанет перед парламентом,— ответил министр.— Президент Касавубу отлично знает, что своим заявлением он нарушил конституцию.

— Но разве глава вашего государства не вправе назначать или смещать премьера? — с наигранным удивлением поспешил задать вопрос представитель агентства Ассошиэйтед Пресс.

Мполо посмотрел на него с иронической усмешкой.

— Неужели вы действительно так плохо знакомы с нашей конституцией? Ведь там ясно сказано: премьер-министр может быть смещен только в случае, если абсолютное большинство парламента выразит ему недоверие.

— Каковы же, по-вашему, причины нарушения конституции? — вмешался в разговор другой журналист.— Кто стоит за спиной Касавубу?

Министр поднял над головой номер «Нью-Йорк таймс» и спросил:

— Не угодно ли взглянуть на эту фотографию?

Корреспонденты окружили его плотным кольцом.

На фотографии, обведенной красным карандашом, была запечатлена встреча Касавубу с тремя иностранцами. Из подписи явствовало, что рядом с президентом Конго сидят Эдвард Кеннеди, брат кандидата в президенты США, сенатор Макги, советник госдепартамента по делам Африки, и Тимберлейк, американский посол в Леопольдвиле.

— Интересно, не правда ли? — в голосе Мполо сквозила едкая ирония.— Но президент Касавубу заручился поддержкой не только определенных американских кругов. Когда мы в январе и феврале вели переговоры в Брюсселе, он неожиданно покинул нас на несколько дней. Вначале мы усмотрели в этом демонстративный протест против тона, заданного бельгийцами на переговорах. Но впоследствии оказалось, что наш президент отправился в Ахен для встречи с представителями западногерманского министерства иностранных дел. Там он намекнул на готовность Конго пойти навстречу деловым кругам Федеративной республики, разумеется, в обмен на политическую поддержку и экономическую помощь...

Раздался звонок. Мполо извинился.

— Заседание начинается,— сказал он и, протиснувшись между журналистами, торопливой походкой пошел по коридору.

Как и предсказал Мполо, Касавубу на заседание парламента не пришел. Появление же Лумумбы зал встретил шумными аплодисментами. Не приветствовали премьера только депутаты от партии АБАКО, сидевшие на правых скамьях.

Это было бурное заседание. Сторонники Касавубу выступали с самыми невероятными клеветническими обвинениями

по адресу Лумумбы, оскорбляли его как только могли. А когда в ответ раздавались возражения, они за неимением аргументов барабанили кулаками по пюпитрам и неистово топали ногами.

Патрис Лумумба спокойно слушал всех ораторов, что-то записывал и никак не реагировал на оскорбления.

Но вот наконец предоставили слово и ему. Его речь была страстной и убежденной. Он говорил о Касавубу и тех, кому продался этот господин, о махинациях командования ООН и позиции западных держав, с которыми, по мнению деятелей партии АБАКО, не следовало портить отношений.

— Никто — ни одно частное лицо и ни одно государство — не имеет права вмешиваться в дела Республики Конго без согласия ее законного правительства! — бросил он в зал.— Республика Конго — суверенное, независимое, свободное государство, имеющее такие же права, как и Франция, Бельгия, Англия или США. Мы строим свое государство так, как это угодно нам, а не другим... В нашей молодой республике произошли события, которым мы уже не удивляемся. Они, несомненно, являются составными элементами заговора, вот уже несколько недель тайно подготавливаемого империалистами и их подручными. Президент Касавубу заявил по радио, что возглавляемое мною правительство обязано подать в отставку. От имени правительства категорически отвергаю это заявление. Наше правительство избрано демократическим путем и получило полную поддержку парламента. Оно может быть смещено только при условии утраты им доверия народа...

Закончил свою речь Лумумба информационным сообщением.

— Сегодня,— сказал он,— правительство Республики Конго приняло решение отстранить Жозефа Касавубу от должности президента республики и заявляет, что в ближайшее время оно само будет выполнять функции главы государства.

Большинство депутатов, среди них немало представителей партии АБАКО, поднялись с мест и долго аплодировали. Два молодых депутата подбежали к Лумумбе и преподнесли ему пальмовую ветвь — символ безграничного доверия.

Лумумба одержал победу: в этот день за его правительство проголосовали 88 депутатов, против — 25, при самом незначительном количестве воздержавшихся.

Столь же недвусмысленно парламент выразил доверие правительству Лумумбы и на заседании, состоявшемся через неделю.

Посол Тимберлейк начинает действовать

13 сентября 1960 года.

— Я вами недоволен. Этак нам не сдвинуться с мертвой точки.

Американский посол небрежно развалился в кресле на гнутых стальных ножках. Он не скрывал крайней раздосадованности. От слащавой любезности и хороших манер, бросавшихся в глаза две недели назад на приеме в саду Дворца нации, не осталось и следа. Пальцы его правой руки, которую он тогда столь патетически прижимал к груди, раздраженно барабанили по подлокотнику.

Перед ним в жалкой холуйской позе сидел полковник Жозеф Дезире Мобуту, начальник штаба конголезской армии. Сегодня он был в штатском. На смуглом лице поблескивали темные очки от солнца — Мобуту не снимал их даже в закрытом помещении.

— Мы топчемся на месте,— нетерпеливо повторил посол.

Мобуту пожал плечами.

— Я сделал все что мог.

— Вы повели себя как неопытный юнец,— американец продолжал постукивать пальцами по креслу.— Подумать только: Лумумба в ваших руках, а вы отпускаете его. Этого я просто не понимаю!

— Я не мог не отпустить его,— пробормотал полковник.

Тимберлейк нетерпеливо тряхнул головой.

— Упустить такой шанс! Да ведь это же непростительно!

Мобуту понурил голову. Затем поднял руку, хотел было что-то возразить. Но рука, описав какую-то неопределенную линию, безвольно опустилась.

Тимберлейк встал и, подойдя к окну, прислонился к нему спиной. Затем, не меняя позы, оценивающим взглядом уставился на удрученного начальника штаба, молча сидевшего перед ним. Этот человек был всецело в его власти.

Когда он впервые вызвал к себе Мобуту и без обиняков заявил, что рассчитывает на его поддержку, тот еще как-то пытался сопротивляться. Но Тимберлейк сразу поставил его на

место — для этого ему понадобилось лишь показать полковнику фотокопию списка бельгийских осведомителей в Конго.

— Извольте взглянуть на этот перечень,— сказал посол.— Ваше уважаемое имя тоже значится в нем. Как вы полагаете, долго ли вы удержитесь на посту начальника штаба армии, если общественность узнает, что вы были бельгийским агентом?

Аргумент оказался убедительным, и «договаривающиеся стороны» быстро пришли к соглашению. Впрочем, Тимберлейк не только пригрозил Мобуту, но и посулил ему довольно кругленькую сумму.

Посол США не питал симпатий к этому двадцатидевятилетнему африканцу, в раболепном страхе взиравшему на него. Но без помощи Мобуту он не мог выполнить полученное задание. Перед отъездом в Леопольдвиль он встречался с Эдвардом Кеннеди, сенатором Макги и рядом офицеров Пентагона. В ходе этих бесед ему в точности было разъяснено, о чем идет речь. Офицеры, кстати, служили в секретном оперативном отделе, занимавшемся странами Африки и официально именовавшемся «JTE-4» («Joint Task Force-4», то есть «4-й Объединенный отряд особого назначения»).

Тимберлейку сказали тогда, что наконец-то наступил благоприятный момент, позволяющий Соединенным Штатам Америки закрепиться на берегах Конго. До сих пор бельгийцы и англичане успешно препятствовали проникновению американского капитала в эту страну. Если не считать второстепенных промышленных предприятий или немногих случаев участия в акционерных обществах, США, в сущности, к Конго никакого отношения не имели. Можно было бы, правда, назвать довольно крупный металлообрабатывающий завод в Леопольдвиле, принадлежащий фирме «Пасифик айрон энд стил компани», или, например, филиал концерна швейных машин «Зингер». Рокфеллеру удалось приобрести у «Юньон миньер» несколько акций общества «Танганьика консешнз». Но все это не имело большого значения. В целом США так и не получили доступа к этой несметной сокровищнице Африки. Теперь же, заявили Тимберлейку Кеннеди, Макги и офицеры из Объединенного отряда особого назначения, все должно измениться, а для этого необходимо добиться усиления американского влияния в Леопольдвиле.

— Найдите в Леопольдвиле человека вроде Чомбе,— посоветовал Макги.

Слова сенатора прозвучали как приказ убрать Лумумбу, убрать любой ценой, ибо он был опасен не только тем, что слово «независимость» принимал за чистую монету, но и потому, что действительно намеревался поставить богатства страны на службу конголезцам. А это означало национализацию, то есть не только изгнание из страны бельгийцев и их европейских партнеров по НАТО, но и недопущение в нее американцев.

Получать урана и кобальта столько, сколько сочтет нужным выделить Лумумба! Слыханное ли дело?

Найти в Леопольдвиле какого-нибудь Чомбе номер два и вознести его — означало решить еще одну проблему. Тимберлейк хорошо помнил, с какой настойчивостью и даже горячностью говорил об этом Макги. Надо понять, сказал он, что отделение Катанги встретит самое энергичное противодействие со стороны народов Африки. В их глазах Чомбе предатель. Идти на соглашение с ним нельзя, ибо это грозит утратой всякого престижа и влияния. Если же прочно закрепиться в Леопольдвиле, то тогда можно решительно выступить против автономной Катанги. Центральное правительство, ориентирующееся на США, обеспечит американское влияние во всей стране, в том числе и в Катанге, а попутно будут подорваны позиции Англии и Бельгии.

— Обязательно подыщите в Леопольдвиле человека наподобие Чомбе!

Посол Тимберлейк поставил на двух лошадок. Одну звали Касавубу, другую — Мобуту.

Но ставка на Касавубу провалилась. Даже в парламенте — этой, с точки зрения Тимберлейка, пустозвонной говорильне — президент потерпел полное фиаско.

Тогда Тимберлейк решил сыграть последней картой — пустить в дело Мобуту. Он знал, что этот полковник его не подведет. Но он знал, что эта его акция наделает много шуму.

На первых порах все шло хорошо, и посол был вполне доволен Мобуту.

Начальник штаба весьма оригинальным образом выполнил решение правительства Лумумбы об отправке войск против наемников Чомбе. Он приказал двинуть на Катангу все части, преданные правительству, а подразделения, где были колеблющиеся элементы, оставил в Леопольдвиле. Солдатам этих подразделений вдруг перестали выплачивать жалованье,

потом урезали их продовольственный паек. Полуголодное существование вызвало недовольство среди нижних чинов, в особенности тех, что жили в лагере с семьями.

Мобуту получил официальное указание снабжать армию всем необходимым, но вместе с тем разъяснять солдатам, что в связи с событиями в Катанге правительство испытывает серьезные финансовые затруднения. Полковник злоупотребил этими директивами, начал восстанавливать солдат против правительства, стремясь сделать их послушными только тому, кто дает деньги. Постепенно ему удалось сгруппировать вокруг себя несколько тысяч солдат. Из средств, щедро подбрасываемых Тимберлейком, он выплачивал им солидное денежное содержание.

И вот Мобуту приступил к выполнению «операции», результат которой так сильно разгневал его хозяина.

Днем к служебной резиденции премьер-министра неожиданно подкатила колонна грузовиков и джипов. С машин соскочило несколько десятков автоматчиков. Двадцать или тридцать человек оцепили здание, около дюжины ворвались внутрь и без каких бы то ни было объяснений арестовали Патриса Лумумбу.

На протяжении всей этой «операции», участникам которой Мобуту обещал солидное вознаграждение, Лумумба оставался спокойным.

— Лучше арестуйте того, кто дал вам этот приказ,— сказал он.

Через несколько часов сторонникам Лумумбы во главе с Морисом Мполо, чей авторитет среди солдат был непререкаем, удалось проникнуть в военный лагерь Леопольд. Мполо обошел казармы и разъяснил солдатам, кто и по чьей указке арестовал премьера.

Тогда солдаты освободили Лумумбу.

...Не сводя глаз с Мобуту, Тимберлейк отошел от окна.

«Из такого ничтожества, беспомощно лепечущего какие-то дурацкие извинения, я пытаюсь сделать «сильного человека»,— подумал он и брезгливо усмехнулся.— Впрочем, все еще поправимо. Из кого только мы не делали президентов и премьеров!»

— Итак, милейший, что будем предпринимать? Как вы намерены исправить свою ошибку? — возобновил американец разговор.

— Располагайте мною...— пробормотал начальник штаба, устремив подобострастный взгляд на посла.

Тимберлейк снова уселся и достал сигарету.

— Если в ближайшие дни мы не добьемся своего,— он остановился, зажег спичку и закурил,— то будет уже поздно. Поздно и для вас, и для нас. Как только Лумумбе удастся вернуть свои войска из провинции, вы ничего не сможете сделать. Значит, что-то должно произойти, и притом немедленно.

— Но что же? — беспомощно спросил Мобуту.

— А вот послушайте меня.

И посол приступил к подробному инструктажу...

На следующее утро боевые подразделения леопольдвильского гарнизона заняли важнейшие объекты города. Солдаты без всякого предупреждения открывали огонь даже по самым незначительным скоплениям людей. Не церемонились они и с представителями иностранных государств, обыскивали их и даже избивали. Неприкосновенными остались лишь те, на чьих автомобилях развевались звездно-полосатые флажки.

— Власть перешла в руки армии,— еще в тот же день объявил Мобуту.— Армия решила снять с постов нынешнего премьер-министра Лумумбу и всех его министров. Их полномочия переходят к совету генеральных комиссаров, учрежденному армией.

Леопольдвиль оказался во власти распоясавшихся головорезов Мобуту, которые с каждым часом усиливали свой кровавый террор.

15 сентября 1960 года Патрис Лумумба вынужден был дать согласие на то, чтобы его охраняло ганское подразделение войск ООН. У него не было иного выбора. Но, оказавшись в безопасности, он вместе с тем лишился всякой связи с конголезцами.

В тот же день газета «Дэйли миррор» напечатала статью мистера Тимберлейка. Она начиналась словами: «У полковника Мобуту немало интересных идей...»

Продажа пленника

13 января 1961 года.

В лагере снова стало неспокойно. Опять перед длинными бараками начали собираться группы возбужденных солдат. Еще совсем недавно они составляли отборные подразделе-

ния генерала Мобуту, которым доверяли сторожить арестованного Лумумбу.

И вдруг люди, которые столько раз безропотно выполняли самые гнусные приказания, почувствовали, что больше не могут быть соучастниками заговора против Лумумбы.

Что же произошло? Почему несколько солдат отважились открыть дверь камеры Лумумбы спустя сорок дней после его захвата мобутовцами?

Как только Лумумба попал в неволю, он сразу же решил преодолеть изоляцию, на которую его обрек мобутовский путч. Премьер задумал тайно покинуть столицу и пробиться в Стэнливиль, где находилась штаб-квартира его партии. Оттуда он намеревался руководить борьбой против нового режима, открыто поддерживаемого иностранными кругами. Но Лумумба допустил поистине трагическую ошибку. Он раскрыл свои замыслы нескольким офицерам войск ООН, которые немедленно сообщили о них Мобуту.

27 ноября 1960 года конголезский премьер в сопровождении группы ближайших друзей бежал из Леопольдвиля. В ту же ночь офицер мобутовской охранки Жильбер Понго получил приказ перехватить Лумумбу. Через неделю, 3 декабря 1960 года, Понго удалось задержать Лумумбу и его спутников в городе Порт-Франки, на территории провинции Касаи.

То был день великого злорадства всех, кто наживался на сокровищах Конго. Удобно устроившись перед экранами телевизиров, эти люди с восторгом наблюдали, как связанного и избитого до потери сознания Лумумбу швырнули в грузовик. Они аплодировали Мобуту, когда тот с важным видом заявил представителям печати:

— С Лумумбой мы разделались окончательно... Как политическая фигура он навсегда сошел со сцены.

Пресса стран НАТО не скрывала своего удовлетворения и единодушно славила Мобуту как «сильного человека», «человека с железными нервами».

Но это ликование оказалось преждевременным. Правда, Лумумбу удалось заточить в темницу, но его соратники продолжали борьбу.

Уже 9 ноября 1960 года два министра правительства Лумумбы провозгласили в городе Маноно создание новой провинции Лулуаба, охватывавшей территорию всей Северной Катанги.

13 декабря 1960 года заместитель премьера Антуан Гизенга принял на себя обязанности Лумумбы и перенес резиденцию правительства в Стэнливиль.

Прошло около трех недель, и два других соратника Лумумбы утвердили власть законного правительства также в провинции Киву.

С крайним недовольством газеты монополистов вынуждены были признать, что Лумумба, «этот низверженный человек, даже находясь в тюрьме Тисвиля, правит половиной Республики Конго».

Мировое общественное мнение узнало, кто в действительности сеет в Конго смуту и раздор.

Советский Союз заявил:

«Главными виновниками и организаторами конголезской трагедии являются крупные бельгийские, американские, английские и французские монополии, рыцари денежного мешка и банковских сейфов. Все остальное — бутафория и обманчивые декорации».

7 января 1961 года участники касабланкской конференции африканских государств призвали Организацию Объединенных Наций защитить жизнь Патриса Лумумбы. В своем заявлении они также подчеркнули, что оставляют за собой право принять по собственной инициативе все необходимые для этого меры, если не будут соблюдаться и уважаться цели и принципы, оправдывающие присутствие в Республике Конго оперативных частей ООН.

Одновременно Советский Союз потребовал от Совета Безопасности оказать Лумумбе всевозможную материальную и моральную поддержку.

Перед лицом всех этих фактов монополистическая пресса в начале 1961 вновь забила тревогу. «Империя Мобуту рушится,— писали газеты.— Две трети людей, которые поддерживали Мобуту в сентябре 1960 года, когда он захватил власть, теперь переметнулись в лагерь Лумумбы».

Вдобавок ко всему взбунтовались солдаты лагеря Кэмп Харди, охранявшие Лумумбу.

В штабе Мобуту лихорадочно совещались.

Вечером 13 января против мятежников Тисвиля было двинуто несколько тысяч солдат.

Однако дело обошлось без кровопролития — бунтовщиков удалось уговорить.

Мобуту и Касавубу лично поспешили в Кэмп Харди, где — в какой уже раз! — попытались побудить Лумумбу предать родину. Но пленный премьер дал мерзавцам достойный отпор.

Тогда они пошли на подлую сделку с Чомбе.

Поскольку президент и начальник штаба убедились в недостаточной надежности военного лагеря под Тисвилем как места заключения, а плененный Лумумба, которого они считали бессильным, не выходя из каземата, становился с каждым днем все более могущественным, они решили попросту продать ненавистного пленника катангскому диктатору.

После недолгого торга стороны договорились о цене. Покупатели — Моиз Чомбе и его клика — заплатили 40 000 долларов.

А Организация Объединенных Наций?

Именно ее уполномоченные и разрешили перебросить Лумумбу на самолете. Это были те самые люди, которые несколькими месяцами раньше запретили Лумумбе пользоваться отечественными аэродромами. Официальный представитель ООН заявил, что «перевод» Лумумбы в Катангу является «внутренним делом Республики Конго».

«Бегство» в черном форде

13 февраля 1961 года.

Годфруа Мунонго обливался потом. То и дело он засовывал пальцы за крахмальный воротничок. Созванная им пресс-конференция превратилась в форменный позор для него и его шефа.

Мунонго извивался ужом, мучительно напрягался, придумывая отговорки, и в душе проклинал назойливых журналистов, припиравших его к стенке.

Поневоле он перебирал в памяти события последних недель.

Тогда, 17 января, к резиденции Моиза Чомбе подъехала колонна грузовиков. В саду был накрыт праздничный стол, и гости уже порядком охмелели, когда пред ними предстали трое пленников. Чомбе начал плевать в лица связанных людей, избивать их ногами.

— Ваша песенка спета, сволочи!

Эту фразу он повторил три или четыре раза. Затем после небольшой паузы крикнул:

— Годфруа, а ну-ка подойди сюда и прикончи Лумумбу!

Мунонго вырвал у стоявшего рядом жандарма винтовку и приблизился к Лумумбе.

— Говорят, ты неуязвим. Так ли это? — насмешливо спросил он.— Вот я всажу в тебя несколько пуль, а ты их выплюнь обратно. Сможешь?

Лумумба ничего не ответил и демонстративно отвел глаза в сторону.

Мунонго рассвирепел. Приставив острие штыка к груди пленника, он повторил:

— Ну так как же, уязвим ты или неуязвим? Говори, собака!

Лумумба сохранял хладнокровие. Он понимал, что пришел его смертный час. Насколько позволяли туго затянутые веревки и штык у груди, он выпрямился и кивнул. Да, я неуязвим, означал его кивок. Вы можете убить мое тело, но не мои идеи.

Мунонго еще пуще распалился.

— Я покажу тебе, какой ты неуязвимый! — заорал он и в слепой ярости стал наносить связанному Лумумбе уколы штыком. Пять уколов, шесть, семь...

После убийства, когда опьянение прошло, Чомбе отдал приказ: в ближайшие недели держать этот эпизод в строгой тайне, а тем временем придумать правдоподобное объяснение смерти Лумумбы.

Однако нужно было немедленно решить, как поступить с трупами: ведь тропическая жара резко убыстряет процесс разложения.

С наступлением темноты трупы перевезли в одну из лабораторий концерна «Юньон миньер». По договоренности с бельгийцами их поместили в холодильную камеру.

Затем начали придумывать «правдоподобную» версию смерти Лумумбы и его друзей.

Мунонго опубликовал несколько официальных сообщений. Он объявил, будто Лумумба содержится на какой-то образцовой ферме, «вдали от любопытных взглядов». Потом распорядился распространить коммюнике, в котором содержалось заключение врачебной экспертизы, якобы установившей, что

пленные не подвергались никакому насилию. Такую констатацию врачей, говорилось в коммюнике, следует особо подчеркнуть, поскольку-де враги Катанги распространяют на сей счет самые невероятные слухи. Вскоре в печати появились даже фотографии и жизнеописание мнимого начальника охраны Лумумбы, бельгийского капитана Жюльена Ката. Говорилось, что Кат — уроженец Антверпена и командует подразделением «страшных», как называли наемников катангского иностранного легиона.

Но, несмотря на поток официальной дезинформации, слухи об убийстве Лумумбы становились все упорнее. Чомбе приказал Мунонго срочно придумать что-нибудь новое: группа западноевропейских журналистов попросила разрешения посетить Лумумбу на «образцовой ферме».

10 февраля 1961 года министр внутренних дел Катанги неожиданно объявил, что во время сильного урагана Лумумба и его друзья пробили в стене фермерского дома дыру и бежали. Поиски их в джунглях остались безрезультатными. В сообщении говорилось: «Все трое заключенных бежали после того, как сбили с ног и связали двух часовых. Исчез черный форд полицейской охраны. Возможно, что беглецы похитили эту машину. В ней был запас горючего примерно на сто километров пути. Исчезли также два карабина».

Через два дня Мунонго, сидя в своем кабинете, диктовал одному из европейских служащих текст нового коммюнике. В нем утверждалось, будто найдены три трупа бежавших заключенных, которых-де убили жители некой деревушки. Бельгийский врач, доставленный на место, смог лишь констатировать смерть.

Сообщение оканчивалось довольно странной фразой, гласившей, что во избежание возможных волнений и беспорядков правительство Катанги не намерено сообщать, где находится могила Лумумбы...

Мунонго все еще стоял перед журналистами. Только что один из них спросил, в чем смысл засекречивания места захоронения Лумумбы.

— Вы, видимо, боитесь, что туда начнется паломничество? — язвительно добавил другой.

Заседание Совета Безопасности

16 февраля 1961 года.

Пробиться к главному порталу здания ООН было нелегко. На шеренги полицейского оцепления нажимала толпа. Чернокожие американцы, белые рабочие из Манхэттена и Бруклина скандировали лозунги, поднимали кулаки. Высоко над их головами колыхались плакаты и транспаранты, на которых пестрели надписи:

«В штаб-квартире ООН окопался синдикат убийц!»

«Руки Хаммаршельда обагрены кровью Лумумбы!»

«Хаммаршельд не лучше Чомбе!»

На третьем этаже стеклянного дворца заседал Совет Безопасности. В зале чувствовались напряжение и нервозность. Галереи для гостей на четыреста мест и трибуны прессы были заполнены доотказа.

Заседание открыл очередной председатель Совета Безопасности англичанин Патрик Дин.

Перед ним лежал советский проект резолюции, требующей осуждения Хаммаршельда и наказания Чомбе. С нетерпением ожидали журналисты и гости, что скажет советский делегат в обоснование этого требования. Но председатель отложил проект в сторону и предоставил слово главе делегации США Эдлаю Стивенсону. Зал недовольно загудел.

Наконец снова стало тихо, и Стивенсон начал свою речь. Он сказал, что сожалеет о смерти Лумумбы, назвал это преступление прискорбным, однако ни словом не обмолвился о необходимости наказать убийц. Затем, не скупясь на красивые слова, принялся восхвалять Хаммаршельда. И вдруг вне какой бы то ни было связи с предыдущим, вопреки всякой логике перешел к нападкам на политику Советского Союза. Но едва он закончил свою первую антисоветскую тираду, в зале началось нечто такое, чего еще никогда не наблюдали в этих «священных стенах» ни делегаты, ни сотрудники секретариата ООН, ни корреспонденты. С галереи послышались возгласы протеста. Гости принялись хором скандировать:

«Мистер Стивенсон, не проливайте крокодиловых слез!»

«Позор защитникам Хаммаршельда!»

«Хаммаршельд — убийца!»

«Хаммаршельда к ответу!»

Стивенсон поневоле умолк.

Патрик Дин распорядился очистить галерею от «крикунов».

Несколько дюжих парней устремились на галерею, однако «крикуны» не унимались.

Тогда мистер Дин приказал полностью очистить галерею.

Жандармы Хаммаршельда пустили в ход кулаки, начали без разбора избивать гостей — мужчин и женщин, нанося им удары по голове, по лицу, по спине. Нескольких девушек, сбитых с ног, поволокли по коридорам и буквально выбросили на улицу, где их весьма неласково встретила нью-йоркская полиция.

Но шум на галерее не стихал.

Зал наполнился исступленными криками избиваемых женщин.

Ненароком охранники поколотили и репортера нью-йоркской газеты «Дэйли миррор». Сильный удар по голове получил корреспондент агентства ЮПИ. В полубессознательном состоянии он с трудом выбрался из свалки.

Около получаса продолжалась эта «операция».

Только после ее завершения Стивенсон — теперь уже весьма осторожно — продолжил свою речь. Ему удалось несколько оттянуть официальную дискуссию об убийстве Лумумбы, но предотвратить ее он не смог.

На набережной, у стеклянного дворца, снова скопились тысячи нью-йоркцев.

Один из них забрался на крышу автомобиля. Размахивая листом бумаги, он крикнул:

— Вот последнее письмо Лумумбы. Слушайте, что он написал, братья:

«Жестокости, издевательства и пытки никогда не могли заставить меня молить о пощаде. Лучше я умру с высоко поднятой головой, с непоколебимой верой в будущее нашей страны, нежели соглашусь жить в рабстве и отрекусь от священных для меня принципов...

Настанет день, и история скажет свое слово. Но это будет не та история, которой учат в Брюсселе, в Париже, в Вашингтоне или в ООН. Эту новую историю будут преподавать в странах, освободившихся от колониальных господ и их марионеток...»

●

● „В небесах бог, на земле Трухильо“

Доходный бизнес Тома Гатри

Том Гатри — мужчина, что называется, во цвете лет. Атлетическое телосложение, волнистые, правда уже чуть поседевшие, волосы, с усиками. Живет он в прекрасном городе Майами, в цветущем штате Флорида, вблизи знаменитого курорта Палм-Бич, этого райского уголка американских миллионеров, где ежегодно выбирают первую красавицу мира — «мисс Вселенную». Неподалеку от Майами и Палм-Бича расположен мыс Канаверал, над которым уже разлетелась на куски не одна ракета и, как мыльный пузырь, лопнул не один честолюбивый замысел руководителей американской политики.

Том Гатри — один из уважаемых граждан города на берегу Флоридского пролива, что отделяет США от Кубы. Он своевременно уплачивает налоги, по воскресеньям, принарядившись, ходит в церковь, поругивает конкурентов, считает США самой свободной страной в мире и проклинает злокозненных коммунистов, ибо газеты пишут о них столько нелестного.

Том Гатри — деловой человек. Конечно, он не может равняться с Рокфеллером или Фордом, но все же воздушные такси приносят ему вполне приличный доход. В его ангарах стоят несколько ультрасовременных самолетов, купленных в последние годы. Их приобретением он обязан старому двухмоторному биплану «Бичкрафт Д-18» — одной из тех машин, которые давно еще использовались в этих краях для разного рода транспортных нужд.

Старый биплан, помеченный номером 68100, занимает в ангарах Тома Гатри почетное место. Это, так сказать, золотая

птичка, снесшая в гнездышко своего хозяина целую уйму долларовых яичек. Именно этот самолет помог Тому Гатри одержать верх над своим сильнейшим конкурентом в Майами — воздушной компанией «Риддл эйрлайнз». В свое время все крупные газеты напечатали фотографии его «Бичкрафта Д-18». Самолет демонстрировали даже по телевидению.

Тогда буквально вся Флорида пестрела огромными рекламными плакатами:

«На этой машине был похищен мистер Галиндес!

На этой машине Джерри Мэрфи возил смерть!

Кто хочет увидеть этот самолет, покружить на нем над Майами и узнать подробности его истории, тот пусть посетит Тома Гатри!»

И надо сказать, расходы на рекламу оправдались. Дела Гатри пошли блестяще, да и нынче ему не приходится жаловаться. Толпы любителей сенсаций приходили и приходят к нему, чтобы послушать его рассказ.

Что ему стоит в сотый или в тысячный раз повторить историю о Галиндесе, Мэрфи и своем знаменитом самолете! Ведь он заранее знает, что это поистине незначительное усилие снова, как всегда, окупится звонкой монетой.

В начале своего рассказа владелец эскадрильи воздушных такси неизменно упоминает Джеральда Лестера Мэрфи.

— Джерри был нам как сын родной,— грустно произносит он, достает платок, растроганно сморкается и делает эффектную паузу.

И лишь после этого Гатри переходит, наконец, к сути дела.

Тогда, начинает он свое повествование, Джерри Мэрфи как раз исполнилось двадцать три года. Этот молодой человек был недурен собой и вместе с тем не отличался ни особыми достоинствами, ни ярко выраженными недостатками — в общем, ничем не выделялся среди тысяч своих сверстников. Но им владела одна всепоглощающая страсть: он до смерти любил летать. Его комната в доме на 19-й улице юго-западного района Майами была завалена книгами о самолетах, об авиамоделях, о технике пилотирования. В шестнадцать лет он сдал экзамен на пилота, в двадцать три года получил удостоверение штурмана. Но все это, к сожалению, ничего ему не дало. Подвело плохое зрение, близорукость.

Вот почему его не зачислили в военно-воздушные силы США. Парень было сунулся в контору компании «Риддл эйр-

лайнз», попросил место пилота. Но и тут ему отказали. Пришлось молодому человеку стать чертежником-конструктором. И не познакомься Джерри с добрым мистером Гатри, изредка поручавшим ему слетать куда-нибудь, то, по-видимому, он так никогда бы и не сел за штурвал.

Том Гатри, конечно, не сообщал своим слушателям, что платил Мэрфи значительно меньше, чем другим пилотам. Впрочем, он не корил себя за это, а напротив, даже ставил себе в заслугу, что дает несчастному человеку возможность заниматься любимым делом, являвшимся мечтой всей его жизни.

Однажды Джерри явился к мистеру Гатри и сказал, что к нему обратились с великолепным предложением — отвезти какого-то больного богача из Нью-Йорка во Флориду. Помог ему в этом его новый друг, с которым он познакомился несколькими неделями раньше. Звали этого друга Артуро Эспайа, и он занимал пост генерального консула Доминиканской Республики в Нью-Йорке. Джерри просто распирало от гордости: подумать только — настоящий генеральный консул стал его другом! И главное, Эспайа заверил молодого летчика, что сразу же после выполнения этого задания он получит постоянное место пилота на одном из самолетов общества «Компаниа Доминикана де авиасьон».

— Но подумал ли ты о своих глазах, Джерри? — опасливо заметил Том Гатри.

Сообщение Джерри немного расстроило его. Он терял дешевого и непритязательного работника.

5 марта 1956 года Джерри Мэрфи отправился в город Линден (штат Нью-Джерси) и взял напрокат у фирмы «Трэйд эйр» самолет сроком на один месяц. Этим самолетом и был тот самый биплан «Бичкрафт» № 68100.

Гатри и Мэрфи встретились снова лишь через десять дней. Джерри рассказал по порядку обо всем. Его пассажиром оказался очень богатый доминиканец, которого нужно было доставить в Тампу, морской курорт во Флориде. Полет прошел вполне благополучно. Да и вообще игра стоила свеч — Джерри показал Гатри заполненный бланк договора на испанском языке.

— Вот контракт с доминиканской авиакомпанией,— сияя объявил он.— Восемьсот долларов в месяц!

Молодой летчик пригласил друзей в ресторан и щедро угостил их.

— Мой отец получил крупное наследство,— отвечал он на вопросы, откуда у него такие деньги.

— Вопросы эти были вполне естественны,— объясняет своим слушателям Том Гатри,— ибо, когда Джерри работал чертежником и от случая к случаю выполнял мои поручения, ему было не очень-то легко сводить концы с концами. Порой, чтобы не голодать, он даже продавал кое-что из личных вещей...

Вскоре Джерри уложил свои пожитки в чемодан и вылетел в Сьюдад-Трухильо, как назывался тогда город Санто-Доминго, столица Доминиканской Республики. Там он и приступил к своей новой деятельности.

В этом месте рассказа мистер Гатри мрачнеет и почти трагически добавляет:

— Вот при каких обстоятельствах я видел его в последний раз.

Затем, словно обвиняя себя самого, продолжает:

— О, если бы я уговорил его остаться здесь! Возможно, он бы и сейчас еще был в живых.

Но те, кто знает Тома Гатри, не сомневаются в его лицемерии. В действительности он очень рад, что Джеральда Лестера Мэрфи больше нет в живых. Без смерти Джерри мечта Гатри о бизнесе и богатстве так бы и осталась мечтой. Ведь купил-то он самолет «Бичкрафт» только потому, что на нем летал Джерри. Судьба молодого летчика глубоко безразлична ему, хотя он неизменно утверждает обратное. Но вся эта история настолько эффектна, что было бы просто грешно не воспользоваться ею для бизнеса. И так как, по мнению Тома Гатри, она уже начала слегка приедаться, то он выдумывает все новые захватывающие подробности. Впрочем, вряд ли это и нужно, ибо все, что разыгралось после 5 марта 1956 года, когда Мэрфи стал пилотом фирмы «Компания Доминикана де авиасьон», само по себе похоже на увлекательный авантюрный роман.

Похищение человека в метро

Это случилось вечером 12 марта 1956 года в Нью-Йорке.

Профессор Хесус Мария де Галиндес, коренастый и широкоплечий мужчина лет сорока, с высоким лбом и поредевшими волосами, вышел из своего кабинета в Колумбийском университете и тщательно запер за собой дверь.

— Половина десятого,— пробормотал он, взглянув на свои часы, и медленной, усталой походкой направился к выходу.

«Меньше чем за сорок минут, домой не добраться»,— мелькнуло у него в голове.

В коридоре ему повстречалась группа студентов.

— Разрешите подвезти вас на машине? — предложил один из них.

Галиндес благодарно улыбнулся.

— Это было бы очень мило с вашей стороны. Если можете, высадите меня у «Колумбус Серкл».

Машина влилась в густой поток транспорта. Удобно устроившись на заднем сиденье, Галиндес с интересом прислушивался к живому и задорному разговору студентов, иногда усмехался. Профессор любил шутку, и это привлекало к нему молодежь, хотя он и слыл строгим и требовательным преподавателем. Часто студенты недоумевали, откуда у Галиндеса берутся силы, чтобы жить такой трудной жизнью да еще учить мужеству других. Они знали, что он сражался против Франко, затем, вынужденный покинуть родину, эмигрировал в Доминиканскую Республику, но в 1946 году уехал и оттуда, ибо режим в этой стране был ничуть не лучше, чем во франкистской Испании.

— Вот и «Колумбус Серкл»,— обратился к Галиндесу молодой человек, сидевший за рулем, и показал на вход в метро. Испанец пожал всем руки, поблагодарил и вышел из машины.

Часы над лестницей станции «Колумбус Серкл» показывали 21 час 45 минут. Пассажиры торопливо сбегали к поездам. Другие поднимались им навстречу. Обычная картина.

Галиндес медленно спускался по лестнице. В тоннеле к нему подошел человек в пальто с поднятым воротником и вежливо спросил:

— Нет ли у вас спичек?

Профессор принялся шарить в карманах.

Внезапно он вздрогнул от страшного удара. Хотелось закричать, но от боли сдавило горло, перед глазами завертелись огненные круги. Теряя сознание, он опустился на бетонный пол и уже не заметил, как двое мужчин в белом пронесли его на носилках сквозь толпу удивленных пассажиров и уложили в санитарную машину.

С этой минуты профессор Колумбийского университета Хесус Мария де Галиндес как в воду канул, хотя на его поиски отрядили целую стаю детективов.

Два неприятных пассажира

Оба двигателя «Бичкрафта Д-18» монотонно работали на холостых оборотах. Джеральд Лестер Мэрфи поглядывал на приборы.

«Уж пора бы вылетать,— подумал он.— А этим господам, видать, не к спеху».

Его нетерпение было понятно. Еще в половине одиннадцатого утра он приземлился здесь, на небольшом и запущенном частном аэродроме близ городка Эмитивиля на Лонг-Айленде. Вскоре после посадки он сказал сторожу, старику со скуластым лицом, что через полчаса полетит дальше. Но прошло уже целых десять часов, а он все никак не мог выбраться отсюда. Кроме сторожа, который время от времени проходил невдалеке от машины и подозрительно оглядывался, Мэрфи за все это время не увидел никого.

Нельзя сказать, что он испытывал чувство страха, но все-таки ему было не по себе. Да и кому понравится такая неопределенность: часами торчать в полном одиночестве неведомо где и дожидаться санитарной машины с каким-то таинственным больным. Он устал ждать, и каждая минута казалась ему вечностью.

«А что, если меня хотят разыграть? — подумал Джерри.— Или больной передумал и решил никуда не лететь? Или в этой истории замешаны жулики, и у них что-то сорвалось?..»

Он был согласен на все, лишь бы кончилось это ожидание.

Впрочем, ему уже не в первый раз казалось, что он впутался в какое-то нечистое дело.

Накануне того дня, когда Джерри зафрахтовал у фирмы «Трэйд эйр» свой «Бичкрафт», к нему пришел генеральный консул Эспайа и сказал, что больной, о котором идет речь, высокопоставленное лицо, желающее вернуться к себе на родину. Поэтому Мэрфи придется лететь не в Тампу, а прямо в Доминиканскую Республику. По просьбе больного об этом полете не должен знать никто. Не следует говорить о нем и персоналу аэропортов. Лучше всего предварительно облететь несколько аэродромов в окрестностях Нью-Йорка и всякий

раз называть какое-нибудь новое место назначения. Истинную же цель путешествия нельзя указывать даже в бортжурнале.

Все эти требования показались Мэрфи довольно странными, но он не стал ломать над ними голову. Мало ли какие бывают причуды у богачей...

10 марта он стартовал из Линдена в Ньюарк (штат Нью-Джерси). На следующий день перебросил машину в Стэйтен-Айленд. Когда его там спросили, куда он летит, он неприветливо буркнул в ответ: «На Азорские острова». Вечером снова вернулся в Ньюарк, откуда сегодня утром прилетел в Эмитивиль, хотя предварительно заявил диспетчеру, что направляется в Майами.

После встречи с Эспайа у него постепенно накопилась куча вопросов, ставивших его в тупик.

Зачем для перевозки больного пользоваться таким неудобным самолетом, как «Бичкрафт Д-18»? Неужели доминиканское правительство не располагает более подходящей машиной для транспортировки столь почтенного гражданина? Почему полет готовится в такой глубокой тайне? Почему от него требуют делать в бортжурнале заведомо неверные записи?

Все непонятно: больного человека надо поскорее доставить домой, но его собирают в путь целую неделю, хотя иной раз вопрос о жизни или смерти решают какие-нибудь минуты. А что, если этот человек здоров? Больницы в Соединенных Штатах наверняка не хуже, чем на этом богоспасаемом антильском острове, о котором в Майами можно услышать только плохое. И, кроме того, сперва тянут целую неделю, а теперь заставляют ждать без толку целых одиннадцать часов подряд. Нет, тут что-то не так. В этом Мэрфи больше не сомневался.

Он собрался было закурить очередную сигарету, как вдруг увидел вдали фары автомобиля и ярко светящийся красный крест. Санитарная машина приближалась на предельной скорости. Через короткие интервалы раздавался вой сирены. Вскоре машина резко затормозила у самолета. Первым из нее выскочил генеральный консул Эспайа. Затем Джерри увидел двух мужчин в белых халатах, они распахнули заднюю дверь и рывком вытащили из кузова носилки. Один из санитаров слегка прихрамывал. Человек на носилках был почти с головой укрыт одеялом.

Тучный Эспайа с трудом забрался в самолет.

— Мистер Мэрфи...— задыхаясь, начал он.— Извините нас, мистер Мэрфи... Мы опоздали... Были причины... Но теперь все в порядке... Маршрут вам известен. Посадка в Монте-Кристи. Там узнаете все остальное. Мистер Фернандес,— он указал на хромого,— будет вас сопровождать. Вы готовы к старту?

Джерри кивнул. Он все еще злился.

— Торчу здесь одиннадцать с половиной часов,— укоризненно сказал он.

Между тем санитары внесли носилки в кабину самолета. Хромой привязал больного. Перехватив удивленный взгляд Мэрфи, он сказал:

— Пациент без сознания.

Эспайа и второй санитар вскочили в карету скорой помощи и уехали. Хромой снял с себя халат, бросил его на пол кабины и уселся рядом с пилотом.

Самолет медленно покатился по полю...

Они летели всю ночь, не промолвив ни слова.

Мэрфи терялся в догадках. Хотел задать Фернандесу много вопросов, но не решался заговорить с ним. «Странно,— подумал он,— ведь вообще-то я не из робких».

На рассвете они достигли Флориды. Здесь предстояло заправиться бензином, чтобы без промежуточной посадки дотянуть до Монте-Кристи. Пополнить горючее намечалось в небольшом аэропорту невдалеке от Майами.

Приземлившись, Джерри с досадой обнаружил, что на летном поле нет ни души. Пришлось лететь дальше. Наконец, в аэропорту Лантана, что в 65 милях к северу от Майами, удалось заправиться. Не взяв у техника квитанции, Джерри вручил ему 95 долларов за бензин да еще солидные чаевые впридачу. «Бичкрафт» снова вырулил на взлетную полосу...

Когда они оказались над открытом морем, Джерри развернул пакет с сэндвичами и начал закусывать. При этом он искоса поглядывал на своего спутника. «Непонятный парень,— подумал он.— Уже столько часов сидит рядом и как воды в рот набрал». Ночью пилот не смог как следует разглядеть лицо Фернандеса. Теперь, глядя на него в профиль, он почувствовал еще бóльшую тревогу.

Фернандес, словно окаменев, застыл в полной апатии. Неподвижные глаза смотрели куда-то вперед. Широкий шрам

во всю левую щеку придавал лицу какое-то зловещее и чуть насмешливое выражение. На низкий лоб падали черные пряди нечесаных волос. Тонкие губы были плотно сжаты, словно он опасался вымолвить что-нибудь лишнее. Сидел он без пиджака, и было видно, как с левого плеча свисал ремень с револьвером.

«Прямо настоящий бандит из детективного романа»,— подумал Мэрфи. Лишь через несколько месяцев, к сожалению уже слишком поздно, молодой летчик понял, как верно было это сравнение.

Его уродливый спутник принадлежал к числу самых отчаянных «пистолерос» — наемников, которые за плату совершают любые преступления. Шла молва, что он неоднократно помогал подозрительным политиканам избавляться от неугодных им людей. В Центральной Америке он был известен под различными именами: Лудовино Фернандес, Франсиско Мартинес, Хара, просто Фернандес. Настоящего же его имени, пожалуй, не знал никто. Зато под кличкой «Хромой» он везде пользовался самой дурной славой и на всех наводил страх. В пяти или шести латиноамериканских странах его разыскивали за убийства.

Но утром 13 марта 1956 года Джерри Мэрфи еще не знал всего этого, а только инстинктивно догадывался, что оказался в обществе матерого уголовника.

Сзади послышался негромкий стон. Фернандес мгновенно поднялся с сиденья, прошел к больному и через несколько секунд вернулся.

— Что-нибудь случилось? — спросил Мэрфи.

— Ничего не случилось,— отрезал Фернандес, давая понять, что не намерен говорить о лежащем на носилках.

Но Джерри почему-то показалось, что настал удобный момент для расспросов, и он продолжал допытываться:

— Но что же с ним все-таки? Видимо, его следовало лечить в Штатах. Вам не кажется?

Фернандес медленно повернул голову к пилоту. Джерри заметил резкую складку, обозначившуюся между кустистыми бровями доминиканца. Тот холодно посмотрел на него.

— Выслушайте меня внимательно, мистер Мэрфи! — процедил он сквозь зубы.— Что произойдет с этим человеком, где мы его устроим, как с ним поступим — все это наше дело и вас совершенно не должно касаться. Понятно? Вы получили

задание. Выполняйте его, не спрашивая ни о чем. За это вам хорошо платят, даже очень хорошо. Заботьтесь о самолете, остальным занимаюсь я.

Возмущенный наглым, безапелляционным тоном своего пассажира, Джерри хотел было что-то ответить ему, но доминиканец, считая разговор оконченным, опять уставился в горизонт. Летчик промолчал.

Через несколько минут разыгрался эпизод, повлекший за собой весьма неприятные последствия для Джерри.

В кабине опять раздался стон, и Фернандес снова устремился к больному. Вернувшись, он буркнул:

— Этому Галиндесу долго не протянуть.

Джерри удивленно посмотрел на него. Хромой побледнел, видимо поняв, что сболтнул лишнее.

Галиндес? Джерри не мог вспомнить этого имени. Он его просто никогда не слышал. Но в ходе дальнейших событий оно не раз упоминалось при нем.

В Монте-Кристи их уже ждали.

Едва самолет остановился, как к нему подбежало несколько мужчин во главе с каким-то великаном в безупречно сшитой форме летчика.

Небрежно поздоровавшись с Фернандесом, он стал что-то говорить ему. Остальные вытащили носилки из машины и быстро поволокли их к другому самолету, стоявшему перед аэровокзалом и готовому к старту. Осмотревшись, Джерри заметил справа и слева от посадочной полосы вооруженных часовых. Его удивление росло. Неужели часовых расставили здесь из-за больного, которого он сюда доставил?

Не успел Джерри справиться с охватившим его чувством изумления, как к нему подошли Фернандес и верзила в щегольской форме командира корабля.

— Октавио де ла Маса,— представился незнакомец.

На полном лице, обрамленном аккуратно подстриженной бородой, играла самодовольная улыбка.

— Мистер Мэрфи,— сказал де ла Маса,— имею честь передать вам контракт на работу в нашей авиакомпании. Кроме того, мне поручено вручить вам чек, выписанный, как вы заметите, на сумму, значительно превосходящую ту, на которую вы рассчитываете.

Он сделал паузу, чтобы дать Джерри разглядеть чек. Когда летчик увидел цифру 10 000, он и обрадовался, и испугался. «Кончились мои невзгоды,— подумал он.— Хорошее место, много денег».

— Но это еще не все,— продолжал доминиканский пилот.— От имени его превосходительства генералиссимуса Трухильо приглашаю вас на несколько дней в Сьюдад-Трухильо. Мне приказано доставить вас на самолете в нашу столицу.

Мэрфи смотрел то на чек, то на контракт. Что же за птица этот Галиндес, если вокруг него хлопочут столько людей, если сам Трухильо, властитель этой страны, интересуется им?

Де ла Маса продолжал говорить, но уже без прежней приторной вежливости.

— В полете вы услышали имя Галиндес. Не стану утаивать от вас, кто этот человек. Галиндес — враг нашего государства, коммунист, один из тех, кто угрожает не только нашей, но и вашей свободе. Говоря попросту, мы его похитили.

Он замолчал и пристально посмотрел на Джерри.

«Значит, они все-таки жулики,— подумал тот.— Вот зачем им понадобилась вся эта таинственность и легенда о больном. Вот почему так всполошился Фернандес, едва я только заикнулся о другом пассажире...»

«Пока не поздно, верну им чек»,— решил он. Но де ла Маса, словно угадав его мысль, разъяснил ему, в каком он очутился положении.

— Если вас начинает мучить совесть, то позвольте вам заметить, что в этом похищении вы лично сыграли далеко не последнюю роль.

— Но ведь я ничего не знал! — вскипел Мэрфи.

— Верно, не знали. Но поверит ли в это полиция? — ухмыльнулся великан.— В общем, выбирайте: или неприятности с вашей полицией, или приятная жизнь, отлично оплачиваемая работа, масса денег... Выбирайте!

Джерри заколебался.

«А мне-то, в конце концов, что? — сказал он себе.— Такого шанса больше не будет. Каждый день сидеть за штурвалом! Каждый день, а не раз в полтора или два месяца. Лишь бы не зависеть от милостей Тома Гатри. Кто знает, может, я и вправду помог обезвредить опасного врага свободы».

Двадцатитрехлетний летчик спрятал чек и контракт.

— О'кэй,— сказал он и пожал де ла Масе руку.

«Эра Трухильо»

Человек, о котором «заботилось» так много людей, неподвижно лежал в самолете, следовавшем в Сьюдад-Трухильо.

Он прожил сложную и бурную жизнь.

Хесус Мария де Галиндес родился в испанских Пиренеях. Он был баском.

Когда в Испании началась гражданская война, ему едва исполнилось двадцать лет. Глубоко религиозный католик, он никогда не был коммунистом. Но, отличаясь ясным умом, молодой человек понял, какое горе несет его народу режим Франко. Галиндес был не только метким стрелком, но и обладал незаурядным ораторским даром и острым пером. Не удивительно, что фалангисты внесли его в свой черный список.

После того как «каудильо» пришел на штыках Гитлера и Муссолини к власти, Галиндесу пришлось покинуть родину. Он поехал в Доминиканскую Республику — не только потому, что там говорят по-испански. Он слышал, будто этой страной правит человек, чутко воспринимающий все новое. Говорили, что в условиях Латинской Америки Рафаэля Леонидаса Трухильо, президента Доминиканской Республики, можно считать вполне прогрессивным деятелем и социальным реформатором.

Вот почему Галиндес приехал в эту республику, расположенную на антильском острове Гаити. Здесь его приветливо встретили, и он охотно согласился стать домашним учителем в семействе Трухильо.

Вскоре, однако, он понял, что попал из огня да в полымя.

Все больше его изумляла рекламная шумиха вокруг личности президента. Столицу, некогда называвшуюся Санто-Доминго, переименовали в Сьюдад-Трухильо. Это еще можно было понять. Но имя Трухильо присвоили трем провинциям, самой высокой горе, множеству аэродромов, больниц, школ, улиц и площадей. В стране появились тысячи скульптурных изображений правителя. В одной только столице их было без малого 1800. Куда ни глянь — Трухильо в бронзе, Трухильо в камне, Трухильо в мраморе, Трухильо на коне, Трухильо в форме солдата и даже в образе мессии. Но если памятники можно было обходить, то отделаться от самого Трухильо было нельзя. Куда бы Галиндес ни направлялся, имя Трухильо неизменно преследовало его. Он гулял по вечерней столице,

и в глаза ему бросалась светящаяся надпись: «В небесах бог, а на земле Трухильо!» Он присаживался на скамью в парке и поневоле читал напоминание: «Тенью от этого дерева ты обязан Трухильо». Он подходил к фонтану, чтобы напиться,— на доске значилось: «Бог и Трухильо дарят тебе эту воду». Он подходил к больнице и видел над воротами огромный транспарант: «Только Трухильо исцеляет тебя от недугов!» Мимо проезжали автомобили, и на всех номерных табличках красовалась обязательная формула: «Да здравствует Трухильо!»

В редакциях газет и в студиях компании «Радио Карибе», на приемах и во время празднеств все словно соревновались, изощряясь в каких-то новых, никому еще не известных эпитетах и сравнениях во славу диктатора. «Полярная звезда нации», «благодетель родины», «отец отечества», «освободитель нации», «мессия», «спаситель матерей» — такими и подобными титулами величали президента. Поэтому не удивительно, что доминиканская пресса, ничтоже сумняшеся, предложила кандидатуру этого «сверхчеловека» на соискание Нобелевской премии мира.

Весь этот балаган вызывал у Галиндеса чувство глубокого отвращения. Вдобавок он был вхож в президентский дворец и подробно познакомился с тамошними порядками. Поневоле он наблюдал, как Трухильо декретирует и организует культ собственной персоны, как инсценируется «безудержная любовь народа к вождю», как создается миф о богатстве и благосостоянии страны.

В доминиканском государстве действительно были и богатство, и благосостояние. Но наслаждались ими только Трухильо и его довольно многочисленная клика. Никто не знал точно, каковы размеры состояния диктатора. Оценки колебались между полутора и двумя миллиардами долларов. И хотя все знали, как именно сколачивалось состояние президента, никто не осмеливался говорить об этом вслух.

Трухильо владел примерно половиной всех земельных угодий в стране. Эти земли он приобрел весьма простым для него способом — с помощью жестокого насилия. Любой приглянувшийся ему участок немедленно конфисковался.

Кроме того, Трухильо постепенно превратился либо в акционера, либо в полновластного хозяина всех промышленных предприятий, кроме тех, что принадлежали богатым североамериканцам. «Полярная звезда нации» извлекала доходы

буквально из всего — из кофейных плантаций, боен и цементных заводов, игорных и публичных домов. Характер источника наживы не играл никакой роли: поступления от государственной лотереи, прибыли газет и страховых обществ текли в его карманы так же, как налог с товарооборота государственной торговли молоком, табаком, солью и спичками.

О, изобретательности «благодетеля родины» поистине не было предела, когда нужно было выкачивать из населения песо. Однажды, например, вышел указ, обязывающий каждого домовладельца окрашивать свое строение не реже раза в год. И это вовсе не потому, что государство вдруг забеспокоилось об опрятном виде доминиканских городов и сел. Нет, просто «отец отечества» добавил к своим владениям единственный в стране лакокрасочный завод и вот таким оригинальным образом обеспечил полный сбыт его продукции. Воодушевленный коммерческим успехом, Трухильо вскоре распорядился обнести все жилища заборами из колючей проволоки. Надо ли говорить, как блестяще пошли дела завода по производству проволоки, ставшего собственностью «освободителя нации».

Даже свою партию — она называлась «Партидо Доминикана» — он сумел превратить в источник доходов. Принадлежность к этой организации он провозгласил обязательной для каждого доминиканского чиновника и лично определял размеры членских взносов.

Стоило Галиндесу покинуть пределы ультрасовременного центра столицы, как его глазам открывалась истинная картина жизни доминиканцев. Уже на окраинах, а тем более в пригородах и сельских районах от пышного фасада «благосостояния» не оставалось и следа. Люди жили в покосившихся глинобитных лачугах, страдали от невообразимой скученности и тесноты. Если у них была работа, то трудиться приходилось по двенадцати часов в сутки, и притом за смехотворную плату в одно или два песо, которых не хватало даже на хлеб. Большинство доминиканцев не умели ни читать, ни писать. Лишь изредка Галиндесу удавалось беседовать с этими изнуренными непосильным трудом людьми. Он пытался расспрашивать крестьян об их жизни, но крестьяне почти всегда недоверчиво отворачивались: подобные разговоры были небезопасны, так как страна кишела агентами тайной полиции «Сегуридад насьональ».

Довольно скоро он понял, что «благодетель родины» в действительности правит страной, где царят горькая нужда, безработица, невежество и страх.

Чем дольше испанец жил при дворе Трухильо, тем яснее становились ему причины этого страха. «Пистолерос» из «Сегуридад насьональ», нимало не стесняясь его присутствием, во всех подробностях расписывали свои «подвиги», говорили об убийствах политических противников режима, рассказывали о том, как прямо на улице приканчивали людей, навлекших на себя гнев «полярной звезды нации». Телохранители Трухильо нередко бахвалились тем, что сваливали трупы своих жертв прямо у подъездов их домов и как ни в чем не бывало уезжали.

В этом государстве никто никому не доверял. Опасались друг друга даже агенты тайной полиции — президент содержал еще две секретные службы. Три разведки непрерывно шпионили и одна за другой, и за народом, охватив своими щупальцами всю страну. Но порой тирану казалось, что даже эта густая сеть сыска и доносов недостаточно эффективна. Тогда в борьбу против отечественных и зарубежных коммунистов и других демократов включалась так называемая «иностранная бригада» — своеобразный доминиканский вариант иностранного легиона. О характере этой бригады можно судить хотя бы по тому, что в первые послевоенные годы она комплектовалась почти сплошь из вояк бывшего гитлеровского вермахта. От добровольцев требовалось предъявление «наград за храбрость», и при прочих равных «достоинствах» предпочтение отдавалось тем, кому доводилось бороться с партизанами.

Таковы были причины всеобщего страха.

Ненависть Галиндеса к приземистому толстяку в раззолоченном опереточном мундире, к пучеглазому кровопийце-диктатору росла с каждым днем, и он стал тайно собирать материалы о Трухильо и его террористическом режиме. Каждый документ его коллекции регистрировал новое преступление.

Трагедия почти трех миллионов доминиканцев началась еще в 1916 году, когда ни с того ни с сего на остров высадились так называемые «кожаные затылки» — солдаты морской пехоты США — и захватили город Санто-Доминго. Вашингтон решил создать здесь свой аванпост в Карибском море. «Кожаные затылки» объявили осадное положение и разогнали

парламент. На это потребовались всего лишь одни сутки. Но «умиротворение» страны длилось целых восемь лет. Восемь лет чудовищного массового террора — расстрелов, пыток, арестов. Оккупанты сжигали целые деревни, бомбардировали города, терроризировали население с помощью специальных карательных отрядов, сформированных из местных предателей. Именно тогда среди этих карателей внимание американских офицеров привлек к себе некий конокрад, зарекомендовавший себя служакой, жесточайшим из жестоких и послушнейшим из послушных. Звали его Рафаэль Леонидас Трухильо, и в ту пору он с трудом выводил свое имя. Как раз в таком человеке и нуждались янки. Его отправили в США, обучили в офицерской школе и затем назначили начальником штаба национальной гвардии, как официально назывались террористические войска наемников.

Когда в 1924 году отряды морской пехоты покинули Гаити, хозяева концерна «Юнайтед фрут компани» твердо знали, что в лице Трухильо на острове остался вполне надежный защитник их интересов. И он действительно не разочаровал их.

Уже в 1930 году Трухильо совершил путч. Тогдашний президент страны Орасио Васкес отнюдь не был противником «Юнайтед фрут компани». Но он стоял на пути бывшего конокрада, рвавшегося к власти. В первый же год своей диктатуры узурпатор инсценировал выборы. Количество голосов, поданных за него, намного превысило максимально возможное число избирателей. Затем он перешел к открытому террору. Всякий, кто выступал против него, платился за это жизнью. Среди многих, многих тысяч его жертв были лидер запрещенной Доминиканской революционной партии Мануэль Сантана, поэт Вирхилио Мартинес Рейна и видный политический деятель Серхио Бенкосме. Трухильо свирепствовал не только в собственной стране. Его банды вторглись в соседнюю республику Гаити, где учинили кровавую расправу, стоившую жизни пятнадцати тысячам людей. Когда во всем мире поднялась мощная волна протеста против этого злодеяния, Трухильо по настоянию США объявил, что готов выплатить «компенсацию» в 75 долларов за каждого убитого.

Галиндес никак не мог понять одного: ради чего Соединенные Штаты Америки так рьяно поддерживают Трухильо? Великая североамериканская страна все еще казалась испанскому эмигранту символом демократии. Правда, в период с 1916 по

1924 год янки вели себя в Санто-Доминго не очень-то гуманно. Но почему они до сих пор были заодно с этим завзятым фашистом, почему помогали укреплению его режима деспотии? Ведь всякий раз, когда на острове становилось неспокойно — а это случалось довольно часто,— у доминиканского побережья тотчас появлялись военные корабли США. Галиндес не понимал, почему прибывающие сюда время от времени североамериканские политические деятели публично превозносят мистера Трухильо. Однажды, например, в Доминиканскую Республику пожаловал сенатор Уильям Дженнер, член сенатского подкомитета по вопросам внутренней безопасности. Этот визит носил вполне официальный характер. Дженнер выступил в доминиканском парламенте с большой речью. «Доминиканская Республика,— сказал он,— единственная страна в Западном полушарии, где у всех сложилось ясное представление о нашей борьбе против коммунизма. Да благословит господь вас и вашего вождя мистера Трухильо!»

Галиндес проникался все большей ненавистью к напыщенному генералиссимусу, к своре лизоблюдов, окружавших его, ко множеству янки, которые чувствовали себя тут как дома. Вместе с тем он понимал, что в одиночку ему ничего не сделать. Организованная борьба против диктатора внутри самой Доминиканской Республики тоже представлялась ему невозможной. Поэтому он тайно покинул страну и отправился в Нью-Йорк, где присоединился к многочисленным доминиканским эмигрантам. Доминиканские эмигрантские круги в Соединенных Штатах Америки отличались резкой политической раздробленностью, а отчасти и антикоммунистическими настроениями. Во всяком случае, они не желали вступать в контакт с Социалистической доминиканской народной партией. И испанский католик Галиндес развернул в Нью-Йорке активную деятельность, направленную на объединение различных буржуазных группировок, которые при всех своих разногласиях сходились в одном — в ненависти к Трухильо.

Прошло немного времени, и Галиндес стал руководителем доминиканских эмигрантов. В их газете «Эль диарио» он резко и страстно разоблачал злодеяния диктатора.

Но и тот не забыл о нем. На Галиндеса обрушился поток анонимных писем, в которых ему грозили смертью, если он не перестанет выступать в печати. Потом пошли вызовы по телефону. Неведомые люди осыпáли его бранью. Профессор

мужественно сносил нападки, но, не сомневаясь в мстительности Трухильо, часто менял квартиры. Такая мера предосторожности представлялась совсем не лишней, поскольку был уже прецедент: в октябре 1953 года агенты диктатора выследили и убили в районе нью-йоркского порта доминиканского журналиста Андреса Рекену.

В конце января 1956 года Галиндес заявил, что опубликует свою докторскую диссертацию в печати. Но, прежде чем сделать это, он положил в ящик письменного стола записку следующего содержания: «Если со мной что-нибудь случится, то у меня есть серьезные основания считать виновниками происшедшего агентов Трухильо».

Хесус Мария де Галиндес написал это неспроста, ибо предвидел, что властелин островного государства в Карибском море будет взбешен «крамольным» содержанием этой диссертации. Она была озаглавлена: «Эра Трухильо».

Промежуточная посадка в Нью-Йорке

Джерри Мэрфи чувствовал себя отлично. На несколько дней его устроили в «Харагуа» — фешенебельном отеле для иностранцев. Затем он снял небольшой домик, приобрел довольно дорогую мебель и форд английского выпуска.

Ему здесь понравилось.

Хорошо, когда ты не какая-нибудь пешка, а летчик, и к тому же гражданин США, имеешь специальный пропуск для входа в президентский дворец. Хорошо, когда у тебя в кармане деньги.

Сбылось то, о чем он в Майами и не мечтал. А что до Галиндеса, то о нем он давно позабыл.

Нравился молодому летчику и город, где жило около четверти миллиона людей — чуть больше, чем в Майами. Правда, застройка улиц была, пожалуй, слишком плотной: среди старых домов в испанском стиле хаотично высились строения из бетона, стекла и стали. Но это в общем никому не мешало. Город содержался в чистоте. Деньги давали возможность покупать все, что душе угодно, а уж об увеселительных заведениях и говорить нечего, их было полно. Все это отвечало вкусам Джерри, а больше его ничто не интересовало.

Беззаботному настроению молодого человека вполне соответствовал и бодрый тон писем, которые он посылал из

Сьюдад-Трухильо своим родителям, жившим в городке Юджин, в штате Орегон. Он писал, что «наконец-то зажил, как полагается», что у него «вдоволь денег». При этом, конечно, он никогда не упоминал имя Галиндеса и не сообщал, за что ему заплатили.

Впрочем, были у Джерри причины и для недовольства. Так, например, ему запретили выезжать за пределы столицы. Джордж Бэрри, генеральный директор «Компаниа Доминикана де авиасьон», заявил ему, что как пилот он должен постоянно быть под рукой. Мэрфи расстроился: очень уж хотелось поездить на новой машине по стране. Но с указанием начальства пришлось смириться.

Неприятна была ему также верноподданническая шумиха вокруг Трухильо. Но и к ней он довольно скоро привык. Другие страны — другие нравы, говорил он себе. У нас рекламируют кока-колу, здесь — Трухильо.

Прошло немного времени, и все это перестало тревожить Джерри. Имя Галиндеса тоже выветрилось из его памяти. Ему позволяли водить самолеты, а это было для него самым главным.

В день первого рейса его ожидал сюрприз: на сиденье командира корабля он увидел Октавио де ла Масу.

— Надеюсь, вы не огорчены,— приветливо сказал первый пилот.— Будем летать вдвоем.

Мэрфи был доволен — лучше работать с напарником, которого уже знаешь.

Они полетели в Нью-Йорк. Вскоре после посадки на одном из пригородных аэродромов де ла Маса сказал, что должен отлучиться на час.

Джерри направился в ресторан аэровокзала, чтобы пообедать и просмотреть утреннюю прессу.

Взяв в руки первую попавшуюся газету, он остолбенел. «Что случилось с Галиндесом?» — вопрошал жирный заголовок.— «Его сожгли или похитили?» Корреспондент утверждал, будто Галиндеса то ли мертвого, то ли живого доставили на доминиканскую яхту «Анхелита» и сожгли в топке. По словам газеты, «Анхелита» вышла из нью-йоркского порта 12 марта 1956 года.

Забыв про обед, Джерри начал лихорадочно листать другие газеты. Все они уделяли много места исчезновению Галиндеса. «Нью-Йорк таймс» писала: «Можно без преувеличения сказать, что этот случай вызвал тревогу и негодование всего континента».

В том же выпуске «Нью-Йорк таймс» было напечатано письмо президента Колумбийского университета Грейсона Киркса. В письме говорилось: «То, что столь таинственный и печальный эпизод произошел во второй половине XX века, кажется почти непостижимым».

Наконец, указывалось, что министерством юстиции и генеральным прокурором получены многочисленные письма от организаций и частных лиц с требованием расследовать дело Галиндеса, найти виновных и наказать их.

Мэрфи не мог читать дальше. Строчки расплывались перед глазами. В какую дикую историю он влип! Что будет, если власти нападут на верный след?

Ошеломленный прочитанным, он подошел к газетному киоску и купил номер «Нью-Йорк таймс», решив переговорить обо всем с де ла Масой.

Когда Джерри показал газету доминиканцу, тот расхохотался.

— Не обращайте внимания на всякую ерунду,— сказал он и погладил свою черную бороду.— ФБР вряд ли проявит особое усердие в расследовании этого дела. Как известно, люди, сидящие в доме из стекла, не швыряются камнями.

Мэрфи удивленно смотрел на него.

— Я вас не понимаю.

Де ла Маса достал из кармана бумажник.

— Да будет вам известно, Джерри, что я люблю собирать кое-какие интересные газетные вырезки. Почитайте, например, что писал некогда Дрю Пирсон в «Вашингтон пост». Вот его статья.

В корреспонденции Пирсона перечислялись имена многих конгрессменов, которых Трухильо принимал как почетных гостей. «Эскортируемые полицией, они разъезжали по острову, пировали в обществе Трухильо и возвращались на родину, восхищенные этим Цезарем Карибского моря. Но отношения Трухильо с нашими ведущими деятелями, разумеется, не исчерпываются пышными трапезами. Взять, к примеру, полковника Гордона Мура, родственника госпожи Эйзенхауэр. Он

частый гость Трухильо и его партнер по рискованным спекуляциям. Можно назвать и другого партнера Трухильо по бизнесу. Это Роберт Хиншоу, зять Джона Фостера Даллеса. Вообще Трухильо питает высокое уважение к Даллесу и его семейству. Однажды он даже послал свой личный самолет в США, чтобы к нему прилетели в гости дочь, зять и внук Джона Фостера».

Джерри растерянно опустил вырезку. Но де ла Маса тут же протянул ему другую. В одном абзаце, отчеркнутом красным карандашом, приводилась цитата из выступления Дж. Эллендера, председателя сенатского комитета по сельскому хозяйству. «Я желал бы,— заявил Эллендер,— чтобы сегодня каждая страна Южной и Центральной Америки имела своего Трухильо».

Доминиканец дал Мэрфи еще одну вырезку. Это было официальное сообщение о том, что диссертация некоего Хесуса де Галиндеса не может быть опубликована до выяснения его судьбы или пока не истечет семилетний срок, предусмотренный законом для подобных случаев.

Джерри совсем растерялся. Он не знал, что сказать или подумать по поводу трех вырезок, с которыми только что ознакомился.

— Вы, судя по всему, не видите связи между ними и нашей акцией,— пришел ему на помощь де ла Маса.— Сейчас я вам все объясню.— Он достал карманный атлас.— Вот американский континент. В самом его центре — Доминиканская Республика. Согласитесь, что стратегическое положение нашего острова исключительно благоприятно. И думаете, Вашингтон не понимает этого? А понимая это, разве он добровольно откажется от такой замечательной позиции? И разве он не считает эту стратегическую позицию обеспеченной, пока на нашем острове правит Трухильо? Кое-кто из ваших земляков вложил в экономику нашего острова порядочное количество долларов. Мыслимо ли ставить на карту свои капиталы из-за какого-то несчастного эмигранта? А весь этот шум в газетах рассчитан лишь на массу, на рядового простака. Скоро газетные страсти улягутся, и все позабудут об этом инциденте.

— Но при чем тут диссертация? Почему ее можно опубликовать только через семь лет? — спросил Мэрфи.

Де ла Маса усмехнулся.

— Эта диссертация не устраивает нас, да и не только нас.

Например, ее автор детально исследует работу доллара на доминиканской территории. А знаете ли вы, что каждый доллар, который «Юнайтед фрут компани» вкладывает в нашу экономику, приносит концерну больше прибыли, чем в любой другой стране? Кроме того, Галиндес показал — и притом куда более подробно, чем это сделал Дрю Пирсон,— как тесно связаны руководящие деятели Белого дома с семейством Трухильо. Какой же смысл кричать об этом на весь мир? Вот почему и мы, и определенные круги вашей страны считаем закон о семилетней отсрочке публикации прямо-таки подарком небес. Ведь через семь лет ни один человек на свете не станет читать эту писанину!

Джерри рвется домой

Октавио де ла Маса оказался прав. Страсти, разгоревшиеся вокруг Галиндеса, действительно улеглись. Правда, время от времени Джерри встречал в газетах небольшие заметки на эту тему, но сенсационные репортажи под жирными шапками исчезли с газетных полос.

Вскоре в жизни двадцатитрехлетнего летчика случилось другое событие: Джерри влюбился. Его избранницу звали Салли Кэйр, и, по твердому убеждению молодого летчика, в мире не было девушки красивее ее. Ее любовь он завоевал в известном смысле «на лету»: брюнетка Салли служила стюардессой в компании «Пан Америкэн эйруэйз».

Влюбленные позабыли про все горести и невзгоды, в их мире были только солнце и счастье. Каждое прибытие Салли в доминиканскую столицу — ее самолет совершал регулярные рейсы на линии, проходившей через Сьюдад-Трухильо,— отмечалось как праздник. Тропические ночи полнились целомудренной нежностью, светлыми мечтами о будущем. В сентябре состоялась помолвка.

Для Джерри настала счастливая, но и весьма опасная пора. Все чаще его одолевало желание похвастаться перед любимой невестой. То ли ему хотелось еще больше импонировать очаровательной девушке, то ли стало невмоготу нести в одиночку бремя своей тайны, но так или иначе он стал рассказывать ей, иногда даже в присутствии третьих лиц, о Галиндесе, о том, как помог доставить его в Доминиканскую Республику. Иной раз показывал специальный пропуск, под-

писанный Трухильо, бахвалился, что в этой стране ему все дозволено.

Вначале смысл этих отрывочных сообщений не доходил до Салли. Но, уразумев, в чем дело, она пришла в ужас и решила при первой же возможности серьезно поговорить с Джерри. Инстинктивно почуяв, что своей необдуманной болтовней ее жених рискует жизнью, она хотела добиться полной ясности.

Разговор состоялся как-то вечером и получился довольно неприятным.

— Если нам суждено пожениться,— осторожно начала Салли,— то прежде всего я хочу точно знать, где мы будем жить. Честно говоря, я не испытываю ни малейшего желания переезжать в Доминиканскую Республику. Мне тут очень не нравится. А про Трухильо говорят такое, что хуже и не придумаешь.

Джерри испугался.

— А не все ли тебе равно, где жить? — спросил он после паузы.— Разве ты хочешь, чтобы я начал все сначала?

Салли молчала.

Запинаясь, он снова принялся рассказывать о своих унизительных и безуспешных попытках получить на родине, в Штатах, место пилота, о том, как ему везде отказывали, как Том Гатри лишь изредка поручал ему случайные полеты.

— И вдруг мне привалило счастье,— продолжал Джерри.— Такое блестящее предложение! Скажи сама — мог ли я не воспользоваться им? Ты же знаешь, как я влюблен в свою профессию. И теперь я пилот. Понимаешь, настоящий пилот, а не какой-нибудь воздушный извозчик! Получаю намного больше, чем летчики «Пан Америкэн эйруэйз». Так что же, по-твоему, бросить все это?.. Ты только не волнуйся, пройдет срок, и мы оба привыкнем к здешним обычаям.

Но Салли не хотела отвлекаться от главного.

— А при каких обстоятельствах тебе сделали это, как ты говоришь, блестящее предложение?

Уступая настояниям невесты, Мэрфи подробно рассказал, как его завербовали, что произошло в самолете и в Монте-Кристи, как он согласился принять чек и контракт на постоянную работу.

— Может, этот Галиндес был действительно опасным человеком,— попытался он успокоить Салли.— А с другой стороны, даже если я и попал в грязную историю, ведь сознатель-

но я ничего плохого не сделал! Да и вообще, что мне за дело до всего этого?

Салли смотрела на него немигающими глазами.

— Вот что я скажу тебе, Джерри,— медленно проговорила она.— Плюнь на деньги. Ради меня оставь эту работу. Слышишь, ради меня! Ведь я всю жизнь не буду знать минуты радости, если ты останешься у них. И тебе тоже будет плохо. Сидеть в кресле пилота и все время думать, какой ценой оно тебе досталось! Уж лучше стань снова чертежником, мне это будет во сто раз приятнее.

Джерри долго молчал. Наконец нерешительно спросил:

— А что я скажу доминиканцам?

— Скажешь, что мы решили пожениться, что я хочу жить только в Штатах, что ты и сам тоскуешь по родине. Придумай что угодно, но только откажись от этого места! Без работы не останешься.

Прошло несколько недель, покуда Джерри набрался духу, чтобы заговорить с де ла Масой о расторжении договора. Командир корабля крайне изумился и посоветовал своему напарнику еще раз тщательно обдумать это намерение.

На другой день доминиканец начал форменную атаку на Джерри, стараясь отговорить его от задуманного шага. Он внушал молодому североамериканцу, что другой такой работы ему не найти. Что же касается Салли, продолжал доказывать де ла Маса, то хорошенькие и опытные стюардессы нужны любой авиакомпании. Именно в Сьюдад-Трухильо может найти свое высшее счастье такая замечательная пара! Правда, остается тоска по родине. Но и она со временем наверняка пройдет, и даже очень скоро.

Увы, страхи и опасения Салли все больше передавались Джерри.

17 ноября 1956 года в очередном письме родителям он неясно намекнул на какую-то неприятную историю, вынуждающую его прервать свою нынешнюю работу и вернуться домой.

Две недели спустя он поместил в газете «Эль Карибе» объявление, в котором предлагал желающим купить его машину и обстановку.

В день публикации этого объявления, 3 декабря 1956 года, самолет, на котором работала Салли, совершил очередную промежуточную посадку в Сьюдад-Трухильо. При встрече с Джерри Салли нашла его крайне взволнованным. Он сказал, что приглашен в президентский дворец, куда должен явиться вечером.

Цепь загадочных смертей

16 марта 1957 года — почти ровно через год после исчезновения Галиндеса — в палате представителей конгресса Соединенных Штатов Америки проходил обычный парламентский «час вопросов». Когда слова попросил высокий, худощавый человек в очках, никто из присутствующих не ждал ничего особенного. Однако едва только он начал говорить — это был конгрессмен Чарльз Портер, депутат от демократической партии из штата Орегон,— как все сразу же насторожились.

Мистер Портер заявил:

— Я обратился в ФБР с письмом, в котором просил разрешить мне ношение оружия. Я вынужден просить об этом, ибо имею серьезные основания опасаться за свою жизнь.

Объясню вам суть дела.

В декабре 1956 года ко мне явились супруги Мэрфи из города Юджин и сказали, что их сын, Джеральд Лестер Мэрфи, при весьма загадочных обстоятельствах погиб в Доминиканской Республике. Быть может, вы еще помните историю профессора де Галиндеса. Есть веские основания подозревать наличие связи между судьбой Мэрфи и сенсационным исчезновением сеньора де Галиндеса. По-видимому, мистера Мэрфи устранили для того, чтобы он не мог выдать тайну, которой окутана смерть профессора де Галиндеса. С того дня, когда я затребовал от посольства Доминиканской Республики разъяснений по поводу гибели Мэрфи, меня прямо-таки осаждают анонимными угрозами по почте и по телефону. И я вынужден просить ФБР самым тщательным образом расследовать этот случай. Кроме того, хотелось бы узнать, что намерен предпринять государственный департамент через дипломатические каналы?

Лаконичная ответная реплика мистера Даллеса вызвала общее недоумение. Если выполнить требование Портера, ска-

зал он, то возникнут осложнения в отношениях с его, Даллеса, другом Трухильо.

Выступление Портера не понравилось и начальнику ФБР мистеру Гуверу, который слушал его с нескрываемым недовольством. Требования конгрессмена из штата Орегон были ему явно не по душе. Доминиканская «Сегуридад насьональ» сработала как никогда топорно, а заявление Портера делало официальное расследование неизбежным. К тому же латиноамериканские эмигрантские организации поручили группе частных детективов выявить подоплеку загадочных событий. Детективы уже начали поставлять газетам довольно обильную информацию. Кроме того, «Нью-Йорк таймс» опубликовала интервью с Салли Кэйр. Стюардесса поклялась, что Джеральд Лестер Мэрфи рассказал ей, как в ночь с 12 на 13 марта 1956 года он перелетел в Доминиканскую Республику, имея на борту своего самолета Хесуса Марию де Галиндеса, как сдал больного пассажира командиру корабля доминиканской авиакомпании Октавио де ла Масе, как тот дал ему в награду кучу денег. Когда Салли в сопровождении отца Джерри специально поехала в Сьюдад-Трухильо, чтобы установить обстоятельства смерти жениха, местная полиция чинила им всяческие препятствия. Из квартиры Джерри Мэрфи исчезли все его записные книжки и личные документы. В заключение интервью Салли заявила, что во время своего пребывания в доминиканской столице она находилась под непрерывным наблюдением полиции и что вдобавок ей без конца досаждали телефонными звонками какие-то неизвестные люди.

«Да, придется начать следствие,— подумал Гувер.— Другой вопрос, насколько серьезно мы его поведем. Главное — успокоить общественное мнение и всполошившегося мистера Портера, которому мы, разумеется, разрешим носить пистолет».

В эту минуту шеф ФБР не подозревал, что даже те немногие факты, которые вскоре предстояло установить его чиновникам, сведут все его расчеты на нет.

Все произошло по канонам самых низкопробных детективных романов.

4 декабря 1956 года на окраине Сьюдад-Трухильо был обнаружен форд, принадлежавший Джерри Мэрфи. Машина каким-то образом очутилась на скалистом отроге, врезающемся в Акулью бухту. Сюда издавна сваливают всякие отбросы

расположенной неподалеку скотобойни, и бухта почти всегда кишит акулами. Вот куда попал автомобиль Мэрфи. Все дверцы были распахнуты настежь. Но от владельца форда не осталось никаких следов. Через несколько дней государственный департамент США известил родителей Мэрфи об исчезновении их сына.

Так вслед за Галиндесом жертвой мстительного Трухильо стал Джеральд Лестер Мэрфи.

7 января 1957 года поверенному в делах посольства США в Сьюдад-Трухильо официально сообщили, что подозреваемый в убийстве Мэрфи и арестованный в связи с этим бывший летчик Октавио де ла Маса повесился в своей камере. В предсмертном письме, якобы оставленном самоубийцей, были изложены обстоятельства гибели Мэрфи: во время прогулки Джеральд Лестер Мэрфи предложил де ла Масе вступить с ним в весьма постыдные сношения. В ответ взбешенный де ла Маса, потеряв всякий контроль над собой, сбросил своего коллегу в Акулью бухту. В заключение письма де ла Масы якобы говорилось, что, не будучи в силах пережить совершенное им преступление, он добровольно уходит из жизни.

Эксперты-графологи ФБР, детально изучив это письмо и сравнив его с другими письмами де ла Масы, объявили, что крайне редко встречали столь грубые фальшивки.

Итак, де ла Маса оказался жертвой номер три.

Агенты ФБР занялись «реконструкцией» рейса самолета «Бичкрафт Д-18» в Монте-Кристи. Им даже удалось найти карету скорой помощи, в которой Галиндеса отвезли на аэродром. Эту машину обнаружили на свалке старых автомобилей. Нашелся и сторож аэропорта, некто Джозеф Кэпелл. Но стоило его вызвать на допрос, как выяснилось, что он... скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Жертва номер четыре!

ФБР установило, что техника аэродрома Лантана, где Мэрфи пополнил запас бензина, звали Джо Лей. Когда чиновники захотели его допросить, оказалось, что он... «случайно» погиб при автомобильной катастрофе.

Жертва номер пять!

Со слов Салли Кэйр ФБР узнало, что вместе с Мэрфи в Монте-Кристи летел некто Фернандес. Следователи установили, что этим пассажиром мог быть только Хромой. Когда они потребовали от доминиканской полиции допросить его,

им сообщили, что вот уже на протяжении нескольких недель местопребывание сеньора Фернандеса неизвестно. Последовала новая просьба: узнать у жены Хромого, где ее муж. Доминиканцы дали ответ, который никого уже не удивил: «Сеньора Фернандес погибла при автомобильной катастрофе в Сьюдад-Трухильо».

Жертва номер шесть!

Роковая цепь замкнулась. Ни одного из свидетелей, которые могли бы дать какие-то показания по делу Галиндеса, не осталось в живых.

Выстрелы на автостраде

Следующий, хотя и не последний акт этой политической драмы разыгрался в вечерние часы 30 мая 1961 года.

По бетонной ленте автострады мчался тяжелый лимузин. Сзади у окна сидел пожилой человек. Его украшенный золотом и аксельбантами белый мундир был усеян десятками орденов и медалей. Рафаэль Леонидас Трухильо следовал из своей загородной резиденции в столицу.

Машина была не из обычных. Стоило нажать кнопку у заднего сиденья, как автоматически опускалось стекло дверцы и прямо на руки Трухильо, словно живое существо, быстро и плавно ложился готовый к бою пулемет. Точно такое же устройство находилось и около водителя. Кроме того, автомобиль был вооружен еще несколькими жестко закрепленными пулеметами.

У одного из перекрестков лейб-шоферу диктатора пришлось остановить свой ощетинившийся оружием лимузин, так как дорогу неожиданно преградил другой автомобиль — массивный крейслер, остановившийся на самой середине перекрестка.

Когда президентская машина снова тронулась, крейслер подъехал поближе, затем немного вырвался вперед, и сидевшие в нем люди мгновенно открыли ураганный огонь по лимузину президента. Пули пробили стекла, изрешетили сверкающий кузов.

Шофер выхватил пистолет, рванул руль вправо, но поздно. Трухильо уже был мертв. Следующая очередь прикончила и шофера.

На рассвете нашли оба трупа. Лицо убитого диктатора было обезображено тяжелыми пулевыми ранами.

Официальное сообщение о смерти Рафаэля Леонидаса Трухильо опубликовали только через два дня, хотя секретарь президента Кеннеди по делам печати Пьер Сэллинджер был немедленно оповещен о случившемся.

Кому же понадобилось окружить такой тайной переход Трухильо в мир иной?

Кто убил этого «мессию» и «благодетеля родины»?

По одной из версий, покушение организовало руководство усилившегося в последние годы движения Сопротивления. В этой связи называли, в частности, имя бывшего генерала Хуана Томаса Диаса.

Через несколько дней после покушения, 6 июня 1961 года, появилось коммюнике, из которого стало ясно, что убитый тиран оставил после себя верных учеников.

В сообщении говорилось, что благодаря анонимному телефонному звонку полиции удалось напасть на след убийц — Хуана Томаса Диаса и Антонио де ла Масы. Оба якобы укрывались в центре города, примерно в четырнадцати километрах от места преступления. При аресте оба будто бы оказали вооруженное сопротивление, причем Диас был сразу застрелен, а де ла Маса скончался по пути в госпиталь. Указывалось также, что мотивы преступления были чисто личного характера.

Лучшие свидетели — мертвые свидетели. Этот давний принцип Трухильо вновь подтвердился на практике.

Нашлись прозорливые и предусмотрительные люди, распорядившиеся убить заодно еще и жену Диаса и его сына.

Версия о Диасе-убийце вполне устраивала Рамфиса Трухильо, сына бывшего диктатора. Она послужила ему предлогом для массовых репрессий против неугодных лиц. Кроме того, она помогала скрыть правду.

Другая версия строилась на заинтересованности правительства США в смерти Трухильо.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс писал, что Соединенные Штаты «избавились от балласта, отягчавшего межамериканские отношения».

Нью-Йоркская «Дэйли ньюс» высказалась еще более неосторожно: «Убийство Трухильо не явилось неожиданностью для американской секретной службы. Уж по крайней мере на

сей раз Центральное разведывательное управление имеет все основания гордиться своей работой».

Выходило, что не генерал Диас, а какие-то другие силы решили судьбу Трухильо. Что ж, в этом не было ничего нового.

Таким же образом в 1956 году был убит, например, диктатор Никарагуа Тахо Сомоса, о котором как-то один из президентов США сказал: «Я знаю, что он сукин сын, но это — наш сукин сын». «Сукин сын» старательно служил своим хозяевам, пожалуй даже чересчур старательно; ибо в то время, как богатые североамериканцы (а вместе с ними, разумеется, и сам Сомоса) набивали карманы, в Никарагуа царила беспросветная нужда. Народный протест принимал все более массовые и острые формы. Сомоса держался у власти только с помощью оружия, а оружие это посылали ему американцы. Каждый день в стране проливалась кровь. Сомосе приходилось выслушивать упреки не только от десятков газет, но и от многих делегатов на конференциях ОАГ (Организации американских государств). Представителям США становилось все труднее защищать своего «сукина сына».

И в один прекрасный день Сомосу убили.

Вашингтон облегченно вздохнул.

Сомоса перестал существовать, и теперь уже никто не мог упрекать Соединенные Штаты за поддержку этого кровавого диктатора.

Но его режим надо было во что бы то ни стало сохранить. Режим Сомосы без Сомосы — вот к чему стремились хозяева «Юнайтед фрут».

Не постигла ли и Трухильо та же участь, что и Сомосу?

В августе 1960 года в Сан-Хосе, живописной столице Коста-Рики, собрались министры иностранных дел стран, входящих в ОАГ. На повестке дня стоял один-единственный вопрос: жалоба Венесуэлы на Доминиканскую Республику. Несколькими неделями раньше агенты Трухильо попытались убить президента Венесуэлы.

Наблюдатели гадали, как поведет себя государственный секретарь США Гертер, прибывший в Сан-Хосе с заданием сколотить единый фронт против Кубы. Как он станет выпутываться, что скажет о своем «сукином сыне»?

На долю Гертера выпала нелегкая задача. С одной стороны, ему поручили натравить государства Американского континента на Фиделя Кастро, с другой — наказали ни в коем

случае не допустить падения Трухильо, ибо вся Южная и Центральная Америка бурлила.

Так, в январе 1958 года в Венесуэле был свергнут тамошний диктатор Перес Хименес, друг Трухильо и фаворит Вашингтона.

1 января 1959 года лишился своей многолетней власти кубинский диктатор Батиста, протеже Даллеса.

В декабре 1959 года в Парагвае вспыхнуло восстание против диктатора Стреснера.

В июне 1960 года на президентских выборах в Боливии и в Эквадоре одержали победу кандидаты, выступавшие за установление взаимопонимания и торговых связей с Советским Союзом.

Примерно в тот же период прокатилась волна народного протеста по Гватемале и Панаме.

В октябре 1960 года Бразилия стояла на пороге президентских выборов. По всем признакам можно было ожидать избрания на пост главы государства губернатора штата Сан-Пауло Жанио Куадроса, человека, открыто объявившего о своем намерении избавить Бразилию от опеки США.

Правда, в Венесуэле и некоторых других латиноамериканских государствах Соединенным Штатам удалось поставить новые правительства под свой контроль. Но Куба выскользнула из их рук, и ее действия могли послужить примером для других.

Вот почему Кристиан Гертер говорил в высшей степени осторожно.

— Да,— сказал он,— от многих упреков по адресу мистера Трухильо так просто отмахнуться, безусловно, нельзя, но, несмотря на это, мы прежде всего должны думать о единстве Американского континента и отказаться от осуждения Доминиканской Республики.

Гертер предложил ограничиться объявлением правительству этой страны порицания.

Но доминиканский делегат не понял тактики Гертера. Вскочив с места и замахав руками, он заорал:

— Если будут продолжаться подобные нападки на генералиссимуса Трухильо, то прольется кровь!

Речь Гертера не помогла. Делегаты конференции решительно осудили политику Доминиканской Республики. Все присутствующие министры иностранных дел проголосовали

за немедленный разрыв дипломатических связей с Трухильо, за ограничение экономических отношений с Доминиканской Республикой и прекращение поставок ей оружия.

Это вызвало сенсацию. Впервые на конференции ОАГ была принята резолюция, противоречащая мнению официальных кругов США.

Когда при голосовании резолюции делегаты один за другим стали поднимать руки, Гертер не мог не присоединиться к ним. В последовавшей затем дискуссии о «напряженном положении в районе Карибского моря» он попытался навязать конференции решение о совместных шагах против Кубы. Но и тут государственный секретарь США потерпел поражение, все его старания оказались напрасными.

Под впечатлением этого в высшей степени неприятного для американской внешней политики инцидента пресса Соединенных Штатов впервые позволила себе назвать Трухильо «балластом».

После выстрелов на автостраде неподалеку от Санто-Доминго началась та же игра, что и после смерти Сомосы в 1956 году.

Режим Трухильо, но без Рафаэля Леонидаса Трухильо был сохранен. Правда, сыновьям и братьям бывшего доминиканского диктатора пришлось постепенно уйти с авансцены. К этому их вынудило народное движение. В стране снесли все памятники диктатору, столице вернули ее прежнее название. Но народ, страдавший десятилетиями, требовал большего.

Тогда американцы вновь направили свои военные корабли к доминиканскому побережью.

США разрешили маленькому островному государству стать «представительной демократией», но не более того.

Тогда они еще могли себе это позволить...

●

• Диагноз: умерщвление цианистым калием

Человек, которого звали Стефан Попель

Резко зазвонил телефон.

Шмитт, начальник отдела расследования убийств при мюнхенском полицейском управлении, снял трубку.

— Да, пожалуйста,— машинально проговорил он.

— Говорит дежурный врач больницы Красного Креста на Лазаретштрассе,— отозвался взволнованный голос.— Только что к нам доставили мужчину, скончавшегося по дороге. Подозреваю, что его отравили. Удостоверение личности выписано на имя Попеля, Стефана Попеля. Мы нашли при нем пистолет.

— До нашего прибытия больше не прикасайтесь к нему,— равнодушно распорядился Шмитт. Эту фразу он произносил уже не одну сотню раз.

Он никогда не слыхал о Стефане Попеле и приказал выяснить, есть ли в архиве какие-нибудь данные об умершем. К его удивлению, немного погодя ему принесли объемистую синюю папку. На ее обложке значилось несколько имен, и в их числе имя Попель. Значит, покойник, находящийся в больнице Красного Креста, проживал в Мюнхене под разными фамилиями. Шмитт внимательнее пригляделся к списку и обомлел. В самом низу крупными буквами было выведено: «Подлинное имя Степан Бандера».

Шмитт выругался, предвидя, какими неприятностями обернется этот злополучный день 15 октября 1959 года. Ведь даже беглого ознакомления с полицейским досье на только что умершего было достаточно, чтобы убедиться: один из самых жестоких и бессовестных политических подонков уничто-

жен другими, враждебными ему гангстерами. Шмитт знал, что этот Бандера работал одновременно на несколько разведок, что он был одной из самых ядовитых змей, ползающих в джунглях полутораста эмигрантских организаций, которые окопались в Мюнхене.

— Нам наверняка не позволят схватить убийцу Бандеры, уж это точно,— пробормотал Шмитт.

Уверенный в правильности своего предположения, он решил никому не говорить о нем.

Он попросил свою секретаршу вызвать нескольких сотрудников комиссии по расследованию убийств...

В больнице Красного Креста он был весьма немногословен, только распорядился произвести вскрытие.

Еще до того, как было составлено заключение медицинской экспертизы, в полицию явился крупный чиновник федерального ведомства по охране конституции и попросил секретаршу Шмитта срочно вызвать ее начальника. Услышав, что с ним хотят говорить по поводу убийства Бандеры, Шмитт нахмурился.

— Мы ценим вас, г-н Шмитт, как опытного и добросовестного криминалиста,— сказал во время беседы высокопоставленный посетитель.— Но не всякое преступление характеризуется только его уголовной стороной. Случай с Бандерой — это особый случай, и нам хотелось бы принять некоторое участие в его расследовании.

Некоторое участие! «Уж очень благородно выражается,— подумал Шмитт.— На самом деле просто хочет последить за нами».

Шмитт хорошо понимал, что не смеет отклонить предложенную ему помощь. Поэтому он ответил:

— Совершено убийство, и я обязан сделать все для обнаружения преступника или преступников. Очень благодарен вам за готовность помочь мне. Есть ли у вас какие-либо особые пожелания по поводу нашего сотрудничества?

— Да,— ответил гость из Кельна и сдул пылинку с рукава пиджака.— Прежде всего мы желаем, чтобы общественность знала об этом деле возможно меньше. Пресса должна получать лишь самую необходимую информацию. Я хотел бы предварительно просматривать каждое ваше сообщение.

Шмитт молча кивнул. Внешне он был вполне спокоен, хотя все в нем кипело.

Вскоре после ухода «хранителя конституции» Шмитт получил протокол вскрытия.

«Степан Бандера, он же Попель, умер от отравления цианистым калием. Он сам принял яд. Признаков инъекции последнего не обнаружено»,— писал судебный врач...

Следственная комиссия приступила к своей работе на Цеппелинштрассе, 67, в штаб-квартире украинских националистов, чьим шефом и был Бандера. В течение трех дней Шмитт допрашивал дружков убитого. Собранные им сведения превзошли все его опасения относительно подоплеки преступления. Словно кинолента, разматывалась перед ним биография человека, который всю свою жизнь только и делал, что продавал себя тому, кто больше платил.

И хотя в эти дни Шмитт выяснил очень много важного, истинные причины убийства раскрылись ему лишь через несколько лет.

Кабачок «Штефансклаузе»

В питейном зале висел густой табачный дым. За столиками не было ни одного свободного места. Смех, звон бокалов, дребезжание старого пианино. Посетители разговаривали очень громко, но, хотя кабачок «Штефансклаузе» и расположен в самом центре Мюнхена, на Штефансплатц, 1, по-немецки в нем не говорил никто. Здесь сидели только украинские эмигранты. За водкой и пивом они рассказывали друг другу последние новости, обсуждали то или иное «очередное дельце». После чрезмерных возлияний — а без них никогда не обходилось — тут то и дело вспыхивали скандалы и кровавые потасовки.

Этот ноябрьский вечер 1955 года ничем не отличался от других вечеров. Только хозяин, обычно сам прислуживавший гостям, сегодня стоял за стойкой. Опираясь на нее локтями, он внимательно слушал брюнета средних лет, сидевшего перед ним на высоком табурете. Хозяин был довольно тощ, редковолос и носил большие очки, удлинявшие его и без того вытянутое лицо. В этом заведении он был единственным немцем, но украинским языком владел как родным. Выходец из так называемых волынских немцев, он в 1939 году на основании соглашения между Советским Союзом и Германией «вернулся домой», в рейх. Впоследствии фашисты вербовали из

среды волынских немцев немало переводчиков и негласных агентов. Не избег такой участи и Штефан Липпольц, стоявший сегодня за стойкой: в свое время он был произведен в унтер-офицеры «особого назначения» и стал служить в различных отделах абвера, как называли нацисты свою армейскую контрразведку.

Никто из посетителей не видел ничего особенного в том, что Штефан Липпольц беседует с Ярославом Сулимой, своим давним и хорошим другом. Обы они были членами Общества Иоганна Гердера — «германо-украинского» общества, основанного украинскими эмигрантами различных политических направлений и, как говорили, пользующегося благосклонностью высоких и даже высших инстанций в Мюнхене и в Бонне.

Во время разговора Липпольц непрерывно скользил взглядом по столикам, незаметно наблюдая за гостями. Внезапно он выпрямился и улыбнулся своему собеседнику, как бы извиняясь перед ним.

— Ярослав,— сказал он,— думаю, что мы еще поговорим об этом, только, ради бога, не здесь. Кроме того, я должен хорошенько обдумать твои предложения.

Сулима одобрительно кивнул.

— Это разумно, вполне разумно,— ответил он.— Сегодня четверг. Приходи ко мне в понедельник, и мы все обговорим.

Липпольц ненадолго задумался.

— Да, это, пожалуй, правильно,— согласился он.

Сулима огляделся и снова обратился к Липпольцу:

— Помни, здесь ты как на сторожевой вышке. Все видно, да и слышно кое-что...

В понедельник Липпольца ожидал сюрприз.

Сулима был не один. Он представил владельцу «Штефансклаузе» элегантно одетого господина, чем-то похожего на крупного торгового маклера. Незнакомец назвал себя доктором Вебером.

После короткого разговора на общие темы Сулима, сказав, что должен еще успеть кое-что купить, извинился и вышел. Липпольц остался наедине с д-ром Вебером.

— Курите? — любезно предложил д-р Вебер и протянул Липпольцу серебряный портсигар. Несколько удивленный этой ситуацией, хозяин «Штефансклаузе» машинально взял сигарету.

— Встреча со мной, конечно, неожиданна для вас,— продолжал Вебер тем же любезным тоном.— Ваше недоумение вполне понятно, и поэтому я без обиняков сообщу вам, зачем я сюда пришел.

— Почему Сулима так быстро удалился? — спросил Липпольц и сделал глубокую затяжку.

— Потому что я этого хотел,— твердо ответил Вебер.— Итак, г-н Липпольц, перейдем наконец к делу! Буду говорить с вами совершенно открыто. Я сотрудник федеральной разведывательной службы. Имя генерала Гелена вы, разумеется, слышите не впервые. Мы хотим просить вас возобновить сотрудничество с нами.

Изумление Липпольца росло все больше. Он никак не был подготовлен к такому предложению. Со времени, когда он в последний раз выполнил поручение секретной службы, прошло целых десять лет. Поэтому он растерянно спросил:

— А в чем, собственно, должно выразиться это мое сотрудничество с вами, г-н доктор?

Вебер, подойдя к окну и словно рассматривая что-то сквозь гардину, начал говорить медленно и торжественно, почти патетически. Он заявил, что политическая ситуация требует мобилизации всех сил против потенциального противника, больше того — массированного использования этих сил. При этом разведке предстоит выполнить важную задачу. Назрела срочная необходимость собрать и объединить под общим командованием лучших сотрудников аппарата Канариса и бывшего отдела командования сухопутных войск «Иностранные армии Востока». В федеральном министерстве обороны теперь поглощены лишь одним планом — планом «Рот» *. Липпольц должен понять, насколько разведка заинтересована в сотрудничестве украинских эмигрантов. Сейчас это главная задача. Правда, органы федеральной разведки располагают агентами, через которых оказывают свое влияние на украинские эмигрантские организации и, таким образом, в достаточной мере контролируют их деятельность, но вот применительно к организации Степана Бандеры это пока еще не удалось. Есть там, впрочем, несколько людишек, готовых работать на генерала Гелена, но необходим контроль

* То есть планом усиления борьбы против социалистических стран Восточной Европы (по-немецки «рот» — «красный»).— Прим. ред.

над всей организацией, ибо Бандере удалось собрать вокруг себя самых активных эмигрантов, людей, которые уже раньше успешно сотрудничали с различными немецкими разведывательными службами и посему могут считаться незаурядными специалистами своего дела. Сам Бандера хорошо знает об этом и, выполняя задания английской разведки, старается нейтрализовать влияние секретной службы ФРГ на украинских эмигрантов. Иными словами, он работает против генерала Гелена. Но в скором времени это должно измениться.

— И я должен вам помочь? — Штефан Липпольц испытующе посмотрел на Вебера.— Почему же вы решили остановить свой выбор именно на мне?

Вебер бесстрастно теребил пуговицу своего пиджака.

— Господин Липпольц, вы немец, вы безукоризненно говорите по-украински. Вам очень легко наблюдать за людьми Бандеры, посещающими ваше заведение. Мы знаем, что эти господа питают большое доверие к немцам с Востока, и в особенности к вам. Этим-то вы и должны воспользоваться. Ваша задача: через посетителей «Штефансклаузе» познакомиться со Степаном Бандерой и его ближайшим другом Стечко, установить с ними контакт, завоевать их доверие, точнейшим образом выведать подробности их личной жизни.

Сигарета Липпольца погасла. Его рука дрожала. Кабатчик смекнул, что, приняв предложение Вебера, он неминуемо окажется между молотом и наковальней и любая из сторон сможет запросто прикончить его.

Он кашлянул и тихо спросил:

— Скажите, господин доктор, а что, если я откажусь?

Вебер недоуменно взглянул на Липпольца и едва заметно усмехнулся.

— Однажды вы уже работали на немецкую секретную службу,— холодно проговорил он.— Следовательно, вы знаете нас. Нам же известно, что «Штефансклаузе» получает кредиты от пивоваренного завода Меринга. Поверьте мне, господин Липпольц: одного нашего слова будет достаточно, чтобы завтра же эти кредиты прекратились. Тогда вам придется закрыть свое заведение. Мало того, мы можем мобилизовать против вас прессу. В Мюнхене никто не знает, что до пятьдесят второго года вы жили в городе Дамерове Пренцлауского округа. Как поведут себя посетители вашего заве-

дения, если газеты вдруг станут называть вас «красным»? Но, пожалуйста, не беспокойтесь. Фирма Меринга не получит от нас никаких указаний, и пресса тоже ничего не узнает, ибо мы считаем вас человеком разумным. Вы нужны нам, а мы, как изволите видеть, нужны вам. В нашей общей борьбе каждому приходится идти на жертвы. А жертва, которой мы ждем от вас, и в самом деле не так уж велика. Вы должны только прислушиваться и приглядываться и время от времени осторожно задавать вопросы. Что же касается нашего с вами знакомства, то о нем никому ни слова! Нам предстоит встречаться раз в три недели. Явки вам будет сообщать Сулима. Его мы считаем вполне надежным бандеровцем.

Липпольц полуприкрыл глаза, притворяясь, будто напряженно думает. Он взял вторую сигарету и, сощурившись, многозначительно уставился на медленно догоравшую спичку. Наконец он сказал:

— Завоевать доверие Бандеры не так-то легко, с ходу этого не добиться.

Вебер торжествовал: кабатчик клюнул.

— Дорогой господин Липпольц,— наставительно проговорил он,— ведь мы с вами не вчера родились на свет божий. Всему свое время, а уж такому делу тем более. Мы не намерены торопить вас. Хотите, дадим вам целый год! Пожалуйста! Но решить задачу надо во что бы то ни стало.

— Вся эта история мне не бог весть как нравится,— хмуро заметил Липпольц. Но по его голосу можно было заключить, что он смирился с полученным заданием и принял его к исполнению.

Вебер посмотрел на часы.

— Уже поздно,— сказал он,— и я должен откланяться, господин Липпольц. До свидания. Передайте привет господину Сулиме.

Профессия: убийца

Штефан Липпольц знал Бандеру только понаслышке. На Волыни о нем ходили самые дикие слухи. И во время войны Липпольц, служа в немецкой контрразведке, не раз слышал об этом человеке.

Прежде чем приступить к выполнению нового задания, хозяин «Штефансклаузе» постарался припомнить все, что ему

доводилось слышать о Бандере, в особенности высказывания своих постоянных посетителей. Постепенно в его представлении возник портрет человека, для которого убийство стало ремеслом.

Степан Бандера родился в 1909 году близ Львова, в семье священника греко-католической церкви. В годы обучения во львовском высшем техническом училище он стал членом Организации украинских националистов (ОУН), приверженцы которой вели в районе Львова свою особую «борьбу за независимую Украину». Они беспощадно расправлялись со всеми, кто не поддерживал их. Одним из основных «методов борьбы» оуновцев было убийство. Головорезы пошли по стопам петлюровцев, которые в 1918 году, опираясь на штыки германских империалистов, учредили на Украине так называемую Центральную раду, затем правительство гетмана Скоропадского и наконец контрреволюционную «директорию» во главе с Петлюрой. Под натиском частей Красной Армии эти бандиты бежали в панскую Польшу. Теперь оуновцы могли грабить, поджигать и убивать уже только на территории Западной Украины. Их мнимая борьба за «вільну Україну» в действительности была злобной грызней из-за добычи; эта грызня стоила жизни не одному бандиту-оуновцу. Первым погиб сам Петлюра, глава Организации украинских националистов. В 1926 году его пристрелили среди бела дня прямо на улице. Занявший его место Евгений Коновалец погиб от взрыва адской машины, подосланной ему в «ценной посылке». Ничего не подозревавший Коновалец, полагая, что перед ним давно ожидаемая посылка с ценностями, вскрыл ее и был разорван на куски. «Наследие» Петлюры и Коновальца принял Степан Бандера. Оно состояло прежде всего в обязанности работать на немцев, точнее, на немецкую разведку. По заданиям германских милитаристов ОУН занималась шпионажем против Польши, против Советского Союза, короче, принимала участие в подготовке нападения на эти страны.

С приходом Гитлера к власти для Бандеры началось «великое время». Он собрал несколько тысяч человек, готовых шагать по трупам, совершать любые преступления. Опираясь на эти бандитские отряды и на поддержку немецких фашистов, Бандера возмечтал заделаться диктатором Украины. Довольно скоро первые плоды его «деятельности» были уже налицо.

Октябрь 1933 года — убийство во Львове секретаря советского посольства Майлова.

Июнь 1934 года — убийство генерала Бронислава Пиерацкого, польского министра внутренних дел.

Июнь 1934 года — убийство Ивана Бабия, руководителя организации «Католическое действие»...

Это было неслыханно даже в условиях реакционного режима Пилсудского. Бандеру и нескольких его подручных судили и отправили в каторжную тюрьму, где они просидели до 1 сентября 1939 года — дня нападения фашистов на Польшу.

Бандера решил, что наконец-то пробил его час. Однако германская разведка выпустила его из заключения, и только. Некоторое время ему предстояло оставаться в тени. Краковский филиал VIII отдела абвера установил за ним строгий надзор.

В диверсионном отделе гитлеровской военной разведки в Кракове работал некий «эксперт по украинским вопросам», в обществе которого Бандера долго разъезжал по лагерям военнопленных. Там они разыскивали уроженцев Западной Украины, чьи взгляды совпадали с «идеями» Бандеры. Отобранных лиц отправляли поездом в военный учебный центр Нойхаммер близ Лигница.

Наконец Бандера и приставленный к нему человек сами приехали в Нойхаммер. Там под их руководством был сформирован особый батальон, получивший безобидное название «Нахтигаль» («Соловей»). Перед батальоном была поставлена одна задача: в случае военных действий на территории Советской Украины террором держать в страхе местное население.

Это вполне соответствовало натуре и вкусам Бандеры. Распознав довольно быстро характер своего «поднадзорного», немецкий офицер начал всячески вдохновлять его на будущие кровавые дела. Офицера фашистской секретной службы звали Теодор Оберлендер. Именно его нацистская партия назначила своим особым уполномоченным в батальон «Нахтигаль». Воодушевленный Оберлендером и окрыленный предстоящим выполнением «великих задач», Бандера написал собственную программу под названием «Борьба и деятельность ОУН во время войны». В ней, между прочим, говорилось: «Во времена хаоса и смятения можно позволить себе

уничтожать нежелательные польские, еврейские и московские элементы... В особенности необходима ликвидация интеллигенции этих национальностей. Наша власть должна вселять ужас. Далее необходимо своевременно заготовить черные списки всех ведущих польских деятелей и всех видных украинцев».

...Вот что знал Штефан Липпольц о Бандере, когда приступил к выполнению задания, полученного от д-ра Вебера. Владелец мюнхенского кабачка «Штефансклаузе» понимал, что будет нелегко разузнать подробности о нынешнем образе жизни Бандеры, а подступиться к нему самому — и того труднее. Уже первые, весьма осторожные вопросы, которые он задал бандеровцам, посещавшим его пивную, были встречены ледяным молчанием. А ведь его как раз обязали познакомиться с людьми из ближайшего окружения Бандеры. Липпольц не представлял себе, как взяться за дело. К тому же он испытывал страх перед этими людьми, о жестокости и мстительности которых ходили самые невероятные слухи. Во время одной из встреч с Вебером он указал ему на трудность своего положения и попросил шефа назвать нескольких бандеровцев, которых можно было бы «прощупать», не ставя себя сразу же под смертельную угрозу. При самостоятельном поиске, сказал он, очень легко попасть впросак.

Немного спустя Вебер сообщил ему три имени.

— Можете действовать в двух направлениях,— пояснил он.— Начните с Зенко Built Зброжека и Василия Ниновского, которые входят в состав личной охраны Бандеры. Оба весьма неравнодушны к спиртному и женщинам, оба бывают в вашем заведении. Затем займитесь торговцем Тарасом Симкивом. Его продовольственный магазин находится на Зеехаммерштрассе, 4. Симкив — один из самых близких друзей Бандеры, они знакомы то ли двадцать, то ли даже тридцать лет. Контакт с лавочником установите под самым невинным предлогом. Например, попросите его стать монопольным поставщиком продуктов для вашей «Штефансклаузе». А из таких чисто деловых отношений, безусловно, может возникнуть полное взаимопонимание.

«Соловей» поет

Встречи с обоими телохранителями стоили Липпольцу уймы денег и отнимали массу времени, ибо их языки развязывались лишь после изрядной выпивки. Липпольц угощал их не только у себя. Не раз он совершал с ними «патрульные обходы» мюнхенских ночных притонов.

Терпеливо собирал он информацию, записывал буквально каждое слово этих пьяниц, имевшее хоть малейшее отношение к Бандере.

Постепенно владелец «Штефансклаузе» выведал, как живет Бандера, как проводит свои вечера, узнал, что главный оуновец крайне подозрителен и не разрешает своей довольно сильной охране отходить от него ни на шаг. Вскоре кабатчик выяснил также, что приготовление еды для Бандеры доверено определенным лицам, которые обязаны в его присутствии пробовать каждое блюдо. А однажды вечером нализавшийся Зенко Зброжек объявил, что Бандера никогда не пользуется лифтом.

Всего охотнее оба телохранителя рассказывали о «геройских делах», совершенных ими под руководством Бандеры в годы войны.

Как-то Липпольц спросил:

— А во Львове вам довелось побывать?

Зброжек кивнул.

— Конечно, довелось! — сказал он и вдруг расхохотался.— Послушай, Василий, ты еще помнишь эту маленькую деревушку? Как она называлась?

— Пантоловицы! — сразу ответил Ниновский.— У самой русской границы.

— А что там случилось? — поинтересовался Липпольц.

— В Пантоловицах мы готовились к львовской акции,— разъяснил Зброжек. Затем, выпив залпом рюмку шнапса, он начал рассказывать...

...В теплом ночном воздухе раздавались отрывистые команды. На деревенскую улицу выходили роты батальона особого назначения. Несколько взводов немецких солдат уже построились. Перед фронтом батальона стояли обер-лейтенант гитлеровской секретной службы Теодор Оберлендер, Степан Бандера и с полдесятка офицеров. Они возбужденно разговаривали. Внезапно в группе, окружавшей Оберлендера, ус-

тановилась тишина. Дежурный доложил, что «соловьи» построены.

Один из приближенных Бандеры отделился от группы офицеров и подошел к «легионерам». Это был Роман Шухевич, которого подчиненные величали «полковником Чупринкой» и который славился на редкость разгульным поведением. Зычным голосом он обратился к «соловьям»:

— Хлопцы! Пробил великий час! Начинается поход против Советского Союза. В этой войне против большевиков нам выпала особая задача. Вместе с соединениями славного германского вермахта мы будем первыми, кто прогонит красных с Украины. С оружием в руках мы вступим на землю нашей любимой родины и очистим ее от коммунистов. Все мы в течение долгих лет ждали этого дня, месяцами готовились к нему. Будьте же достойны, хлопцы, этого часа!

Командиры взводов приступили к раздаче желто-голубых погон. Кроме того, каждому солдату вручили по металлическому значку в виде трезубца. Такова была эмблема оуновцев.

Вновь зазвучали команды. Маршевая колонна тронулась с места. За каждой ротой украинцев шагал взвод немецких солдат. Дойдя до околицы, «легионеры» шалыми голосами затянули националистическую песню.

Колонна двигалась общим направлением на Львов, который немцы называли Лембергом...

161Зброжек остановился, выпил еще одну рюмку и затем продолжал:

— Все мы думали, что для ОУН и вправду настал великий день. В ночь с двадцать девятого на тридцатое июня сорок первого года мы ворвались во Львов. Мое подразделение с ходу захватило радиостанцию. Ярослав Стечко, приятель нашего атамана, подошел к микрофону и зачитал воззвание. Он сказал, что теперь будет создано «свободное украинское государство».

Телохранитель Бандеры шумно высморкался и всхлипнул.

— Очень это было... приятно слушать...— вымолвил он.— Но потом... потом пришел Оберлендер.

— Оберлендер? — спросил Липпольц.— Тот самый Оберлендер? Боннский министр?

— Да, тот самый! Но тогда он еще был не министром, а просто офицером контрразведки. Он считался немецким на-

чальником при командире нашего батальона,— пояснил Зброжек.— Так, значит, пришел Оберлендер и давай орать на Стечко. «Кто вам разрешил? — говорит.— Сначала выполните свою задачу, а потом уже болтайте! Вот вам списки, и пусть ваши люди делают так, как мы договорились».

— И что же было дальше? — спросил хозяин «Штефансклаузе».

— Да ничего особенного! — ответил бандеровец и опрокинул еще рюмку.— Мы оставили радиостанцию в покое и взялись за работу. И должен сказать, пошуровали мы во Львове как следует. Это подтвердит любой из тех, кто не попался нам в руки. Только таких немного.— Эмигрант ухмыльнулся, достал бумажник и, порывшись в нем, нашел затрепанную газетную вырезку.— Вот, почитай сам! Тут все правда!

Штефан Липпольц поднес вырезку поближе к свету. Из заголовка было видно, что речь идет о показаниях израильского гражданина Элиа Джонса, свидетеля зверств батальона «Нахтигаль» во Львове.

«...30 июня 1941 года все магазины в городе были закрыты,— сообщал Элиа Джонс, ныне работавший редактором в Иерусалиме.— Но мне сказали, будто в одном магазине еще можно купить хлеб, и я направился туда. По дороге я видел большие плакаты, развешанные украинскими националистами, во главе которых стоял Степан Бандера.

Слышались здравицы в честь Бандеры и Гитлера, призывы уничтожать евреев и коммунистов. Меня задержал украинский патрульный с желто-голубой нарукавной повязкой и потребовал предъявить паспорт. Узнав, что я еврей, он ударил меня кулаком в лицо. Затем арестовал меня и отвел в тюрьму «Бригидки». На площадь перед тюрьмой согнали тысячи евреев. Обливаясь кровью, подгоняемый ударами, я шел, спотыкаясь о валявшихся на земле избитых и раненых евреев...

Вместе с другими схваченными горожанами меня погнали мимо строя немецких солдат во двор сгоревшей, но все еще дымившейся тюрьмы. Нам приказали уносить трупы. Сюда приводили и расстреливали все новых и новых евреев. Я видел там евреев, стоявших с поднятыми руками, лицом к тюремной стене. Среди них я узнал видных профессоров и других представителей интеллигенции. Был там и главный раввин Львова д-р Левин. Зверски избитый, он свалился рядом со мной и скончался на моих глазах...

Присутствие немецких подразделений явно раззадоривало украинских националистов. При совершенно необычайных обстоятельствах мне удалось бежать. Чтобы спасти свою жизнь, мне пришлось несколько дней прятаться у знакомых. Там я услышал про так называемую операцию «Телефон»... Речь шла об уничтожении евреев, чьи фамилии значились в телефонной книге города Львова. Погибли тысячи людей, главным образом интеллигенты...»

Когда Липпольц дочитал до конца, Зброжек взял у него вырезку, аккуратно сложил ее и снова спрятал.

— Восемь дней подряд Оберлендер приносил нам свои списки. И думаешь, он выполнил свое обещание? Черта с два!

— А что он вам обещал? — полюбопытствовал Липпольц.

— То есть как это что! Обещал нам украинское государство под началом Степана Бандеры,— сказал Зброжек.— А вышло совсем иначе. Вдруг Бандера исчез. Как сквозь землю провалился...

А вот что произошло 12 июля 1941 года, после событий, описанных Зброжеком.

К зданию штаб-квартиры украинских националистов, на котором развевались огромные желто-голубые флаги и знамена со свастикой, подъехала немецкая штабная машина. Из нее выскочил какой-то гестаповский комиссар. Он стремительно взбежал по лестнице и быстро прошел к «рабочему кабинету» Ярослава Стечко, который после своего выступления по радио называл себя только «премьер-министром».

— Что вам угодно? — возбужденно спросил Стечко.

— Мы беспокоимся о вас, господин премьер-министр.— Гестаповец издевательски усмехнулся.— Вы сегодня неважно выглядите.

— Да, я чувствую себя нехорошо,— ответил Стечко, взирая на немца со смешанным чувством страха и надежды.— Вчера на меня было произведено покушение. Но вы приехали ко мне, очевидно, не по этому поводу. Так или иначе, садитесь, пожалуйста.

Гестаповец остановил его величественным жестом.

— Нет, нет,— сказал он.— Мне всего лишь поручили пригласить вас на совещание, которое начнется через несколько минут. Надо немедленно отправляться.

Стечко понимал, что эти вежливые слова — приказ, знал, что гестаповцы шутить не любят.

«Премьер» хотел было вызвать своего личного секретаря, но офицер сказал:

— Секретарь нам не понадобится.

Они поехали в гестапо без провожатых...

Ярослав Стечко вышел оттуда только через сорок восемь часов и притом в качестве пленного. Приглашение на совещание оказалось ловушкой. Гитлер распорядился взять под присмотр всех главных оуновцев. Ему явно не понравилось самовольное выступление Стечко по радио.

«Премьера» повезли сначала в Краков, потом в Берлин. Когда его привели в кабинет начальника зарубежного отдела абвера при верховном командовании вермахта, он глазам своим не поверил. Навстречу ему поднялся Степан Бандера. В присутствии адмирала Канариса Бандера поздоровался с ним и сказал:

— Ярослав, тут мы с тобой оба бессильны. Власть в их руках, и только они могут помочь нам вернуться на Украину. Поэтому надо поддерживать с ними самые хорошие отношения.

Вечеринка на Крайтмайрштрассе

Довольно скоро Штефан Липпольц убедился, что деньги открывают любую дверь.

Он разыскал коммерсанта Тараса Симкива на Зеехаммерштрассе и завязал с ним знакомство, для начала наговорив этому седому украинцу лет пятидесяти, что слышал о нем много хорошего от посетителей «Штефансклаузе». И поскольку, продолжал Липпольц, оба они в известном смысле земляки и вынуждены жить в этом чужом городе, то почему бы им и в самом деле не помогать друг другу! Он предложил Симкиву взять на себя снабжение «Штефансклаузе» продуктами. Недоверчивый украинец немного помялся, но, предвкушая выгодную сделку, дал согласие. Они ударили по рукам.

Вскоре Симкив и Липпольц начали ходить друг к другу в гости, обмениваться праздничными подарками и перешли на «ты».

Как-то Липпольц заговорил о Бандере и спросил Симкива, знает ли тот лидера оуновцев.

— Я очень много слыхал о нем,— сказал Липпольц,— еще тогда, во время войны. Да и теперь в моей пивной частенько

упоминают его имя. Видать, и в самом деле замечательный человек.

— Совершенно точно. Уж кому-кому, а мне он очень хорошо знаком,— похвастался Симкив.— Ведь мы с ним друзья. Помню его еще студентом.

Липпольцу удалось найти верный тон. Тарас Симкив становился все более откровенным. Слушая эмигранта, Липпольц вдруг понял, почему Вебер порекомендовал ему именно этого человека: Симкив принадлежал к числу тех немногих лиц, которые действительно имели все основания называть себя друзьями Бандеры. А ведь только с помощью одного из таких людей и можно было приблизиться к главарю ОУН.

Кабатчик услышал от торговца много уже известных ему фактов, например об аресте Бандеры и Стечко гестаповцами. Сообщив об этом, Симкив добавил:

— Тогда распространился слух, будто нас, руководителей ОУН, упрятали в концлагерь Заксенхаузен под Ораниенбургом. Впоследствии мы подтверждали эту выдумку где только могли. Но в действительности все было по-другому.

В середине апреля сорок четвертого года гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени, один из видных чинов службы безопасности, получил особое задание — сформировать часть специального назначения, нечто вроде батальона «Нахтигаль». Ему посоветовали вступить в контакт с руководством нашей организации, потому что у нас был большой опыт подпольной работы.

Помню, как этот длинный, как каланча, эсэсовец говорил нам о задачах своей части — она называлась «зондерлерганг», то есть нечто вроде «специальных курсов». Ее личный состав предназначался прежде всего для использования в большевистском тылу. Поскольку «зондерлерганговцам» предстояло действовать в гражданской одежде или в советской военной форме, в их ряды вербовали только людей, владевших местным языком. «Поэтому,— заявил нам Скорцени,— мы особенно заинтересованы в проверенных оуновцах». Он перечислил важнейшие задачи: нападать на коммуникации русских, то есть взрывать железнодорожные объекты и мосты, минировать шоссейные дороги и так далее. Одновременно нужно было собирать информацию о передвижении войск.

Так как верховное командование сухопутных войск, точнее его отдел «Иностранные армии Востока», тоже планировало

подобные операции, то начались совместные совещания. На одном из них присутствовал генерал Гелен.

И вдруг в самый разгар всех этих дел приходит телеграмма от Гиммлера: Бандеру, Стечко и меня вызывают в Берлин. Случилось это через несколько недель после покушения на Гитлера.

Нас приняли в роскошной вилле под Берлином. Где-то далеко надрывались зенитки, они словно лаяли на огромную свору англо-американских бомбардировщиков. Прожектористы искали в небе вражеские самолеты. На город с воем летели бомбы. Полыхали пожары. Но в дачных пригородах было темно и спокойно.

Мы вошли в гостиную, где уже собралось несколько человек. Кое-кого из них мы знали. За овальным столом сидел полковник Мельник, бывший соперник Бандеры по ОУН, впоследствии ставший лидером группы так называемых умеренных эмигрантов. Были там и Стефан Ливицкий, представитель украинской аристократической эмиграции, и Теодор Оберлендер. Во главе стола восседал широкоплечий обергруппенфюрер СС, который и начал разговор.

— Меня зовут Бергер,— заявил он.— Готтлиб Бергер. Я приветствую вас от имени рейхсфюрера СС...

Чувствовалось, что Симкив и теперь еще полон гордости за то, что сидел за одним столом с таким именитым фашистом. Он тут же пояснил кабатчику, сколь влиятельным гитлеровцем был Бергер:

— Мы знали, что этот генерал с массивным подбородком возглавляет главный штаб СС, что ему подчинены все лагеря военнопленных и «Германский руководящий центр» — инстанция, ведавшая набором молодежи скандинавских стран для войск СС.

Бергер сразу объяснил нам цель совещания. Он сказал, что Гитлер разрешил провозгласить независимое украинское государство под руководством Бандеры. Это было настоящим сюрпризом.

Эсэсовский генерал уже успел подумать, как нам действовать, чтобы поскорее обзавестись собственной армией. Он сказал: «Разумеется, мы требуем от вас безоговорочной поддержки. Только при этом условии вы сможете активно вербовать солдат для борьбы с большевизмом. Будете их набирать в лагерях и среди ваших сторонников на Украине».

Глядя на Бандеру, на его злорадную улыбку, я без труда читал его мысли. О Бергере мы знали, что это один из самых фанатичных сторонников идеи о превосходстве германской расы. Он мечтал создать «арийский иностранный легион», для которого и подыскивал добровольцев в Скандинавии. Он был готов на все, лишь бы выполнить приказ фюрера об «охвате каждой капли германской крови». И надо же, чтобы именно этому «сверхарийцу» Гитлер и Гиммлер приказали просить нас, славян, о помощи. Было просто смешно, когда он патетически восклицал: «Так попытаемся же все вместе спасти Европу! Призовите своих людей к оружию!»

Как сейчас помню: в гостиной воцарилось нервное молчание, никто не знал, что сказать. Даже Оберлендер, краснобай каких мало, и тот будто воды в рот набрал. Наконец слова попросил Бандера.

— Давайте говорить откровенно,— сказал он Бергеру.— Дело идет о вашем и нашем спасении. Все мы, сидящие здесь, знаем, чем грозит нам проигрыш этой войны. Но этого не должно быть и не будет. Поэтому,— он обратился к Мельнику и Ливицкому,— мы должны забыть обо всех разногласиях, вместе создавать свободную Украину и благодарить обергруппенфюрера Бергера за то, что он свел нас здесь.

Заседание длилось всю ночь. Намечались и отвергались планы, предлагались новые. Но, к сожалению, все это уже не имело никакого смысла. Большевики опередили нас...

По тону Симкива Липпольц чувствовал, что старый эмигрант доверяет ему.

Возможность познакомиться с шефом ОУН представлялась теперь значительно более реальной. В канун пасхи 1956 года Симкив пригласил своего нового друга попировать на Крайтмайрштрассе, 7.

— Наконец-то исполнится твоя заветная мечта,— сияя, объявил Симкив.— Хозяина дома зовут Чайковский. Там ты увидишь Бандеру в самом узком кругу. Правда, он назовет себя вымышленным именем. Так он делает всегда, когда среди гостей есть кто-нибудь посторонний.

Липпольц не подозревал, что частная квартира Бандеры находилась в том же доме, куда его приглашал Симкив.

В первый день пасхи кабатчик явился в назначенное место, где был весьма официально представлен присутствующим.

Симкив перечислил его «заслуги», и все чинно поздоровались с ним.

Когда какой-то невысокий и плешивый гость лет пятидесяти на вид кивнул ему и буркнул «Карпенко», Липпольц еще прежде, чем Симкив незаметно толкнул его, понял, что перед ним Бандера.

Какое разочарование! Совсем по-иному представлял себе Липпольц этого человека, овеянного жуткими легендами, державшего в страхе всех своих приближенных. Кабатчик нарисовал себе образ рослого мужчины, почти героя. И вдруг он увидел едва доходившего ему до плеч человечишку с оттопыренными ушами и редкими зубами, с солидным брюшком и почти совсем лысой головой. Время от времени шеф ОУН тупо острил, разражался глуповатым хохотком и тут же обводил всех властным взглядом, словно требуя веселья в ответ на свои плоские шутки.

Бандера был поистине безобразен, а колючие глаза делали его лицо каким-то особенно уродливым.

В этот вечер Липпольц мог неоднократно убедиться в достоверности рассказов Зброжека и Ниновского. Так называемому Карпенко наливали из особой бутылки. Здоровенный детина все время сидел около него и наблюдал за гостями. Стоило шефу едва заметно шевельнуть рукой, и все тотчас же умолкали.

Несколько часов, проведенных кабатчиком на Крайтмайрштрассе, принесли ему и чисто деловую выгоду. Когда в штаб-квартире ОУН на Цеппелинштрассе, 67, стало известно о личном знакомстве Штефана Липпольца с «атаманом», его питейное заведение начало посещать все большее число бандеровцев.

Торговый оборот «Штефансклаузе» резко увеличился. Д-р Вебер не мог нахвалиться своим агентом.

Центр ОУН — Мюнхен

Липпольц давно уже интересовался, почему Бандера осел именно в Мюнхене, почему именно здесь, а не в каком-нибудь другом городе учредил он свою штаб-квартиру.

Об этом ему однажды вечером поведал обычно молчаливый Василий Ниновский. Рассказал он и о том, как после войны про Бандеру узнали в довольно широких кругах.

В феврале 1950 года какой-то неизвестный стал осаждать редакции нескольких южногерманских газет телефонными звонками, настойчиво советуя послать кого-нибудь из ответственных сотрудников в некий горный отель, расположенный в Баварских Альпах. «Не пожалеете»,— обещал незнакомый голос...

— Это я их переполошил,— усмехнулся Ниновский.

Журналисты, решившие последовать интригующему совету, настроились на приятную прогулку, которая внесет какое-то разнообразие в их редакционные будни. Правда, коекто опасался, что все окажется розыгрышем, шуткой. Но ведь и об этом, в конце концов, можно написать...

Прибыв на место, корреспонденты расположились в холле у ярко пылавшего камина и стали ждать. В горах завывал ледяной ветер, никому не хотелось покидать тепло и уют. Прошел час, другой...

Терпение журналистов подверглось серьезному испытанию. Некоторые уже было собрались отправиться восвояси, как вдруг распахнулась дверь и в холл вошли несколько бородатых личностей.

Низкого роста человек в лыжном костюме и мохнатой шапке подошел к газетчикам и громко сказал:

— Меня зовут Степан Бандера! Слушайте внимательно! Я хочу обратиться с призывом к западным державам.

— С каким таким призывом? — спросил один из репортеров.— Кто вас уполномочил?

— За мной идут сорок пять миллионов украинцев,— отчеканил Бандера и обвел всех колючим взглядом.— Придет время, и во всей сфере коммунистического господства разразится революция, которая сотрет с лица земли большевистский режим. Ждать этого момента уже недолго!

Словно хищник в клетке, Бандера шагал из одного конца холла в другой. Журналисты повеселели. Громкий и хриплый голос Бандеры, его ломаный немецкий язык, маленькая пузатая фигура — все это невозможно было принимать всерьез.

— Где, если позволите спросить, почерпнули вы эту в высшей степени любопытную информацию? — с наигранной серьезностью спросил какой-то американец, не переставая жевать резинку и явно забавляясь начавшимся спектаклем.— Кто вы, собственно, такой? Расскажите что-нибудь о себе.

Человек в мохнатой шапке, выдавший себя за представителя сорока пяти миллионов украинцев, вытаращился на американца, словно спрашивая: «А разве вы меня не знаете?»

Затем он многозначительно заявил:

— Немного терпения, господа! Через десять минут я вернусь, и тогда вы все узнаете.

Шеф ОУН круто повернулся и, сопровождаемый охраной, исчез так же молниеносно, как и появился. Долго еще ждали его журналисты, однако он так и не показался им больше на глаза. Следы Бандеры замело снегом...

Вот что рассказал Ниновский кабатчику о первом публичном выступлении Степана Бандеры после войны. И хотя этот эпизод не произвел на журналистов особенного впечатления, Бандера все же достиг цели: его имя появилось в газетах, которые начали о чем-то догадываться, что-то предсказывать. Снова пошли разговоры про ОУН. К этому времени бандеровская организация и в самом деле возобновила свою деятельность, хотя, правда, и в значительно более скромных масштабах, чем прежде. Никто не знал, откуда она берет деньги, где ее штаб-квартира.

В 1945 году Степан Бандера, спасаясь от Красной Армии, бежал в американскую зону оккупации Германии. Здесь его зарегистрировали как «перемещенное лицо». В лагерях для «перемещенных лиц» этот «изгнанник» и принялся восстанавливать ОУН. Он окружил себя группой вооруженных до зубов старых оуновцев, которые при благожелательной поддержке американцев хозяйничали в лагерях как только хотели.

С распростертыми объятиями принимал Бандера бывших «соловьев» и всех, кто так или иначе сотрудничал с немцами или когда-либо боролся против Советского Союза.

Самых надежных он передавал американской и английской разведкам. В специальных школах их обучали — да и сейчас обучают — методам восстановления разбитой в пух и прах старой бандеровской организации, инструктировали, как шпионить и вредить, где и когда терроризировать население и уничтожать коммунистов.

Бандера умел набивать себе цену. Если какая-нибудь из разведок платила слишком мало, он грозил выйти из игры и переметнуться на сторону другой. Так он укреплял свое фи-

нансовое положение в первые послевоенные годы. Время от времени, когда аппетиты Бандеры становились непомерными, хозяева напоминали авантюристу, что советские инстанции внесли его имя в список военных преступников и что, в сущности, они обязаны выдать его Советскому правительству. Бандера не очень страшился этих угроз, но, зная практику и приемы западных разведок, усилил свою лейб-гвардию и поставил часовых даже у дверей своей квартиры. Его адрес был строго засекречен, и лишь те, кто непосредственно давал ему задания, всегда знали, где его искать.

Но внезапно все переменилось: в 1951 году премьер-министр Баварии назначил Теодора Оберлендера статс-секретарем по делам беженцев. Да, это был тот самый Оберлендер, который в качестве эксперта по делам «иноземных народов» участвовал в ночном совещании под председательством «сверхарийца» Бергера и являлся компаньоном Бандеры по батальону «Нахтигаль». С этим назначением сразу разрешилось множество проблем, беспокоивших шефа ОУН. Разговоры о возможной выдаче его Советскому Союзу, и без того воспринимавшиеся им с неизменной иронией, теперь совсем прекратились. Финансирующие его инстанции уже не решались касаться этой темы. Напротив, ссылаясь на прошлое Оберлендера, Бандера мог продавать себя еще дороже. Кроме того, он нашел новый источник обогащения. Им оказался кошелек самого статс-секретаря по делам беженцев. У Оберлендера были все основания всячески ублажать Бандеру, который так много знал о нем и вдобавок считался самым влиятельным человеком среди украинских эмигрантов...

В конце концов в дверь атамана постучала новая, западногерманская разведка.

Золотой дождь, пролившийся на Бандеру, позволил ему обосноваться в Мюнхене, где находился также Оберлендер, оборудовать свою штаб-квартиру на Цеппелинштрассе, 67, и даже приступить к изданию собственной газеты.

Задание: убийство

Однажды январской ночью 1957 года смертельно усталый Штефан Липпольц проводил последнего из своих посетителей и затворил за ним дверь. Зевая во весь рот, он зашаркал к

себе в покои, примыкавшие к пивной. Кабатчик был вполне доволен собой — его заведение процветало как никогда. Сегодня ему удалось узнать еще одну весьма интересную новость. «То-то Вебер удивится»,— подумал он, открывая дверь своей квартиры.

Войдя в гостиную, он услышал знакомый голос:

— Добрый вечер, сударь.

Усталость как рукой сняло.

В кресле, положив ногу на ногу, сидел Вебер и курил сигарету.

— Как вы сюда попали? — растерянно спросил Липпольц.

Вебер снисходительно улыбнулся.

— Через черный ход, дорогой мой, через черный ход. Мне представилось нецелесообразным идти через пивной зал. Надеюсь, я вас не очень напугал. Это было бы мне крайне неприятно.

— Э, полноте вам! — с притворной сердечностью ответил Липпольц, быстро овладев собой. Затем, усаживаясь на диван, добавил:

— Напротив, я очень рад, что вы здесь. У меня для вас припасены интересные новости.

— Говорите, я весь внимание.

Вебер выпрямился и погасил окурок.

— Сегодня я узнал,— сказал кабатчик,— что бандеровцы Васкович и Бенцал готовят группу, которую предполагается перебросить через Австрию в Россию.

— Хорошо, очень хорошо! — похвалил его Вебер.— Это в точности совпадает с информацией, полученной нами из других источников.

Прежде чем доложить Веберу следующую новость, Липпольц с минуту рассеянно поиграл портсигаром.

— Вчера бандеровцы потребовали от меня,— сказал он с расстановкой,— чтобы я с ними сотрудничал. Вы не хуже меня понимаете, что мне грозит, если я откажусь. Они сказали мне напрямик, что в этом случае меня ждет участь украинского эмигранта Скобы, который год назад отклонил аналогичное предложение Бандеры. Через две недели его нашли мертвым. Что мне делать, господин доктор?

Вебер ненадолго задумался.

— А зачем, собственно, отказываться? — проговорил он затем, словно советуясь с самим собой.— Надо принять их

предложение. Это даже поможет осуществлению нашего нового плана, из-за которого я, собственно, и пришел к вам сегодня.

— Что еще за новый план? — упавшим голосом спросил Липпольц, заподозрив неладное. Не зря Вебер заявился к нему в столь неурочный час.

Вебер ответил не сразу. Наконец, глядя мимо Липпольца, он произнес:

— Речь идет о плане, который в нашем деле, в сущности, не так уж необычен.

Кабатчик видел, что за внешним спокойствием ночного гостя скрывается сильное возбуждение.

Сначала Вебер говорил медленно и тихо, затем, вообще перейдя на шепот, стал излагать свои мысли все быстрее, но вместе с тем и сумбурнее. То, что он сказал о новом плане, заставило Липпольца содрогнуться.

— Генерал Гелен,— заявил Вебер,— испробовал решительно все, чтобы побудить Бандеру к сотрудничеству. Но тот упорно отказывается, видимо зная, что мы не позволим ему одновременно работать и на иностранную разведку. Опасаясь ссоры с англичанами, Бандера не хочет сообщать нам буквально ничего... Следовательно, если разведка ФРГ хочет поставить ОУН под свой контроль, то главарем украинских эмигрантов должен стать другой человек. Короче говоря, Бандеру необходимо убрать.

— Убрать? — в ужасе переспросил Липпольц.— Иными словами, убить?!

— Называйте это как вам угодно,— сказал Вебер и достал из бумажника плоскую коробочку.— Вот от чего умрет Степан Бандера.

Кабатчик боязливо покосился на маленький футляр из пластмассы.

Вебер прекрасно понимал состояние Липпольца.

— Рассказать, как действует эта штука? — спросил он, наслаждаясь страхом своего собеседника.— Если она попадет в пищу и ваша жертва проглотит эту пищу, то яд — вы имеете дело с особым цианистым препаратом — подействует не сразу, а только через несколько часов: капсула растворится не ранее, чем дойдет до толстой кишки...

— Да перестаньте же! — взмолился Липпольц.— К чему вы мне все это рассказываете?

Но Вебер не дал себя прервать.

— ...не ранее, чем дойдет до толстой кишки,— повторил он.— И жертва лишается жизни, скажем, где-нибудь на улице. А отравителя тем временем уже и след простыл. Все, как видите, очень просто...

Хозяин «Штефансклаузе» слышал голос Вебера словно издалека. Он понял, чего от него хотят. Именно ему, Липпольцу, предстоит «устранить» Бандеру. Как же отделаться от этого опаснейшего поручения? Что придумать? На ум не приходила ни одна сколько-нибудь убедительная отговорка. Он безнадежно запутался во всей этой дьявольской истории. Если он не выполнит приказ, его начнут преследовать геленовцы. А если выполнит, то с ним рассчитаются бандеровцы. Уж они-то знают свое дело.

— Так что все действительно очень просто,— продолжал Вебер.— При ваших хороших отношениях с Бандерой вы, разумеется, с легкостью сможете установить, при каких обстоятельствах его удастся переправить в потусторонний мир с помощью вот этого,— он указал на коробочку.— Было бы совсем хорошо, если бы такая возможность представилась на Цеппелинштрассе, то есть в столовой бандеровцев. Все должно выглядеть так, будто Бандеру умертвил кто-то из его же дружков. Впрочем, есть и другой вариант, так сказать, идеальный: подстроить, чтобы подозрение пало на человека, которого можно было бы изобличить как советского агента. Так или иначе, но федеральная секретная служба должна в любом случае остаться совершенно незапятнанной.

Пока Вебер развивал свой план, Липпольц постепенно собирался с мыслями.

— Не так это просто,— пробормотал он.— Я уже говорил вам, что пищу для Бандеры готовит и подает только один человек. К тому же Бандера крайне редко обедает на Цеппелинштрассе.

Вебер небрежно махнул рукой.

— Разработать конкретный план действий — это ваше дело,— сказал он.— И, повторяю, желание бандеровцев сотрудничать с вами подходит нам как нельзя лучше. Именно это обстоятельство открывает вам доступ на Цеппелинштрассе. Так докажите же, на что вы способны. Докажите, что вы недаром прошли школу немецкой разведки.

Он встал и подал Липпольцу руку. Коробочку же с ядом снова спрятал.

— Когда подготовитесь, известите меня...

Для кабатчика началась тревожная пора. Он дал бандеровцам завербовать себя и стал посещать их штаб-квартиру. Время от времени он видел самого Бандеру, неизменно окруженного телохранителями.

Липпольц узнал, что украинца, который готовил пищу для Бандеры, зовут Мискив. Он носил звучный титул «экономического референта центра ОУН». Это означало, что ему доверено управление столовой. Мискиву было около тридцати пяти лет, и он не общался почти ни с кем из людей, приходивших на Цеппелинштрассе.

Все старания кабатчика поближе познакомиться с ним на первых порах оставались безуспешными. Но Липпольц продолжал изощряться в попытках завоевать доверие «экономического референта», ибо только он мог помочь ему сдвинуться с места.

Кабатчик-агент действовал планомерно. Со временем он выяснил, что управляющий столовой тоже весьма жаден до денег и не прочь как следует выпить.

Укрепившись в этом мнении, Липпольц заявил Веберу, что отравление может совершить только Дмитрий Мискив. Очень уж ему не хотелось брать на себя ответственность за убийство. Вместе с тем он ожидал, что Вебер решительно отвергнет его предложение, сославшись на недопустимость посвящения в это дело лишних людей.

Но Вебер не сказал ни да, ни нет. Он признал доводы Липпольца достаточно основательными и пообещал доложить о них начальству.

Через несколько дней Вебер пришел с ответом. Да, сказал он, в штабе Гелена согласны, что с помощью Мискива можно скорее достигнуть цели. Поэтому Липпольц обязательно должен подружиться с «поваром-референтом». Вместе с тем ему надлежит, как и до сих пор, информировать Вебера обо всем примечательном, что он увидит или услышит на Цеппелинштрассе...

Прошло много месяцев. Наступило знойное лето 1959 года. Липпольц и Дмитрий Мискив давно уже стали закадычными друзьями. Однажды июльским утром эмигрант позвонил по телефону кабатчику и попросил его во что бы то ни стало

прийти вечером в ресторан «Регина», где намеревался сообщить ему нечто крайне важное.

В заключение разговора он наказал Липпольцу не говорить никому ни об этом звонке, ни об условленной встрече и подчеркнул, что дело касается только их обоих.

В ресторане «Регина»

Когда Липпольц в назначенное время пришел в «Регину», Мискив в ожидании его уже успел изрядно подвыпить. Его взгляд блуждал по залу. Пепельница, стоявшая перед ним, была доверху наполнена окурками.

Увидев Липпольца, охмелевший дружок облегченно вздохнул.

— Слава богу, пришел,— сказал он.— Давай-ка переменим столик, сядем в тихий уголок. А то торчишь тут напоказ, точно торт на блюде.

— Что-нибудь случилось? — озабоченно спросил Липпольц.

— Сейчас узнаешь.— Мискив встал и, шатаясь, направился к столику в нише. Едва усевшись, он неожиданно выпалил:

— Штефан, немедленно исчезай. Они хотят... Они хотят тебя кокнуть.

— Кто хочет меня кокнуть?

— Ведь ты работаешь на Гелена? Верно ведь? Говори, да или нет? — Липпольц молчал. Мискив подался вперед.— Так вот, слушай: бандеровцы разнюхали все, узнали от своего же парня — агента федеральной разведки. В общем, они хотят тебя кокнуть — и точка!

Липпольц обмер. Лихорадочно заработала голова. «Как же это могло произойти? Кто сообщил агенту Гелена о моем сотрудничестве с Вебером? Или, быть может, сам Гелен решил избавиться от меня?.. Скорее всего так оно и есть — ведь я и вправду кое-что знаю. Вероятно, геленовцы намерены сыграть на мстительности бандеровцев. А тем — один черт. Прикончат еще одного, и все тут. Выходит, я попал между молотом и наковальней...»

Но Липпольц не испытывал ни малейшего желания досрочно отдать душу богу.

— Спасибо, Дмитрий,— сказал он.— Последую твоему совету. Пожалуй, мне лучше всего скрыться этой же ночью.

Мискив одобрительно кивнул:

— Этой же ночью! Умней не придумаешь.

Затем шепотом добавил:

— Как бы и мне хотелось отправиться с тобой...

Липпольц насторожился.

— Что это тебе взбрело в голову? Разве за тобой тоже следят?.. Могу тебе чем-нибудь помочь?

— Ты мне помочь не можешь, Штефан,— удрученно пробормотал Мискив.— Никто не может мне помочь. Исчезай бесследно, а обо мне не печалься...

— Но что же с тобой стряслось? — упрямо допытывался Липпольц.

Но Мискив только покачал взлохмаченной головой и беззвучно заплакал.

— Что же все-таки? — не унимался его дотошный собеседник.

Наконец украинца прорвало.

— Знал бы ты только, Штефан! — Он всхлипнул и икнул.— На всем свете нет человека несчастнее меня. Немцы из Пуллаха * навязали мне задание... Шантажировали... Конечно, все из-за денег... Если я это сделаю, меня убьют свои ребята. А не сделаю, тогда геленовцы отправят меня на каторгу. От этих переживаний я уже, кажется, в самом деле начинаю сходить с ума.

«Значит, Мискиву дали задание,— подумал кабатчик.— Все ясно, это он должен отравить Бандеру. Ведь сам Вебер сказал, что в Пуллахе одобрили мое предложение поручить это дело Мискиву. Все совершенно ясно... Что ж, тогда прочь отсюда, прочь из этого проклятого города. Уж лучше лишиться «Штефансклаузе», чем жизни».

С трудом взяв себя в руки, он вновь заговорил.

— Дмитрий,— тихо обратился он к приятелю,— не так все это страшно.

Он знал, что лжет, и его друг, видимо, тоже чувствовал это.

Обведя пьяным взглядом зал, Мискив подозрительно посмотрел на Липпольца. Затем схватил бутылку, жадно выпил ее до дна и, матерно выругавшись, швырнул под стол.

---

* Местечко южнее Мюнхена, где расположена штаб-квартира федеральной разведывательной службы.— **Прим. ред.**

«Возвышенное чувство счастья...»

Случайно ли именно в июле 1959 года секретная служба Гелена решила навсегда заткнуть рот человеку, посвященному в план убийства Бандеры?

Летом 1959 года в Германской Демократической Республике были опубликованы документы о прошлом боннского министра Теодора Оберлендера. Фаворит канцлера Аденауэра вдруг оказался в центре внимания всей мировой общественности.

Правительство ФРГ всполошилось. Во Франции и в Англии, даже внутри западногерманского Христианско-демократического союза все громче раздавались требования расследовать дело Оберлендера. Истасканный тезис о «красной пропаганде», выдвинутый властями предержащими, на этот раз не сработал. Даже самые послушные борзописцы, и те не решились прибегнуть к нему.

Конечно, можно было бы объявить опубликованные документы фальшивками, но, кроме всего прочего, в них упоминались имена живых свидетелей, включая имя сообщника Оберлендера украинца Степана Бандеры. А жил этот Бандера не где-нибудь за тридевять земель, а в Мюнхене, и было трудно предположить, как он поведет себя на суде.

В Бонне, на Гусаренштрассе, 30, где находилась официальная резиденция министра по делам изгнанников, беженцев и инвалидов войны, было оживленно. Господин министр принимал множество посетителей, часами совещался с ними за закрытой дверью. О том, кто были эти люди, подъезжавшие к министерству в солидных мерседесах, знал один лишь Оберлендер. Подчиненные министра ничего не могли сказать о них.

30 сентября 1959 года Оберлендер, впервые после длительного перерыва, отважился выступить публично. Он устроил пресс-конференцию.

Помещение фракции ХДС в бундесхаузе заполнили около трехсот немецких и иностранных журналистов. Все с нетерпением ждали, что скажет министр о своем же деле.

Те, кто ждал от него покаянных речей, были горько разочарованы. Оберлендер отнюдь не производил впечатления человека, желающего загладить и искупить совершенные им преступления. Вызывающе подбоченясь, перед газетчиками стоял матерый нацист и наглый горлопан.

Когда его спросили, что именно произошло во Львове, он невозмутимо ответил:

— Вступив в Лемберг, я и мои люди испытали возвышенное чувство счастья... В течение шести дней, с первого по шестое июля тысяча девятьсот сорок первого года, когда подразделение «Нахтигаль» было расквартировано в Лемберге, оно не произвело ни единого выстрела. Мне также не известен ни один случай беззакония со стороны солдат этого подразделения.

Кто-то пожелал узнать, почему батальон Оберлендера носил название «Нахтигаль» — «Соловей».

— Название объясняется тем, что личный состав батальона великолепно пел. Эти люди пели не хуже, чем, скажем, какой-нибудь хор донских казаков,— ответил Оберлендер.

Затем министра спросили, какие обязанности исполнял он сам, находясь среди «соловьев».

Оберлендер засунул правую руку в карман пиджака и заявил:

— Я был экспертом по быту и нравам иноземных народов.

Вопросы, точные и подчас весьма щекотливые, следовали один за другим. Министр ловко уходил от прямых ответов либо вообще не отвечал. В конце пресс-конференции журналисты знали ровно столько же, сколько и до нее.

Когда все уже было собрались расходиться, кто-то вдруг спросил Оберлендера:

— Как бы отнесся к вашим заявлениям лидер украинских эмигрантов Бандера? Ведь в ту пору он был вашим подчиненным, а теперь живет в Федеративной республике.

Министр опять ничего не ответил, его тонкие, поджатые губы растянулись и застыли в недоброй усмешке...

15 октября 1959 года выдался золотой солнечный день. Ярослава, жена Степана Бандеры, широко распахнула все окна. Сегодня она почему-то испытывала еще большее беспокойство, чем обычно. Годами она жила в страхе, вечно меняла имя и фамилию. Ее жизнь прошла под знаком бесконечных секретных совещаний, тайных донесений, яростных споров и перебранок между мужем и его сообщниками.

На лестнице, у дверей с табличкой «Стефан Попель», день и ночь стояли телохранители. Степан говорил супруге, что это для ее же безопасности. И все-таки страх не покидал ее ни на минуту. В последние дни ее буквально засыпали анонимками, грозили похитить ее младшую дочь.

Ярослава снова высунулась из окна и стала глядеть на улицу. Наконец вдали показалась знакомая машина. Она неторопливо сняла передник, вышла в прихожую, приложила ухо к двери. Шагов не было слышно. Прошло две минуты, три...

Внезапно лестничная клеть огласилась пронзительным криком.

Почуяв недоброе, Ярослава ринулась вниз. «Степану пришел конец»,— сверлило в мозгу. Давно уже она поняла, что умереть естественной смертью ее супругу не суждено!

Степан Бандера лежал с перекошенным лицом у подножия лестницы, около стойки перил. Он еще дышал. Но уже через несколько минут, в больнице, врач коротко сказал: «Умер». Потом он добавил: «Видимо, упал с лестницы и очень сильно ударился». Она знала, что это неправда.

10 декабря 1959 года, выступая по поручению правительства перед депутатами бундестага, боннский министр финансов Этцель сказал:

— Со всей определенностью должен заявить, что в свете известных нам фактов мы не имеем никаких оснований упрекнуть в чем-либо нашего коллегу Оберлендера... Мы доверяем господину Оберлендеру.

Он произнес это совершенно спокойно. Да и почему бы нет, ведь главный свидетель обвинения был мертв. Этот «соловей» уже не мог «петь».

Примерно в это же время в газете «Шлях перемоги», органе ОУН, на последней полосе появилось неприметное траурное объявление. В нем сообщалось о «трагической гибели» Дмитрия Мискива, попавшего под автомобиль.

Почти через два года после убийства Бандеры Штефан Липпольц, наскитавшись по разным странам, явился в органы государственной безопасности Германской Демократической Республики.

Раздобыв фальшивый паспорт на имя Карла Липницкого, он бежал сначала в Австрию, затем в Италию. Везде ему

мерещились преследователи. Наконец он поселился в Норвегии.

Однажды утром он нашел в своем почтовом ящике конверт. В конверте была гильза от патрона и записка. Липпольц прочел: «Тебе бы следовало опять переехать куда-нибудь».

Спектакль в зале суда

— Просто бред какой-то! — Шмитт злобно швырнул на стол пачку газет.— Эти господа спекулируют на забывчивости людей. Но ведь мы можем попасть в глупейшее, прямо-таки идиотское положение.

Руководитель отдела расследования убийств мюнхенской уголовной полиции разволновался не без оснований.

Уже несколько дней в федеральном суде в Карлсруэ шел показательный процесс, широко освещаемый в газетах, в особенности на страницах желтой прессы. Разбиралось дело некоего Богдана Сташинского, который сам себя обвинил в убийстве Бандеры. Сташинский заявил, что он «советский агент» и умертвил Бандеру по заданию Москвы. У него якобы был специальный пистолет, заряженный синильной кислотой; из него-де он и брызнул в лицо шефа ОУН струей этого смертельного яда. На вопрос, почему он вдруг пришел в полицию с повинной, Сташинский ответил, что он женат на немецкой женщине, которая «сумела вновь пробудить в нем совесть христианина».

— Вот уже поистине «трогательная» чушь,— прошипел Шмитт.— Такой процесс мог инсценировать только абсолютный кретин.

Он отлично понимал, кто осуществлял режиссуру в Карлсруэ и ради чего затеян весь этот балаган.

Под напором фактов о прошлом нациста Теодора Оберлендера, опубликованных в Германской Демократической Республике, Аденауэр в конце концов был вынужден освободить бывшего начальника бандеровских «соловьев» от министерского поста. Нелегко далось канцлеру это решение, его сердце обливалось кровью.

Потом на поверхность опять всплыл хозяин питейного заведения «Штефансклаузе» и публично, во всех подробностях рассказал, как по заданию организации Гелена был убит Бандера.

Теперь, подумал Шмитт, они лезут из кожи вон, чтобы свести на нет неопровержимые доказательства, представленные Липпольцом, хотят поставить все с ног на голову. Что же, рецепт очень простой, да и не новый, к нему прибегали тысячи раз. Убийцей, видите ли, должен оказаться не наймит федеральной разведки, а, конечно же, какой-то «советский агент». Этот более чем подозрительный Богдан Сташинский, в ком так неожиданно заговорила «совесть христианина», несомненно куплен с потрохами. Уж он-то «признáется» во всем, что будет угодно суду. А со времени убийства прошло целых три года, и теперь уже почти никто не помнит, что писалось тогда в газетах об этом деле. Почему суд не допрашивает официальных лиц, которые в октябре 1959 года вели расследование обстоятельств убийства? Ведь это нарушение самых элементарных правил судопроизводства. А дурацкая выдумка насчет пистолета с синильной кислотой, из которого Сташинский якобы выстрелил в физиономию Бандеры! Если брызнуть в лицо человека этой жидкостью, он неизбежно получит ожоги, его кожа будет обезображена.

Но Шмитт хорошо помнил акт судебно-медицинской экспертизы, который в свое время передал для опубликования.

— Принесите, пожалуйста, «Зюддейче цейтунг» за девятнадцатое и двадцатое октября 1959 года,— крикнул он секретарше.

Получив газеты, он быстро нашел интересующие его места. «Если кто-нибудь раскопает это,— подумал он,— то все сразу поймут, что процесс над Сташинским — сплошная липа, а его инсценировщики будут опозорены до конца своих дней».

Его взгляд быстро скользил по строчкам:

«Аутопсия, произведенная в пятницу в институте судебной медицины, позволила сделать первые выводы: не было обнаружено ни малейших следов ранений черепа или каких-либо иных повреждений... Напротив, при вскрытии трупа распространился характерный запах миндаля, свойственный цианистому калию. Признаков инъекции яда с помощью шприца не обнаружено... Умерший сам принял яд... Правда, этот мгновенно действующий смертельный яд мог содержаться в капсуле, введенной в пищу и растворившейся впоследствии в толстой кишке. Как уже сообщалось, сначала Бандера находился в столовой своей организации и после этого поехал домой...»

«Да, если это раскопают,— опять подумал Шмитт,— то достаточно сослаться на данные судебно-медицинской экспертизы, и весь процесс станет посмешищем».

«Доказательства», представленные суду в Карлсруэ, можно было назвать какими угодно, но только не убедительными. Так, например, в подтверждение вины Сташинского фигурировало следующее обстоятельство: в различное время проживал в нескольких мюнхенских отелях, о чем сохранились записи в книгах. Кроме того, в доме на Крайтмайрштрассе, 7, были обнаружены... две сломанные бородки от ключей. И это после трех лет!

— Ну и «улики», нечего сказать! — презрительно буркнул Шмитт.— Будь я репортером, я бы задал этим высокоученым блюстителям законности несколько весьма неприятных вопросов.

Но апофеозом всего этого позорного судебного фарса было то, что Степан Бандера, убийца тысяч жителей Львова, продажный тайный агент, служивший только тем, кто платил больше, внезапно, благодаря посмертной «поддержке» верховного суда ФРГ, оказался «борцом за свободу» и «героем». Именно так называл его председатель суда д-р Генрих Ягуш.

Понять причины его симпатий к Бандере было нетрудно. Ягуш принадлежал к числу наиболее скомпрометированных судей-нацистов. Он был, если так можно выразиться, Бандерой от правосудия. Правительство ФРГ знало, кому поручить режиссуру этого процесса.

●

• Смерть настигла его в собственном автомобиле

Размышления на кладбище

Клаус Казевиус стоял на холмике около высокого надгробия. Отсюда ему была хорошо видна длинная траурная процессия, которая, медленно двигаясь под глуховатый аккомпанемент барабанов, только что достигла дюссельдорфского Северного кладбища. Сразу за черным катафалком шагали важные чиновники в теплых пальто и цилиндрах. Вдоль широкой, очищенной от снега дороги, которая вела к месту захоронения, выстроилась рота солдат бундесвера. Белые каски и светлое парадное снаряжение придавали солдатской шпалере сходство с какой-то стенкой, красочной и вместе с тем монотонной — очень уж однообразно выглядели эти сто двадцать обезличенных физиономий.

Стояла морозная погода: в этот день, 21 января 1963 года, ртутный столбик термометра показывал двадцать градусов ниже нуля. И хотя в ясном небе ослепительно сверкало солнце, резкий ледяной ветер словно удваивал стужу. То один, то другой участник процессии украдкой засовывал руки в карманы или поднимал воротник, пряча раскрасневшееся на ветру лицо.

Клаус Казевиус наблюдал за всем этим с некоторым злорадством, хотя и сам порядком закоченел. «Пусть померзнут»,— подумал он, всматриваясь в сановников, ступавших за гробом. Все они внушали ему отвращение. Десятки раз слушал он их выступления на митингах, в бундестаге, на всевозможных юбилеях, на «праздниках пива», по телевидению, снова и снова удивляясь их умению извергать потоки трескучих, ничего не выражающих фраз, обходить суть любого во-

проса. Особенно выдающимися мастерами этого краснобайства были два господина, возглавлявшие погребальное шествие. Председатель бундестага Ойген Герстенмайер словно надел на себя скорбную маску, к которой никак не шел его красный от мороза нос. Рядом с ним шагал Эрих Менде, председатель Свободной демократической партии и бывший кавалер гитлеровского ордена «Рыцарский крест». Перед Аденауэром он плясал на задних лапках, и в журналистских кругах за ним прочно закрепилась кличка «Менде — чего изволите». Сегодня он был подчеркнуто мрачен и часто оборачивался назад, чтобы присутствующие могли оценить всю меру его печали.

Наконец процессия остановилась. Гроб сняли с катафалка и осторожно опустили на доски, положенные над открытой могилой.

«Сейчас опять начнутся приличествующие случаю причитания,— с досадой подумал Казевиус. Повторится то, что уже было на панихиде в зале имени Роберта Шумана. Опять польются потоки дешевых слов — добро б еще сами высокопоставленные ораторы их придумывали, а то ведь референты пишут! И вот об этом спектакле я должен написать репортаж. Какая скучища!»

Клаус Казевиус, широкоплечий блондин тридцати лет, работал в Бонне. Недавно он примкнул к большому отряду постоянных корреспондентов, представляющих различные западногерманские газеты в столице Федеративной республики.

Вчера главный редактор поручил ему выехать в Дюссельдорф, чтобы передать оттуда толковое сообщение о торжественных похоронах заместителя председателя Свободной демократической партии Вольфганга Дёринга. Казевиус терпеть не мог подобных заданий — в таких случаях от него обычно требовали чего-то вроде «придворной хроники», густо нашпигованной цитатами из речей официальных лиц. На сей раз, однако, он воспринял очередное задание без обычной внутренней антипатии, так как решил, не ограничиваясь заказанным репортажем о панихиде в зале имени Роберта Шумана и о похоронах, ошеломить своих читателей настоящей сенсацией. Для этого нужно было выведать много дополнительных подробностей о смерти Дёринга. Циркулировали упорные слухи, что Дёринг не умер естественной смертью, и Казевиус решил во что бы то ни стало докопаться до корней этого

дела. Молодой журналист жаждал доказать своему шефу, что способен на нечто большее, чем стряпание заурядных репортажей. К тому же заодно поправил бы и свои финансовые дела...

К могиле подошел Герстенмайер. Елейно пасторальным голосом он заявил:

— Вольфганг Дёринг пал на политическом поле боя, умер в парламентских сражениях...

Он говорил с характерным швабским акцентом.

«Политическое поле боя»,— повторил про себя Казевиус.— Что это значит? Намек на обстоятельства, связанные со смертью Дёринга? Или предостережение друзьям покойного? Дескать, как бы и вас не постигла такая же судьба?»

Но Герстенмайер так и не разъяснил недоумевающему корреспонденту смысла своих слов. Напротив, он продолжал болтать что-то невнятное, долго распространялся об усердии, объективности и «благодетельной деловитости» умершего.

В том же духе выступил и Эрих Менде. С пафосом говорил он о «великих и, увы, не сбывшихся надеждах», «Дёринг,— услышали присутствующие,— всегда был в пути. В пути его и настиг злой рок. И последний его день был шестнадцатичасовым рабочим днем на благо Германии».

Солдаты вскинули винтовки. Грянул залп. Гулкое эхо прокатилось над кладбищем.

«И чего ради их пригнали сюда?» — подумал Казевиус, глядя на солдат. Потом он вспомнил: Дёринг был майором запаса и членом комитета обороны при бундестаге.

Военный оркестр сыграл марш «Был у меня товарищ». Гроб опустили в могилу. По крышке забарабанили мерзлые комья земли. Торжественная церемония похорон окончилась, и процессия быстро рассеялась. Боннские сановники устремились к своим теплым автомобилям, длинной вереницей выстроившимся вдоль кладбищенской ограды.

Казевиус закурил сигарету и задумчиво побрел к выходу. «Да, я берусь за крайне трудное дело,— подумал он.— Придется задать кое-кому много неприятных вопросов. Но станут ли меня слушать, станут ли откровенно отвечать?»

Дойдя до ворот, Казевиус увидел зеленую оперативную машину, до отказа набитую молодыми полицейскими. «А этим что здесь нужно? — удивился он.— Видимо, кто-то здорово напуган. Но чем же?»

Сплошные противоречия

На следующий день Казевиус вернулся в Бонн. Здесь было так же холодно, как и накануне в Дюссельдорфе. Опять сияло солнце, и его яркие блики чудесно преобразили убогое жилище журналиста. Залитая светом, комната казалась обжитой и уютной. Но Клаус не замечал этой метаморфозы. Натянув на себя теплый свитер, он сидел за уродливым письменным столом работы прошлого века.

Перед Казевиусом лежала пачка газет, из которых он вырезал статьи и заметки. Он подбирал все, что касалось смерти Вольфганга Дёринга. Уже при беглом ознакомлении с корреспонденциями и редакционными комментариями ему бросались в глаза явные расхождения в сведениях о последних часах жизни покойного.

Газета «Дер абенд» за 17 января 1963 года писала:

«Этот ведущий политический деятель Свободной демократической партии, едва дожив до сорока трех лет, скончался от инфаркта во время поездки из Бонна в Дюссельдорф. Здесь его немедленно доставили в больницу, где врачи могли только лишь констатировать смерть».

Выходило, что Дёринг умер в машине. Но «Ди вельт» за 21 января 1963 года сообщала:

«Там (в больнице) депутату немедленно дали средство, ослабляющее судорогу сердечной мышцы. Однако врачу не пришлось инъецировать больному болеутоляющий препарат, ибо вскоре наступила смерть».

Отсюда уже явствовало, что Дёринг скончался в больнице.

Газета «Дер тагесшпигель» за 19 января 1963 года вообще уклонилась от ответа на вопрос о месте смерти. Ее корреспондент писал:

«Технический секретарь организации СвДП земли Северный Рейн-Вестфалия Ригер заявил: «Со слов шофера я совершенно определенно понял, что в больнице Дёринга очень долго не оформляли».

Смысл намека Ригера прокомментировал дюссельдорфский городской отдел печати в бюллетене от 20 января 1963 года:

«Сначала Дёринга направили в амбулаторию Хирургической клиники, ибо по его прибытии в больницу не был ясен характер заболевания. У хирургов возникло подозрение на сер-

дечный приступ, и тогда Дёринга немедленно отвезли в Первую медицинскую клинику».

Все это казалось Казевиусу более чем странным. Человека, с которым во время автомобильной поездки случился сердечный приступ, почему-то привозят в Хирургическую клинику. Его шофер — уроженец Дюссельдорфа, сам пострадавший, тоже живет в этом городе, и оба отлично ориентируются в нем. В Хирургической клинике возникает подозрение на сердечный приступ, и пациента направляют в другую клинику, хотя любой врач, в том числе и хирург, несомненно, знает, что при инфаркте миокарда больного нельзя транспортировать, ибо любое движение может вызвать мгновенную смерть.

Председатель правления Свободной демократической партии Эрих Менде, засидевшийся с Дёрингом в доме Генриха фон Брентано почти до полуночи, заявил корреспонденту агентства ДПА, что в этот вечер Дёринг производил впечатление вполне здорового человека. Но в официальном заявлении руководства партии, оглашенном через несколько дней членом ее правления Баумом, говорилось, что депутат бундестага Дёринг был смертельно болен и что накануне его кончины ему сделали электрокардиограмму.

Но если последняя показала серьезное нарушение работы сердца, то почему же на следующий день Дёринг поехал на это столь позднее совещание? Почему врач немедленно не уложил его в постель?

Снова и снова сплошные противоречия. Сообщения газет запутывали обстоятельства дела. Считать точно установленным можно было лишь следующее: Вольфганга Дёринга пригласили прибыть вечером 16 января 1963 года в Бад-Годесберг на квартиру Генриха фон Брентано, председателя парламентской фракции ХДС/ХСС, для обсуждения важных вопросов внешней и военной политики. Около полуночи Дёринг покинул дом Брентано. На этом окончился его «шестнадцатичасовой рабочий день на благо Германии», о котором говорил Менде на кладбище.

Несколько часов спустя в Первой медицинской клинике Дюссельдорфа было подписано заключение о смерти Дёринга в результате инфаркта миокарда.

Исследование трупа на возможное отравление сделано не было. Не была осмотрена и машина Дёринга, хотя подозрения на убийство отнюдь не исключались.

Только это и удалось установить.

Оставались без ответа еще многие и многие вопросы.

Клаус Казевиус вновь углубился в изучение вырезок. Все газеты, верные правительству Аденауэра, сообщали о кончине Дёринга без каких-либо комментариев. Другая часть прессы высказывала вполне определенные предположения. Так, Карл Герман Флах, один из ближайших друзей умершего, писал 18 января 1963 года во «Франкфуртер рундшау»:

«В Бонне у Вольфганга Дёринга были могущественные противники. После его выступления в связи с нападками на журнал «Шпигель» за ним начали следить. Влиятельным кругам зачем-то понадобилось принести его в жертву».

Какие же это были «влиятельные круги»?

Рудольф Аугштейн, издатель «Шпигеля» и закадычный друг Дёринга, в некрологе, посвященном покойному, писал: «Ведал ли он, что творит, когда бросил вызов партии ХДС? Знал ли, зачем это делает, отдавал ли себе отчет в рискованности и последствиях своего шага? Да, он все знал, и я тому свидетель!»

ХДС? Конечно, под этим сокращением подразумевались не рядовые члены этой партии, а некоторые ее руководители, такие, как Аденауэр, Брентано, Штраус. По мнению Аугштейна, эти люди видели в Дёринге своего врага, а по словам склочной проаденауэровской газеты «Рейнишер меркур», считали его «ракетным двигателем Свободной демократической партии и фактическим виновником кризиса коалиции».

Не на них ли намекал Карл Герман Флах, говоря о «могущественных противниках» Дёринга? Не им ли понадобилось «принести его в жертву»? Кому еще могло быть выгодно, чтобы «ракетный двигатель Свободной демократической партии» поскорее вышел из строя?

Казевиус встал и зашагал из угла в угол. На его лбу обозначились морщины. «Конечно, эта игра в вопросы и ответы за письменным столом, наедине с самим собой, ничего не даст,— подумал он.— Но что, если попробовать разобраться в более давних фактах?»

В самом деле, почему за Дёрингом установили столь жесткий и недоброжелательный надзор сразу же после его выступления по делу «Шпигеля»? Сообщая об этом, Карл Герман Флах, несомненно, имел в виду сенсационную речь Дёринга, произнесенную в бундестаге 7 ноября 1962 года.

«Я знаю, что говорю»

В тот день Клаус Казевиус сидел на переполненной трибуне для прессы. Из-за тесноты было почти невозможно делать записи.

В зале пленарных заседаний западногерманского парламента собрались без малого все депутаты. Это случалось крайне редко: обычно даже при обсуждении очень важных законопроектов многие парламентарии часами просиживали в ресторане бундестага.

На повестке дня стоял вопрос о «Шпигеле», вернее о действиях правительства Аденауэра против информационного журнала «Шпигель» или, если уж говорить совсем точно, о полицейской акции западногерманской полиции, предпринятой в туманную ночь с 26 на 27 октября 1962 года. Ворвавшись в здание редакции, полицейские конфисковали все архивы, арестовали издателя журнала Рудольфа Аугштейна, а заодно и нескольких редакторов. По представлению боннского посольства в Мадриде заместитель главного редактора «Шпигеля» Конрад Алерс, проводивший свой отпуск в Испании, также был задержан.

Вначале в журналистских кругах этот инцидент единодушно расценили как акт мести. Все знали, что каждую среду, в день выхода «Шпигеля», некоторые боннские министры раскрывали этот журнал с неспокойной душой. В последнее время на его страницах все чаще печатались материалы о прошлых и теперешних махинациях Франца Йозефа Штрауса.

Господин военный министр распределял среди своих друзей и знакомых крупные заказы бундесвера и за это получал от них изрядную мзду. Именно на такой основе были заключены сделки с фирмой «Фибаг». Гансу Капфингеру, своему компаньону по пьяным оргиям в обществе дам сомнительной репутации, Штраус помог стать во главе нескольких южногерманских газет.

Сообщениями обо всех этих делах журнал «Шпигель» навлек на себя гнев верховного боннского воителя. Тучный, одутловатый баварец не скрывал своей ярости и не раз, особенно находясь под действием винных паров, угрожал «Шпигелю» скорой и жестокой расправой.

27 октября 1962 года он привел свою угрозу в исполнение. Ордера на обыск и аресты мотивировались параграфами 99

и 100 уголовного кодекса, трактующими о «разглашении государственной тайны» и «преднамеренной измене родине». Главное обвинение касалось статьи под названием «Фаллекс 62», посвященной маневрам НАТО и опубликованной в номере от 10 октября 1962 года. Но уже не говоря о том, что «разглашение государственной тайны» было обнаружено в Бонне с почти трехнедельным опозданием, публикация этого материала, по словам директора «Шпигеля» Беккера, была «согласована с соответствующими инстанциями».

Поддержанный своим другом Глобке, министр обороны Штраус решил присвоить себе и полицейские функции. Оба приятеля атаковали «Шпигель», даже не поставив об этом в известность Штамбергера, министра внутренних дел и члена руководства Свободной демократической партии.

И в самой Западной Германии и за границей дело «Шпигеля» взбудоражило общественность. Люди заговорили о возрождении гестаповских методов, открыто стали высказываться предположения, что некоторые члены правительства ФРГ считают акцию против «Шпигеля» генеральной репетицией к введению чрезвычайного положения. Даже абсолютно «правоверный» иллюстрированный журнал «Штерн» и тот не удержался от горьких сетований:

«Трудно чувствовать себя под защитой милой родины, на земле которой щелкают солдатские каблуки и свистят резиновые дубинки, где людей бросают в тюрьмы и берут взятки».

Такова была внутриполитическая обстановка, когда бундестаг собрался на описываемое заседание 7 ноября 1962 года. Атмосфера была накалена до предела, и казалось, что взрыв неминуем. Внутри здания парламента и перед ним можно было наблюдать множество оживленно спорящих групп.

В зале заседаний разгорелась бурная дискуссия, полная взаимных оскорблений. «Изменники родины!», «Вруны!», «Грязные мерзавцы!» — так звучали самые «пристойные» реплики с мест.

Клаус Казевиус хорошо запомнил, как Аденауэр с циничной ухмылкой на высохшем, морщинистом лице поднялся на трибуну и сказал: «Дамы и господа! Поскольку... здесь был брошен упрек, будто чиновники федеральной уголовной полиции и федеральная прокуратура действовали вразрез с государственно-правовыми нормами и будто наши сограждане

нуждаются в защите от этих институтов, то есть от федерального суда, федеральной прокуратуры и федеральной уголовной полиции, я считаю нужным заявить самый решительный протест против подобных утверждений. Зная истинное положение вещей, я выражаю сотрудникам всех указанных организаций свою благодарность и глубокое уважение...»

При этих словах в зале поднялся невообразимый шум, не утихавший в течение нескольких минут. Глава правительства солидаризовался с явно противозаконными действиями Штрауса и Глобке! Председатель бундестага Герстенмайер, поневоле перейдя на крик, долго и безуспешно пытался унять разбушевавшийся парламент.

Когда наконец депутаты немного успокоились, Аденауэр продолжил свое заявление:

— Итак, дамы и господа, в нашей стране — целая бездна измены!

— Кто это сказал? — раздалась реплика с места.

— Я это говорю! — ответил канцлер, чем вызвал взрыв смеха.— Ибо, дамы и господа, если журнал, выходящий тиражом в пятьсот тысяч экземпляров, систематически и только ради того, чтобы заработать побольше денег, предает свою родину...

Все потонуло в небывалом, оглушительном гвалте.

Слова главы правительства казались чудовищными. Не дожидаясь рассмотрения дела в суде, не располагая доказательствами виновности «Шпигеля», Аденауэр назвал его редакторов изменниками родины. Он хотел публично убить доброе имя популярного издания, вызвать предвзятое, недоброжелательное отношение к нему или, быть может, создать устрашающий прецедент, напугать всю либеральную прессу...

В том же духе выступали и друзья Аденауэра, на все лады повторяя заявление своего шефа, и когда ему самому вновь дали слово, он упрямо, хлопая ладонью по трибуне, повторил:

— Дамы и господа, налицо государственная измена, которую совершил человек, обладающий немалой журналистской властью.

И, когда после очередной многоминутной обструкции в зале вновь стало относительно тихо, канцлер, устремив взор на скамьи социал-демократических депутатов, насмешливо заметил:

— Я просто поражен, господа! Ведь вы-то не собирались становиться перед «Шпигелем» *...

Затем председатель предоставил слово депутату от Свободной демократической партии Дёрингу. Дёринг был мертвенно бледен и дрожал от негодования.

Зал притих. «Этот скажет что-то важное»,— перешептывались депутаты. В бундестаге поговаривали, что Дёринг близкий друг Аугштейна, а следовательно, и сам, вероятно, причастен к «изменническим делам».

Вначале Вольфганг Дёринг говорил очень тихо и спокойно, но было видно, что он с трудом сдерживается.

— Господин федеральный канцлер заявил здесь, что уже сам по себе арест того или иного человека можно считать доказательством его преступления...— Дёринг остановился, чтобы перевести дух.— Но, господин федеральный канцлер,— сказал он затем,— быть может, в ходе следствия стоило бы уточнить, какая из разведок Федеративной республики считала целесообразным сотрудничать со «Шпигелем» и какая предпочла работать против него.

Эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы.

Правительственная скамья была заполнена до отказа. Когда оттуда стали доноситься вызывающие реплики, Дёринг пристально посмотрел на Аденауэра и медленно произнес:

— Господин федеральный канцлер, уж я-то знаю, что говорю. Сегодня я не стану рассказывать, какие огромные усилия приложил, чтобы приостановить или хотя бы смягчить невыносимую борьбу между двумя официальными инстанциями. Возможно, настанет день, когда я буду вынужден поведать о ней.

При гробовом молчании зала Дёринг, высокий и прямой, уверенной походкой вернулся на свое место.

Даже завзятые крикуны из аденауэровской партии, и те точно онемели. Даже сам Аденауэр, этот сварливый старик, и тот, изменив своей привычке, не сказал вдогонку Дёрингу ни слова.

Две инстанции? Посвященные знали, что под этими вполне благовидно звучащими словами подразумевались секретная служба генерала Гелена и МАД — разведывательное управление боннского военного министерства.

---

* Игра слов: «Шпигель» по-немецки «зеркало».— **Прим. перев.**

Что же имел в виду Дёринг, говоря о «невыносимой борьбе» между двумя разведслужбами? О чем он намеревался со временем сообщить бундестагу? Не собирался ли выложить факты, которые могли бы оказаться ключом к пониманию всей этой странной истории со «Шпигелем»?

Клаус Казевиус уже тогда задал себе эти вопросы, но в водовороте последующих событий — вскоре внутри правительственной коалиции разыгрался крупный скандал, министры из Свободной демократической партии подали в отставку и правительство было реорганизовано — позабыл о них. Тем не менее он продолжал верить, что Карл Герман Флах не ошибся: события 7 ноября 1962 года и впрямь, кажется, могли бы помочь раскрыть тайну внезапной смерти Дёринга.

«Он подлец, этот господин Глобке!»

Без особого труда Казевиус узнал, что произошло после выступления Дёринга в бундестаге. Журналист опросил некоторых видных политических деятелей и подробно выяснил, о чем Дёринг беседовал с Аденауэром, Кроне, фон Брентано и Глобке.

Сразу же после бурного заседания бундестага Аденауэр пригласил Вольфганга Дёринга во дворец Шаумбург. Канцлер хотел потолковать с ним с глазу на глаз. Но Дёринг отказался разговаривать без свидетелей, и Аденауэру пришлось в присутствии Глобке принять целую группу представителей Свободной демократической партии. Беседа длилась два часа, и хотя ее участники обещали друг другу сохранить в строжайшей тайне предмет переговоров, все же общественность вскоре узнала некоторые подробности. Обсуждалась угроза Дёринга разоблачить перед бундестагом махинации обеих разведок. В ходе разговора, как явствует из просочившихся сведений, канцлер спросил заместителя председателя Свободной демократической партии:

— Разве вам не ясно, господин Дёринг, что своим поведением вы подрываете престиж Федеративной республики?

Но Дёринг, неуступчивый и колючий, ответил:

— То, что сделали с журналом «Шпигель»,— самая настоящая подлость! А подлость остается подлостью, даже если ее называют «государственно-правовой акцией».

— Как вас понять? — с притворным недоумением спросил Аденауэр.

— Все так называемые «секретные документы», обнаруженные при обыске редакции «Шпигель», были подброшены туда федеральной разведкой. А эта секретная служба, господин канцлер, подчинена вашему статс-секретарю господину Глобке.

После продолжительной дискуссии «старик» наконец согласился на расследование обстоятельств дела.

Это было в ночь на 8 ноября.

Восемь дней спустя Дёринг дал интервью корреспонденту миланской газеты «Коррьера делла сера». На вопрос о ближайших целях Свободной демократической партии он ответил: «Мы делаем последовательно один шаг за другим. Первая цель Свободной демократической партии — отставка Штрауса, вторая цель — отставка Аденауэра. Если Аденауэр сохранит Штрауса в правительстве, мы выйдем из коалиции».

Иностранный журналист попытался выведать закулисные причины травли журнала. Не вдаваясь в детали, Дёринг неопределенно ответил, что «некая особа» хочет «сунуть свой нос» в архивы «Шпигеля».

Но уже через несколько часов все стало намного яснее.

Вечером того же дня Генрих Кроне, министр по особым делам и истинный наместник Аденауэра в Бонне, пригласил к себе руководителей Свободной демократической партии. Совещание состоялось в загородной вилле близ Бонна. Аденауэр в это время находился в США.

Все участники встречи потом говорили, что оно прошло исключительно бурно. Представители партии свободных демократов требовали отставки Штрауса. Одновременно они настаивали также на освобождении Глобке от занимаемого поста, указывая на общепризнанную одиозность этой фигуры.

По словам очевидцев, Дёринг резко заявил:

— Мы, члены Свободной демократической партии, не желаем больше покрывать мальчишеские проделки господ Глобке и Штрауса.

Кроне, еще владевший собой, попросил пояснить, как следует понимать слова «мальчишеские проделки».

На это Дёринг ответил, что о «проделках» Франца Йозефа Штрауса уже немало писано в газетах. Перейдя к Глобке, он повторил то, что уже говорил канцлеру о роли тайной орга-

низации Гелена в инциденте со «Шпигелем». Дёринг напомнил, что в итоге двухчасовой беседы 7 ноября канцлер твердо обещал распорядиться о расследовании всех этих событий. Однако Глобке и не подумал приступить к следствию, а уехал неизвестно куда и зачем. Одновременно партия ХДС/ХСС пустила слух, будто «компрометирующие документы», конфискованные в редакции «Шпигеля», взяты из архивов социал-демократической фракции бундестага. Дёринг охарактеризовал эти утверждения как «беспримерное хамство».

Генрих фон Брентано, куривший одну сигарету за другой, предостерегающе произнес:

— Господин Дёринг, не обостряйте ситуацию до крайности!

— Вы бы лучше выяснили, кто уже обострил ее до предела! — отпарировал Дёринг и тут же добавил:

— Честь и совесть не позволяют нам продолжать оставаться молчаливыми свидетелями этих безобразий и покрывать их.

Далее он остановился на роли Глобке в подготовке арестов и налета на помещение редакции «Шпигеля» и сказал, что глава «теневого кабинета коричневых статс-секретарей» топчет ногами право и закон. Наконец, выйдя из себя, Дёринг крикнул:

— Он подлец, этот господин Глобке!

На этом заседание оборвалось. Кроне немедленно связался по телефону с Вашингтоном и долго советовался с Аденауэром. Канцлер расценил положение как весьма серьезное и приказал не предавать гласности разногласия между партнерами по коалиции...

Незадолго до рождества Дёринг демонстративно посетил своего друга Аугштейна, находившегося в кобленцской следственной тюрьме. И здесь он вновь открыто заявил о своем намерении разоблачить истинных изменников родины.

Из всей этой информации Клаус Казевиус поневоле заключил, что в конфликте между «Шпигелем» и боннскими властями Вольфганг Дёринг действительно стал центральной фигурой. Его противники не сомневались в абсолютной достоверности разглашаемых им сведений, ибо он, будучи членом парламентского комитета по обороне, поневоле подробно ознакомился с практикой МАД и секретной службы Гелена. Вот почему он стал для них таким опасным.

Разговор у камина

Клаус Казевиус откинулся на спинку глубокого кресла. С минуту он смотрел на камин, где медленно распадалась пирамида ярко пылающих чурок. В большой и уютно обставленной комнате слышалось только потрескивание горящих дров.

В другом кресле у камина сидел адвокат Йозеф Ангерштейн, человек лет сорока пяти с четко очерченным профилем. Он был лыс и носил толстые очки.

Ангерштейн интересовал Казевиуса не как юрист, а как друг Вольфганга Дёринга. Несколько дней назад журналист уже побывал здесь. Но тогда Ангерштейн вел себя крайне сдержанно, не высказывал собственного мнения о причинах смерти Дёринга и порекомендовал своему гостю довериться суждениям врачей.

Вчера газетчик попросил адвоката о новой встрече, желая узнать, как тот отнесется к собранным им газетным материалам.

Хозяин принялся читать вырезки, изредка покашливая и не обнаруживая никаких признаков волнения.

— Значит, вы хотите знать, что я думаю о сообщениях печати?

Он поднял пачку заметок.

— Что ж, в целом все это довольно убедительно, но в лучшем случае может лишь послужить основанием для дополнительных вопросов. Доказательствами это не назовешь.

— Согласен,— кивнул Казевиус.— Но, быть может, вы посоветуете мне, что делать дальше?

— Не берусь сказать вам, был ли убит мой друг Дёринг и если да, то кто его убийца. Могу только поведать вам одну историю.

Адвокат вопросительно посмотрел на Казевиуса.

— Истории я готов слушать всегда и везде, уж такое у меня ремесло,— с благодарностью ответил тот.

— Тогда слушайте. Имя Леверкюн говорит вам что-нибудь?

— Леверкюн? Конечно! Ведь это он защищал в Нюрнберге генерал-фельдмаршала фон Манштейна. Но, насколько помнится, он умер несколько лет назад.

Ангерштейн улыбнулся.

— То, что он защищал Манштейна, знает всякий. Но едва ли кому-нибудь известно, что этот человек — автор довольно интересной книги.

— Какая же связь между Паулем Леверкюном и Вольфгангом Дёрингом? — спросил Казевиус.

Адвокат внимательно посмотрел на посетителя.

— Собственно говоря, никакой связи между ними не было,— начал он.— И все же в их судьбах было много общего. В разное время и тот и другой числились депутатами бундестага и входили в состав комитета по вопросам обороны. Оба были хорошо знакомы с работой секретных служб. Оба не любили Штрауса и собирались кое-что «выложить». И оба неожиданно скончались от инфаркта.

Казевиус придвинулся поближе.

— Очень интересно,— сказал он.

— Да, это действительно интересно,— подтвердил адвокат.— Во время второй мировой войны Леверкюн был одним из главных агентов в аппарате адмирала Канариса и действовал на Ближнем Востоке. После войны он сделал себе имя, выступая на различных процессах, в том числе и на процессе Манштейна... Затем в качестве советника сопровождал Германа Абса в его поездке в Лондон, где велись так называемые переговоры о долгах. Вернувшись домой, он с головой окунулся в политическую деятельность и был избран депутатом бундестага от ХДС, а в пятьдесят третьем году получил орден «Крест за заслуги». Как видите, умопомрачительная карьера!

Ангерштейн закурил сигарету, подошел к книжной полке и снял с нее небольшой томик.

— И вот,— продолжал он,— после всего он написал эту книгу. С нее-то, в сущности, и начались его несчастья. Если не возражаете, я зачитаю и прокомментирую вам несколько выдержек.

— Конечно, не возражаю! Пожалуйста, читайте! — воскликнул Казевиус.

— Книга называется «Секретная служба германского вермахта во время войны». Вот что говорится в ней на странице восьмой:

«Книга эта написана ради того, чтобы традиции секретной службы и накопленный ею опыт были восприняты и усвоены новым бундесвером». И далее: «Сбор разведывательных дан-

ных необходим для действий войск и для принятия решений высшим руководством».

Ангерштейн многозначительно посмотрел на Казевиуса.

— По-моему, все достаточно ясно. Не правда ли? — спросил он.

Казевиус промолчал.

— Леверкюн не скрывает,— продолжал адвокат,— какого рода «традиции и опыт» он имеет в виду. Так, на шестнадцатой странице читаем: «До войны гамбургское отделение военной разведки сосредоточило свои усилия преимущественно на Франции и ряде заморских стран... Всемирные связи ганзейского города нужно было использовать и в интересах шпионажа. Таким образом, гамбургский филиал абвера получил относительную свободу рук для работы в районе Средиземного моря, на Иберийском полуострове, в Северной Африке, в Северной и Южной Америке».

— Иными словами, торговля на службе шпионажа,— резюмировал Казевиус.

— Совершенно верно,— Ангерштейн кивнул,— и так как Леверкюн неизменно подчеркивал необходимость шпионажа и для бундесвера, то можно себе представить, что кое-кто читал его книгу с явным недовольством. А Леверкюн действительно не церемонился. На сто третьей странице, например, он пишет о том значении, какое имела, а следовательно, имеет и сейчас Испания для германского военного шпионажа. Вот послушайте: «Из Испании велась разведка как на Англию, так и на Францию. Филиалы — имеются в виду тайные резидентуры — находились в Сан-Себастьяне, Барселоне, Альхесирасе, а также в Тетуане, то есть в Испанском Марокко. Для военно-морских сил особое значение имел Альхесирас — морская база, постоянно контролирующая судоходство через Гибралтар. То обстоятельство, что несколько сотен испанских рабочих из Ла-Линеа каждое утро пересекали границу, направляясь в Гибралтар, а к вечеру возвращались обратно, несомненно, облегчало задачу наблюдения за портом и получения данных о крепости».

Ангерштейн захлопнул книжку.

Немного подумав, Казевиус сказал:

— Меня давно уже удивляло, почему Штраус и его генералы так интересуются Испанией. Теперь я начинаю понимать...

— И англичане поняли это довольно скоро,— сказал адвокат.— В числе прочего Леверкюн выболтал кое-что также об использовании дипломатических представительств за границей для целей шпионажа. Ведь он сам официально занимал пост помощника военного атташе германского посольства в Анкаре. В действительности же он был руководителем германской военной разведки в Стамбуле. Подобные шпионские центры существовали почти при всех посольствах рейха.

Ангерштейн вновь раскрыл книгу.

— Вот что сообщается об этом на тридцатой странице: «Еще в мирное время представилось необходимым создать опорные пункты в нейтральных странах. Эти разведцентры либо действовали под видом экономических предприятий, либо в соответствующей форме учреждались непосредственно при германских иностранных миссиях».

Казевиус подался вперед, и конус лучей торшера высветил половину его лица.

— Как же нацистам удавалось заставлять своих послов мириться с этим? — спросил он.

— Во-первых, бесцеремонность нацистов хорошо известна,— ответил Ангерштейн.— Ну а во-вторых, они ведь подбирали таких дипломатов, которых вообще не приходилось «заставлять». В своей книге Леверкюн рассказывает о некоторых из них. Например, о некоем д-ре Груббе, тогдашнем германском после в Багдаде. Во время второй мировой войны этот господин пытался организовать в Ираке восстание.— Адвокат закурил сигару и, глубоко затянувшись, медленно выпустил дым.— А фон Папен! Вы, конечно, помните его?

— Разумеется, помню,— ответил Казевиус.

— Так вот, Франц фон Папен был тогда послом в Анкаре, то есть начальником Леверкюна. Однажды в Стамбуле кто-то предложил Леверкюну важные сведения о египетском королевском доме. За информацию потребовали пятьдесят тысяч марок. Такой большой суммы Леверкюн при себе не имел. Ближайшим поездом он отправился в Анкару и доложил об этом деле фон Папену. И знаете, что ответил ему посол? «В таких «фирменных делах» я с удовольствием участвую». И тут же выдал Леверкюну деньги.

— Неужели и об этом написано в книге? — спросил корреспондент.

— Написано, господин Казевиус! И автор настоятельно ре-

комендует не забывать подобные прецеденты. Однако я еще не сказал вам всего, точнее, не сообщил о главном в книге Леверкюна. Вы, несомненно, помните, что в пятьдесят девятом году коммунисты опубликовали материалы об участии Теодора Оберлендера в массовых убийствах во Львове, о его деятельности в батальоне особого назначения «Нахтигаль» и многом другом. Довольно долго господин Оберлендер утверждал, что все эти разоблачения — сплошной вымысел. Вот тут-то и пошли разговоры о книге Леверкюна. Представьте себе, что должен был испытать Оберлендер при чтении следующего абзаца: «Зимой 1941/42 года в лагере Нойхаммер близ Лигница был сформирован батальон из числа западных украинцев, некогда служивших в польской армии... Отчасти это были члены организации Бандеры, отчасти жители Западной Украины, принадлежавшие к другим организациям. С немецкой стороны батальоном командовал д-р Альбрехт Герцнер... политическим его руководителем был профессор Оберлендер. Этот батальон, сформированный отделом «Абвер II», получил название «Нахтигаль»... Впоследствии Оберлендер, опять-таки по заданию отдела «Абвер II», сформировал батальон «Бергман», укомплектованный выходцами из кавказских племен».

— Если я верно понял,— заметил журналист,— то Леверкюн подтверждает, что Оберлендер находился во Львове именно в то время, когда...

— Вы все правильно поняли,— перебил его адвокат.— Леверкюн убедительно доказал правильность обвинений, выдвинутых Восточным Берлином против Оберлендера.

— И что же было дальше?

— С этого момента Леверкюна начали преследовать. И неудивительно: во-первых, он детально рассказал о школе по подготовке разведчиков. Этого тайному агенту не прощают. Кроме того, он раскрыл немало подробностей о «коричневом» прошлом своих коллег.

— Что же конкретно предприняли против него? — спросил Казевиус, не отрываясь от блокнота.

— Много чего! Агенты МАД начали подслушивать все его телефонные разговоры. Впрочем, Штраус еще раньше хотел свести с Леверкюном кое-какие личные счеты. В пятьдесят четвертом году, когда предстояло избрать президента Европейского союза, были предложены кандидатуры Леверкюна и

Штрауса. Победил Леверкюн, получивший пятьдесят восемь голосов против тридцати четырех, поданных за министра обороны ФРГ. Штраус, карьерист до мозга костей, не мог простить этого Леверкюну. Вдобавок Леверкюн неоднократно заявлял, что пост министра обороны должен занимать квалифицированный военный специалист, а не дилетант вроде Штрауса. К слову сказать, это требование поддерживал и Вольфганг Дёринг. Короче, штраусовская разведка получила указание вести слежку за бывшим майором германской секретной службы Паулем Леверкюном.

— Думаю, дело не ограничилось подслушиванием телефонных разговоров,— заметил Казевиус.

— Безусловно, нет,— ответил адвокат.— В ноябре пятьдесят девятого года один висбаденский букинист вдруг занялся скупкой всех нераспроданных экземпляров книги Леверкюна. Тогда же эта книга была изъята из фондов всех наших публичных библиотек. Легко догадаться, что обе акции были предприняты по указанию Бонна. Затем взялись за самого Леверкюна. Он был депутатом бундестага, и фракция ХДС потребовала от него отречься от своей книги, разумеется, публично. Всю жизнь Пауль Леверкюн исправно выполнял все, что ему приказывали, но на сей раз он не подчинился, не стал опровергать собственные утверждения и даже пригрозил выступить с новыми разоблачениями, в частности показать, насколько двусмысленна была позиция председателя бундестага Герстенмайера в связи с памятными событиями двадцатого июля сорок четвертого года... Леверкюн зашел слишком далеко. Поздней осенью 1959 года его вынудили сложить депутатские полномочия, хотя срок их действия истек лишь наполовину. Тогда об этом много писали и говорили.

— Да, припоминаю,— кивнул Казевиус.

Ангерштейн налил себе немного вина и отпил глоток.

— Остальное можно пересказать в двух словах. Леверкюн отошел от политики и общественных дел. Но недолго довелось ему наслаждаться тихими радостями частной жизни. Уже в марте следующего года газеты обошло небольшое сообщение о неожиданной смерти бывшего депутата бундестага Пауля Леверкюна. Он тоже скончался от инфаркта.

— Вероятно, как и в случае с Вольфгангом Дёрингом, труп Леверкюна не подвергся судебно-медицинскому обследованию,— сказал Казевиус.

— Это верно,— ответил адвокат,— а между тем медицинская экспертиза была бы вполне уместна, так как Леверкюн неоднократно и открыто говорил о получаемых им письмах с угрозами расправы, о контроле за его перепиской и телефонными разговорами.

— Вижу, что вы правы, господин Ангерштейн. Параллель между судьбами Дёринга и Леверкюна очевидна,— заявил Казевиус.— И если заняться соответствующим анализом и сопоставлениями, то наверняка можно прийти к довольно любопытным выводам.

— Сопоставляйте, сколько вам будет угодно,— сдержанно ответил Ангерштейн.— Что касается меня, то я только хотел рассказать вам эту историю и ничего больше.

— А вам не кажется, что ее стоит обнародовать?

— Это, конечно, интересно, но и очень опасно. История германской разведки изобилует примерами гибели людей, которые либо слишком много знали, либо были не в меру любопытны.

— Вам такие примеры известны? — спросил Казевиус.

— Конечно, известны,— серьезно ответил адвокат.— Наши разведчики беспощадные люди.

— Расскажите же тогда и об этом,— попросил журналист.

— Если хотите, пожалуйста... Знаете ли вы, что вице-канцлер Маттиас Эрцбергер пал жертвой тайного судилища? Никто не сомневался, что к его смерти причастны тайные агенты. Эрцбергер осмелился выступить в Национальном собрании против полковника Вальтера Николаи, бывшего начальника службы шпионажа германского генерального штаба. Кстати, именно Николаи принадлежат слова: «Война в мирных условиях — вот наилучшая характеристика нынешней роли разведки в распрях между народами». Согласитесь, что есть люди, для которых эти слова сохранили свою актуальность и поныне.

После небольшой паузы Ангерштейн продолжал:

— Вы, наверно, знаете, что тридцатого июня тридцать четвертого года Гитлер разделался с Ремом и другими своими противниками по нацистской партии. Одной из жертв оказался генерал рейхсвера Фердинанд фон Бредов, возглавлявший тогда военную разведку. В ее архивах хранилось досье, в котором Гитлер был зарегистрирован как осведомитель командования четвертой группы войск рейхсвера. Генерал Бредов допустил серьезнейшую ошибку: где-то сболтнул, что

если-де потребуется, то он предаст упомянутое досье гласности. После его смерти документация бесследно исчезла.

Ангерштейн вновь остановился, чтобы дать Казевиусу записать и это.

— А помните дело Грольмана? — спросил он затем.— Генерал-лейтенант в отставке Генрих фон Грольман числился в бундестаге так называемым уполномоченным по обороне. Вы понимаете, что такая должность — не более чем фиговый листок, призванный создать впечатление, будто бундестаг и вправду имеет какое-то влияние на армию. Сам Грольман все что хотите, только не демократ. Но он недолюбливал Штрауса, быть может, за его болтливость и наглость, точно не скажу. Как бы то ни было, но время от времени Грольман выступал против министра обороны. В конце концов Штраус натравил на своего недоброжелателя агентов МАД, и те пустили слушок о гомосексуальных наклонностях отставного генерала. В результате Грольман сразу стал живым трупом. Этот прием, конечно, не нов. Гитлер, например, еще в тридцать восьмом году обвинил в том же грехе главнокомандующего сухопутной армией генерал-полковника барона фон Фрича и не долго думая приказал его расстрелять... В общем, знакомая практика — обесславить человека, а затем уничтожить его, буквально или в переносном смысле...

Ангерштейн умолк. Молчал и журналист, обдумывавший полученную информацию. Лишь потрескивание дров в камине нарушало водворившуюся тишину.

Наконец Казевиус встал.

— Вы рассказали мне много важного,— сказал он.— Только, кажется, я порядком злоупотребил вашим временем. Разрешите сердечно поблагодарить вас и откланяться.

Ангерштейн махнул рукой.

— Благодарить меня не за что. Но скажите, вы все еще хотите написать обо всем этом в газету?

— Да, хочу,— ответил Казевиус.— Я просто поставлю перед читателем несколько возникших у меня вопросов.

Адвокат улыбнулся.

— Боюсь, мой друг, что вы предаетесь иллюзиям. Неужели вы серьезно рассчитываете найти газету, которая согласится напечатать это?

— Я надеюсь. Во всяком случае, по крайней мере одна такая газета найдется наверняка.

Все следы ведут в Бонн

Казевиус снова вернулся в свое убогое жилище. После встречи с д-ром Ангерштейном он побывал в Дюссельдорфе и Гамбурге, и хотя ему не удалось в полной мере выяснить то, что хотелось, все же его блокнот обогатился несколькими важными записями, относящимися к смерти Вольфганга Дёринга.

Поездка была нелегкой. Везде молодого журналиста встречали с недоверием. Порой ему казалось, что люди чем-то напуганы и боятся разговаривать. Особенно явственно почувствовал он это, когда беседовал с шофером Дёринга, у которого точно память отшибло. Шофер сказал лишь, что по дороге в Дюссельдорф Дёрингу стало плохо и он привез его в ближайшую больницу. Больше ничего из него выудить не удалось. После непродолжительного разговора водитель взмолился:

— Ради бога, господин журналист, оставьте меня в покое! Я сказал вам все что мог.

В Гамбурге — в редакции «Шпигеля» — вопросы Казевиуса тоже не вызвали никакого энтузиазма. Когда он поинтересовался, что имел в виду Дёринг, когда заявил, что все документы, использованные против «Шпигеля», якобы были подброшены журналу ведомством Гелена, ему уклончиво ответили:

— Перечитайте то, что мы писали по этому поводу.

Он возразил, что вовсе не намерен заниматься переписыванием опубликованных материалов, а хочет докопаться до подлинных причин смерти Дёринга. Ведь, как известно, добавил он, покойный энергично защищал «Шпигель» от официальных нападок, и теперь редакции не мешало бы хоть чем-нибудь помочь расследовать эту таинственную историю.

Казевиус попросил сотрудников «Шпигеля» объяснить ему смысл слов Дёринга о «невыносимой борьбе между двумя инстанциями». Редакторы пожимали плечами и ничего определенного не говорили. Лишь один из них молча выдвинул ящик письменного стола и подал посетителю две журнальные вырезки.

Одна представляла собою статью из «Бильд-цейтунг» за 23 ноября 1962 года. В ней говорилось: «Мнение Гелена, как

полагают, сводится к тому, что министром обороны в пятом кабинете Аденауэра должен быть генерал».

Второй материал был вырезан из ноябрьского номера журнала «ППП-информационсдинст» за 1962 год. Текст гласил: «Если бы не история с журналом «Шпигель», то боннскому генералу Гелену, который в будущем году достигнет пенсионного возраста, пришлось бы уйти в отставку. Как сообщают из Бонна, Штраус потребовал назначить на этот пост своего ставленника».

Казевиус все больше недоумевал. Неужели речь шла только о борьбе за власть между Штраусом и Геленом?

Было ясно, что каждый из соперников стремился насаждать своих людей в аппарате другого, ибо одновременный контроль над армией и разведкой практически обеспечивал абсолютную власть в стране. Доказательств такой борьбы было более чем достаточно.

Так, в октябре 1962 года Штраус выдворил из своего министерства бригадного генерала Весселя и отправил его «для прохождения дальнейшей службы» в одну из частей. Вессель, возглавлявший в штабе бундесвера подотдел II (армейская разведка), во время войны служил заместителем Гелена и слыл близким другом руководителя секретной службы.

Вскоре после этого был арестован полковник Альфред Мартин, сотрудник МАД. Работая в аппарате Весселя, он возглавлял сектор по наблюдению за иностранными военными атташе в Бонне и тоже считался человеком Гелена.

Таким образом, все свидетельствовало об упорном стремлении Штрауса очищать свое ведомство от людей Гелена.

Но чистка эта отнюдь не ограничивалась рамками самой штаб-квартиры Штрауса. В связи с делом «Шпигеля» в Гамбурге задержали полковника Адольфа Вихта. По этому поводу Казевиусу удалось выяснить довольно неожиданные подробности.

В Гамбурге Адольф Вихт был известен как глава издательства под безобидным названием «Терра-пресс». В действительности же предприятие «Терра-пресс», находившееся на Хагедорнштрассе, не было издательством. Под вывеской этой фирмы скрывался филиал службы Гелена, руководимый ее тайным агентом полковником Вихтом. Когда Казевиус узнал об этом, ему вспомнилось место из книги Леверкюна, где речь шла о «фирмах» такого рода и о роли Гамбурга как од-

ного из главных центров сбора шпионских сведений. Итак, генерал Гелен строго придерживался давних, традиционных методов, практиковавшихся еще со времен Веймарской республики.

Другой редактор «Шпигеля» показал Казевиусу проект жалобы на нарушение конституции, которую журнал намеревался подать в так называемый федеральный конституционный суд в Карлсруэ. Особое внимание Казевиуса привлек абзац, касавшийся официального документа министерства Штрауса, в котором объяснялись причины преследования «Шпигеля». В документе утверждалось, что журнал якобы разгласил государственную тайну, хотя на самом деле публикация соответствующих материалов была разрешена федеральной секретной службой. Более того, материал для нашумевшей статьи «Фаллекс-62» «Шпигель» получил от самого Адольфа Вихта. В беседе с заместителем главного редактора Конрадом Алерсом полковник недвусмысленно подчеркнул достоверность этих сведений и на первом же допросе в МАД вновь подтвердил их.

В общем, все говорило о том, что «Шпигель» превратился в рупор Гелена, которому удалось использовать это издание в своей борьбе против Штрауса. Журнал с тиражом в полмиллиона экземпляров — довольно сильное оружие, и поэтому Штраус поспешил нанести ответный удар. Воспользовавшись благоприятным моментом, министр распорядился изъять из архивов «Шпигеля» все компрометирующие его документы...

Клаус Казевиус сидел за своим ветхим и громоздким письменным столом, занимавшим почти половину комнаты. Подперев голову руками, он размышлял над всеми этими запутанными фактами, пытаясь как-то осмыслить их.

Между Геленом и Штраусом, несомненно, существовал конфликт. Но почему?

Гелен был официальным руководителем важной правительственной инстанции и, конечно, не решился бы на собственный страх и риск предпринять фронтальное наступление на министра, к тому же весьма влиятельного. Значит, за спиной Гелена стояли какие-то весьма могущественные люди, заинтересованные в удалении Штрауса. Казевиус знал, что Гелен сделал карьеру при поддержке американской разведки, многим обязан ЦРУ и не стал бы ничего делать без санкции

американцев. А из-за океана в последнее время все чаще слышались голоса влиятельных американских деятелей, не скрывавших своего недовольства развязными и грубыми заявлениями Штрауса, его разнузданным образом жизни. Одна американская газета даже усмотрела некое «знамение судьбы» в том, что сын мясника Франц Йозеф Штраус вырос в Мюнхене на Шеллингштрассе, 49, на той самой улице, где некогда в соседнем доме, у фотографа Гофмана, работал молодой человек по имени Адольф Шикльгрубер...

Следовательно, заключил Казевиус, Штраус явно перестал устраивать какие-то американские круги. Министр обороны ФРГ упорно требовал вооружения Западной Германии ядерным оружием, но не проявлял той же настойчивости в области обычных вооружений. А США были в этом заинтересованы. Они добивались увеличения численности личного состава бундесвера до семисот пятидесяти тысяч человек и оснащения его главным образом традиционными видами оружия. Казевиус хорошо помнил, какие бурные дебаты вызвало это требование. В кулуарах бундестага он сам слышал, как один из депутатов сказал: «Господа за океаном боятся германской конкуренции на мировом рынке. Поэтому они пытаются навязать Федеративной республике огромное бремя расходов на вооружения».

Но в ФРГ нашлись люди, поддержавшие американские требования. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что все они связаны с угольными и стальными концернами.

Что ж, их позицию понять нетрудно, рассуждал Казевиус. Из угля и стали получаются танки, пушки, винтовки, боеприпасы. Такой бизнес куда более доходен, чем производство холодильников или стиральных машин. Разве Пауль Леверкюн не был уполномоченным фирмы «Дейче ваффен унд муниционсфабрикен», принадлежавшей концерну Квандта? Разве после войны он не работал в концерне «Хеншель»? А «Хеншель» теперь выпускает танки. Значит, Леверкюн наверняка выступал в бундестаге по поручению именно этой промышленной группы. Отсюда понятно яростное сопротивление, которое оказывали ему сторонники ядерного вооружения. Поэтому-то Леверкюна и убрали. А новым глашатаем его группировки стал Дёринг.

Такой представлялась Казевиусу связь между всеми этими событиями.

Его выводы подкреплялись и другими фактами.

Ведь не случайно, выступая с речью в Линдау, Дёринг прямо сказал, что на примере истории со «Шпигелем» нетрудно убедиться в стремлении МАД расширить область своих действий и полномочий. Кроме того, в сообщениях печати приводился еще один аргумент, который, вероятно, и побудил противников Дёринга окончательно и бесповоротно обречь его на смерть. Освещая митинг в Линдау, газеты писали о «лояльности Дёринга к секретной службе Гелена» и утверждали, что преследование «Шпигеля» — это интрига, инициаторов которой надо искать в мюнхенских кругах ХСС, то есть среди людей, близких Штраусу.

Все это означало, что Дёринг встал на сторону тех, кому Штраус так или иначе мешал, и что он, видимо, намеревался обнародовать кое-какие нелестные подробности о министре обороны и подчиненной ему военной разведке МАД. Недаром же он во всеуслышание объявил, что первая цель Свободной демократической партии — это отставка Штрауса.

Тогда-то Штраус и начал преследовать своего нового врага. После смерти Дёринга его хороший знакомый, журналист Гюнтер Гаус, писал в «Зюддейче цейтунг»: «Те, кому в последние недели случалось беседовать с Дёрингом по душам, удивлялись какому-то ожесточению, которое он прежде никогда не обнаруживал, по крайней мере открыто». И дальше: «Вдруг этот человек стал ранимым, и хотя, казалось, он, как и прежде, относится с иронией ко всякого рода оскорблениям и злостной клевете, политические события в Бонне все же, видимо, задевали его за живое: он принимал их близко к сердцу, остро и болезненно переживал».

Журналист Карл Герман Флах, тоже друг Дёринга, выразился еще яснее. «Они хотели,— писал он,— поймать Дёринга в те же сети, что и редакторов «Шпигеля». Заинтересованные круги еще в октябре поспешили выставить его перед общественностью как личность подозрительную. Теперь им уже незачем стараться. Тот, кого они преследовали с такой ненавистью, мертв... Он не вынес неимоверного гнета душевных и физических страданий, обрушившихся на него в последние месяцы...»

«Тот, кого они преследовали с такой ненавистью, мертв...»

Казевиус продолжал анализировать. Как политический противник Дёринг и вправду был очень опасен. Сотрудников ор-

ганизации Гелена и редакторов «Шпигеля» можно было арестовать, неугодных офицеров бундесвера отправить куда-то в пустыню. Все это, разумеется, взбудоражило бы немцев, но Штраус и его подручные не без основания рассчитывали на забывчивость своих соотечественников. Однако с Дёрингом, по их мнению, дело обстояло посложнее — ни одним из перечисленных способов его не удалось бы нейтрализовать. Как известно, депутат бундестага пользуется парламентским иммунитетом, его не посадишь за решетку, не подвергнешь перекрестному допросу. Напротив, в его распоряжении трибуна бундестага, с которой можно публично, привлекая внимание радио, телевидения и прессы, предъявлять властям обвинения. Могли ли его враги хоть секунду сомневаться в точности и конкретности разоблачений, которыми он им угрожал? Все это сулило Штраусу и иже с ним большие неприятности. А ведь к этим «иже с ним» принадлежал и сам «старик», то есть канцлер Аденауэр. Ведь именно он распорядился изъять при обыске редакции «Шпигеля» документы, изобличавшие его как агента французской разведки, на которую он работал непосредственно после войны. К этим «иже с ним» относились и Глобке, и Брентано, закадычный друг Штрауса. В некрологе, посвященном Дёрингу, Карл Герман Флах процитировал довольно красноречивый отзыв Брентано об умершем. Тогдашний министр иностранных дел ФРГ весьма пренебрежительно говорил об этом «парне» и заметил, что «людям, подобным ему, не следует совать свои грязные руки в политику».

В доме Брентано Дёринг провел последние, если можно так выразиться, официальные часы своей жизни, ведя разговор о внешнеполитических и военных проблемах. Во время этого разговора у него, по словам председателя Свободной демократической партии Менде, был «свежий и бодрый вид».

И то, что смерть настигла «свежего и бодрого» Дёринга сразу после многочасовой беседы на квартире Брентано, естественно, не могло не показаться подозрительным. Слишком многое зависело от Вольфганга Дёринга, слишком многое было ему известно. Так мог ли Штраус сложа руки беспечно дожидаться момента, когда столь опасный противник замахнется и нанесет удар?..

— Все ясно,— сказал себе Казевиус и сел за пишущую машинку.

Умерщвление газом в автомобиле и зверское избиение у подъезда

— К сожалению, мы не можем использовать вашу статью,— сказал главный редактор и отодвинул рукопись.

— Она плохо написана? — спросил Казевиус.— Не интересна? Или у вас какие-то другие соображения?

— Статья интересна и совсем неплохо написана,— ответил редактор, стараясь не глядеть в глаза Казевиусу.— Она даже очень интересна. Но... Уж вы, пожалуйста, не обижайтесь. Этот кусок железа слишком сильно раскален, и я боюсь притронуться к нему. Я просто не могу позволить себе роскошь опубликовать такой материал. Напишите что-нибудь другое, с удовольствием напечатаю.

Разговор с шефом огорчил Казевиуса. Он обошел множество редакций, и везде ему говорили примерно одно и то же. Прочитав первые две-три страницы рукописи, главные редакторы мрачнели. Предсказания Ангерштейна подтвердились.

Казевиус начал отчаиваться. И как назло, ему стали известны новые сенсационные подробности об этом деле.

В Германской Демократической Республике было опубликовано письмо группы друзей Дёринга. Они сообщали, что расследование, проведенное частным образом, выявило весьма странные обстоятельства гибели депутата бундестага: из небольшой сплющенной трубки, незаметно укрепленной кем-то у заднего окна машины умершего, внезапно вырвалась сильная струя газа, вызвавшего паралич сердца и тем самым скорую смерть. На обратном пути в Дюссельдорф, писали авторы письма, Дёринг уснул. Он проснулся от какого-то необычного шума, заставившего его вздрогнуть. Инстинкт подсказывал: «Скорее в больницу!» Но было уже поздно.

Казевиус хотел добиться официальной оценки этого письма. Он обратился в правление Свободной демократической партии, в федеральную уголовную полицию, в дюссельдорфскую больницу. Но нигде ему не дали ответа по существу. Все утверждали, что это письмо — «коммунистическая пропаганда» и не заслуживает серьезного внимания. Казевиус не мог в это поверить. Снова возник вопрос: почему все-таки при вскрытии трупа и осмотре машины никто не искал следов яда? Чего же стоили набившие оскомину заявления о «комму-

нистической пропаганде», если никто не дал себе труда опровергнуть главное, что содержалось в письме?

Была в этом документе еще одна фраза, которая даже Казевиусу поначалу показалась неправдоподобной. Из нее следовало, что друзья Дёринга передали это письмо ряду западногерманских газет и правлению Свободной демократической партии. Но ни пресса, ни партийные лидеры не рискнули напечатать его. Слишком велик был их страх перед мстительной разведкой.

В это было бы трудно поверить, но теперь Казевиус на собственном опыте убедился, что газеты отвергают даже куда менее «опасные» материалы...

Однажды вечером, уже вконец расстроенный своими неудачами, Казевиус бродил по улицам федеральной столицы. Он не представлял себе, что еще предпринять. «Может, мне действительно лучше отойти в сторону,— говорил он себе.— Но ведь это просто обидно, я так подробно разобрался во всем!»

Стало темно. Казевиус посмотрел на часы. Было уже семь. «Время ужинать»,— решил он.

Подойдя к своему дому, он заметил несколько неподвижных фигур, стоявших у подъезда. «Опять какие-то стиляги»,— подумал он и направился к двери.

— Господин Казевиус? — спросил чей-то голос.

Журналиста вдруг охватил страх, бешено забилось сердце. «Быть беде»,— мелькнуло в его сознании.

— Да, это я,— тихо отозвался он.

Фигуры ожили и двинулись на него.

Казевиус даже не понял, куда его ударили — в голову или в шею. Он только почувствовал страшную боль.

Жестокие удары следовали один за другим. Казевиус обмяк, повалился на тротуар. Инстинктивно захотелось прикрыть живот руками, но руки не слушались. Перед глазами расходились огненные круги.

«Они убьют меня»,— подумал он и потерял сознание...

●

• Убийство на диком Западе

Три выстрела и миллион долларов

Абрахам Запрудер живет в техасском городе Далласе и торгует текстильными товарами, производимыми на его собственной небольшой фабрике. Несколько искусных работниц его предприятия сидят за швейными машинами и мастерят готовое белье и верхнюю одежду. Запрудера не причислишь к главным богачам города: в сравнении с прибылями нефтяных королей и магнатов военной промышленности его доходы, а следовательно, и налоги совсем не так уж велики. Он, пожалуй, и не стал бы известен за пределами Далласа, если бы не пятница 22 ноября 1963 года.

В этот день Запрудеру пришлось приостановить работу фабрики на целый час. Сердце коммерсанта обливалось кровью: что ни говори, а час простоя швейных машин — это все-таки какой-то убыток. Но выбора не было: не пожертвуй он этим часом, его работницы все равно не усидели бы за машинами. В этот день в Даллас прибыл президент Соединенных Штатов Америки. Маршрут его следования через город проходил неподалеку от предприятия Абрахама Запрудера. Кто же откажется стать свидетелем столь исключительного события! Поэтому Запрудеру поневоле пришлось объявить часовой перерыв — с 11.40 до 12.40. Впоследствии фабрикант не жалел о принятом решении. За этот час он стал миллионером.

Ровно в 11 часов 40 минут, когда на фабрике Запрудера прекратился стрекот электрических швейных машин, на аэродроме «Лав филд» близ Далласа приземлился специальный самолет президента США Джона Фицджеральда Кеннеди. Тридцать пятый президент Соединенных Штатов Америки при-

летел в Даллас, чтобы открыть предвыборную кампанию: в ноябре 1964 года предстояли очередные президентские выборы.

Стояла великолепная погода. Утром прошел сильный ливень, потом небо очистилось и солнце засверкало над всей округой, заливая своим слепящим светом свежевымытые улицы, дома и деревья. Окажись день дождливым, все могло бы получиться совсем по-иному. Тогда на машину Кеннеди, вероятно, взгромоздили бы пуленепробиваемую стеклянную крышу. Впрочем, согласно инструкции об охране президента, ее надлежит ставить и при хорошей погоде, однако в данном случае по неустановленным причинам этого сделано не было.

Джону Кеннеди и его супруге устроили пышную встречу. Жители города, прибывшие на аэродром, восторженно приветствовали своего президента. «Какая пара!», «Какая прелестная пара!» — слышалось то здесь, то там. Было и впрямь приятно смотреть на жизнерадостного, молодого Кеннеди в темно-серой двойке и на его сияющую, очаровательную жену Жаклин в малиновом костюме и шапочке того же цвета.

Президент, обрадованный этим приемом, демонстративно подошел к шеренге полицейского оцепления и принялся пожимать руки встречавшим. Это длилось около десяти минут. Чиновники, ведавшие церемониалом встречи, озабоченно поглядывали на часы: по традиции на «политиканство», как журналисты шутливо называли такие рукопожатия, полагалось не более пяти минут.

Наконец, треволнения церемониймейстеров улеглись. Кеннеди и Жаклин уселись в машину. Перед ними на откидных сиденьях разместились губернатор штата Техас Джон Коннэли и его жена. Машину вел агент тайной полиции Билл Грир. Рядом с ним у радиотелефона сидел другой секретный агент — Рой Келлерман.

В 11.15 кортеж тронулся: впереди двигался эскорт мотоциклистов, за ним следовал линкольн президента, сопровождаемый двумя мотоциклистами с каждой стороны, далее машина с тайными агентами, почему-то названная «Королева Мэри», затем автомобиль вице-президента Джонсона и, наконец, автобус, набитый репортерами из Вашингтона. Кортеж направлялся к «Трэйд маркет» — выставочному павильону Далласа, где Кеннеди должен был выступить с речью. Предстояло

ехать около шестнадцати километров через промышленные предместья, парки и жилые районы.

Сначала Запрудер следил за движением президентского кортежа по телевизору, а когда колонна приблизилась к центру города, выключил аппарат и спешно покинул свою контору, чтобы найти удобное место, откуда можно было бы получше разглядеть президента и заснять его на пленку. Такое место он нашел на близлежащей Элм-стрит, где на тротуарах собралось сравнительно немного горожан. Едва он успел занять выгодную позицию, как заметил свою секретаршу, шарившую глазами вокруг. Она побежала за хозяином, чтобы принести ему узкопленочную камеру. Запрудер забыл ее на письменном столе.

Это было приблизительно в 12. 20.

В тот момент кортеж президента еще двигался по центральным улицам — своеобразным ущельям между небоскребами. Стрелки спидометров указывали среднюю скорость — около 40 километров в час. Далласцы шумно приветствовали Кеннеди, и он время от времени просил водителя сбавлять ход. К 12. 25 толпа на тротуарах несколько поредела — кортеж выехал из центра города.

С улицы Мэйн-стрит колонна автомобилей свернула вправо на Хаустон-стрит. Через несколько сот метров предстоял левый поворот на Элм-стрит — улицу с односторонним движением, описывающую дугу в юго-западном направлении и снова подходящую вплотную к Мэйн-стрит. От склада издательства школьных учебников эта улица ведет влево, а через какие-нибудь сто метров, загибаясь вправо, уходит под железнодорожный мост. Именно на этом отрезке, между поворотом и мостом, все и случилось. Когда колонна подъезжала к мосту, часы на складе издательства показывали 12.30.

Тут-то Абрахам Запрудер и поднял свою кинокамеру. В видоискателе показались приближающиеся машины. Тихо заурчал съемочный механизм. Запрудер видел, как президент махал рукой, видел широкую улыбку на его лице.

Стрелка часов на здании издательства рывком передвинулась на одно деление.

В это мгновение грянул выстрел. Затем второй. И еще один.

Испугавшись, Запрудер вздрогнул, но у него хватило присутствия духа, чтобы продолжать съемку. Он видел, как го-

лова президента скрылась внутри машины, как Жаклин Кеннеди наклонилась над мужем, как появились какие-то люди около Коннэли и его жены, как машина президента вырвалась вперед и умчалась на предельной скорости.

Не поняв толком, что произошло, Запрудер опустил камеру. В эту минуту коммерсант еще не знал, что он единственный человек, в мельчайших подробностях заснявший покушение на президента. Он пришел в себя, когда рядом послышались возбужденные выкрики полицейских в форме и в штатском: «Ложись! Все ложись!» Он увидел, как несколько полицейских побежали к железнодорожному мосту и к издательству, где женщины и мужчины, опасаясь продолжения стрельбы, распластались на земле.

Что же произошло в машине президента в те страшные секунды, которые запечатлел на пленку Абрахам Запрудер? Об этом рассказал впоследствии губернатор Коннэли.

— Вы не можете сказать, что Даллас встречает вас неприветливо! — обратилась миссис Коннэли к президенту.

Кеннеди хотел было что-то ответить, но тут раздался первый выстрел.

— Президент сразу поник,— рассказывал губернатор.— Я повернулся влево, и следующая пуля угодила в меня. Я почувствовал, что тяжело ранен. «Господи,— сказал я,— ведь они нас всех прикончат!» Тут прогремел третий выстрел, и снова пуля попала в президента.

— Нет!.. Ни за что!.. Они убивают моего мужа! — в ужасе закричала миссис Кеннеди.

Рой Келлерман, человек могучего телосложения, истерически завопил в радиотелефон:

— Покушение на Первого! Скорее в ближайшую больницу!

На стокилометровой скорости машина президента проехала пять километров до больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл».

Но все было напрасно.

Когда президента на залитых кровью носилках внесли в операционный зал № 1, он был без сознания. Лучшие врачи больницы во главе с профессором-хирургом Малькольмом Перри сделали все что могли: взрезали трахею, вскрыли правую сторону грудной клетки, произвели переливание крови, применили искусственное дыхание, массаж сердца. Не отрывая глаз все смотрели на экран телевизора, на котором дол-

жна была появиться кардиограмма пострадавшего. Но линия оставалась прямой. Джон Фицджеральд Кеннеди был мертв.

Д-р Чарльз Джеймс Каррико, ассистент профессора Перри, исследовал раны президента. В протоколе он записал: «Одно пулевое ранение шеи. Более крупное ранение головы — пролом задней части черепа».

В другом заключении говорилось: «Одна пуля попала в шею президента спереди, на уровне запонки воротничка, и проникла в грудь. Выходное отверстие не обнаружено. Вторая пуля попала в него сзади наискосок, в правую сторону головы».

Джон Коннэли, которого обрабатывали в соседнем операционном зале № 2, был поражен третьей пулей. Она попала в грудь, разорвала легкое и застряла в бедре.

Между тем у подъезда больницы толпились группы всполошившихся репортеров. Неожиданно поодаль показался Малькольм Килдафф, заместитель начальника отдела печати Белого дома.

— Что вы можете нам сказать? — дружно заорали они.

Срывающимся голосом Килдафф крикнул в ответ:

— Ничего не знаю! Решительно ничего!

Это была неправда. Килдафф уже знал, что президент мертв, но говорить об этом пока не полагалось. Он искал вице-президента Джонсона, которого вместе с женой спрятали в какое-то помещение, поставив у дверей усиленную охрану. Килдафф вошел к Джонсону и заявил:

— Вы немедленно должны занять пост президента!

Джонсон был бледен.

— Сперва я хочу вернуться отсюда на аэродром,— возбужденно проговорил он.— Нам не известно, не имеем ли мы дело с каким-то всемирным заговором, не охотятся ли они и за мной...

Полчаса спустя в том же самолете, на котором Кеннеди прибыл в Даллас, федеральный судья Сара Хьюз привела нового президента к присяге.

Малькольм Килдафф сообщил репортерам:

— Президент Кеннеди мертв!

Это было в 13.20.

Вскоре к Абрахаму Запрудеру валом повалили визитеры. Редакция журнала «Лайф» первой пронюхала о его кинокадрах и направила к нему целую ораву бойких проныр. Пока

Запрудер, запершись с репортерами «Лайф», вел переговоры, его кабинет начали штурмовать десятки представителей крупных газет и агентств печати. Предлагаемые суммы записывались на визитных карточках, которые подсовывались под дверь. Ставки непрерывно возрастали.

В конце концов победителями оказались журнал «Лайф» и объединившийся с ним западногерманский иллюстрированный еженедельник «Штерн». Запрудер продал им свою пленку. За миллион долларов.

Увольнение Абрахама Болдена

В один из мартовских дней 1964 года на страницах ряда американских газет проскользнуло внешне ничем не примечательное сообщение, состоявшее буквально из одной фразы. Оно гласило:

«За попытку применить шантаж сотрудник «Сикрет сервис» Абрахам Болден отстранен от занимаемой должности».

Предельно лаконичное и сугубо официальное, оно вряд ли взволновало тех немногих читателей, которым случайно попалось на глаза. В Соединенных Штатах Америки всем уже давно известно, что полицейских можно подкупить, что они склонны к вымогательству, охотно вступают в сделки с гангстерами и вообще заботятся о «порядке» на свой особый лад. Велика ли важность — какой-то пустяковый шантаж, а по сути даже и не шантаж, а только попытка прибегнуть к нему. От этого «мистер Бэббит», как принято называть среднего американца, не теряет душевного покоя. Его нервы притупились, и, чтобы как следует пощекотать их, нужно что-нибудь похлеще. Конечно, если бы «мистер Бэббит» мог догадаться, что эта информация связана с убийством Кеннеди, он бы, несомненно, всполошился. Но об этом знали лишь посвященные.

Упомянутый Абрахам Болден окончил Линкольнский университет и был образованным молодым человеком. К тому же он добился больших успехов и в спорте: его высоко ценили как одного из лучших игроков университетской бейсбольной команды, а противники по боксерскому рингу не без оснований страшились его сокрушительных хуков и апперкотов. Окончив учение, он поступил на службу в полицию штата Иллинойс, где оставался до октября 1962 года. Именно

тогда этот двадцатидевятилетний полицейский с высшим образованием привлек к себе внимание службы «Сикрет сервис».

Примерно в то же время Урбанус Боумэн, тогдашний начальник этой службы, писал: «Мы обеспечиваем нашему президенту такую всеобъемлющую и разработанную до последних деталей систему охраны, какой нет ни в одном другом государстве».

Назначение Болдена на работу в «Сикрет сервис» вызвало некоторую сенсацию. Дело в том, что, наделенный многочисленными достоинствами, он вместе с тем страдал одним весьма немаловажным и позорным в Соединенных Штатах Америки недостатком: у него была черная кожа. Некоторое время об этом много говорили. Болден оказался одним из редких исключений, призванных внушить общественности, будто черный гражданин США обладает теми же правами и возможностями, что и белый. И все-таки белые сотрудники секретной службы отнеслись к своему новому коллеге не особенно приветливо. «Черномазый» был им явно не по вкусу, и никто из них не желал прослыть «ниггерлавером», то есть «другом негров». Но Абрахам Болден словно не замечал враждебных взглядов. Он пребывал в состоянии радостного возбуждения. «Уж если меня зачислили в штат «Сикрет сервис»,— говорил он себе,— значит, я чего-нибудь да стою». И ему хотелось доказать, что человек с черной кожей может быть таким же хорошим агентом, как белый, а то еще и лучшим.

С 1901 года это особое полицейское подразделение выполняет одну-единственную задачу: оно охраняет жизнь президента. До того «Сикрет сервис» занимался охотой на фальшивомонетчиков. Но в памятном 1901 году тогдашний президент США Уильям Маккинли пал жертвой покушения. То было третье за тридцать шесть лет убийство главы крупнейшего американского государства.

В 1865 году фанатик-расист Джон Бут застрелил Авраама Линкольна. Шестнадцать лет спустя, в 1881 году, было совершено покушение на президента Джеймса Гарфилда. После убийства Маккинли на «Сикрет сервис» возложили обязанность охранять жизнь президента. Но покушения такого рода продолжались. Вот их перечень:

1912 год — стреляли в Теодора Рузвельта. Он отделался легким ранением;

1933 год — пять выстрелов во Франклина Делано Рузвельта. Президент остался невредимым, но его спутник, мэр города Чикаго, скончался от смертельной раны;

1950 год — нападение на «Блэйр хауз», где временно жил президент Трумэн. Один из сотрудников «Сикрет сервис» был убит.

После каждого из этих покушений все более плотной становилась «живая стена» вокруг президента. Повышались требования к агентам его личной охраны. В нее зачислялись только люди с высшим образованием, первоклассные стрелки и мастера искусства самообороны. Желающий вступить в эту лейб-гвардию должен вдобавок обладать великолепной памятью на лица. Программа подготовки телохранителей президента предусматривает, в частности, изучение фотографий «опасных элементов». Физиономии подозрительных людей надо запоминать так, чтобы уметь распознавать их даже среди толпы.

Когда президент отправляется в поездку, тридцать пять лучших сотрудников службы, обеспечивающей его безопасность, назначаются в так называемое «внутреннее кольцо», постоянно окружающее президента. Остальная тысяча агентов составляет «внешнее кольцо». Но разработка мер безопасности начинается задолго до самой поездки. К начальнику полиции города, который намерен посетить президент, заблаговременно приезжают представители «Сикрет сервис». Шеф полиции обязан ознакомить их с именами и фотографиями подозрительных лиц из числа жителей города и сообщить другие необходимые данные о таких горожанах. Зачастую за этими людьми устанавливается надзор. Иногда на время президентского визита их даже подвергают аресту. Тщательно обследуются и обыскиваются здания и канализационные сооружения, расположенные вдоль намеченного маршрута следования.

Если президент пользуется самолетом, то по всей трассе полета стоят наготове аварийно-спасательные машины, авиация и корабли, чтобы в случае катастрофы поспешить к нему на помощь. Если президент следует по железной дороге, то на все вокзалы и станции, мимо которых пройдет его поезд, высылают агентов «Сикрет сервис». Служебный самолет президента охраняется круглые сутки. Когда в Белом доме устраивается прием, каждого из гостей незаметно проверяют.

Без соответствующего контроля на стол не подается ни одно кушанье. Любой пакет просвечивается рентгеновским аппаратом.

При вступлении в должность сотрудников «Сикрет сервис» приводят к торжественной присяге. Они клянутся «всемогущим богом», что в случае необходимости пожертвуют своей жизнью ради спасения жизни президента, что ни на мгновение не будут спускать с него глаз и при малейшем признаке опасности закроют главу государства своим телом.

Естественно, что и в Далласе не обошлось без многочисленных приготовлений, призванных обезопасить поездку президента. Как обычно, были просмотрены и изучены сотни фотографий. Детальному обследованию подвергся выставочный павильон, где намечалось выступление Кеннеди. У четырнадцати ворот и дверей расставили специальные посты. Каждую из пяти тысяч желтых роз, украшавших павильон, скрупулезно проверили — нет ли в ней взрывных запалов.

Под особое наблюдение были взяты даже... бифштексы, предназначенные для высокого гостя из Вашингтона. Агенты прошли по всем канализационным коллекторам вдоль маршрута следования президентского кортежа. Перед прибытием Кеннеди триста пятьдесят полицейских в штатском смешались с толпой, внимательно улавливая любое подозрительное движение. Лимузин президента был доставлен из Вашингтона на транспортном самолете. Этот автомобиль гарантировал максимальную безопасность: пуленепробиваемые стенки, пуленепробиваемые стекла, пуленепробиваемая крыша!

Но когда, уже после убийства Кеннеди, все эти меры безопасности были перепроверены, выяснилось, что иные сотрудники «Сикрет сервис» не очень-то строго придерживались торжественной присяги.

В ночь с 21 на 22 ноября двенадцать телохранителей из «внутреннего кольца» кутили в одном из баров Форт Вэрта, города-спутника Далласа. Последние из них покинули бар около трех часов утра в состоянии сильного опьянения. Позже поговаривали, будто кто-то их намеренно спаивал.

Пока телохранители пьянствовали, телевизионная студия Форт Вэрта передавала документальный репортаж с подробностями покушений на американских президентов Линкольна, Гарфилда и Маккинли. В программе эта передача не значилась.

Лица, ответственные за «внутреннее кольцо», разрешили снять с линкольна пуленепробиваемую крышу, и в роковой час она бесполезно валялась в багажнике автомобиля, хотя служебная инструкция, которой обязан подчиняться и сам президент, требует, чтобы этот прозрачный защитный колпак был постоянно укреплен на кузове.

Довольно небрежно была проведена и проверка данных о подозрительных элементах. Накануне президентского визита в Далласе и Форт Вэрте разбрасывалась листовка в виде приказа об аресте. На ней была помещена фотография Кеннеди анфас и в профиль, как бы взятая из архива уголовного розыска. Текст гласил:

«Этот человек разыскивается за измену Соединенным Штатам:

1) он предал конституцию. Он продал суверенитет США Организации Объединенных Наций, контролируемой коммунистами. Он предает наших друзей и заводит дружбу с врагами;

2) он подрывает нашу безопасность;

3) он поддерживает расовые беспорядки, устраиваемые коммунистами;

4) он приказал федеральным войскам оккупировать суверенный штат;

5) он призвал антихристов в федеральные учреждения... В федеральных учреждениях засели иностранцы и коммунисты».

«Сикрет сервис» не задержал ни одного из распространителей этой листовки. Не задержал он и тех, кто в тот же день роздал жителям Далласа тысячи экземпляров другой листовки. В ней говорилось: «Призовите к ответу предателя Джона Ф. Кеннеди, ибо он поддерживает врагов США!» Рядом была изображена виселица.

В хвастливом заявлении Урбануса Боумэна о «всеобъемлющей и разработанной до последних деталей системе охраны президента» содержалась следующая оговорка: «Мы бессильны перед винтовкой с оптическим прицелом, направленной на президента из высокорасположенного окна». Этот намек походил на инструкцию. Ведь именно так и был убит Кеннеди.

Абрахама Болдена не включили в состав президентской охраны, командированной в Даллас. Ему намекнули, что в Техасе негров недолюбливают. Однако при расследовании при-

чин провала «Сикрет сервис» в Далласе допросили также и его, и хотя это был ординарный допрос, показания Болдена все же оказались небезынтересными. Он обвинил своих коллег в несерьезном отношении к служебным обязанностям. «Сотрудники «Сикрет сервис»,— заявил он,— которые охраняли летнюю резиденцию Кеннеди в Хайаннис Порт, нередко в служебное время пили спиртное. Часто они самовольно уходили с поста».

В письме, адресованном комиссии Уоррена, которой было поручено заняться подробным расследованием обстоятельств убийства президента, Болден изъявил готовность повторить свои показания.

Через некоторое время он был уволен из «Сикрет сервис». О «причине» увольнения говорилось в упомянутой газетной заметке: «Попытка прибегнуть к шантажу»...

«Красный» в главном управлении полиции

Выстрелы на Элм-стрит раздались в 12 часов 31 минуту. Через шестьдесят семь минут — в 13.38 — полицейская рация передала: «Преступник пойман».

На этот раз полиция Далласа сработала как хорошо смазанная машина, что, вообще говоря, ей отнюдь не было свойственно. Так, например, в 1963 году здесь произошло сто семьдесят убийств, но более половины этих преступлений остались нераскрытыми.

По отзывам местных газет, да и по словам самого начальника полиции Джесса Кэрри, его ребята и вправду совершили какое-то чудо.

Едва автомобиль со смертельно раненным президентом свернул с Элм-стрит, как Джесс Кэрри отдал по радио приказ: «Оцепить и обыскать книжный склад».

Пятьсот полицейских услышали распоряжение своего шефа. Вокруг здания, у входа в которое красовалась табличка с надписью: «Тэксас паблик скул бук депозитори» («Техасский склад школьных учебников»), вырос живой вал. Тридцать полицейских ворвались в дом и немедленно приступили к обыску. Почему Джесс Кэрри не распорядился обследовать заодно и железнодорожный мост, остается до сих пор загадкой.

У здания склада скопилось множество людей. Один из полицейских офицеров выкрикнул:

— Кто здесь хозяин?

Какой-то человек отделился от толпы и, подойдя поближе, представился:

— Рой Трули.

Офицер сделал ему знак, и они оба направились к дому. Впереди шел Трули, за ним полицейский с пистолетом в руке. Лифт не работал: видимо, где-то наверху забыли захлопнуть дверь шахты. Офицер выругался и вместе с Трули побежал наверх.

На втором этаже находилась столовая. Трули распахнул дверь. В стороне, у автомата по продаже напитков, стоял молодой человек в черном пуловере и рубашке цвета хаки. Он пил прямо из бутылки кока-колу. Полицейский подскочил к парню и приставил пистолет к его груди.

— Этот тип работает здесь? — спросил он Трули.

— Да,— кивнул тот,— его зовут Ли Харви Освальд.

Полицейский удовлетворился ответом.

Впоследствии управляющего складом спросили, как вел себя молодой человек, когда ему вдавили пистолет между ребер.

— Он выглядел довольно ошарашенным,— сказал Трули,— как, вероятно, выглядел бы и всякий другой на его месте. Но он не потерял самообладания.

Все это длилось несколько секунд, затем Трули и полицейский побежали на третий этаж.

Тем временем Освальд спустился вниз. У выхода его задержал полицейский.

— Вам куда? — спросил он Освальда.

— Хочу посмотреть, в чем дело,— буркнул тот.

И тут произошло нечто совсем непонятное: Освальда беспрепятственно пропустили через оцепление. Ему разрешили покинуть дом, из которого предположительно стреляли в президента. Чем объяснить эту недопустимую оплошность? Общим замешательством или другой причиной?..

Часы показывали 12.35.

Ровно через минуту Кэрри приказал передать по радио описание внешности Освальда всем полицейским участкам и оперативным машинам.

Что же произошло за эту минуту?

— Освальд исчез и тем самым навлек на себя подозрение,— показал потом управляющий складом.— Я велел созвать служащих. Кроме Освальда, явились все.

Это показание звучало неправдоподобно. На книжном складе работало около девяноста человек. В момент покушения большинство из них находилось на улице. Как же можно было собрать их так быстро? Как можно было в течение одной минуты установить, что все налицо, за исключением одного только Освальда? Как можно было за одну минуту составить описание личных примет Освальда да еще передать их по радио? На все эти вопросы Джесс Кэрри отвечал односложно и без всякого воодушевления.

Когда оперативные машины и постовые приступили к розыску Освальда, последний следовал в другой район города — в Оук Клифф. Он спешил домой, в пансион Джонсона, располагавшийся в доме № 1026 по Норс-Бекли-стрит. Там он снимал комнату.

Сперва он дошел до Ламар-стрит, сел в автобус, но уже на следующей остановке вышел, так как автобус едва тащился — улицы были забиты. Освальд сел в такси и на нем проехал оставшийся путь — около шести километров.

Он попросил шофера остановиться не у самого пансиона, а не доезжая Норс-Бекли-стрит. Отсюда он пошел пешком. Мисс Робертс, горничная пансиона, показала, что Освальд явился домой около 13 часов. У горничной, по ее словам, создалось впечатление, что он, видимо, очень торопился, ибо вскоре — минут через десять — снова вышел на улицу, теперь уже в коричневом пиджаке.

По данным полиции, через несколько минут в одном из соседних кварталов разыгралась следующая сцена: быстро шагавшего Освальда окликнули из оперативной полицейской машины, стоявшей у тротуара. Как оказалось, в машине находился полицейский по фамилии Типпит. Что он сказал Освальду, неизвестно. Однако, говорилось в полицейском сообщении, между ними сразу же завязалась словесная перепалка. Возбужденный до крайности Освальд внезапно выхватил пистолет и всадил в Типпита три пули, убив его наповал.

Эта часть полицейской версии тоже вызывала недоумение. Почему Типпит сидел в машине один? Ведь это противоречило служебной инструкции. Как мог Типпит узнать Освальда? Ведь

тот несколько преобразился — сменил черный пуловер на коричневый пиджак, то есть уже не подходил под описание, переданное полицейским. Или, быть может, Типпит знал Освальда лично?..

Но последуем за событиями, как они изложены в отчете полиции.

Застрелив полицейского, Освальд побежал по улице, которая, как утверждалось, была пустынной. На Джефферсон-стрит он увидел кинотеатр «Тэксас-сиэтр» и, видимо решив там спрятаться, купил билет на очередной сеанс фильма «Война — сущий ад». Это было в 13.25. Кассирша обратила внимание на взбудораженный вид Освальда и, заподозрив неладное, позвонила в полицию. В 13.35 четверо полицейских, возглавляемые Макдональдом и Джерри Хиллом, ворвались в зал кинотеатра. Потом они показали: арестованный держал в руке пистолет и пытался стрелять, но его оружие не действовало. В дальнейшем выяснилось, что был погнут ударник с бойком. Полицейские заявили Освальду, что его подозревают в убийстве президента и их коллеги Типпита. Освальд исступленно закричал: «Я не убивал президента! Я вообще никого не убивал!» Затем его увели...

В ночь с пятницы на субботу представители прессы собрались в большом зале главного управления далласской полиции. Был уже первый час, когда в помещение вошли начальник полиции Джесс Кэрри, руководитель отдела расследования убийств капитан Уильям Фриц и прокурор Далласа толстяк Генри Уэйд. Два полицейских подталкивали Ли Харви Освальда, скованного наручниками. У него был совсем растерзанный вид: опухшее лицо, темные разводы у глаз и у носа. Казалось, что синяки и кровоподтеки припудрены. Джесс Кэрри, не стесняясь, объяснил, почему арестованный «покрыт пятнами».

— Он подвергся длительному допросу,— сказал он.

Несколько журналистов рассмеялись. Они, видно, хорошо знали, что в Далласе принято называть «длительным допросом».

Многочисленные фотокорреспонденты железным кольцом сомкнулись вокруг Освальда и полицейских начальников города. Улыбаясь из-под широкополых техасских шляп, Кэрри и его коллеги стояли под фейерверком магниевых вспышек. Фоторепортеров сменили сотрудники радио и телевидения.

Они совали Освальду прямо под нос микрофоны, спрашивали, сколько ему лет, чем он занимается, и выясняли прочие несущественные подробности. Освальд отвечал немногословно и сдержанно. Но главное было достигнуто — голос «убийцы» записали на пленку.

Наконец Джесс Кэрри попросил внимания присутствующих.

— Я очень рад,— сказал он,— что это страшное преступление удалось так быстро раскрыть. Мы уже располагаем рядом доказательств того, что президент Кеннеди убит именно Освальдом и никем другим.

— Сознался ли Освальд в убийстве? — спросил кто-то.

Кэрри, сдвинув шляпу на затылок, ухмыльнулся:

— Он еще не раскололся. Но мы не сомневаемся, что сцапали кого надо.

— Преступник отклонил все наши попытки подвергнуть его допросу с применением детектора лжи,— возмущенно объявил Генри Уэйд.

Кто-то из репортеров спросил, какие уже собраны доказательства. Этот вопрос прозвучал как условный сигнал. Джесс Кэрри несколько раз откашлялся и достал из нагрудного кармана пачку бумаг. При обыске книжного склада, сказал он, на шестом этаже была найдена винтовка с отпечатками пальцев Освальда. Точно такие же отпечатки полицейские обнаружили и на одном из ящиков, из которых стрелок-убийца соорудил баррикаду у окна. После задержания Освальд подвергся проверке с помощью парафина на следы пороха. Такие следы были найдены на его руках. Следовательно, Освальд, несомненно, стрелял.

— Какой марки было оружие? — спросил один из газетчиков.

На этот вопрос ответил прокурор. Он почему-то крякнул и неуверенно проговорил:

— Это была винтовка «Маузер» калибра 6,5.

Причина смущения прокурора выяснилась через несколько часов.

Кэрри показал журналистам фотографию. Стоявшие впереди узнали на ней Освальда. В руке он держал винтовку.

— Он знал толк в оружии! — воскликнул Кэрри.— И отлично умел обращаться с ним!

Далее он сообщил, что Освальд служил в корпусе морской

пехоты, где прошел снайперскую подготовку. Всякому понятно, что из окна шестого этажа только опытный снайпер способен в течение считанных секунд произвести три прицельных выстрела по движущейся цели. В комнате, которую Освальд снимает в пансионе, продолжал Кэрри, полицейские нашли план города Далласа. На нем крестиками отмечены несколько пунктов маршрута следования Кеннеди, в том числе и место, где стоит здание книжного склада. Линия, нанесенная пунктиром, соответствует траектории полета роковых пуль...

Шеф полиции умолк, и в зале ненадолго воцарилась тишина. Но уже через минуту кто-то стоявший сзади — Кэрри не мог разглядеть его — громко сказал:

— О'кэй! Может быть, так оно и есть. Но все это еще не доказывает, что Освальд действительно стрелял в Кеннеди. Вы говорите, будто на его руках нашли следы пороха. Но когда стреляют из винтовки, следы пороха должны быть на лице. Ведь прицельные выстрелы производятся не с бедра!

Генри Уэйд беспокойно поправил шляпу.

— Этот вопрос мы здесь обсуждать не будем,— огрызнулся он.— Имеющихся доказательств вполне достаточно, чтобы посадить его на электрический стул.

— Но у нас в Штатах действует правило: покуда вина обвиняемого не доказана безоговорочно, он считается невиновным! — возразил чей-то голос.

Уэйд побагровел.

— Мне уже доводилось и при гораздо меньшем количестве улик отправлять людей на электрический стул! — заявил он.

— Скажите, а сколько раз вы требовали казни на электрическом стуле? — полюбопытствовал кто-то.

Зал рассмеялся.

Вопрос явно понравился прокурору — напряженная атмосфера немного разрядилась.

— Двадцать четыре раза! — весело ответил он.— И двадцать три раза приговор был приведен в исполнение.

Кэрри тоже поспешил воспользоваться переменой ситуации, чтобы дать пресс-конференции иное направление.

— Джентльмены,— сказал он,— должен сообщить вам еще несколько важных фактов.

Затем после многозначительной паузы, заставившей аудиторию притихнуть, торжественно произнес:

— Да будет вам известно: Освальд — «комсимп» [так в США называют людей, симпатизирующих коммунистам.— **К. Р.**]. Еще в юности он зачитывался коммунистической литературой. В 1959 году он в качестве туриста поехал в Россию и обратился в московские инстанции с просьбой приютить его. В России он оставался три года. Потом вернулся в Штаты с русской женой. Но вместо того, чтобы осознать свою ошибку, этот человек сразу же стал работать по заданиям «Комитета за справедливость к Кубе». Он никогда не скрывал своих коммунистических взглядов.

По залу прошел шепоток. На лицах некоторых репортеров заиграла ироническая усмешка. По всему было видно, что делу решено придать «красный оттенок». Когда налицо «красный убийца», все, естественно, намного проще.

Несколько человек стали наперебой просить слова. Наконец кому-то удалось перекричать остальных:

— Можно задать вопрос обвиняемому?

Кэрри хмуро посмотрел на своих коллег, потом утвердительно кивнул.

— Признаете ли вы себя виновным, мистер Освальд? — спросил репортер.

— Нет! — испуганно ответил Освальд.— К убийству президента Кеннеди я не имею никакого отношения. Я требую адвоката...

Во время этой сцены полицейский Джон Паркер, внимательно следивший за аудиторией, заметил довольно любопытные подробности. Вот что он рассказал:

«...Репортеры двух ведущих местных газет то и дело кивали мне, затем указывали глазами на Ли Освальда и на своих маститых коллег из Нью-Йорка. Я пристально вглядывался в каждое лицо, понимая, что если покушение на президента совершено бандой преступников, то в любую секунду можно ожидать, что кто-то помешает Освальду говорить. А для этой цели в Техасе весьма охотно прибегают к шестизарядному револьверу. Все-таки надежное средство. Вдруг я заметил в углу зала владельца ночных клубов Джека Руби. «Почему это он оказался здесь? — подумал я.— Тут что-то неладно».

Я осторожно протиснулся через «кордон безопасности», выставленный вокруг Освальда, чтобы быть поближе к Руби.

Я точно знал, что он всегда носит с собой пистолет. Как и многие мои товарищи, я частенько бывал в его заведении, где выполнял обязанности вышибалы. Он платил нам по семь долларов за ночь...

Но, прежде чем я пробрался к Руби, ему удалось очутиться около прокурора. А ведь именно этому я хотел помешать... Прокурор Уэйд отвернулся от Освальда и ухмыльнулся Руби. Потом наклонился к нему, и, пока тот говорил, несколько раз понимающе кивнул.

Когда этот таинственный разговор окончился, Руби сунул в правый карман пиджака прокурора какую-то бумажку...»

Недоумение Джона Паркера по поводу неожиданного появления владельца ночных клубов на пресс-конференции рассеялось сорок восемь часов спустя.

«Великий Даллас» и «звезда Техаса»

Прием удался на славу. Гостеприимный и щедрый хозяин позаботился, чтобы его многочисленным гостям было повсюду хорошо — и в гостиной, и на террасе, и в парке. Все было продумано: приглушенная музыка, отлично вышколенные лакеи, изысканные кушанья, самые дорогие напитки, артисты и, наконец, стайка прелестных и «не очень одетых» девушек. Здесь собрались самые знатные граждане города Далласа, такие, как Джон Мэрчисон, мультимиллионер и директор сталелитейной компании «Тэксас стил корпорейшн», или мистер Армстронг младший, председатель «Союза предпринимателей Далласа». Все присутствующие — а это были почти сплошь миллионеры вроде Мэрчисона и Армстронга — почитали участие в этой встрече за особую честь.

Как явствовало из пригласительных билетов, мистер Гаральдсон Лафайет Хант позвал гостей на «скромный коктейль». Мистер Хант был самым богатым человеком Техаса, а по некоторым сведениям, даже всей Америки. Его состояние оценивалось в два миллиарда долларов. Ему принадлежали лучшие нефтеносные участки штата, но его капитал работал также и в Африке, и в Южной Америке. Люди из его окружения «под строжайшим секретом» сообщали, что на одной лишь нефти Хант зарабатывает каждые сутки не менее миллиона. Впрочем, мистер Хант занимался не только нефтью. Рассказывали, что он организовал собственную систему радио-

и телефонной связи с крупнейшими ипподромами Соединенных Штатов. Не было забега, на котором он не выигрывал бы. Кроме того, он слыл азартным картежником, и не зря — в игре он действительно был удачлив. Свою первую нефтяную скважину он выиграл в покер. Это было очень давно, в каком-то игорном притоне штата Арканзас.

Но сегодняшний «скромный коктейль» не имел никакого отношения ни к нефти, ни к картам. Семидесятипятилетний нефтяной король Хант, «звезда Техаса», неожиданно стал романистом. Его произведение никак нельзя было назвать шедевром, и он, не решаясь предложить плод своих писательских усилий какому-нибудь солидному издательству, напечатал его за собственный счет в типографии, обычно выпускающей телефонные книги. По случаю приема были присланы первые экземпляры, еще пахнувшие типографской краской.

Гости толпились вокруг седого миллиардера. Каждому хотелось получить роман с автографом. Любой такой экземпляр стоил солидного банковского чека — его владельцу был обеспечен кредит во всем Далласе.

Вдруг оркестр заиграл туш. Две маленькие девочки, взявшись за руки, вышли на середину гостиной, остановились и затянули модную песенку, хорошо знакомую гостям. Она начиналась волнующими словами:

«Что делает наш милый песик на окошке?»

Но девочки несколько изменили текст:

«Так сколько стоит этот томик на окошке,
Та книжечка, что папа написал?»

И тут же пропищали:

«Ее цена — полсотни центов».

Повторяем, книгу, так сильно прельстившую гостей нефтяного короля, отнюдь нельзя было отнести к литературным откровениям. Репортеры, приглашенные на вечер, написали в свои газеты крайне сдержанные отзывы о ней либо вообще ограничились кратким пересказом ее содержания. Но те, у кого хватило терпения осилить этот «утопический роман» под ничего не говорящим названием «Альпака», поневоле детально ознакомились с политической программой Ханта.

Героя романа зовут Хуан Ачала. Это мужчина «с гордой осанкой атлета, с глазами, сверкающими из-под густых бровей, и ослепительно белыми зубами». Смысл своей жизни он видит в решении одной-единственной задачи: он хочет осно-

вать государство, где все будет решаться только по воле «элиты». К элите герой романа причисляет всех, кто нажил большие состояния. На выборах богачи имеют по семь дополнительных голосов, а при желании могут — разумеется, за наличные — приобрести их еще больше. Государственный аппарат Хуана Ачалы напоминает наблюдательный совет акционерного общества. У кого больше вклад, у того и больше полномочий. «Гордый атлет» Хуан Ачала подумал также о том, чтобы «великие мира сего» не платили свыше двадцати пяти процентов подоходного налога.

Человек, знакомый с обстановкой в Далласе, сразу же поймет, что в этом городе уже давно осуществились все утопические замыслы Хуана Ачалы. Как и его «государством грез», Далласом управляют богатые люди. Истинное правительство Далласа именуется «советом граждан», куда входят двести пятьдесят мужчин. И хотя их никто не выбирал, все же в городе не происходит ничего существенного без и тем более вопреки согласию «совета». От него всецело зависит, кому быть мэром, или прокурором, или начальником полиции, какие законы и положения надлежит утвердить, а какие нет, на что ассигнуются деньги. Рядовые далласцы называют членов «совета граждан» «десижн мейкерс», что означает «принимающие решения». Но это определение не вполне точно, ибо при обсуждении любого важного вопроса «совет граждан» всегда обращается в свою высшую инстанцию — «высокую семерку». «Высокая семерка» объединяет богатейших из богатых, лиц, владеющих умопомрачительными состояниями. Они действуют исподволь. Достаточно любому из них шевельнуть пальцем, и все городское управление или весь полицейский аппарат приходят в движение. Но их влияние не ограничивается пределами Далласа. Они властители всего Техаса, и их длинные руки легко дотягиваются до самого Вашингтона. Лишь немногим жителям Далласа известен полный состав «высокой семерки», но в принадлежности к ней Гаральдсона Лафайета Ханта не сомневается никто. Он самый богатый из всех и к тому же обладает огромной пробивной силой. Его «утопический роман» — это кое-как беллетризованный политический план распространения порядков, господствующих в Далласе, на все Соединенные Штаты Америки.

Правда, стремясь осуществить свои замыслы, мистер Хант не ограничивается изящной словесностью. Он создал самый

настоящий пропагандистский аппарат, основой которого стал фонд «Лайф-лайн». В торговом регистре этот фонд значится как «благотворительная и просветительная организация». Но фонд «Лайф-лайн» не имеет ни малейшего касательства ни к благотворительности, ни к просвещению. Оба эти слова упоминаются только в угоду министерству финансов, ибо в США суммы, расходуемые на благотворительность и просвещение, не подлежат налогообложению. Фонд «Лайф-лайн» не оказывает никому благодеяний и не расширяет ничьего кругозора, единственное его назначение — пропаганда взглядов мистера Ханта. Фонд издает несколько собственных газет. Его программы передаются один или два раза в день 325 радиостанциями и не менее раза в неделю 70 телевизионными студиями. «Лайф-лайн» распространяет прежде всего ту точку зрения, что подлинная Америка — это только южные штаты, что подлинный центр Америки — это Техас и что Даллас — сердце Техаса.

«Благотворительно-просветительная организация» мистера Ханта на все лады превозносит Даллас, именуя его «великим Далласом». Любая передача изобилует превосходными степенями: Даллас — самый богатый город, Даллас — самый чистый город, Даллас — самый волнующий город! В Техасе все намного масштабнее, чем в остальных штатах, а в Далласе все гораздо крупнее, чем в остальной части Техаса. В Далласе самая крупная биржа по продаже хлопка и самый высокий в мире портье. В Далласе самая широкая автострада и самая большая перечница. В Далласе — наибольшее в мире количество миллионеров и — после Нью-Йорка — небоскребов.

Так «Лайф-лайн» рекламирует «великий Даллас».

...Мистер Хант велел принести себе кресло. Вытянув ноги и положив руки на подлокотники, он с задумчивой улыбкой разглядывал гостей. Вдруг к нему подошел какой-то пожилой тучный господин и слегка поклонился. Миллионер радушно протянул ему обе руки. Стэнли Маркус был знаком всем присутствующим, ибо возглавлял «совет граждан» Далласа. Но больше его знали как владельца единственного в своем роде магазина. Торговый дом «Нейман энд Маркус» назывался «магазином миллионеров». Его хозяева утверждали, что могут предложить покупателю решительно все, что он пожелает,— от золотой игрушечной мышки для котенка миллионерши до самой настоящей китайской джонки из Гонконга. Магазин еже-

годно устраивал церемонию выборов «самого притязательного покупателя». Десять лет назад им оказался владелец обширного парка роскошных лимузинов. В 1963 году «королем покупателей» стал человек, у которого в собственном морском порту стояли две опять же собственные подводные лодки. Надо ли говорить, что в магазине «Нейман энд Маркус» работают «самые хорошенькие в мире продавщицы», которых по желанию того или иного клиента-миллионера «включают» в стоимость покупки и считают «приложением» к товару? Естественно, что это торговое предприятие широко рекламируется в радио- и телепрограммах «Лайф-лайн».

Увы, для столицы Техаса характерны и такие «превосходные степени», сведения о которых по возможности не предаются огласке. Но без них картина жизни «великого Далласа» была бы далеко не полной. Так, например, в полицейском отчете за период с 1 января по 30 сентября 1963 года отмечаются 1024 нападения с ограблением, 3742 взлома, 2289 случаев угона автомашин, 110 убийств. Словом, статистика примерно того же порядка, что и соответствующие данные по таким городам, как Чикаго или Нью-Йорк. Во всех этих преступлениях замешаны прежде всего так называемые «лейквудские гангстеры» — тоже одна из «превосходных степеней» Далласа. Речь идет о самой необычной банде в Соединенных Штатах. В нее принимаются молодые люди в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет. «Лейквудским юношей» может стать только сын миллионера с минимальным капиталом в пять миллионов долларов. Банда совершает любые преступления — от примитивных краж до изощренных убийств. Никогда еще ни один из ее членов не представал перед судом. Да и какой полицейский решился бы преследовать кого-нибудь из них? Того и гляди нарвешься на отпрыска одного из членов всемогущего «совета граждан» или — упаси боже! — на потомка самого Стэнли Маркуса. Кроме того, эта банда организовала в Далласе превосходно действующий центр торговли живым товаром, и вряд ли можно считать случайностью, что среди городов США Даллас прочно удерживает первенство по публичным домам — как по числу, так и по тарифам. Здесь же сосредоточено наибольшее в стране количество ночных увеселительных заведений с голыми танцовщицами и стриптизом. В качестве «самого сенсационного аттракциона» туристам рекомендуют ночной клуб «Скайнайт» — «Небесная ночь».

Здесь каждого гостя обслуживает девушка, вся «одежда» которой состоит из пропеллера, приделанного пониже спины. «Символ единения природы и техники»,— поясняют удивленным новичкам...

Этот город полон суеты, беспокойства, жажды жизни, мании величия. Возможно, правы те, кто связывает все это с его историей. Когда летом 1841 года золотоискатель Джон Нили Брайен поставил сруб на берегу реки Тринити, он наверняка не подозревал, что со временем здесь разрастется город-гигант. В первые десятилетия строили мало. Даже к началу двадцатого века «почтовая станция» Даллас состояла из нескольких домишек, разбросанных вокруг трактира. Все правовые проблемы решались прямо на улице, преимущественно при помощи кольта. Принцип решения споров был предельно простым: кто выстрелит первым, тот и прав. Это небольшое скопление хижин, пожалуй, и не превратилось бы в настоящий город, если бы в 1901 году здесь не нашли нефть. До тех пор алчных авантюристов сюда влекли только золото да пресловутая «романтика дикого Запада». Теперь же игроки, спекулянты и прочие аферисты видели свой «великий шанс» в нефти. Всех охватила нефтяная лихорадка. Охота за миллионами велась, разумеется, отнюдь не по правилам «Армии спасения». Успеха мог добиться только самый жестокий и наглый, только тот, кто без колебаний наносил сопернику запрещенные удары. Немалую роль играло умение мгновенно пускать в ход огнестрельное оружие. Сруб Джона Нили Брайена по сей день стоит в самом центре Далласа и оберегается как святыня. Хижина эта — своеобразный символ того, что дух «дикого Запада», дух «доброго старого времени», когда господствовали грубые нравы и право сильного считалось высшим законом, не только сохранился в Далласе, но и жив как никогда прежде.

Конечно, изменились методы. Они стали более рафинированными и не ограничиваются двенадцатизарядным кольтом. Появились новые средства. Но остался в силе старый девиз: кто выстрелит первым, тому и счастье улыбнется.

Среди тех, кому сегодня вечером миллиардер Хант презентовал свой роман «Альпака», был генерал Эрнест Томпсон, командующий национальной гвардией Техаса. Именно ему принадлежит изречение: «Нефть — это, господа, боеприпасы...» Оно точно выражает мысли и чувства техасских неф-

тяных магнатов: нефть — это кровь экономики. Ее хозяева могут регулировать процесс экономического кровообращения. Но они могут и приостановить его. «Нефть — это боеприпасы». Ею можно убивать людей. «Тезис» Томпсона о боеприпасах был и остается своеобразной программой. Когда-то давно, в годы освоения техасской нефти, вашингтонское правительство предоставляло нефтеискателям налоговые льготы. Двадцать семь с половиной процентов их чистой прибыли не подлежали обложению. Тогда это, пожалуй, было резонным. Разведка нефтяных месторождений была чревата немалыми опасностями и риском. Иной раз дорогостоящие буровые работы оставались безрезультатными. В других случаях забивший было фонтан иссякал через несколько дней. Иногда выход нефти оказывался значительно ниже, чем ожидалось. И вот эти-то налоговые льготы, справедливые и понятные в давние времена, не только сохранились до сих пор, но и дополнены рядом других, хотя нефтяная промышленность, нервный центр которой находится в Далласе, стала самой развитой и могущественной отраслью американской индустрии.

Несколько лет назад сенатор-демократ Дуглас начал кампанию против особых привилегий Далласа. Выступая в сенате, он, в частности, привел два следующих примера: одна техасская нефтяная фирма, получившая в 1954 году четыре миллиона чистой прибыли, внесла в казну... 404 доллара налога. Другую фирму с двенадцатимиллионным годовым доходом казначейство освободило от уплаты полумиллиона долларов налоговой недоимки.

Сенатор Дуглас не первым посягнул на привилегии Техаса. Задолго до него это попытался сделать президент Франклин Делано Рузвельт. Но тогда шла война, и техасские нефтяные короли отказались подчиниться, зная, насколько жизненно важна их нефть для страны. Рузвельту пришлось отступить. Когда он умер, один из миллионеров Далласа на радостях устроил пышный и разгульный прием... Вот до чего доходит ненависть далласских мультимиллионеров к тем, кто хоть как-то посягает на их прибыли!

Итак, в 1957 году сенатор Дуглас внес в сенат предложение урезать привилегии нефтяных королей. Но, как и у Рузвельта, у него ничего не вышло.

В числе людей, поддержавших план Дугласа, был сенатор Джон Фицджеральд Кеннеди, будущий президент США. В Те-

хасе хорошо запомнили это имя. В день выборов здесь проголосовали за соперника Кеннеди — Ричарда Никсона.

У обладателей техасской нефти есть могущественные союзники. Во время второй мировой войны и после нее в Техасе выросли огромные центры военной промышленности.

В предместьях Далласа, Гарлэнде и Грэнд Прэйри, построили два гигантских авиационных завода. Военный концерн «Дженерэл дайнэмикс», один из крупнейших в США, возвел в Форт Вэрте новый индустриальный город, где выпускаются самые современные реактивные самолеты и межконтинентальные баллистические ракеты. Только в 1962/63 бюджетном году военная промышленность Техаса получила правительственные заказы на сумму в 1,1 миллиарда долларов. Нефть и вооружение — блистательный бизнес, неизмеримо укрепивший власть техасских господ.

Кеннеди был им издавна антипатичен. Идеи политики «новых горизонтов», провозглашенной молодым президентом при вступлении на высокий пост, были восприняты в Техасе с глубоким недоверием. Но тогда еще говорили, что, дескать, новая метла чисто метет, а новые президенты должны обещать своим избирателям что-то новое. И даже если он затеял все это всерьез — тоже не беда, справимся и с ним, как справились с Рузвельтом. Но Кеннеди стал призывать к мирному сосуществованию, к разумному решению международных дел, к осторожности в расовом вопросе. Еще совсем недавно, в июне, выступая в Вашингтонском университете, он сказал:

«Слишком многие из нас полагают, будто мир невозможен. Слишком многие считают его нереальным. Это опасная точка зрения».

А потом в довершение ко всему Кеннеди подписал Московский договор о частичном прекращении ядерных испытаний. Все это были, конечно, лишь робкие и неуверенные шаги президента в сторону разумных решений. Но в Далласе они вызвали форменную панику. Городская элита метала громы и молнии. Чего же ждать в будущем? Что станется с заказами на вооружения, на нефть? Что станется с бизнесом, если «разразится мир»?..

К Гаральдсону Ханту подошел широкоплечий, рослый мужчина. Старый нефтяной король сердечно пожал ему руку. Вот

уже на протяжении нескольких недель программы «Лайфлайн» превозносили этого чуть поседевшего господина как «величайшего патриота Америки». Эдвин Андерсон Уокер, бывший генерал армии США, был первым любимцем мистера Ханта, о чем знали все. Уокер с его «сверкающими глазами, глядевшими из-под густых бровей», казался вылитой копией Хуана Ачалы — героя книги Ханта. В окружении миллиардера считалось, что своим романом Хант воздвиг этому генералу Уокеру своеобразный прижизненный памятник. Хант, несомненно, возлагал на экс-генерала большие надежды, как в свое время уповал на сенатора Маккарти и его комиссию по расследованию «антиамериканской деятельности», созданную для преследований коммунистов и «комсимпов».

И вера Ханта в Уокера не была лишена оснований.

За четыре месяца до убийства Кеннеди, например, в Даллас приехал Эдлай Стивенсон, глава делегации США в ООН. Он намеревался прочитать доклад о задачах этой организации. В аэропорту «Лав филд» Стивенсона встретили несколько тысяч хулиганов. Они плевали в него, забрасывали камнями, скандировали: «Кеннеди получит свое в аду! Стивенсон умрет!» Все отлично знали, чья рука направила орду хулиганов в аэропорт, но никто не мог этого доказать. И когда муниципалитету города пришлось принести Стивенсону официальные извинения, генерал Уокер поднял перед своей помпезной виллой на бульваре Тэртл Крик четыре американских государственных флага звездами вниз. Это означало, что страна в беде. Зато флаг Техаса и знамена рабовладельческих штатов эпохи гражданской войны — нынешних южных штатов — Уокер вывесил как полагается.

После убийства Кеннеди генерала интервьюировал один австрийский журналист. Впоследствии он писал, что дом Уокера показался ему чем-то вроде эсэсовской штаб-квартиры. «Дверь открыл молодой, угрожающего вида верзила в рубашке с закатанными рукавами. Затем появился еще один молодчик, за ним третий... Это не были партнеры для дискуссии. Четвертым оказался сам генерал. Самоуверенное плакатное лицо «убежденного фюрера». Его излюбленная тема — коммунисты, к которым он причисляет и Кеннеди».

Разумеется, разговор зашел об убийстве. Генерал откровенно заявил, что был личным и политическим врагом президента Кеннеди. В 1961 году Кеннеди отозвал Уокера из За-

падной Германии, где тот командовал дивизией оккупационных войск, дислоцированной в Аугсбурге. «Величайший патриот Америки» внушал своим солдатам, что в правительстве Кеннеди есть коммунистические элементы и что оно вообще играет на руку коммунистам, сам же Кеннеди — «тряпка», «мягкотелый миротворец».

Австрийский журналист спросил Уокера:

— Вы сожалеете об этом убийстве?

Генерал ничего не ответил, только едва заметно улыбнулся. Выдержав небольшую паузу, он сказал:

— Только уж вы, пожалуйста, напишите все правильно. Обязательно укажите, что меня считали олицетворением бескомпромиссной борьбы против администрации Кеннеди.

Ненависть к убитому президенту не была какой-то личной причудой одного генерала Уокера. После увольнения из армии он не случайно переселился именно в Даллас, где находятся руководящие органы многих организаций, поставивших себе целью «спасти Америку от красной опасности». В Далласе обосновалось пресловутое общество Джона Бэрча. Его пропаганда строго выдержана в духе речей Гитлера. Тут же развернули свою деятельность «Конвент национального возмущения», организация «Техассцы за Америку», центр юго-западной организации ку-клукс-клана, «Форум свободы». Все они начертали на своих знаменах один и тот же лозунг — «Холодная и горячая война против коммунизма!» Своим главным военным советником они избрали Эдвина Андерсона Уокера. Его вилла на бульваре Тэртл Крик — штаб антикоммунистического крестового похода.

И все же, по данным далласской полиции, биографии Уокера и президента Кеннеди сходятся в одной подробности: на обоих — с интервалом в семь месяцев — было произведено покушение: на Уокера в апреле 1963 года, а на Кеннеди — в ноябре. Шеф полиции Кэрри официально заявил, что и в первом и во втором случае стрелял один человек — Ли Харви Освальд. Но Кэрри не дал себе труда объяснить, почему Освальд покушался на жизнь двух людей, отстаивающих диаметрально противоположные политические взгляды...

Улыбаясь, мистер Хант все еще беседовал со своим «Хуаном Ачалой». Генерал зажал подаренный экземпляр книги

миллиардера под мышкой и, слегка подавшись вперед, внимательно слушал своего покровителя. Изредка кивком головы он подзывал лакея с подносом, брал рюмку виски, пил и вновь сосредоточенно внимал словам Ханта.

Поиски убийцы

Проезжая по центральным улицам Далласа, адвокат Марк Лейн, только что прилетевший из Нью-Йорка, все больше удивлялся. И не без оснований. Всего несколько часов назад он покинул огромный город, погрузившийся в траур. Во всех окнах горели свечи, висели окаймленные черными лентами портреты Кеннеди, кафе, бары и увеселительные заведения закрылись. А в Далласе никакого траура не чувствовалось, хотя именно здесь-то и случилось «главное преступление века», как называли некоторые газеты убийство Кеннеди.

Весь город переливался яркими огнями световой рекламы. Адвокат проехал мимо ночного клуба «Скайнайт», где у входа красовались изображения обнаженных официанток. С большого футбольного стадиона доносился яростный рев болельщиков. Назавтра он прочитал в местных газетах, что шестнадцать тысяч зрителей с ликованием встретили триумф местной команды «Большие медведи», победившей соперника со счетом 19 : 7. Он видел множество веселых и пьяных людей. Ничто не напоминало о только что происшедшем убийстве, которое взволновало весь мир. Марк Лейн не понимал, в чем тут дело, и лишь удивленно качал головой.

Несмотря на довольно молодой возраст — ему было всего тридцать семь лет,— Лейн пользовался известностью как адвокат и член законодательного собрания Нью-Йорка. В Даллас он приехал потому, что заинтересовался личностью Освальда. Он и сам не понимал толком, чем был вызван этот его интерес. Быть может, тем, что большинство газет считало именно Освальда убийцей президента. Или тем, что никто из адвокатов не пожелал взять на себя защиту обвиняемого. Или, возможно, ему как юристу стало немного жаль этого Освальда, или захотелось прославиться на сенсационном процессе, или, наконец, сказалось свойственное почти всем адвокатам органическое отвращение к так называемому «полному набору улик», о котором твердила местная полиция. Как бы

то ни было, но Лейн спешно собрался и заказал себе билет на самолет в Даллас.

С первых же шагов ему стало ясно, что он взялся за очень трудную задачу. В полиции ему не разрешили ознакомиться с делом. Вовсе не из недоверия, как пояснил Джесс Кэрри, а только потому, что город буквально наводнен людьми, желающими заняться частным расследованием убийства. Тут и журналисты, и детективы-любители, и писатели. Как адвокат, мистер Лейн, несомненно, поймет, насколько это затрудняет работу полиции. Поэтому пусть он только следит за ее работой.

Вскоре Лейн понял, почему полиция ведет себя так сдержанно и прикрывается примитивной отговоркой насчет всяких журналистов и частных агентов, якобы занятых расследованием дела. Аргументы полиции и его собственные выводы расходились настолько, что он встал перед форменной загадкой. А полиция упорно не желала помочь ему разобраться хотя бы в одном из его многочисленных вопросов.

Первые противоречия касались оружия, якобы использованного для убийства. На шестом этаже здания книжного склада полицейские нашли винтовку. В официальном сообщении указывалось, что речь идет о карабине системы «Маузер» (калибр 7,65 мм). Генри Уэйд подтвердил это на пресс-конференции. «Да,— сказал он,— найденный карабин «Маузер» и был орудием убийства». В субботу, примерно через сутки после совершения преступления, ФБР объявило, что в марте Освальд, прибегнув к псевдониму, заказал у одной чикагской фирмы винтовку и получил ее наложенным платежом. Это был итальянский карабин типа «Манлихер-Каркано» калибра 6,5 мм. Едва сообщение ФБР попало на страницы газет, Уэйд немедленно отказался от своего утверждения на пресс-конференции и уточнил, что найденное оружие было действительно карабином, но не «Маузером», а «Каркано». Марк Лейн разыскал полицейского, который обнаружил этот карабин. Тот сказал: «Я там нашел винтовку «Маузер»...»

Генри Уэйд занимал пост прокурора тринадцать лет подряд. До того четыре года сотрудничал в ФБР. Возможно ли, чтобы он — а если не он, то кто-нибудь из его сотрудников,— не сумел отличить «Маузер» от «Каркано»? Почему именно в Далласе, где совершается больше всего преступлений с помощью огнестрельного оружия, не нашлось эксперта по этому

вопросу? В каждом полицейском участке любого города США есть «райфл-бук» — справочник по всем видам винтовок и ружей. Как же его не оказалось в Далласе?!

Сразу же возникла и другая неясность. Карабин «Каркано» не самозарядный. После каждого выстрела нужно опустить оружие, отвести назад стебель затвора с рукояткой, дослать патрон, вновь прижать приклад к плечу, прицелиться, выстрелить, затем снова опустить оружие и т. д. Мыслимо ли при таких условиях произвести в течение пяти секунд три прицельных выстрела по движущейся цели? Марк Лейн не был специалистом в этой области, но без труда рассчитал, что это мог бы сделать только выдающийся мастер стрельбы. Довольно скоро его предположение полностью подтвердилось. Итальянцу Кашеано, чемпиону Европы по стендовой стрельбе, потребовалось одиннадцать секунд, чтобы произвести из карабина «Каркано» три прицельных выстрела, а руководитель Национальной ружейной ассоциации Леонард Дэйвис, один из лучших снайперов Соединенных Штатов, потратил на это упражнение шесть с половиной секунд. Однако нигде не нашлось человека, способного за пять секунд трижды поразить из этого оружия движущуюся цель, то есть повторить то, что, по словам даллаской полиции, удалось сделать Освальду.

Нью-Йоркский адвокат ознакомился с воинскими документами Освальда и снова изумился: утверждение Генри Уэйда, будто Освальд прошел снайперскую подготовку, не соответствовало действительности. Освальд действительно служил в корпусе морской пехоты — отборных войсках американских вооруженных сил, но в его характеристике недвусмысленно значилось: «Как стрелок он не удостаивался особенно высоких оценок». И дальше: «На последних учебных стрельбах Освальд выбил только 191 очко из 250 возможных». Несколько профессиональных военных сказали Марку Лейну, что 190 очков — это минимально приемлемый показатель стрелковой подготовки для личного состава корпуса морской пехоты.

Итак, что же получается: посредственный стрелок Освальд в течение пяти секунд выпускает три пули в Кеннеди и все три раза попадает? Когда Марк Лейн поставил этот вопрос, ему ответили, что после увольнения Освальда из морской пехоты прошло несколько лет, и за это время он мог сколько угодно

тренироваться в стрельбе. Еще говорили, будто, живя в Советском Союзе, он был членом стрелкового клуба. Тогда нью-йоркский адвокат возразил: чем же объяснить, что такой замечательный стрелок так позорно промазал, когда стрелял в генерала Уокера? Генерал сидел в своем зимнем саду, сидел неподвижно перед ярко горевшей настольной лампой, то есть представлял собой идеальную мишень. Стрелявший имел полную возможность долго и спокойно целиться. И все-таки он промахнулся. Кеннеди же удалялся от стрелка со скоростью 40 километров в час...

Один за другим возникали новые вопросы. Какие есть доказательства, что в обоих случаях стрелял Освальд? Из какого оружия был убит Кеннеди? Из винтовки «Маузер»? Из карабина «Каркано»? Быть может, из того и другого? Велась ли стрельба только из книжного склада?

Лейн изучил показания врачей больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл». Они были экспертами по огнестрельным ранениям. Одна пуля, утверждали они, очевидно первая, поразила президента спереди, в шею. Это совпадало с тем, что сообщалось в первом после покушения официальном коммюнике. Там также говорилось, что стрельба велась с железнодорожного моста. Наконец, в полицейский протокол были внесены и показания двух журналистов — Кормьера из агентства Ассошиэйтед Пресс и Дадмэна из газеты «Сент Луис пост диспетч». Они утверждали, что в ветровом стекле машины президента заметили «маленькое круглое отверстие». Его мог пробить только выстрел спереди. Но если стреляли и спереди, то значит был, по крайней мере, еще один стрелок, находившийся на мосту. Марк Лейн не понимал, почему никто не занимается изучением траектории полета пуль, почему об этом ничего не пишут. В официальных инстанциях от него с раздражением отмахивались. У вас, говорили ему, одни предположения, а мы схватили Освальда — единственно возможного виновника преступления.

Между тем с каждым часом становилось все яснее, что это неверно. На ночной пресс-конференции Кэрри говорил об обследовании Освальда на предмет обнаружения следов пороха. Это обследование должно было показать, стрелял Освальд или не стрелял. По сообщению полицейской лаборатории, парафиновый тест не дал ожидаемых результатов: следы пороха удалось обнаружить на руках Освальда, но не на его

лице. Однако, если человек стреляет из винтовки, к тому же оснащенной оптическим прицелом, он должен крепко прижимать оружие к плечу и щеке. Следовательно, на его лице обязательно должны остаться следы пороха. Увы, Джесс Кэрри, не считаясь с этим совершенно очевидным противоречием, объявил результаты парафинового теста «доказательством» вины Освальда.

Марк Лейн заинтересовался и планом города Далласа, о котором говорилось на пресс-конференции. По словам Кэрри, на плане не только был отмечен маршрут следования президента, но и нанесена линия полета пуль. Но когда Марк Лейн попросил дать ему взглянуть на этот план, прокурор заявил, что его, видимо, забрал начальник полиции. Тот же, в свою очередь, сказал, будто план может находиться только у прокурора. Короче, план никак не обнаруживался, его просто не существовало в природе.

Далее: в ночь с пятницы на субботу Джесс Кэрри показал журналистам фотографию Освальда с винтовкой в руках. Снимок появился сначала в журнале «Лайф», затем в еженедельнике «Ньюсуик», после чего пошел кочевать по страницам бесчисленных отечественных и иностранных газет. Но вот что было странно: на фотографии в «Лайф» Освальд держал винтовку с оптическим прицелом, «Ньюсуик» же предложил своим читателям снимок, запечатлевший Освальда с винтовкой без такого устройства.

Марк Лейн тщательно исследовал оба снимка и пришел к поразительному выводу: и тот и другой оказались грубыми фальшивками. При помощи фотомонтажа голову Освальда «приделали» к другой фигуре, но забыли об элементарных пропорциях — голова оказалась несоразмерной с туловищем. Пришлось сильно отретушировать шею, и это было заметно. Кто же был заинтересован в публикации этих и подобных им фотографий? И уж совсем ни в какие ворота не лезло то, что начальник полиции, оперируя явными фальшивками, выдает их за «доказательства»!

Ко всем этим непримиримым противоречиям прибавлялись еще и всякие иные несуразности, которые бросались в глаза даже при поверхностном анализе событий, развернувшихся между моментом убийства и задержанием Освальда. На эти несуразности обратил внимание не только Марк Лейн, они, например, вызвали недоумение также у корреспондента

«Нью рипаблик», у профессора Калифорнийского университета Мордекая Бринберга, у живущего в Париже американского литератора Томаса Бьюкенена и у ряда других деятелей.

Прошло не более минуты после выстрелов в Кеннеди, как управляющий складом Трули в сопровождении полицейского вошел в столовую, где Освальд пил кока-колу. Значит, за эту минуту Освальд должен был спрятать карабин в коридоре на шестом этаже, пешком спуститься на второй этаж, найти монету для автомата, взять бутылку с напитком, открыть ее и начать пить. Когда Трули и полицейский ворвались в столовую, они задыхались. Освальд же был совершенно спокоен. По словам Трули, он опешил лишь тогда, когда полицейский внезапно ткнул ему в грудь пистолет.

Но потом произошло и вовсе непонятное. Ведь убит был не кто-нибудь, а глава государства. По версии начальника полиции, стреляли только из книжного склада. Поэтому он приказал пятистам полицейским оцепить здание склада и не выпускать оттуда никого. Приказ был, конечно, совершенно правильным: ведь стрелять мог любой из находившихся в этом доме. Ясно также, что при столь плотном оцеплении здания оттуда не мог бы удрать даже мышонок. И вдруг из него запросто, как ни в чем не бывало выходит человек: в 12.35 через цепь полицейских беспрепятственно прошел Ли Харви Освальд. Вот что было действительно непостижимо. Марк Лейн пытался найти хоть какое-нибудь объяснение столь странному факту. Все, в том числе и полицейские, были до предела возбуждены, рассуждал он. Это, конечно, надо учесть. Но тогда непонятно, почему уже через какие-то секунды отдается продуманное и четкое указание о розыске Освальда? Как можно за считанные мгновения установить, что из девяноста служащих отсутствует только Освальд, тут же составить и передать по служебному радио описание его внешности и одежды? Ни один человек не в состоянии сделать все это за шестьдесят секунд. Да и кроме всего прочего, тогда Освальд еще никак не мог оказаться под подозрением: ведь только четыре минуты спустя, в 12.40, на шестом этаже была обнаружена винтовка с оптическим прицелом.

Но и это еще не все. Ведь сама собой напрашивалась необходимость немедленно выслать одну из оперативных машин на Норс-Бекли-стрит, в пансион, где жил Освальд. Этого

не сделали. Никто не догадался взять у Роя Трули адрес Освальда, поехать к нему на квартиру, произвести обыск и встретить его.

Беглецу дали возможность беспрепятственно приехать домой, сменить пуловер на пиджак и таким образом аннулировать описание его внешнего вида, переданное патрульным машинам.

Ничуть не лучше было расследовано и убийство полицейского Типпита. Марк Лейн пытался отыскать свидетелей этого кровавого злодеяния. Но и тут ему не помогли. Вполне допустимо, подумал он, что Типпит, располагая весьма скудными и вдобавок уже неверными данными, принял за Освальда кого-то другого.

Эпизод в кинотеатре «Тэксас сиэтр» тоже вызывал множество недоуменных вопросов. Как могли полицейские, задержавшие Освальда, тут же на месте обвинить его в убийстве президента и полицейского Типпита, если в тот момент это ничем не было доказано? Заявление кассирши, будто один из зрителей вел себя как-то странно, не могло быть основанием для его ареста. Кроме того, из-за погнутого бойка пистолет Освальда не действовал. Если это так, то каким же образом Освальд застрелил из него Типпита?

Политические аргументы, приведенные Джессом Кэрри, тоже не добавили правдоподобия к его «доказательствам». Начальник полиции назвал Освальда «коммунистом» и «другом Кастро», сказал, что он прожил несколько лет в Советском Союзе, привез оттуда русскую жену, а потом, вернувшись на родину, стал председателем какого-то «Комитета за справедливость к Кубе» и вообще никогда не скрывал своих «марксистских взглядов».

Марк Лейн проверил все это и установил, что Джесс Кэрри мешает правду с вымыслом, как ему только вздумается. Да, в 1960 году Освальд действительно предпринял туристскую поездку в Советский Союз и обратился к советским инстанциям в Москве с просьбой предоставить ему политическое убежище. Да, он действительно женился в Советском Союзе. Однако уже через два года он начал хлопотать о возвращении в США, в чем его поддержал сенатор Томас Джон Тьюэр, личный друг мистера Г. Л. Ханта.

Почему Джесс Кэрри умолчал о том, что после возвращения на родину Освальд намеревался выпустить антисоветскую

книгу? Показания об этом дала стенографистка Полин Бэйтс из Форт Вэрта, подрядившаяся помочь Освальду написать текст. В своей рукописи Освальд проклинал не только Советский Союз, но и вообще коммунистическую идеологию. По каким-то таинственным причинам книга не вышла в свет. Кто-то воспрепятствовал этому! Значит, Освальд все еще должен был выступать в амплуа «убежденного марксиста»!

Все это было неспроста и имело свои корни. В Техасе охота на коммунистов ведется с особенной страстью. В 1954 году губернатор Техаса Аллан Шиверс потребовал карать принадлежность к коммунистической партии... смертной казнью. Только это, по мысли мракобеса, могло бы отбить у «проклятых красных» охоту продолжать свою «подрывную деятельность». Проект Шиверса, несомненно, обрел бы форму нового техасского закона, если бы конституция США допускала высшую меру наказания за подобные «преступления». И все-таки депутаты техасского парламента ухитрились протащить местный закон, предусматривающий двадцать лет тюремного заключения и штраф в двадцать тысяч долларов за «коммунистическую подрывную работу». Таким образом, в этом штате коммунист или «комсимп» поставлен вне закона. Как же мог бы Ли Харви Освальд, живя в Далласе, самом «техасском» из всех городов Техаса, так открыто проявлять свои «симпатии к коммунизму», не будь у него влиятельных покровителей?

Еще за несколько недель до приезда Кеннеди одна из телевизионных программ «Лайф-лайн» была посвящена специальной дискуссии, в которой среди прочих участвовал и Освальд. Вновь он подтвердил свои «симпатии к марксизму». Какой коммунист в США вообще, а тем более в Техасе, имеет возможность пропагандировать свое мировоззрение по телевидению?

Нигде в Соединенных Штатах, и в особенности здесь, коммунистов не берут на работу в государственные или муниципальные учреждения. Техасские власти хорошо знали Освальда — ведь он был в Советском Союзе. Тем не менее ему было предоставлено место в городском издательстве школьных учебников. Его имя значилось в платежных ведомостях городского управления Далласа, этого города антикоммунистов. Он приступил к работе 15 октября 1963 года. В начале октября Белый дом официально объявляет о предстоящем визите пре-

зидента в Даллас, а Освальда после нескольких месяцев вынужденной безработицы внезапно зачисляют на официальную должность. Все частные фирмы, пороги которых он обивал, категорически отказывались взять к себе «марксиста».

В каждом американском большом городе есть так называемое «отделение пинко». Оно самым тщательным образом следит за коммунистами или лицами, сотрудничающими с коммунистами. Это одна из тех инстанций, которые в случаях президентских визитов посещаются работниками «Сикрет сервис» в первую очередь. В архивах далласского «отделения пинко», несомненно, хранились материалы о прошлом Освальда. Если даже допустить, что его взяли на заметку не сразу после возвращения из Советского Союза, то уже, во всяком случае, это должно было произойти не позже того дня, когда миссис Рут Пэйн, у которой Освальд некоторое время квартировал, донесла полиции о «марксистской деятельности» этого молодого человека. Чем же объяснить, что в день президентского визита «марксист» Освальд оказался совершенно «безнадзорным»? Неужто и далласское «отделение пинко», и полиция, и «Сикрет сервис» допустили столь преступное легкомыслие?

Новое недоумение возникло у Лейна, когда он узнал еще об одном факте. 24 июня 1963 года Освальд обратился в государственный департамент с просьбой разрешить ему выезд в Советский Союз. Уже назавтра его просьбу удовлетворили. Это казалось очень странным: любой американец, желающий поехать в ту или иную социалистическую страну, как правило, подвергается детальной и продолжительной проверке. Принимая во внимание прошлое Освальда, невозможно понять, почему ему вообще не отказали в выездной визе: пресловутый закон Маккаррэна запрещает американским коммунистам посещать социалистические страны.

Невольно возникали и другие вопросы. Путешествие в Советский Союз стоит немалых денег. Где мог их раздобыть безработный тогда Освальд? Наконец, что ему было нужно в Советском Союзе?

В конце концов поездка эта не состоялась, но лишь потому, что Освальд не получил разрешения на въезд в СССР.

Чем больше вопросов задавал Марк Лейн полицейским чинам, тем мрачнее становились их физиономии. С каждым часом адвокату становились все яснее, что на основании этих

«доказательств» ни один суд в мире не признает Освальда виновным. Любой судья спросил бы у следственных органов, почему они не пошли по следам, ведущим в других направлениях.

Лейн не мог отделаться от подозрения, что на протяжении долгих недель и месяцев кто-то намеренно разрабатывал и готовил легенду об «Освальде-убийце». Стоило задуматься над тем, как легко улизнул Освальд из оцепленного здания, с какой ошеломляющей быстротой его принялись разыскивать сразу же после его исчезновения, как попытались обвинить с помощью фальсифицированных фотографий и несуществующего плана города, как ему, «марксисту», позволяли где угодно, даже по телевидению, распространяться о своих «симпатиях к коммунизму»,— стоило сопоставить все это, и уже невозможно было отрешиться от впечатления, что власти сознательно фабриковали «убийцу на заказ», козла отпущения, «участника всемирного красного заговора».

Лейн надеялся, что вопреки явному сопротивлению полиции все выяснится, как только к арестованному придет адвокат. Освальд, естественно, постарается сделать все, чтобы спастись от электрического стула, и не утаит решительно ничего.

Смерть перед объективом телекамеры

Было воскресенье 24 ноября 1963 года. Часы показывали 11 часов 20 минут.

В подвальном коридоре полицейской тюрьмы Далласа толпились репортеры. Шестьдесят полицейских и шерифов стояли у входа в подвал и пропускали в него только по специальным удостоверениям.

Вдруг отворилась дверь лифта. Из кабины вышел скованный наручниками Ли Харви Освальд в сопровождении двух здоровенных полицейских комиссаров — Грэвса и Ливелла. Им поручили перевезти арестованного из полицейской тюрьмы в окружную, откуда, как считалось, побег невозможен. Перед входом в подвал стоял бронированный автомобиль, в котором обычно перевозят деньги.

Освальд и его конвоиры двинулись по проходу. Застрекотали киноаппараты, заработали телекамеры, помещение озарилось десятками магниевых вспышек. Каждому репортеру

хотелось возможно точнее запомнить эту минуту. Никто не обратил внимания на мужчину в темном костюме, сумевшего каким-то образом просочиться сквозь полицейское заграждение. Никто не заметил, как в руке этого человека оказался пистолет. Вдруг он заорал: «Смерть собаке!» — и ринулся на Освальда. Только теперь стоявшие поблизости газетчики увидели его. Все произошло в какие-то доли секунды. Мужчина в темном костюме молниеносно поднес пистолет к груди Освальда и выстрелил. Освальд захрипел, скрючился, прижал скованные руки к животу...

Такого еще никогда не бывало — самое настоящее убийство перед телевизионной камерой, убийство, свидетелями которого стали миллионы телезрителей! Случай действительно беспрецедентный!

Комиссар Грэйвс выхватил у убийцы оружие.

— Кто-то должен был это сделать! Кто-то должен был взять это на себя! — воскликнул стрелявший. И, обратившись к полицейским, добавил:

— Конечно, не вы, ребята, вам нельзя!..

Полицейским не надо было выяснять личность убийцы в темном костюме. Они знали его хорошо. Это был владелец ночных клубов Джек Рубинштейн.

В Далласе можно было развлекаться по-разному. Те, кого устраивали более или менее умеренные развлечения, отправлялись в клуб Руби «Лас Вегас». Что же до любителей острых ощущений, то они шли в его стриптиз-бар «Карусель», где могли вволю разглядывать обнаженных красоток.

Некоторые видные горожане, в том числе и высшие полицейские чины, имели постоянные бесплатные пропуска в бар «Карусель». Короче, между Руби и полицией установилось полное взаимопонимание. Поэтому его неожиданное появление в подвале никого не удивило.

Сразу же после задержания Руби комиссар Грэйвс спросил его:

— Зачем вы это сделали, Джеки?

Грэйвс произнес это громко, и все услышали его вопрос. Ответ Руби прозвучал столь же отчетливо:

— Я сделал это, чтобы избавить несчастную миссис Кеннеди от мучительного судебного процесса.

Французскому журналисту Сержу Круссару удалось побеседовать о Руби с капитаном полиции Кингом. Вот это интервью:

«Вопрос: Не расскажете ли вы что-нибудь о Руби?

Ответ: Вы знаете о нем столько же, сколько и я.

Вопрос: Не был ли он осведомителем полиции?

Ответ: Да, в свободное время.

Вопрос: Почему его впустили в управление полиции, когда предстояло вывезти оттуда Освальда?

Ответ: А он тут бывал не раз. Мы знали его и часто играли с ним в карты или в домино. Да и кроме того, здесь было шестьдесят человек — репортеры, теле- и кинооператоры, техники, сотрудники ФБР. Так что одним больше, одним меньше...

Вопрос: Почему он убил Освальда? Как вы думаете?

Ответ: У него, несомненно, были на то свои причины.

Вопрос: Патриотизм? Ведь он ссылался на патриотические чувства.

Ответ: Смотря что понимать под патриотизмом. Патриотизм может означать множество различных вещей. Например, если вы хотите спасти собственную шкуру...

Вопрос: Но ведь он рискует сесть на электрический стул, не так ли?

Ответ: Знаете, как бывает в картах — или двойной выигрыш, или ничего. А с хорошим адвокатом игру можно выиграть».

...В то самое время, когда Руби допрашивали в главном управлении полиции, Освальд истекал кровью на операционном столе в больнице «Паркленд-мэмориэл-хоспитэл», где менее чем за двое суток до того испустил дух президент Кеннеди...

А в городе между тем началась возня. Был учрежден «Комитет в защиту Джека Руби», который в первый же день своего существования решительно потребовал: за патриотический поступок наградить убийцу Освальда высшей наградой страны — «Почетной медалью конгресса». Далласские газеты единодушно писали о «патриоте Руби», печатали «Репортаж героического мстителя», который Руби написал через несколько дней после ареста. В этом своем репортаже он «со слезой» живописал, как «потрясла» его весть о смерти Кен-

неди, застигшая его в редакции газеты «Даллас морнинг ньюс»:

«Этот великий человек умер. И словно умерла какая-то часть меня самого. Я едва мог разговаривать. Мимо меня прошел Нумэн [редактор «Даллас морнинг ньюс».— **К. Р.**]. Я сказал ему: «Я решил покинуть Даллас. Этому городу несдобровать. Убийство президента обрекает Даллас на гибель». Я казался себе мертвецом...»

Люди, знавшие Джека Руби близко, вероятно, воспринимали его «патриотическую» трескотню и «траур» по Кеннеди не иначе как издевательство над памятью президента. Как облупленного знал его, например, некто Келли, владелец ночного клуба в Чикаго. В этом гангстерском городе оба они еще в давние времена «сотрудничали» в одной и той же банде. Вот как оценил Келли «патриотизм» своего коллеги:

«По-настоящему Джек любил только один портрет президента: его изображение на долларовых банкнотах».

Джек Руби вырос в Чикаго, где был членом «синдиката старьевщиков» — шайки отчаянных головорезов, сделавших своей профессией «защиту магазинов». Если коммерсанты отказывались от «защиты», за которую приходилось платить баснословные деньги, «охранные подразделения» разносили их магазины в щепы. Вскоре после войны Руби переехал из Чикаго в Даллас, обзавелся ночными клубами и стал «честным деловым человеком». «Карусель» и «Лас Вегас» были плохо замаскированными посредническими бюро для девиц легкого поведения, местами контрабандной торговли наркотиками. Все это считалось в порядке вещей. Полиция смотрела на все сквозь пальцы: пока Руби не попался с поличным, бог с ним, пусть делает что хочет. Действовал старинный девиз: есть у тебя что-то, значит, ты стоишь чего-то. А уж как ты там разбогател — до этого никому дела нет.

По всему своему облику Руби как нельзя лучше подходил к атмосфере этого города, где смешались воедино богатство и преступление. Он сам говорил о Далласе:

«Когда здесь темнеет, человеку нужен пистолет. Не добивайся разрешения на него, а просто сунь его в карман, и пусть окружающие знают, что он при тебе. Им нужна твоя жизнь, им нужны твои деньги. А ты дай им понять, какая их ждет смерть, если они замахнутся на тебя. Даллас — это джунгли».

В этих джунглях «Карусель» — один из самых ядовитых цветков. Каждый вечер одна и та же картина: вокруг подковообразной стойки — около тридцати столиков. Лишь к полуночи бар заполняется доотказа, и начинается «представление». Тут постоянно «работают» по контракту двенадцать девушек. Они появляются не все сразу, а по три. Под томительные и страстные звуки джаза они срывают с себя (или кто-то с них срывает) одежды. Это обязательная часть программы вечера. Входной билет стоит два доллара, и за свои деньги гость вправе, по крайней мере, лицезреть обнаженную плоть.

В «Карусели» запрещается пить виски. Но это только официально. В бумажных пакетах или в мешочках из целлофана гости неизменно приносят с собой бутылки с крепкими напитками. Всякий раз пьяных здесь куда больше, чем трезвых. И так из ночи в ночь, от понедельника до пятницы. А по субботам Руби устраивал «дни миллионеров». Места бронировались только для людей с состоянием в миллион долларов и выше. В частности, каждую субботу сюда приходил тридцатипятилетний нефтяной миллионер Джулиус Брэдфорд. Стриптизные девушки заранее радовались посещениям этого щедрого господина. За повторение на его столике номера, только что показанного всему бару, любая из них могла рассчитывать на большое вознаграждение. Таким образом, субботы были для девушек днями больших заработков. В эти же дни им нередко удавалось завязывать любовные интрижки с властителями Далласа.

— Для него существует лишь одно — деньги,— сказала Сайра Фрик, одна из стриптизок «Карусели», когда ее спросили о «патриотизме» Руби.— Он со странностями: носит корсет, чтобы казаться стройнее, парик, чтобы выглядеть моложе. А пистолет, которым он пристрелил Освальда, всегда был при нем. Без оружия хозяин «Карусели» не ходил.

У Руби, говорили его знакомые, всегда можно получить все: наркотики — кокаин или марихуану; девушку — на одну или несколько ночей; порнографические фильмы — «обычные» и «экстра»; даже мужчин, готовых за деньги на любое непотребство.

Торговец наркотиками и живым товаром — и вдруг «патриот»! Разве можно было всерьез поверить, что он «души не чаял» в президенте и «едва не умер от горя», когда узнал о смерти Кеннеди?

Этому противоречили не только предшествующая его жизнь, не только слова Сайры Фрик: «Для него существует лишь одно — деньги». Этому противоречило и все его поведение в день убийства Кеннеди.

Уж если так обожаешь своего президента, то мыслимо ли упустить столь редкую возможность увидеть его хотя бы на улице, помахать ему рукой. Но у Джека Руби были дела поважнее. В час, когда Кеннеди проезжал по Далласу, Руби отправился в редакцию «Даллас морнинг ньюс». Именно эта газета в тот памятный день напечатала во всю полосу следующий текст:

«Добро пожаловать, мистер Кеннеди, в город, который еще во время вашего избрания в 1960 году отверг вашу философию и политику и еще более решительно, с полным презрением к вашему, мистер Кеннеди, правлению отвергнет их в 1964 году...»

Это «приветствие» было обведено жирной черной рамкой и выглядело как совершенно недвусмысленная угроза.

Быть может, Руби зашел в редакцию, чтобы в качестве патриота заявить протест против гнусной провокации? Отнюдь. Он намеревался сдать рекламное объявление о своем стриптиз-баре «Карусель».

Может, он хотя бы попытался высказать редактору газеты свое мнение об этом хамстве?

В его «исповеди» читаем:

«Прибыв в редакцию «Даллас морнинг ньюс», я сперва побеседовал с двумя секретаршами о том, как добиться стройной фигуры. Мы всегда обменивались сведениями по этому поводу, но ни я, ни они так и не похудели. Потом я поднялся на второй этаж к Джону Нумэну и с его помощью набросал проект рекламного объявления для клуба...»

Дальше он описывает момент, когда стало известно о покушении на Кеннеди:

«...По экрану телевизора побежала лента телетайпа: «В центре Далласа по кортежу президента были произведены три выстрела». Я быстро пробормотал молитву и стал ждать дальнейших сообщений... Сердце бешено колотилось, я рыдал, во рту пересохло. Все закружилось...»

Итак, в момент визита Кеннеди Руби идет в «Даллас морнинг ньюс» договориться о рекламе своего вертепа. Эта газета только что напечатала подстрекательское «приветствие»

в честь его «кумира». Но он не возмущен, не заявляет никакого протеста, а болтает с двумя пышнотелыми секретаршами о способах похудеть. Ему и в голову не приходит заклеймить позором бессовестных газетчиков, призвать их к порядку. И даже когда поступает сообщение о смерти Кеннеди, он только бормочет молитвы. Поистине трогательная картина: Джек Руби, гангстер, агент по поставкам контрабандных наркотиков и проституток, молится и рыдает!

К слову сказать, даже редакторы и другие сотрудники «Даллас морнинг ньюс» и те оказались бо́льшими «патриотами», чем Руби. Они хоть вышли на улицу, чтобы поглазеть на президента. А вот «суперпатриот» Руби остался один в редакционной комнате. Было бы, конечно, интересно узнать, что мог делать владелец ночных клубов в те самые двадцать минут, когда произошло убийство. Здание редакции «Даллас морнинг ньюс» расположено у южного конца железнодорожного моста на Элмстрит, откуда, согласно первым сообщениям, велась стрельба.

Отсюда, и в особенности из помещения, где находился Руби, открывается великолепный обзор моста и склада учебников. Чем же тут занимался Руби? Почему именно в это время он торчал в редакции?

Молящийся и рыдающий «патриот» Руби! Это звучало слишком уж глупо и нелепо. Надо было придумать что-нибудь поубедительнее. В одном из продолжений своей «Исповеди» Руби поведал миру, как он убил Освальда:

«...Внезапно все зашевелились. Плотно сбившаяся толпа разделилась, и в проходе показался Освальд. Он был примерно в трех с половиной метрах от меня. Не знаю, что мне ударило в голову. Сознание покинуло меня. Рядом не было никого. И вдруг — этот человек! Кажется, тут я и вытащил свой пистолет, подскочил поближе. Полицейские легко могли бы оттеснить меня. Видимо, я действовал в состоянии невменяемости...»

Так появился нужный «аргумент»: «Я не знал, что делал. Видимо, я действовал в состоянии невменяемости».

Давнишний «юридический консультант» Руби, некто Том Говард, который был свидетелем убийства Освальда в подвале, дал интервью английской журналистке Джейн Кэмпбелл. Она спросила, как он относится к Руби и как будет его защищать. Том Говард ответил:

— Он страдал тем, что называют манией преследования. Но мы все любили его и будем требовать признания его временной невменяемости.

Временная невменяемость!

Под этим предлогом Тому Говарду удалось спасти не одного убийцу от электрического стула. Он считался специалистом по этому «варианту защиты». Согласно техасским законам, любой обвиняемый перед началом судебного процесса вправе потребовать обследования своего психического состояния. Если врачи констатируют, что в момент совершения преступления преступник действовал в состоянии умственного расстройства, его оправдывают независимо от того, повинен ли он в мелкой краже или в ограблении с убийством. Том Говард бахвалился:

— У меня прошло около сорока таких дел, и ни одного из моих подзащитных не казнили.

В данном же случае, судя по всему, можно было почти наверняка рассчитывать на успех. В течение нескольких часов не менее девяти адвокатов заявили о своей готовности защищать Руби. Предводительствуемые Томом Говардом, они потребовали выпустить Руби под залог, заявив, что внесут любую сумму, как бы высока она ни была. А для Освальда не нашлось вообще никакого защитника. Даже назначенного судом.

В воскресенье вечером Генри Уэйд, Джесс Кэрри и капитан Уильям Фриц вновь предстали перед прессой. Опять они явились в широкополых ковбойских шляпах. На их лицах было написано полное удовлетворение.

Все трое в один голос твердили, что дело абсолютно ясно. Налицо миллионы свидетелей, которые на экранах телевизоров видели, как Джек Руби застрелил Освальда. Поэтому нет надобности в сложном и длительном следствии. На вопрос, существовала ли прежде какая-нибудь связь между Руби и его жертвой, следовало, по их словам, дать отрицательный ответ. Убийство Освальда было актом, совершенным в состоянии невменяемости.

Последним выступил Генри Уэйд. Он сказал:

— Расследование обстоятельств убийства Кеннеди также закончено. К сожалению, Освальд теперь уже лишен возможности сделать чистосердечное признание. Но результаты следствия непреложно говорят о том, что Освальд задумал и осу-

ществил убийство президента без чьего-либо соучастия и помощи.

И все-таки устроителям этой пресс-конференции пришлось довольно туго. Слишком много странных вещей произошло за последние двое суток, слишком многое оставалось неясным и противоречивым, слишком очевидным было, что полиция явно переусердствовала по части «доказательств».

Вопросы иностранных журналистов сыпались как из рога изобилия.

«Как удалось Джеку Руби беспрепятственно проникнуть в подвальный коридор полиции?»

«Зачем было официально объявлено время перевозки Освальда?»

«Верно ли, что медицинскому персоналу больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл» приказали быть наготове, намекнули, что сегодня, мол, «случится еще кое-что»?»

«Было ли далласское отделение ФБР предупреждено, что с Освальдом решено разделаться? Если да, то почему это предупреждение не приняли к сведению? Ведь тогда можно было бы перевезти Освальда в окружную тюрьму в другое время и незаметно!»

Вопрос следовал за вопросом. Три представителя городских властей все больше хмурились. Поначалу Уэйд еще отвечал, хотя в общем-то очень беспомощно и невразумительно. Но уже несколько минут спустя журналисты в ответ на любой их вопрос неизменно слышали только два слова: «No Comment» — «комментариев не будет». Наконец Джесс Кэрри встал, круто повернулся и покинул зал. Оба его коллеги пристыженно последовали за ним под свист и улюлюканье журналистов...

Интермедия на Элм-стрит

Колонна автомашин свернула на Элм-стрит, проехала мимо здания «Тэксас паблик скул бук депозитори» и стала приближаться к железнодорожному мосту. Не успел первый автомобиль отъехать и ста метров от книжного склада, как вдруг один за другим, через короткие промежутки, раздались три выстрела. Колонна чуть замедлила ход, затем передняя машина вырвалась вперед и скрылась под мостом.

Неожиданно эта мрачная сцена прервалась. Кто-то зычно крикнул:

— Стоп! Все сначала!

На тротуарах, оцепленных плотным полицейским кордоном, молчаливо стояли люди. Они угрюмо смотрели на кинооператоров, расставивших свои камеры и осветительную аппаратуру по обе стороны улицы около здания склада и у въезда под мост.

Зрители знали, что это не съемка документального фильма. Кинооператоры были сотрудниками ФБР. Им поручили заснять на пленку все подробности убийства президента. Одновременно эксперты по стрелковому делу должны были изучить возможные траектории полета пуль, выпущенных в Кеннеди.

Агенты ФБР не спешили. С самого утра они без конца повторяли одно и то же.

Колонна машин вновь свернула на Элм-стрит. Снова застрекотали кинокамеры. Теперь в передней машине сидел сотрудник ФБР, переодетый под Джона Кеннеди. Его коллега изображал губернатора Коннэли. Для вящей «подлинности» на нем был даже костюм из гардероба губернатора. И всякий раз, когда головная машина подъезжала к месту покушения, «убийца», находившийся на шестом этаже склада, вскидывал карабин «Каркано», прицеливался в пассажиров автомобиля и производил три выстрела холостыми патронами. Кинокамера, укрепленная на карабине, фиксировала момент прицеливания, выстрел, перезаряжение и т. д.

Зрители с любопытством смотрели на необычное зрелище. Не каждый день увидишь такую уйму агентов ФБР за работой. Горожане не понимали, к чему эти бесконечные повторения. Однако спросить об этом никто не решался — полицейские держались надменно и важно...

В пяти километрах отсюда тоже действовали агенты ФБР, правда, отнюдь не на глазах у случайных наблюдателей.

К директору больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл» явились два господина и попросили его вызвать профессора Малькольма Перри. Их удостоверения произвели на директора неотразимое впечатление, и он тут же послал за хирургом. Когда профессор вошел в кабинет, посетители молча показали и ему свои документы. Перри слегка испугался и кивнул.

Один из сотрудников ФБР достал из кармана какую-то бумагу.

— Прочитайте,— сказал он профессору.

То был акт медицинской экспертизы, составленный врачами военно-морского госпиталя в Бетесде, пригороде Вашингтона. Именно туда в свое время был доставлен труп Кеннеди для вторичного обследования. Сотрудники военно-морского госпиталя упрекали своих коллег из Далласа в неточностях, допущенных при констатации результатов осмотра тела президента.

В Бетесде, говорилось в акте, установлено, что, помимо ран, обнаруженных в Далласе, президент получил еще одно пулевое ранение в спину. Видимо, в Далласе этого просто не заметили. Далее указывалось, что ранение в шею не явилось следствием прямого попадания, а было вызвано либо вырвавшимся осколком одной из пуль, либо обломком кости, выдавленным вперед в результате ранения в спину.

Профессор Перри положил акт на стол.

Насмешливо посмотрев на чиновников, он сказал:

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в нашей способности отличить прямое попадание от ранения иного вида.

Агенты молча переглянулись. На их лицах не дрогнул ни один мускул.

— Что касается замечания о ранении в спину,— продолжал хирург,— то я не могу с ним согласиться. Мы наверняка заметили бы его, и не только мы, но даже сестры и ассистенты, готовившие президента к операции. Не понимаю, ради чего составлен этот акт.

Оба агента снова поднялись.

— В ваших интересах поддержать эту точку зрения,— сказал один из них.

Через два дня они пришли снова. На сей раз их визит, судя по всему, был более успешным: профессор Перри и все врачи больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл» перестали высказываться о характере ранений, полученных покойным президентом, и ограничились лишь коротким заявлением: «Мы берем обратно все, что говорили до сих пор, и не будем спорить с нашими коллегами из Бетесды...»

Но агенты ФБР наносили таинственные визиты не только врачам больницы «Паркленд-мемориэл-хоспитэл». В одном из утренних выпусков «Нью-Йорк таймс» можно было прочитать:

«Большинство частных лиц, сотрудничавших с корреспондентами, которые пытались самостоятельно расследовать убийство, после бесед с агентами ФБР перестали этим заниматься». Любезные джентльмены из охранки побывали, конечно, и у Марины Освальд. Вдруг она перестала походить на «удрученную горем вдову». Окружавшие ее люди с немалым удивлением наблюдали, как она с каждым днем становилась все более словоохотливой, заявляя каждому и всякому, что не сомневается в виновности своего мужа. Даже внешне она преобразилась до неузнаваемости, начала делать маникюр и ультрамодные прически. Неожиданно у нее завелись довольно большие деньги, хотя покойный Ли Харви оставил ей наличными не свыше ста пятидесяти долларов. В один прекрасный день столь же неожиданно Марина исчезла. ФБР коротко сообщило: «Миссис Освальд взята под охрану ФБР, чтобы ей ничто не угрожало».

Было ли случайностью, что именно в этот период газеты, радио и телевидение огорошили американцев новой сенсацией, объявив, будто Освальд был сумасшедшим, психически неполноценным индивидом, действующим в одиночку? Каждый день публиковались все новые доказательства в поддержку этого утверждения. И снова всполошилась армия репортеров, начались суетливые поиски бывших школьных товарищей, учителей, соседей, друзей и врагов Освальда. Газетчики детально изучили все главные события его жизни.

Под броскими шапками пресса сообщала, например, о д-ре Ренатусе Хартэгсе, психиатре одного из нью-йоркских молодежных общежитий. Он обследовал Освальда, когда тому было тринадцать лет. Корреспонденты раскопали и многократно цитировали следующую запись д-ра Хартэгса: «Освальд — шизоидный тип с латентными агрессивными тенденциями. Внешне он выглядит спокойным, но полон внутреннего гнева».

Д-р Роберт Морзе, член Американского общества психиатров, тоже подлил масла в огонь. «Вся жизнь Освальда,— констатировал он,— свидетельствует о его неспособности сотрудничать с другими людьми». А его пристрастие к винтовкам, продолжал Морзе, в свете фрейдовской теории представляется символом сексуального начала и агрессивности. Правда, газеты не сообщили об одной немаловажной детали: д-р Морзе никогда не видел Освальда.

Все же в сообщения не в меру усердных газетчиков вкрались отдельные подробности, которые при ближайшем рассмотрении начисто опровергали всю эту версию. Миссис Ливингстон, бывшая школьная учительница Освальда в Форт Вэрте, сказала: «Никогда я не замечала, чтобы он был скрытным или упрямым. По-моему, он ничем не отличался от других детей».

Где-то промелькнула информация и о том, как «сумасшедший» Освальд в шестнадцать лет успешно сдал приемные экзамены в колледж. Кроме того, этот «шизоидный тип» был зачислен в корпус морской пехоты — отборное соединение вооруженных сил США. Там за ним закрепилась репутация человека, лучше остальных разбирающегося в вопросах политики. Его последний начальник, управляющий книжным складом Рой Трули, ценил в нем спокойного и исполнительного работника: «Он казался мне нормальным, уравновешенным человеком».

Священник Бэрд Хеллигас из Далласа заявил: «Ли Освальд был тихим человеком, и нельзя было сказать, что он чем-то недоволен».

Даже сам прокурор Генри Уэйд на уже упоминавшейся ночной пресс-конференции на вопрос одного корреспондента, был ли Освальд сумасшедшим, ответил категорическим «нет».

Киносъемки на Элм-стрит, тайные посещения различных людей агентами ФБР, разговоры о «сумасшедшем индивиде, действующем в одиночку»... Посторонний человек не улавливал связи между всем этим. Но так или иначе люди не переставали недоумевать: почему так быстро и так легко удалось «выяснить» обстоятельства убийства президента Кеннеди? А тут в игру вступили еще и «исследователи общественного мнения». Ответы американцев ошеломили власти предержащие: пятьдесят два процента опрошенных не сомневались, что за убийством стоит группа заговорщиков. Лишь один процент считал виновными «коммунистов». Назрела явная необходимость, не обостряя недовольства общественности, опубликовать окончательное официальное сообщение об обстоятельствах покушения и об убийце. Выдумка насчет «причастности коммунистов» позорно провалилась, и уже никто не верил, что Освальд был орудием «всемирного марксистского заговора». Значит, речь шла о какой-то другой политической группе, искать которую следовало по логике вещей только

среди определенных кругов Далласа, среди тех, кто так люто ненавидел Кеннеди. Никто не сомневался, что эти люди готовы на любое преступление. Однако знали и другое — они не только хозяева Техаса, они задают тон во всей экономике и политике Соединенных Штатов Америки. Значит, преследовать и разоблачать их нельзя!

Итак, тезис о «коммунистах» отпал, идти по верным следам тоже нельзя — чересчур опасно. Вот почему и пришлось выдумать версию о «сумасшедшем индивиде», который сам задумал убийство, сам подготовил его, сам стрелял из старого карабина «Каркано».

Сфабриковать соответствующие «доказательства» было, безусловно, нелегко. К примеру, отстаивание далласскими врачами своей точки зрения, будто ранение в шею явилось результатом прямого попадания, было бы равносильно утверждению, что кто-то стрелял спереди и, следовательно, в покушении участвовали по крайней мере два человека. Но тогда развеялась бы в прах глупая побасенка о «сумасшедшем индивиде». Вот почему джентльмены из ФБР, посетившие больницу «Паркленд-мемориэл-хоспитэл», постарались «скорректировать» точку зрения тамошних врачей.

А внезапная забота о миссис Освальд? Здесь тоже не было ничего загадочного. Просто ФБР испугалось чрезмерной разговорчивости супруги «убийцы президента». Неровен час — одно необдуманное слово, и официальная версия рассыплется как карточный домик. Марина Освальд могла бы выболтать, с кем встречался ее муж в дни, предшествовавшие покушению. Кто такой, например, был Джозеф Хости, чей номер телефона нашли в записной книжке Освальда? Таинственные визитеры отлично знали, что этот Хости — человек из их же «фирмы», сотрудник далласского управления ФБР. А если и Освальд был агентом ФБР, то разве можно было допустить, чтобы Марина разоблачила его? В результате ФБР взяло ее под свой надзор, чтобы с ней, упаси бог, «чего-нибудь не случилось».

...И снова колонна автомобилей появилась на Элм-стрит. Опять застрекотали камеры. Опять на шестом этаже книжного склада кто-то вскинул карабин «Каркано» с киноаппаратом на стволе...

Шел четырнадцатый день репетиций этой сцены. Сегодня, кроме полицейских, на тротуаре не было никого. Людям на-

доело смотреть одно и то же. Кроме того, все уже знали, с какой целью предпринята эта утомительная возня: надо было во что бы то ни стало доказать, что стрельба велась только из здания книжного склада, только оттуда, но никак не с железнодорожного моста.

И все же нашлись любопытные, продолжавшие с интересом следить за деятельностью агентов ФБР: в ста метрах от места киносъемок находилась окружная тюрьма, и для заключенных даже это монотонное зрелище было желанным отвлечением от тоски тюремного бытия.

Одного из этих заключенных звали Джек Руби...

Спектакль в зале суда

В дверь трижды постучали. Взоры присутствующих устремились на светлый прямоугольник, через который в зал вот-вот войдут присяжные.

Служитель распахнул дверь, и в ее проеме показался тридцатипятилетний электротехник Макс Кози. Он держал в руке какие-то бумаги и казался растерянным. Несколькими часами раньше остальные одиннадцать присяжных избрали его своим спикером.

Судья Джо Браун сделал глубокую затяжку, выпустил дым и спросил:

— Вы вынесли приговор?

— Да, ваша честь,— робко ответил Макс Кози.

Он подал служителю бумаги. Тот вручил их судье. Джо Браун медленно разгладил листки. Затем монотонным, равнодушным голосом прочитал:

«Мы, присяжные, признали обвиняемого виновным в преднамеренном убийстве и приговорили его к смертной казни...»

Джек Руби, одетый в синий костюм, сильно побледнел и на мгновение сомкнул веки. Через несколько секунд три полицейских в штатском вывели его...

Около месяца назад начался здесь, в мрачном и неуютном здании окружного уголовного суда города Далласа, процесс над Руби. Тогда — это было 17 февраля — в узких коридорах и на улице перед входом толпились представители международной прессы, всеми правдами и неправдами жаждавшие проникнуть в зал суда. Все ждали сенсаций, верили, что наконец-то будет приподнят таинственный покров над делом об

убийстве Кеннеди. Этот процесс очень долго не начинался, хотя состав преступления ни у кого не вызывал сомнений: Руби убил Освальда. Тут никаких сенсаций быть не могло. Но журналисты — да и не только они — хотели узнать другое: кто направил руку убийцы, кто действовал за его спиной.

Все лица, получившие доступ в зал, подвергались тщательнейшему обыску. Журналистов ощупывали сверху донизу, спереди и сзади. Эта процедура с той же скрупулезностью повторялась всякий раз, когда кто-то, ненадолго отлучившись в маленький грязный туалет с надписью «Только для белых», вновь возвращался в зал.

В самом зале царила менее напряженная атмосфера. Судья Браун разрешил присяжным, прокурорам и защитникам курить и сам подавал им пример, держа в зубах толстую сигару. Временами он переставал дымить, откусывал кусочек сигары и принимался жевать табак. Казалось, сигара занимает его гораздо больше, чем ход судебного заседания. Он сидел на вертящемся кресле, обитом кожей, и со скучающим видом медленно поворачивался то в одну, то в другую сторону. Ему незачем было волноваться — ведь приговор предстояло вынести не ему, а присяжным.

Вентиляторы, свисавшие с потолка, не крутились. В маленьком переполненном зале стояла невыносимая духота, и никто не удивился, когда все двенадцать присяжных — восемь мужчин и четыре женщины — сняли с себя пиджаки и жакеты. Мужчины вдобавок закатали рукава рубашек.

Почти две недели суд и защита не могли договориться о кандидатурах этих двенадцати мужчин и женщин. По техасским законам, очевидец преступления не может быть присяжным. Адвокаты Руби сыграли на этом. Поскольку, говорили они, убийство Освальда передавалось по телевидению, то каждый, кто в эту минуту сидел перед экраном, является его свидетелем. Этот маневр преследовал двойную цель: по возможности отсрочить начало процесса и создать «благоприятную атмосферу» на скамье присяжных. При выборе своих кандидатов защита придерживалась давнишних правил, хорошо известных каждому опытному адвокату: присяжный должен быть по возможности тугодумом, чтобы было легче сбить его с толку хитроумными доказательствами и юридическими ухищрениями. Не стоит иметь дело с фермерами или бухгалтерами — и те и другие обычно слишком скупы. Неже-

лательны также женщины — они очень дотошны, особенно если и подсудимая женщина. Поэтому, если уж подбирать более или менее глуповатых присяжных, то, по мнению адвокатов, больше всего для такой роли подходят литераторы и художники. Эти «широкие натуры» поистине незаменимы.

Итак, две недели суд выбирал присяжных для процесса Руби. Пришлось рассмотреть сто шестьдесят две кандидатуры. Главный защитник Руби, Мельвин Белли, остался доволен результатами этой процедуры.

— В состав присяжных попали лучшие люди города,— заявил он.

Мельвин Белли был «авантажным» мужчиной лет пятидесяти. Его седые волосы эффектно контрастировали с элегантным темным костюмом. Он возглавлял целую команду адвокатов, в которую вошел и «юридический советник» Руби Том Говард. Белли привез из Сан-Франциско около семидесяти помощников. «Приехал, как король, с целой свитой»,— писали газеты. Они, пожалуй, не так уж ошибались: Белли очень любил, когда его называли «королем крючкотворов». Над его письменным столом в Сан-Франциско висел не диплом юридического факультета, а подаренная друзьями табличка с красиво выведенной надписью: «Король крючкотворов». Был он известен и веселыми вечеринками, на которые дважды в месяц приглашал именитых гостей. Однажды он предложил своим друзьям послушать игру на арфе. Пригласительные билеты обещали выступление выдающейся солистки. Гостям действительно удалось убедиться в редкостном «музыкальном даровании» арфистки: она выступала совершенно обнаженной.

Белли прозвали «звездой адвокатов». А «звезда» жаждет популярности. Хочешь быть известным — побольше шуми, не пренебрегай саморекламой! Так уж повелось в этой стране. Сегодня сверхсенсационный процесс, завтра экстравагантный концерт на арфе, послезавтра — роскошный роллс-ройс, который Белли то и дело перекрашивал то в ярко-красный, то в серебристый, то в канареечный, то в бледно-розовый цвет. Но, разумеется, не из-за этих причуд «красавца Мельвина» окрестили «королем крючкотворов». Среди адвокатов США он был одним из первых «зашибателей долларов». Как и многие его коллеги, он добился богатства и славы благодаря весьма

доходным процессам о так называемых несчастных случаях. Особенность этих судебных дел в том, что, как правило, они... вообще не рассматриваются. Если кому-то при каких-либо обстоятельствах нанесены телесные повреждения, его завлекают в адвокатскую контору и дают подписать умело составленный иск о возмещении убытков. К иску прилагается свидетельство работающего на адвоката врача, и дело на мази. Ответчик — обычно это какая-нибудь страховая фирма — часто отказывается от дорогостоящего судебного процесса и платит истцу деньги. Адвокат прикарманивает львиную долю страховой премии, а клиент удовлетворяется остатком. Так работают «зашибатели долларов». А Мельвин Белли — один из самых ловких среди них. И уж если его нанимать для «большого дела», скупиться нельзя: за процесс в Далласе «король крючкотворов» запросил около ста тысяч долларов.

— Кто же оплачивает защиту Руби? — спросил его корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс.

Улыбнувшись, Мельвин Белли сказал:

— Деньги получены от почти четырехсот жертвователей!

Однако тактика Белли в зале уголовного суда не отличалась особой оригинальностью. Как и Том Говард, он утверждал, что в момент совершения преступления его подзащитный не мог различать между добром и злом, ибо находился в состоянии временного помешательства.

Джек Руби послушно следовал указаниям Белли. С отсутствующим видом он часами сидел на скамье подсудимых, бессмысленно уставив глаза в потолок. Бледный и одутловатый, в хорошо сшитом синем костюме, он со стороны и вправду мог показаться вполне добропорядочным гражданином, но с каким-то психическим дефектом.

— Да ведь это же просто больной парень, вы только посмотрите на него! — твердил Белли.— Люди, знающие Руби, ценят его как патриота, хорошего друга и соседа. Но они также знают, что он больной человек.

В том же духе выступали и свидетели Мельвина Белли. «Король крючкотворов» не пожалел денег, чтобы доставить их в Даллас.

Боксер Барни Росс, экс-чемпион мира в полусреднем весе и некогда приятель Руби, показал: «За вспыльчивость мы прозвали Руби «порохом». Чуть что — начинает кипятиться, краснеет как рак и, кажется, вот-вот взлетит на воздух».

Хилей Силвермэн, друг Руби по Далласу, рассказывал: «Однажды — помню это очень хорошо — Руби ни с того ни с сего расплакался. Он обвел взглядом своих собак, а их у него было целых шесть. «Это мои дети! — закричал он.— А моя любимая собака — моя жена...» Через несколько минут он опять был вполне нормальным».

Одна танцовщица — стриптизка из «Карусели» — показала под присягой:

— По-моему, с ним что-то не так. Бывало, зайдет к нам в гардеробную и давай хвастаться своими мускулами. Очень он это любил.

После того как рядовые свидетели, так сказать «дилетанты», подготовили почву, Мельвин Белли вывел на сцену людей из «царства медицинских наук».

Д-р Фредерик Джиббс, невропатолог из Иллинойсского университета, заявил:

— Две проверки мозговых функций обвиняемого подтвердили, что Руби страдает «психомоторной эпилепсией». Лица с подобным заболеванием подвержены приступам бесконтрольного бешенства.

Д-р Манфред Гутмахер, известный далласский специалист по нервным болезням, добавил:

— Джек Руби — духовный калека. Человек, страдающий психомоторной эпилепсией, не в состоянии управлять своими действиями. Когда Руби увидел Освальда, тот показался ему каким-то омерзительным животным, чем-то вроде крысы. В эту минуту Руби утратил всякое ощущение реальности. Он уже не понимая, что хорошо, а что дурно.

После показаний д-ра Гутмахера Генри Уэйд вскочил с места и возмущенно спросил:

— Сколько заплатил вам мистер Белли за врачебную экспертизу?

Белли мгновенно отпарировал:

— Прошу зафиксировать, что господин прокурор своим вопросом пытается умалить значение врачебной экспертизы.

Не переставая жевать табак, судья Джо Браун объявил:

— Пусть д-р Гутмахер ответит на этот вопрос.

— Я получил аванс... в тысячу долларов...— нехотя проговорил врач.

Уэйд удовлетворенно кивнул и, сопя, снова уселся.

Затем продефилировали свидетели обвинения. Так же, как

и Белли, прокуратура сперва выпустила «дилетантов», а затем медицинских светил. Но цель при этом преследовалась прямо противоположная: обвинение стремилось доказать, что в момент совершения преступления Руби был вполне нормален.

Первым суд заслушал полицейского Патрика Дина.

— В означенный день,— сказал он,— я отвечал за безопасность в подвальном помещении полиции. Впоследствии я участвовал в первом допросе Руби, который вел начальник управления ФБР города Далласа мистер Соррел. Руби показал, что, увидев на пресс-конференции, состоявшейся в ночь с пятницы на субботу, ухмыляющегося Освальда, он решил обязательно убить его, как только представится возможность.

Психиатр д-р Шеф Олинер отметил:

— Мне не удалось обнаружить у Руби никаких органических нарушений умственной деятельности. Рентгеновские снимки мозга и другие исследования доказывают, что Руби нормален.

Его коллега д-р Питер Келлиуэй подтвердил:

— Этот человек отлично понимал разницу между законом и беззаконием.

Последним из экспертов выступил профессор Стаблфилд, тоже известный психиатр.

— По-моему,— сказал он,— Руби полностью сознавал, какие последствия может повлечь за собой его поступок.

Началась затяжная и утомительная дуэль между Белли и Уэйдом вокруг вопроса о том, действовал ли Руби в состоянии помешательства или нет. Лица журналистов все больше вытягивались: стороны не ставили ни одного из вопросов, которые волновали представителей прессы.

Как-то вечером журналисты обступили Белли: всем не терпелось узнать его мнение о дальнейшем ходе процесса. Белли неопределенно ответил, что процесс, видимо, продлится еще несколько недель и что журналисты в конечном счете не обманутся в своих ожиданиях — перед судом пройдут еще по крайней мере двадцать свидетелей защиты. Все они, разумеется, дадут показания в пользу Руби. Белли добавил, что планы и намерения обвинения ему неизвестны.

Каково же было всеобщее удивление, когда на следующий день тот же Белли вдруг заявил:

— Новые свидетели мне уже не нужны.

В зале зашумели, но судья Браун сохранял спокойствие.

— Что будем делать? — громко спросил он прокурора Уэйда.

Тот пожал плечами.

Посовещавшись, суд решил прервать заседание. Журналисты снова бросились к Белли. Они недоумевали: почему он вдруг изменил свое мнение, ведь многое так и осталось невыясненным.

— Джентльмены,— снисходительно сказал Белли,— нельзя злоупотреблять терпением и выдержкой присяжных. Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из них скончался от переутомления.

Газетчики изумленно переглянулись. «Трогательная забота» о присяжных выглядела более чем сомнительной. Но что же все-таки побудило Белли пойти на попятный? Репортеры поняли, что ничего вразумительного им добиться теперь от него не удастся. Он явно действовал по чьей-то указке и отвечал на вопросы крайне сдержанно и уклончиво. Одно, во всяком случае, было несомненно: если Белли отказывается от дополнительных возможностей защиты, значит, весь процесс сводится к одному-единственному вопросу: действовал ли Руби в состоянии невменяемости или сознательно? Все остальное не подлежит расследованию и останется тайной.

Некоторые журналисты, не довольствуясь тем, что известно, попытались раздобыть дополнительную информацию. Через два-три дня корреспондент «Санди телеграф» писал: «Между защитой Руби и ФБР заключено соглашение, согласно которому главный адвокат Белли получает целый ворох новой и полезной информации, но в обмен обязуется не задавать никаких вопросов об Освальде...»

Так обстояло дело, когда присяжные передали свое решение судье. В этом решении не содержалось ничего конкретного об Освальде, о выстрелах на Элм-стрит, об отношениях между Руби и Освальдом. Не говорилось обо всем этом и в речах защитников и прокурора. Когда судья Браун огласил приговор присяжных, зал затаил дыхание. Все смотрели на Руби. Его лицо стало пепельно-серым. Все видели, как он закрыл глаза. Через несколько секунд трое полицейских в штатском вывели его из зала, а полицейские в форме немедленно выстроились цепочкой вокруг скамей прессы и зрителей.

Руби стоял уже в дверях, как вдруг Белли зычно крикнул ему вдогонку:

— Не бойся, Джеки! Мы подадим апелляцию и перенесем процесс из Далласа в другой город.

Поднялся невообразимый гвалт. «Звезда адвокатов» из Сан-Франциско грохнул кулаком по столу и рявкнул:

— Этот суд присяжных вынес решение в пользу города Далласа!

Зал загудел с удвоенной силой, но шум только раззадорил Белли. Он заорал:

— Властители Далласа приказали казнить Руби!

Судья Джо Браун безуспешно силился перекричать всех. Потеряв остатки самообладания, Белли неистово бушевал. В конце концов он даже взобрался на стол, и столпившиеся журналисты буквально повисли на штанинах его брюк.

Потрясая кулаками, главный защитник громовым голосом бросил присяжным:

— Чтоб у вас на следующем причастии скисло во рту церковное вино! Даллас — это город позора!

Судья Браун подал знак полицейским. Заметив это, Белли выпалил:

— Мне стыдно, что я пожимал руку судье Брауну! Она в крови!

Судья кивнул энергичнее. Полицейские набросились на журналистов и стали срывать их со стульев и столов, на которые они взгромоздились. В воздухе замелькали кулаки и дубинки.

— Хватит! — рычали стражи порядка.— Слезайте и катитесь отсюда!

Оказавшись на улице, перед зданием суда, толпа продолжала галдеть. Белли, все еще осаждаемый журналистами, никак не мог успокоиться. Корреспондент агентства ЮПИ спросил, что теперь произойдет с Руби. Белли сказал:

— Боюсь, его могут упрятать в какой-нибудь застенок и прирезать. Долго ли! Прикажут соседу по камере, и все тут. Они хотят от него избавиться, помешать проведению нового процесса.

Отвечая на другой вопрос, он заявил:

— Руби проиграл сражение, но не войну. Если бы процесс шел в другом городе, Джек Руби уже давно был бы свободным человеком.

Генри Уэйд тоже давал интервью. Находясь в нескольких метрах от Белли, он нарочито громко произнес:

— У Руби не было хороших защитников...

В общем репортерам показали достаточно яркий спектакль, и им было о чем писать. Назавтра газеты запестрели крикливыми заголовками: «Взгляд Руби окаменел», «Обструкция после объявления смертного приговора», «Поражение «короля крючкотворов». На все лады расписывались словесные поединки на тему «сумасшедший или не сумасшедший», богохульные проклятия взбесившегося Белли и прочие подробности.

Все шло как по нотам.

Вниманию читателей предлагались «перлы» ораторского искусства Белли. Тут действовал весьма простой расчет: чем больше писать о «риторике», тем меньше американцы будут задумываться над безнадежно запутанными обстоятельствами убийства президента. Не беда, что «красавец Мельвин» вплетал в свои бранные тирады отдельные осмысленные заявления вроде того, что «властители Далласа приказали казнить Руби». На то и «свобода слова». Да и как не понять ожесточения адвоката, только что проигравшего процесс?

Куда существеннее было другое: Освальд убит, Руби в камере смертников, а что до остальных участников преступления, то те не заикнутся ни о чем, побоятся за свою шкуру. Между тем земля продолжает вертеться, и через несколько месяцев никто уже и не вспомнит ни Освальда, ни Руби, ни Белли...

Но режиссеры спектакля в Далласе просчитались. Успокоение не наступило. Напротив, возникали все новые вопросы, один острее другого. Они волновали людей, которые, в частности, спрашивали: «Что же получается? Кеннеди убит сумасшедшим человеком, а потом появляется другой сумасшедший и убивает сумасшедшего убийцу?! Не слишком ли много сумасшествия?»

Неправдивый доклад

28 сентября 1964 года весь тираж утреннего выпуска «Нью-Йорк таймс» разошелся с невиданной быстротой. «Опубликован доклад Уоррена!»,— кричали мальчишки-разносчики, едва успевая раздавать газету.

Этот номер «Нью-Йорк таймс» мало походил на газету: материалы расследования убийства президента Кеннеди, которым занималась специально назначенная президентом Джонсоном комиссия, занимали сорок восемь страниц. Еще шесть страниц были заполнены редакционными комментариями.

Интерес к докладу следственной комиссии был вполне понятен. После вызвавшего всеобщее разочарование процесса над Руби миллионы людей ждали честного ответа на вопрос: кто убийцы президента? Они ждали от комиссии Уоррена добросовестного анализа всех фактов, скрупулезной проверки всех слухов и сомнений, всех подозрений и намеков. «Главное преступление века», безусловно, требовало и заслуживало именно такого — предельно тщательного и глубокого — расследования.

Ровно девять месяцев потратила комиссия на выяснение обстоятельств убийства Кеннеди. Впервые семь ее членов собрались в холодный январский день в комнате № 105 дома Национального архива в Вашингтоне. Предварительно агенты «Сикрет сервис» удостоверились, что в этом большом помещении нет ни бомб замедленного действия, ни устройств для подслушивания. Председателем комиссии президент Джонсон назначил председателя Верховного суда Соединенных Штатов Америки Эрла Уоррена, которого считали солидным и неторопливым в решениях человеком, сторонником прогрессивных взглядов Кеннеди и его искренним приверженцем.

К сожалению, этого нельзя было сказать об остальных членах комиссии. Был среди них, например, Аллан Даллес, бывший начальник Центрального разведывательного управления (ЦРУ), главной шпионской организации США. За несколько месяцев до своей смерти Кеннеди был вынужден отстранить Даллеса от этой должности, ибо тот явно и тайно противодействовал политическому курсу правительства.

Другой член комиссии, крупный банкир Джон Макклой, не только состоял в родстве с бывшим боннским канцлером Аденауэром, но и был одним из организаторов раскола Германии. «Лучше пол-Германии целиком, чем вся Германия наполовину»,— любил повторять этот представитель крупного бизнеса.

Наконец, в состав комиссии входили сенаторы Рассел и Купер, а также конгрессмены Боггс и Форд. Рассел и Боггс,

выходцы из южных штатов, слыли фанатическими противниками идеи расового равноправия.

В день, когда комиссия приступила к своей работе, ФБР передало ей пять синих папок, скрепленных белыми спиралями. То был отчет о событиях в Далласе. Три папки содержали сто тридцать пять страниц донесений и протоколов, в остальных были письма, документы, фотографии. На папках красовался гриф «Совершенно секретно», что, однако, никак не оправдывалось их содержанием. В отчете констатировалось:

1) Освальд действовал в одиночку. Он один стрелял в президента;

2) Руби, убийца Освальда, тоже действовал в одиночку. Освальд и Руби прежде не знали друг друга;

3) нет никаких доказательств существования заговора в США или за границей.

Прочитав отчет ФБР, Эрл Уоррен заявил журналистам:

— Весьма неполно и малоубедительно. Мы все еще бродим в потемках.

Это было в январе. Четыре недели спустя, в феврале, Уоррен вновь принял журналистов. На их вопрос, когда будет опубликован доклад возглавляемой им комиссии и страна узнает всю правду, верховный федеральный судья ответил:

— Такой день наступит, но, возможно, вы не доживете до него. Сейчас я не имею в виду ничего определенного, но могут всплыть подробности, касающиеся национальной безопасности. Материалы о них, разумеется, будут сохранены, но не опубликованы.

В тот же день в Далласе у прокурора Уэйда спросили, есть ли основания полагать, что Освальд был агентом ФБР. Уэйд заявил примерно то же, что и Уоррен:

— Быть может, и есть, но не думаю, что соответствующие данные когда-либо будут опубликованы.

Ответы Уоррена и Уэйда вызвали исключительно бурный резонанс. Комиссию Уоррена завалили грудами писем протеста. Из-за границы спрашивали: почему Уоррен не хочет назвать убийц Кеннеди? В редакции газет посыпались возмущенные заявления американских граждан. Издатель журнала «Майнорити оф уан» известный журналист Арсони опубликовал в «Нью-Йорк таймс» письмо, в котором говорилось: «Возможен лишь один вариант, при котором разглашение инфор-

мации способно причинить вред государству,— это если убийство совершено по инициативе людей настолько могущественных, что самая попытка их разоблачения может поставить под угрозу политическую безопасность нашей страны».

Адвокат Марк Лейн обратился с открытым письмом к судье Уоррену, предложив комиссии ознакомиться с результатами его расследования. «ФБР,— писал он,— надеется, что выводы комиссии Уоррена совпадут с его собственными. Но если комиссия Уоррена придет к совершенно иным выводам... то доверие народа к ФБР будет подорвано в такой степени, что эта организация в нынешнем своем виде станет почти бесполезной».

Тем временем комиссия, наглухо отгородившись от внешнего мира, продолжала заседать. Заслушивались показания сотен свидетелей. Одна только Марина Освальд просидела пять дней подряд перед столом судьи Эрла Уоррена. Комиссия вызвала даже Марка Лейна. Одной из последних была заслушана Жаклин Кеннеди, вдова покойного президента. Как только кто-нибудь из свидетелей выходил из комнаты, где заседала комиссия, на него тотчас же набрасывалась свора репортеров и кинооператоров. Но в ответ на все вопросы свидетели, словно сговорившись, заявляли: «Нам не удалось показать чего-либо сверх того, что уже известно». Создавалось впечатление, что им попросту приказали давать этот стереотипный ответ.

Наконец настало 27 сентября 1964 года. В этот день Эрл Уоррен, словно забыв свое февральское заявление, неожиданно сообщил представителям прессы, что доклад комиссии может быть предан гласности. Американцы были изумлены: неужто волна протестов возымела свое действие? Неужто в США нашлись смелые люди, готовые назвать истинных виновников преступления, невзирая на их имя и положение? Все приготовились к сенсации.

На следующее утро разносчики газет заработали столько денег, как, пожалуй, никогда прежде: экземпляры «Нью-Йорк таймс» расхватывались с поистине космической скоростью. Каждому хотелось поскорее узнать правду.

Но всех постигло огромнейшее разочарование. Как писала одна газета, доклад Уоррена оказался «документом, вызывающим недоумение и лишенным всякой доказательной силы».

Вот основные его положения:

«Пули, убившие президента Кеннеди и ранившие губернатора Коннэли, были выпущены Ли Харви Освальдом».

«Стрельба велась из окна, расположенного на шестом этаже юго-восточного угла здания «Тэксас паблик скул бук депозитори».

«Комиссия пришла к выводу, что Освальд действовал в одиночку».

«Комиссия не нашла доказательств того, что Ли Харви Освальд или Джек Руби участвовали в каком-либо отечественном или иностранном заговоре, организованном с целью убийства президента Кеннеди».

«Комиссия не нашла доказательств участия в заговоре, или намерения совершить государственный переворот, или измены правительству со стороны кого-либо из чиновников штатов, федерального правительства или местных инстанций».

Все это полностью совпадало с результатами «следствия» полиции Далласа и ФБР. Не меняли дела и некоторые критические замечания, высказанные комиссией по адресу далласской полиции и «Сикрет сервис». «Секретная служба и полиция Далласа,— отмечалось в докладе,— не приняли всех необходимых мер по обеспечению безопасности президента». Они были повинны «в неправильном поведении и небрежности». В заключительной части доклада комиссия требовала усиления охраны президента Соединенных Штатов Америки.

«Неправильное поведение и небрежность»? Но тогда почему комиссия пришла к тем же выводам, что и критикуемые ею органы? Даже «Нью-Йорк таймс», изложившая свои комментарии на шести полосах, и та не могла не упрекнуть Уоррена. «Выводы комиссии,— писала газета,— представляются не вполне удовлетворительными. Комиссия не ответила на решающий вопрос: кто убийца и кто стоял за его спиной?»

Но разве могла комиссия ответить на этот вопрос? Ведь тогда ей пришлось бы вскрыть социальную подоплёку всей этой печальной истории и тем самым вызвать скандал, политические потрясения и полный кризис доверия к элите.

Да к этому времени американцы и так уже знали, почему именно в Техасе, именно в Далласе был убит Джон Фицджеральд Кеннеди.

Незадолго до убийства президента в Техасе побывал западногерманский писатель Ганс Хабе. Впоследствии он писал,

что там ему день и ночь приходилось слышать «песни ненависти, клевету и ложь»: «Этой ложью мне прожужжали все уши... О Кеннеди говорили как о дьяволе, как о «неамериканском американце», как о предателе родины».

После выстрелов в Далласе одна из руководительниц негритянских женщин, Хуанита Джэксон, заявила, что это убийство вызвано атмосферой «ненависти, поразившей Юг Америки, точно проказа...» И далее: «Убийство четырех негритянских детей в одной из церквей Бирмингэма было мрачным предвестником трагедии 22 ноября 1963 года».

И действительно, надо ли удивляться, что люди, способные бросать бомбы в детей, да к тому же еще и в церкви, не остановились перед убийством «президента-дьявола»?

Д-р Герберт Аптекер, известный американский исследователь истории негров, писал в журнале «Политикэл афферс»: «...священник Уильям Холмс открыто заявил, что школьники города Далласа встретили это страшное известие аплодисментами. Полиции пришлось взять этого священника под свою защиту, ибо немного спустя ему позвонили и пригрозили смертью за то, что он осмелился сказать правду. Мисс Джоанна Морган, далласская учительница, наблюдала ту же картину в младших классах школы «Лейк Хайлендс». Учителя других школ Техаса рассказывали, что их питомцы ликовали».

Прокурор города Нэшвилла Ричард Эли заявил на открытом собрании негрофобской организации «Совет белых граждан», что президент Кеннеди умер «смертью тирана». Он почти в точности повторил слова фанатика-расиста Бута, застрелившего в апреле 1865 года президента Линкольна. К слову сказать, уже тогда, сто лет тому назад, убийца Бут был объявлен «умственно неполноценным».

Американцы по-своему отвечали на вопросы, которые комиссия Уоррена оставила открытыми. По меткому определению одной газеты, выстрелы в Далласе были «громовыми ударами справа». Именно так расценил их народ. Ученый Виктор Перло писал: «Политическое убийство — тревожное предостережение. Ультраправая опасность нарастает, и с ней необходимо бороться».

Эти слова прозвучали вполне актуально. Правые только о том и мечтали, чтобы после смерти Кеннеди в Вашингтон въехал человек, «верный принципам Старой Америки».

Своим кандидатом, словно по мерке подогнанным под «высокие идеалы» Хуана Ачалы, героя романа Ханта, они избрали сенатора Барри Голдуотера из штата Аризона. Но американские избиратели сорвали эти планы. В ноябре 1964 года они подавляющим большинством забаллотировали сенатора-расиста.

Шум вокруг гибели Кеннеди улегся. Печать, радио и телевидение избегают напоминаний о трагическом событии, разыгравшемся в Далласе в ноябре 1963 года. Лишь изредка в той или иной газете промелькнет небольшая заметка, связанная с нашумевшим убийством на диком Западе. Но пишут все больше о пустяках. Вот, например, одно из таких сообщений:

«В знаменитом лондонском музее восковых фигур мадам Тюсо с недавних пор рядом с изображениями прославленных и скандально знаменитых людей стоит восковая статуя Ли Харви Освальда. Работники музея снабдили эту фигуру надписью: «Убийца президента Кеннеди».

Но не окажется ли восковой Освальд всего лишь «гастролером» в залах госпожи Тюсо? Об этом корреспондент умолчал.

Другое сообщение было посвящено новостям из Далласа. Городскому музею удалось приобрести новый ценный экспонат — кинокамеру Абрахама Запрудера, ту самую камеру, которая запечатлела на пленку пять роковых секунд, когда был убит тридцать пятый президент США, камеру, сделавшую Абрахама Запрудера богачом.

●

СОДЕРЖАНИЕ

К. РЮКМАН

СЕНСАЦИЯ: УБИЙСТВО!

Художник Ю. Красный
Художественный редактор Л. Шканов
Технический редактор Ф. Джатиева
Корректор Н. Федоренко

Сдано в производство 6/VII 1965 г.
Подписано к печати 12/X 1965 г.
Бумага 60 × 84[1]/16 = 11 бум. л.
20,46 печ. л.,
Уч.-изд. л. 19,36. Изд. № 7/4908
Цена 90 коп. Зак. 3363
Б. з. № 8. Пор. № 128

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва, Зубовский бульвар, 21

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата
Москва, Краснопролетарская, 16

В первом квартале 1966 года

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРОГРЕСС»

выходит в свет в русском переводе

книга известного шведского историка-марксиста

Кнута Бекстрёма

«История рабочего движения в Швеции, 1902—1917 гг.»

Настоящая работа является продолжением изданной в 1961 г. в русском переводе его книги под одноименным названием. Эта вторая часть его труда представляет собой вполне самостоятельное исследование, посвященное шведскому рабочему движению 1902—1917 гг.

В книге на большом фактическом материале показаны количественные и качественные изменения в промышленности и в рабочем классе на рубеже XIX и XX вв., подробно освещены политические выступления шведского пролетариата в начале XX в., показаны влияние русской революции 1905—1907 гг. на революционное движение в Швеции и солидарность шведских рабочих с рабочим классом России. Особый интерес представляют главы книги, посвященные наименее изученному периоду — годам реакции и разброда, последовавшим за разгромом массовой стачки 1908 г., борьбе левых сил против реформизма и ревизионизма в шведском рабочем движении, подготовке масс к новым классовым боям. В последних главах книги описывается состояние рабочего движения в Швеции в годы первой мировой войны, отмечается рост революционных настроений среди шведских рабочих к весне 1917 г., вызванный Февральской революцией в России.

Книга рассчитана не только на историков, но и на всех тех, кто интересуется историей рабочего движения в Скандинавских странах.

Во втором квартале 1966 года

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРОГРЕСС»

выходит в свет в русском переводе

книга известного французского историка-марксиста

Альбера Собуля

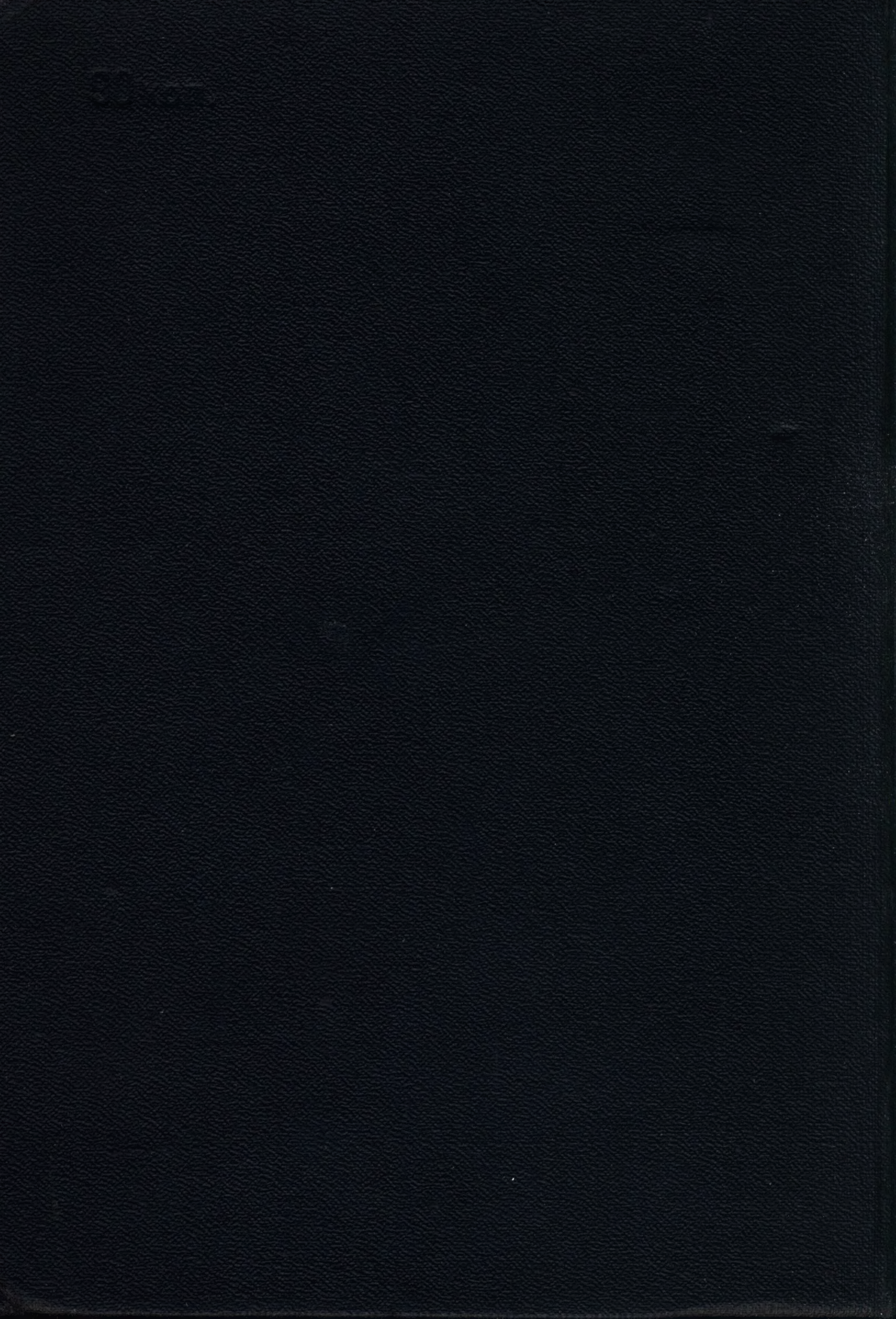
«Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры».

Эта книга представляет собой сокращенный перевод его капитального труда, посвященного исследованию одной из наиболее важных и наименее изученных проблем истории Французской буржуазной революции 1789—1794 гг.— проблеме движения народных масс в период якобинской диктатуры.

Этот труд Собуля является самым интересным и значительным из научных исследований по истории французской революции XVIII века, появившихся за последние 30 лет в мировой литературе.

Книга эта весьма ценна не только новым архивным документальным материалом, на котором она основана, но и главным образом тем, что в ней автор впервые в зарубежной исторической литературе дает марксистское исследование конкретных исторических вопросов якобинской диктатуры.

Книга предназначена для широких кругов советской интеллигенции, интересующейся историей.



КУРТ РЮКМАН ▪ СЕНСАЦИЯ: УБИЙСТВО!